

Институт русского языка имени В.В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В.В. Виноградова**

I

МОСКВА

2014

Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1
— М., 2014. — 456 с.

ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А.А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М.Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В.А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Чермак Вацлав, доктор филологии (Прага, Чехия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

А.Д. Шмелев, д. филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Редактор выпуска И.В. Нечаева, к. филол. наук (Москва, Россия).
Е.В. Бешенкова, к. филол. наук (Москва, Россия);
Р.И. Розина, д. филол. наук (Москва, Россия);
А.Э. Цумарев, к. филол. наук (Москва, Россия);
Е.Я. Шмелева, к. филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 2 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

ISSN 2311-150X

© Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2014
© Авторы, 2014

Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute

I

MOSCOW

2014

The Journal is founded in 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D. (Prague, Czech Republic);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Tore Nasset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);

Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Alexei D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Managing Editor Iia V. Nechaeva, PhD (Moscow, Russia);

Elena V. Beshenkova, Ph.D. (Moscow, Russia);

Raisa I. Rozina, D.Sc. (Moscow, Russia);

Alexei E. Tzumarev, Ph.D. (Moscow, Russia);

Elena Ya. Shmeleva, Ph.D. (Moscow, Russia).

Half-yearly journal

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute, 2014

© by Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Язык. Культура. Общество

† В.М. Живов (Москва).

Лингвистический капитал и его трансформации
в истории русского языка последнего столетия 13

А.Д. Шмелев (Москва).

Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? 36

Норма и вариативность в орфографии и грамматике

Е.В. Бешенкова, О.Е. Иванова (Москва).

Проблемы нормы и кодификации правописания
сложных существительных 119

Г.И. Кустова (Москва).

Заметки о рефлексивных значениях 199

Е.М. Лазуткина (Москва).

Вариативность в системе грамматических норм
современного русского литературного языка 223

Проблемы лексикографии

Е.В. Бешенкова, О.Е. Иванова (Москва).

Лексикографическое описание орфографического
оформления сочетаний единиц на -о, -е с последующим
прилагательным или частью сложного прилагательного
(активно действующее вещество и сильнодействующее
вещество) 329

Л.П. Крысин (Москва).

Повседневная русская речь в ее отношении
к литературной норме (лексикографический аспект) 358

А.Э. Цумарев (Москва).

«Словарь русского языка» под редакцией Я.К. Грога
и вопросы описания специальной лексики
в толковых словарях 388

С.Д. Шелов (Москва).

Вопросы толкования специальной лексики
в толковых словарях (из истории теории
и практики отечественной лексикографии) 434

CONTENTS

Language. Culture. Society

<i>† V.M. Zhivov (Moscow).</i>	
Linguistic Capital and Its Transformation in the History of Russian in the Twentieth Century.....	13
<i>A.D. Shmelev (Moscow).</i>	
Language and Culture: Do They Have Points of Interaction?	36

Linguistic Standards and Variability in Orthography and Grammar

<i>E.V. Beshenkova, O.E. Ivanova (Moscow).</i>	
The Problems of Norm and Spelling Codification of Compound Nouns	119
<i>G.I. Kustova (Moscow).</i>	
Notes on «Reflexive» Meanings	199
<i>E.M. Lazutkina (Moscow).</i>	
Variantness in the System of Grammar Norms in Modern Russian Literary Language	223

Problems of Lexicography

<i>E.V. Beshenkova, O.E. Ivanova (Moscow).</i>	
Orthography of “Adverb + Ajective” Combinations; Representation in Dictionary	329
<i>L.P. Krysin (Moscow).</i>	
Russian Everyday Speech in Its Relation to Standard Russian	358
<i>A.E. Tsumarev (Moscow).</i>	
“Dictionary of the Russian Language” edited by Academician Ya. Grot and Problems of Lexicographic Presentation of Special Vocabulary in Explanatory Dictionaries	388
<i>S.D. Shelov (Moscow).</i>	
Terminological and Professional Words in An Explanatory Dictionary: Problems of Interpretation and Definition	434

Язык. Культура. Общество.
Language. Culture. Society

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

Языковой стандарт — важнейшая социокультурная институция меритократического общества. Степень владения языковым стандартом соотносится со статусом индивида в социальной иерархии, он представляет собой в терминологии Пьера Бурдьё лингвистический капитал.

Лингвистическая динамика в эпоху революций лучше всего описывается как трансформация лингвистического капитала. Старый лингвистический капитал дискредитируется как элемент старой ниспровергаемой революцией культуры и тем самым как необходимый объект культурной революции. Культурная революция в России в 1910–1920 гг. есть и лингвистическая революция.

Характерные черты революционного языка — изобилие заимствований, калек, абстрактной лексики, аббревиатур, канцеляризмов и архаизмов, вульгарной лексики, элементов блатного жаргона и диалектных слов — воплощают отталкивание от традиционного языкового стандарта, отрицание старого лингвистического капитала.

Период конца 1980-х — 1990-х годов представляет собой эпоху новой дискредитации старого (на этот раз советского) символического и лингвистического капитала. Заметны сходства с языком революционной эпохи 1910–1920-х годов. Хотя культурно-языковая ситуация в период советского застоя была мало похожа на ту, которая имела место в императорской России накануне революции, способы дискредитации лингвистического оказываются сходными.

Динамика языкового стандарта в России XX — начала XXI вв. отмечена революционными сдвигами, и эти сдвиги могут быть описаны как дискредитация лингвистического капитала предшествующей эпохи в результате культурной революции и последующая реставрация дискредитированного лингвистического капитала (в переосмысленном и измененном виде).

Характерно, что русская революция обладает языковым компо-

нением, а в этот компонент входит усиленное использование «западных» заимствований. Это свидетельствует о связи революционных лингвистических процессов с оппозицией России и Запада, что оказывается присуще и процессам реставрационным, в которых присутствует пуристическая составляющая.

Ключевые слова: лингвистический капитал, культурная революция, языковой стандарт, динамика языкового стандарта, язык революционной эпохи.

Для того чтобы понять, что происходит с языком в эпохи исторических катаклизмов, нужно рассмотреть его не как абстрактную систему (которую обычно и изучают лингвисты), но, скорее, как социальный инструмент. Социальное функционирование языка в Новое время обуславливает разделение его элементов (фонетических, морфологических, синтаксических и лексических) на стандартные и субстандартные. Языковой стандарт — это важнейшая социокультурная институция меритократического общества, наряду с другими культурными институциями позволяющая воспроизводить отношения социального доминирования. Степень владения языковым стандартом соотносится со статусом индивида в социальной иерархии, так что владение языковым стандартом оказывается одной из важнейших составляющих того, что Пьер Бурдьё называет символическим капиталом. Языковой стандарт как часть символического капитала можно вслед за Бурдьё называть лингвистическим капиталом [Бурдьё 1991]. Француз, не умеющий правильно построить фразу или сохраняющий диалектные черты в своем произношении, практически лишен возможности подняться на верхи социальной лестницы, какую бы сферу деятельности он себе ни избрал — политику, бизнес, культуру.

Социальные механизмы современного общества (общества Нового времени) обеспечивают воспроизводство символического капитала, вернее, воспроизводство тех понятий, в которых конструируется символический капитал. Ценность стандартного (литературного) языка оказывается общепринятой, т.е. принятой всеми, кто «идет в счет», всеми игроками на рынке символических ценностей, вне зависимости от того, находятся ли они в доминирующей или в подчиненной позиции. Скажем, во французском нормативном

(стандартным) является увулярное (картавое) [r]. Эта норма навязывается обществу через механизмы культурного доминирования (прежде всего через образование и связанное с ним понятие образованности как необходимого условия социального успеха), признается обществом и служит одним из критериев для оценки символического веса говорящего и для принуждения к подчинению тех, кто правильным произношением не овладел, но тем не менее признает его символическую ценность. Как отмечает Бурдьё, «это признание, исторгаемое неуволнимым для зрения и слуха насилием, выражается в определенных утверждениях, позволивших [Уильяму] Лавову установить, что носители языка, происходящие из разных классов и в силу этого по-разному артикулирующие фонему 'r', сходятся в оценке ее произношения» [Бурдьё 1991: 52].

Важнейшим механизмом утверждения ценности языкового стандарта является образование. Существенную часть и школьного, и высшего образования составляет обучение «правильному» языку в его устной и письменной форме. Чем длительнее и элитарнее образование, тем, как правило, в большей степени ученик овладевает навыками обработанной речи. Сама длительность образования соизмерима с его элитарностью: обычно оно тем элитарнее, чем длительнее (и поэтому дороже). Овладение языковым стандартом может быть при этом не только результатом образования, но и условием его продолжения. Те, кто недостаточно овладел стандартным языком, могут — через систему оценок, экзаменов, тестов и т.д. — не быть допущены к продолжению образования, т.е. лишиться возможности дальнейшего накопления символического (лингвистического) капитала и тем самым — дальнейшего социального продвижения. Языковой стандарт, таким образом, играет роль социального регулятора, поддерживающего сложившиеся в обществе структуры доминирования.

Языковой стандарт взаимообусловлен с другими артефактами меритократического общества, обеспечивающими все ту же структуру доминирования. Во-первых, языковой стандарт соотносится с корпусом классической литературы на данном языке, с сочинениями образцовых авторов. Из этих текстов берутся примеры для школьных упражнений, они служат эталоном стиля для школьных и студенческих сочинений, в соответствии с этим эталоном преподаватели исправляют писания своих учеников, прививая им норма-

тивные представления и навыки обращения с литературным языком. Таким образом, языковой стандарт функционирует в связке с каноном национальной литературы. Этот канон также представляет собой важный инструмент социального доминирования, индоктринирующий читающее общество и внушающий ему определенную систему ценностей, образцов правильного и неправильного поведения, категорий оценки и т. д.

Во-вторых, языковой стандарт обусловлен нормализаторской деятельностью специалистов по языку (филологов). Они издают нормативные грамматики (в том числе школьные грамматики, по которым обучаются «правильному» языку) и составляют нормативные словари (толковые, орфографические, орфоэпические). Их суждения, обычно достаточно консервативные, непосредственно сказываются на характере символического капитала, который приобретает при обучении стандартному языку. Они маркируют лингвистические элементы, определяя их отношение к стандарту (например, в качестве «неправильных», вульгарных, просторечных, диалектных, устаревших и т. д.). Тем самым они выступают в роли законодателей языка, и эта социальная функция легитимирует академический истеблишмент как необходимый элемент меритократического общества. Этот истеблишмент, нередко в противоречии с его самопредставлением, оказывается одним из институтов власти и принуждения.

С точки зрения системы языка признаки, дифференцирующие стандартное и субстандартное употребление, имеют, вообще говоря, случайный характер. Для французской фонологической системы в целом неважно, как реализуется фонема /г/ — в увулярном (картавом) варианте или в варианте альвеолярного дрожащего; это лишь фонетические детали. Поэтому традиционная структурная лингвистика, занятая изучением системы языка, по большей части игнорирует его реальное социальное функционирование. Ее инструменты приспособлены к анализу единого языка в отвлечении от его социально дифференцирующей роли, т. е. к анализу абстрактного конструкта, работающего и изменяющегося по своим абстрактным законам. При изучении истории языка этот подход создает существенные проблемы, поскольку язык меняется не в силу системных внутрилингвистических факторов (абстрактных «законов изменения»), а в результате взаимодействия различных социокультурных параметров его употре-

бления. Язык и в его функционировании, и в его исторических изменениях слишком непосредственно связан с социальной и культурной историей, чтобы от них можно было абстрагироваться. Эта связь выступает особенно рельефно в эпохи исторических катаклизмов, что и подводит нас к теме языка и революции.

* * *

То, что происходит во время революции или во всяком случае то, что может происходить во время революции, лучше всего описывается как трансформация лингвистического капитала, изменение его характера и содержания. Старый лингвистический капитал дискредитируется, он подается как элемент старой ниспровергаемой революцией культуры и тем самым как необходимый объект культурной революции. Культурная революция, по крайней мере, в России есть и лингвистическая революция. В данной работе я в основном останавливаюсь на изничтожении традиционного лингвистического капитала после революции 1917 г. и его реставрации (частичной) с конца 1920-х годов, однако эти процессы замечательны тем, что в русской истории они повторяются. Похожие явления можно наблюдать в культурной революции Петра Великого и той частичной реставрации, которая начинается с 1730-х годов (этот момент я затрону лишь вкратце), и в особенности в революции 1990-х годов (перестройка и первые послесоветские годы) и последующей реставрации, которую я бы назвал путинской.

Любопытным образом все русские лингвистические революции характеризуются интенсивным употреблением заимствований, можно сказать, наводнением языка заимствованиями, которые в определенной идеологической перспективе воспринимаются как его гибель и обуславливают пуристическую реакцию; она становится частью реставрации. Я, к сожалению, не имею возможности построить развернутую типологию лингвистических революций (это, как мне представляется, интересная и малоизученная проблематика), но, насколько можно судить по разрозненным данным, такие черты отнюдь не являются универсальными. Они, к примеру, отсутствуют в Великой Французской революции. У нее тоже был лингвистический компонент (например, переименование месяцев), но наводнение заимствованиями и последующий пуристический

откат во французском случае не просматриваются (сложнее, кажется, обстоит дело с революцией 1968 г., но на этом я здесь останавливаться не буду). Это указывает на определенную русскую специфику, на связь русских культурных революций с оппозицией России и Запада: революционеры ориентированы на Запад, реставраторы пытаются пристроить к реформированной революцией системе национальный компонент, реставрировать в том или ином виде патристическую составляющую лингвистического капитала.

Исследователи, занимавшиеся языком большевистской революции, отмечали в качестве характерных черт революционного языка изобилие заимствований, калек, абстрактной лексики, аббревиатур, канцеляризмов и архаизмов (славянизмов — типа *ибо*, *сугубо*, *всё* у Ленина), вульгарной лексики, элементов блатного жаргона и диалектных слов. Объяснения этому набору давались разные. Говорилось, скажем, что среди революционеров было много образованных людей, журналистов и политических эмигрантов, и с этим связывалось распространение заимствований и калек, говорилось о бывших семинаристах, и к этому привязывалось употребление славянизмов, или о революционных матросах, которых объявляли источником вульгаризмов и блатной лексики и т.д. [ср.: Селищев 2003: 68–69]. В.М. Жирмунский, например, полагал, что языку рабочих революционный дискурс обязан словами *спайка*, *увязка*, *зажим*, *звено* [Жирмунский 1936: 99; ср.: Грановская 2005: 207]. Понятно, что такие утверждения бездоказательны, поскольку мы имеем дело не с устной речью отдельных социальных групп, а в основном с печатными текстами, проходившими обычно профессиональное редактирование. Речь должна идти не о языковых навыках тех или иных носителей языка, а об установках революционеров — реформаторов языка, задававших тон в революционной прессе.

Главным в этих установках было отталкивание от традиционного языкового стандарта, отрицание старого лингвистического капитала. Именно это объединяло в один конгломерат все те разнообразные явления, которыми характеризуется язык революционной эпохи. И заимствования, и вульгаризмы, и архаизмы, и аббревиатуры — это то, чего чуждался традиционный языковой стандарт. Именно этих элементов учили избегать в образованной речи (устной и письменной). Их употребление было несовместимо с карьерой успешного политического или общественного деятеля (не мар-

гинального), с карьерой адвоката, журналиста, священнослужителя. После революции положение радикально меняется. Новая большевистская элита противопоставляла себя элите старой, ее языковое поведение было отрицанием старых норм и вместе с тем введением норм новых. Большевистскую карьеру нужно было делать, пользуясь большевистским языком со всем тем набором языковых элементов, которые не могли не быть отвратительны человеку старой культуры.

Пожалуй, наиболее отчетливо это смена лингвистического модуля заметна в употреблении вульгарной, арготической и обценной лексики. Легализация этих элементов с наибольшей выразительностью свидетельствовала о дискредитации старого языкового стандарта и всех стоящих за ним институций — традиционного образования, «хорошего» (буржуазного или аристократического) воспитания, регламентации бытового поведения и речевых манер. Большевистская «грубость» (Сталин на XIV съезде партии говорил о себе: «Человек я прямой и грубый» [Селищев 2004: 107]) выступает как отрицание «вежливости» старого режима, и грубая речь является важной частью этого отрицания.

В статье Н. Марковского «За культуру комсомольского языка», появившейся в журнале «Молодой большевик» за 1926 г., приводится фраза из «неправильного» комсомольского языка, наполненная жаргонными элементами («Я надел клифт и колеса и пошел на малину к корешку»). С таким языком он и призывает бороться и при этом замечает: «Когда же товарищей, говорящих на таком лексиконе, упрекали, так те прямо-таки взъерепенились. “Дескать, как это так, нас заставляют говорить на языке ‘интеллигентном’, ничего общего не имеющем вот с нашим комсомольским языком”» [Селищев 2003: 118–119]. Хотя сам автор выступает против такого употребления и заявляет, что «не нужно бояться образованности, не нужно бояться интеллигентности» [Там же], это уже первые голоса реставрации, в первые послереволюционные годы вульгарные выражения были свойственны большевистской речи в целом, активно использовались в публицистике и проникали в новую советскую литературу (в сочинения Ф. Панферова, Всеволода Иванова, Ф. Гладкова — [Грановская 2005: 205]).

Весьма показательно сообщение советского дипломата Г.З. Беседовского о языковых навыках большевистских правителей: «Об-

суждение государственных вопросов в Политбюро и Совнаркомх редко когда не сопровождается непечатными словами» [Беседовский 1931: 213]; ср.: [Грановская 2005: 413]. Очевидно, для большинства членов этих институций употребление обценных выражений было не естественным языковым навыком (они все же были по происхождению «интеллигентами»), а знаком их принадлежности к правящей элите. Впрочем, Беседовский пишет о второй половине 1920-х годов, и он отмечает, что в это время соблюдалась «строгая партийная иерархия: при Сталине позволяют себе материться теперь только Рыков да Ворошилов, остальные же почтительно сдерживаются и распускают языки тогда, когда за Сталиным закрывается дверь» [Там же]. Конечно, это специфическая черта сталинской реставрации, когда языковая благопристойность вновь становится социальной нормой, нарушать которую позволяет лишь старшему в данном социуме. В силу этого нарушение языкового этикета делается признаком социального главенства, и в этом качестве обценная лексика переживает смену языковых парадигм. Еще фельетонист Г. Рыклин в 1940 г., в период торжествующей реставрации, писал: «А еще бывают люди, которые мнят себя высокими интеллигентами. Они ответственные работники и полагают, что трехэтажность в речи [имеется в виду интенсивное употребление бранной лексики — В.Ж.] — признак крепкого руководителя*». Я еще застал этот узус — начальственную матерщину как признак власти. Так продолжалось до конца советского режима, хотя непосредственно после революции 1917 г. функциональные отношения были иными: коллективное использование обценной лексики большевистской элитой как ниспровержение старых «буржуазных» норм.

В эту же парадигму укладывается и употребление заимствований. А.М. Селищев объясняет их распространение «происхождением» революционеров: «Как интеллигенты, революционные деятели при обсуждении тех или иных вопросов общественно-политической жизни вводят в речь много терминов, имевших до того времени ограниченный круг своего распространения, вращавшихся в среде книжной, философской, в среде политико-экономистов и социологов. Среди этих терминов большое количество приходится на заимствованные слова» [Селищев 2003: 69]. Селищев приводит

* Г. Рыклин. Улыбка. «Правда» от 3 апреля 1940 г. [см.: Фесенко 1955: 83].

многочисленные примеры (*авуалированный, ажиотаж, альянс, бургфриден, гарант, гегемон* и т. д.); не все они похожи на «термины» из интеллигентского обихода (например, *ажитаж*), и это указывает на недостаточность предлагаемого автором объяснения.

Селищев упоминает весьма значимое явление в употреблении иностранных слов, а именно внутритекстовые глоссы, дающие русские соответствия заимствованным элементам, например: *нелюкальные, неместные советы* (Ленин), *гегемон (руководитель) всей демократии* (Зиновьев), *эта модификация, это изменение тактики* («Правда»), *превентивная (предупредительная) война* («Известия») и т. п. [Селищев 2003: 71]. Глоссы показывают, что заимствования являются коммуникативно избыточными, без них можно было бы спокойно обойтись. Это означает, что заимствования выполняют не прагматическую, а символическую функцию. Точно такое же употребление заимствований было характерно и для эпохи Петра Великого, еще одного периода культурной революции в русской истории.

Например, у Феофана Прокоповича в «Правде воли монаршей» мы находим: *презерватива, или предохранительное врачество, резоны или доводы, экземпли или примкеры* и т. д. [ПСЗ, VII, № 4870, 606, 607, 634]; это характерная черта той «гражданской» литературы, которую насаждал Петр. Особенно многочисленны подобные глоссы в законодательных памятниках Петровской эпохи, и это может быть поставлено в прямую связь с тем, что данные памятники играют роль не только юридического документа, но и в неменьшей степени дидактического сочинения [ср.: Морозов 1880: 254–255]. Употребление глосс в памятниках петровского законодательства выполняет ту же дидактическую функцию, что и эти памятники в целом. Заимствование и глосса к нему как бы воплощают столкновение старого и нового государственного порядка и служат руководством к правильному гражданскому поведению. Приведу примеры из «Генерального Регламента или Устава» 1720 г. [ПСЗ, VI, № 3534, 141–160]: *вместо Генеральной инструкции (наказа), дирекцию (или управление), о ваканциях (или упалых местах), реляции (отписки), квитанцию (или роспискам) книгу иметь, генеральные формуляры (образцовыя письма), акциденции или доходы, о ландкартах или чертежах Государевых, рапорт (или доношение)* и т. д. Показательно, что к «Генеральному Регламенту» приложено «Толкова-

ние иностранных речей”, которое выступает в качестве своего рода инструкции по речевому поведению для нового государственного человека.

Внутритекстовые глоссы свидетельствуют о процессе переименования, при котором старые вещи получают новые имена [ср.: Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 289–290]. Культурная значимость такого процесса очевидна: строительство новой культуры отражается здесь как целенаправленная мифотворческая деятельность, символически расправляющаяся со старым и столь же символически насаждающая новое. Символически осуществляется отказ от национальной традиции, разрыв с национальным прошлым, которое рассматривается при этом как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка [см. подробнее: Живов 1996: 145–150]. Я.К. Грот в свое время писал: «Патриотическое стремление писателей к очищению своего языка от пестрой иноземной примеси может также составить факт в движении общественного сознания, и при том факт, достойный полного внимания истории» [Грот 1873: 22]; именно этому старорежимному отношению к заимствованиям противостоял новый узус. Изобилие заимствований в революционном языке оказывается, таким образом, манифестацией антирусской политики большевиков в 1910–1920-е годы.

Вместе с тем, как и в Петровскую эпоху, употребление заимствований, порою бессмысленное (лишавшее текст смысла), оказывалось знаком новой лояльности, способом идентификации с новым режимом и в силу этого средством социального продвижения. Мы располагаем некоторым количеством примеров такого употребления. Например, В.З. Овсянников в 1933 г. писал: «Сплошь да рядом можно услышать на наших собраниях: “Докладчик говорил с *экспромтом*. Секретаря *аннулировали*. Он тут разводил *метафизику*, что план не реален”» [Овсянников 1933: 7]; см. [Грановская 2005: 201]. Приведу еще выдержку из протокола одного собрания, напечатанного в «Известиях» за 1925 г.: «Мы молодежь, принимая во внимание, все эти серьезные тенденции и проекты, хоть минимум, но направлены стремиться серьезно обдумывая к сему интенсивно преодолевая старые, закоренелые виды, должны идти принципиально вперед, пробуждаясь от вечной спячки и апатичности...» [Селищев 2003: 95]. Неслучайно списки иностранных слов стали прилагаться к календарям для рабочих и крестьян (например, «Спут-

ник рабочего», М., 1925; «Крестьянский календарь», Свердловск, 1925 — [Грановская 2005: 201]) — это были руководства к правильному языковому поведению. Именно этот искореженный дискурс нового мира служит основой для лингвистических экспериментов Андрея Платонова (например, в «Котловане») и конструирования сказа у Михаила Зощенко.

* * *

К началу 1930-х годов ситуация существенно меняется. Происходит консолидация новой партийной элиты, «нового класса» в терминологии Милована Джиласа. Этот класс, закрепляя свои позиции, конструировал для себя новый символический капитал, и этот капитал в силу самой своей природы должен был основываться на традиции, такой традиции, которая могла бы передаваться и навязываться с помощью воспитания, обучения и прочих механизмов социальной трансляции и социального контроля. В сталинские школы возвращается и русская история, и русская классика, и ориентированный на эту классику языковой стандарт. Под сенью сталинской схоластической формулы культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию» национальная традиция оказывается востребованной новой советской элитой, и русский патриотизм становится частью нового имперского дискурса. Пушкинский юбилей 1937 г. был грандиозной манифестацией этого идеологического синтеза; Пушкин выступал в нем и как творец русского литературного языка. Национальный лингвистический капитал, в революционную эпоху под напором идей радикального интернационализма и мировой революции получивший негативные коннотации, теперь восстанавливает свои права.

Эта реставрация не означает, конечно, полной регенерации старого языкового стандарта. Новый языковой стандарт представляет собой определенный синтез традиционного употребления и «языка революционной эпохи». Синтез состоял в том, что «эксцессы» революционного языка были устранены, в то время как дореволюционный стандарт подвергся идеологической переработке, приводившей его в соответствие с требованиями тоталитарного режима.

Что касается эксцессов, они, понятно, не поддаются четкому определению. Под эксцессами я имею в виду то, что ушло, и это, ко-

нечно, циркулярная дефиниция. Устранялось, надо полагать, то, что стало восприниматься как несовместимое с конфигурацией патриотического и апеллирующего к истории языкового капитала. Устранению подверглась некоторая часть заимствованных элементов, такие, например, как *авуалированный*, *бургфриден*, *лаборизация*, *шефирование*. Понизилась интенсивность употребления аббревиатур. Уже в 1928 г. Селищев отмечал: «В последние 2 года заметно охлаждение к этим сокращениям. Приходится часто отмечать в речи коммунистических и советских деятелей употребление полных терминов вместо кратких или наряду с ними» [Селищев 2003: 200]. Похожей была судьба вульгаризмов, жаргонных элементов и диалектизмов. Они по большей части подверглись устранению из нового языкового стандарта, исчезнув без следа или (чаще) будучи вытеснены на периферию речевой практики как субстандартные языковые элементы. В написанных во второй половине 1930-х годов «Очерках по русскому языку современной эпохи» Селищев говорит: «[В] последние годы эти слова, как и другие, близкие к “блату”, почти совсем вышли из употребления» [Там же: 307]. В языке, как и в других сферах культуры, воцаряется специфическая советская благопристойность.

Вместе с тем довольно многое от революционной эпохи остается, перестав осознаваться как черта большевистского жаргона. Так, оказались ассимилированными многие заимствования. Скажем, *ориентироваться на*, отмечаемое Селищевым как инновация [Там же: 74], уже в 1930-е годы воспринимается как нейтральное выражение. Кальки типа *в общем и целом*, *целиком и полностью* не ассоциируются больше с их немецкими оригиналами. Такие примеры многочисленны.

Интереснее, как преобразовался дореволюционный языковой стандарт в процессе его реставрации. В него не только были внедрены некоторые революционные новообразования, но дореволюционное наследие подверглось в нем систематической редукции, прежде всего на содержательном уровне. Характер этой редукции хорошо виден при анализе состава и дефиниций Словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, важнейшего памятника сталинской реставрации. Как пишет Н.А. Купина в монографии «Тоталитарный язык», в которой подробно исследуется ушаковский словарь, «Материалы Словаря под редакцией Д.Н. Ушакова обнаруживают

прямое давление идеологии на лексическую семантику, экспансию значений мировоззренческого типа, <...> искусственный примат сигнификативной функции, квалифицирующей язык как “фиксатор” идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата» [Купина 1995: 7].

Составителями словаря были крупнейшие русские языковеды 1930-х годов: Д.Н. Ушаков, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Г.О. Винокур и другие, знатоки и ценители старого русского литературного языка. Однако общие установки Словаря зависели не от них, а от его заказчиков; составители выполняли социальный заказ и руководствовались вполне четко сформулированным заданием. Словарь, как заявляли составители в предисловии к нему, был нормативным, а нормы, которые он устанавливал, были советскими. Хотя составители декларировали, что «основная масса в нем — слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького» [Ушаков, I, с. IX], не менее важным источником были произведения Ленина, Сталина и других большевистских вождей, причем именно эти источники использовались при разъяснении идеологически важных слов. Там, где составители не справлялись с поставленным перед ними идеологическим заданием, редакторы-цензоры их поправляли.

Остатки этой работы различимы в тексте словаря. Так, например, к слову *богиня* дается определение «*Женск. к бог (во 2 и 3 знач.)*» [Ушаков, I, стб.161], однако у слова *бог* никакого 2 и 3 значения нет; выделяется лишь одно значение со следующим толкованием: «По религиозным верованиям — верховное существо, стоящее будто бы над миром и управляющее им» [Там же, стб.159]; далее следует цитата из Ленина о том, что идея бога усыпляет «классовую борьбу». Очевидно, в первоначальном варианте 2 и 3 значения обращались к языческим божествам и к людям, совершенство которых выражалось наименованием *бог**; редактор предпочел этим тонкостям краткую антирелигиозную декларацию.

В принципе сфера религиозной лексики позволяет ясно увидеть, какие манипуляции производит ушаковский Словарь с семантикой

* Ср., например, определение значений слова Бог в Словаре под ред. Я.К. Грота: (1) Единое предвечное и всемогущее Существо, Творец и Вседержитель мира, истинный Бог; (2) Языческий бог; вообще: воображаемое совершеннейшее существо; (3) Изображение языческого бога, кумир, истукан; (4) Поэтическое вдохновение; (5) Вообще олицетворение чего-либо святого и совершенного [Грот 1895, стб. 226–227].

старого литературного языка и как эти манипуляции делают этот справочник инструментом создания советского тоталитарного дискурса. Например, по словам Купиной, «религиозные начала отрываются от нравственных», так что *грех* определяется как «у верующих — нарушение религиозно-нравственных предписаний», а *греховный* характеризуется как устаревшее [Купина 1995: 29]. Религиозная лексика снабжается пометами церк., устар., т. наз., ср. «Пасха, Христианский праздник, посвященный т. наз. воскресению Христа». Купина отмечает: «Религия и все, что с ней связано, практически вытесняется из духовного мира советского человека <...> Соответствующий концепт примитивизируется: из него выхолащиваются категориальные семантические компоненты» [Там же: 30].

Такие же манипуляции характерны и для других лексических областей: политической, исторической, философской, этической, эстетической. Показательны, например, пометы к прилагательному *синодальный* «офиц. устар.» [Ушаков, IV, стб.187] — притом что Синод Русской православной церкви, по крайней мере *de jure*, продолжал существовать. «Устаревшее» означало не вышедшее из употребления, а подлежащее устранению как относящееся к предосудительной тематике или используемое «несоветскими» людьми.

* * *

Созданный в 1930-е годы языковой стандарт доживает до падения советского режима. Нельзя сказать, что за полвека в нем не произошло никаких изменений. Можно, например, отметить пуристическую кампанию конца 1940-х годов, когда *вратарь* полностью вытеснил *голкипера*, а *нападающий* — *форварда*. Наиболее существенным, однако же, был сам бег времени. Время шло, а язык почти не менялся. В силу этого языковой стандарт прирастал к той структуре социального доминирования, в рамках которой он был создан. Соответственно, он воспринимался как неотъемлемый атрибут коммунистического режима, он насаждался в школе, и соблюдение норм этого языка контролировалось многочисленными редакторами, обычно рассматривавшими любые стилистические вольности как крамолу. Понятно, что эта охранительная позиция в языке, равно как и охранительная позиция в советской культуре в целом, вызвала протест, и в послесталинский период ряд писателей пытается

освободиться от этого лингвистического ярма. Эти эксперименты, однако, оставались на далекой периферии советской языковой деятельности и не расшатывали сколько-нибудь заметным образом основной конструкции языкового стандарта, оформившейся в 1930-е годы. Этот стандарт был советским лингвистическим капиталом, он функционировал несколько иначе, чем, скажем, лингвистический капитал в современной Франции, но в Советском Союзе и карьера делалась иначе, чем во Франции, и для советской карьеры нужен был советский лингвистический капитал.

Период конца 1980-х — 1990-х годов представляет собой эпоху нового культурного катаклизма, новой дискредитации старого (на этот раз советского) символического и лингвистического капитала. Некоторые сопоставления с языком революционной эпохи напрашиваются здесь сами собой, и на них стоит обратить внимание. Как и тогда, риторика цивилизационного вербального контроля («умеренности» и «воспитанности») сменяется риторикой спонтанности. В рамках этой перемены получают широкое употребление, как и в революционную эпоху, грубые, вульгарные, жаргонные, обсценные слова и выражения. У них та же функция — дискредитировать прежнюю благопристойность. Аналогично тому, как в эпоху революции слова и выражения, ассоциировавшиеся с прежним режимом (типа *господин*, *верноподданнические чувства*, *благонамеренный*), начинают употребляться с презрительно-ироническими коннотациями, в 1990-е годы в публичной сфере развивается так называемый «стёб», деконструирующий устойчивые элементы советского дискурса [Дубин 2001]. Не менее важную роль в лингвистической революции играют иноязычные элементы, и опять же со сходной функцией — отказа от национальной (на этот раз советской) традиции в пользу ориентации на западные образцы.

О наводнении языка заимствованиями (прежде всего англицизмами) в эпоху перестройки и первых постсоветских лет достаточно много написано, так что на этом можно подробно не останавливаться. Приведу, однако же, один весьма характерный пример. Мы сейчас привычно говорим об *элите* и *элитах*, это общепринятый социологический концепт, который можно найти на каждой газетной полосе и услышать в телевизионных новостях. Это слово не совсем новое, оно фигурирует, например, в Словаре Ушакова с первым значением 'избранное общество' и пометой *книжн. Редко* [Ушаков,

IV: 1417–1418]. Однако потом это слово в данном значении почти выходит из употребления. Его нет в первых изданиях Словаря Ожегова [Ожегов 1949], в четырехтомном Словаре русского языка 1961 г. (так наз. Малый академический словарь) находим лишь: «Элита. С.-х. 1. Лучший экземпляр каких-л. растений, отбираемый селекционерами для выведения новых сортов. *Элита ржи. Элита пшеницы. Элита картофеля.* // Особо ценное племенное животное. *Не только молодняку, элитам, овцам и рогатому скоту, даже старым табунам, всегда жившим на одной пастьбе, вволю заготовили сена.* А. Кожевников. Живая вода. 2. Выпускаемые селекционными станциями и семеноводческими хозяйствами семена культурных растений с гарантией чистосортности» [Евгеньева, IV: 1039]*. Популярность этому слову обеспечивает воспроизведение в перестроечные и послеперестроечные годы западного социологического дискурса, который оказывается востребован вместе с западными концепциями общества. Для советской риторики это слово — несомненный бастард, и именно этим объясняется его исчезновение. А его употребление первоначально выступает как знак лояльности новым западным ценностям и как дискредитация старого дискурса с его классовой борьбой и производственными отношениями. Оно, наряду с коллоквиализмами и ироническим словоупотреблением, оказывается частью нового лингвистического капитала, обеспечивающего успех в постсоветской России.

Из сказанного отнюдь не следует, что культурно-языковая ситуация в период советского застоя была точно такой же, как в императорской России накануне революции. Символический капитал в предреволюционные годы обладал иной структурой и иными социальными параметрами, чем символический капитал предперестроечных лет. Вполне различными представляются и системы индоктринации, поддерживающие ценность символического капитала. Сходными, однако же, оказываются способы дискредитации этого капитала или, если угодно, революционного ниспровержения традиционного языкового стандарта. Механизмы разрушения обла-

* Во втором издании словаря (1984 г.) интересующее нас значение появляется, хотя и в качестве второго: «Элита <...> 1. Лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л. растений, животных, получаемые путем селекции для выведения новых сортов. Элита ржи. Элита пшеницы. Элита картофеля. 2. Лучшие представители общества или какой-л. его части» [Евгеньева, IV2: 758].

дают собственной внутренней логикой, не зависящей от того, что разрушается.

Не менее замечательно и сходство в попытках реставрации утерянного символического капитала: новый пуризм, новое ханжество, воскрешение «советской классики» наряду с обращением к тем слоям лексики, которые были устранены в сталинском языковом стандарте. Пуристический откат отчетливее всего выразился в Законе о русском языке как государственном языке Российской Федерации, принятом в 2005 г. В одной из его статей говорится: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». В предположении этой неясной формулировки лежит утверждение, что заимствования, имеющие общеупотребительные аналоги, не соответствуют нормам современного русского языка. Это утверждение более отчетливо читалось в предшествующих редакциях закона, например в редакции 2003 г. было сказано: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке», однако позднее авторы закона стали осознавать, что эти лингвистические категории поддаются разнообразным интерпретациям и предпочли осторожную неясность [см. подробнее: Живов 2006]. Тем не менее сигнал был дан, и хотя практический эффект закона не очень заметен, реставрационные ценности постоянно провозглашаются и меняют если не языковое поведение как таковое, то систему оценок, с которой носитель языка относится к наблюдаемому им языковому поведению.

Из реставрируемых слоев лексики более всего бросается в глаза лексика религиозная, которая звучит теперь не только из уст священнослужителей разного ранга, порою вещающих по телевидению, но и из уст политических деятелей и патриотических бизнесменов. Они говорят о вере, молитве, грехе и покаянии, христианских заповедях и церкви. И здесь, понятно, мы имеем дело не с воспроизведением дореволюционного православного дискурса, а — как

и при всех реставрационных процессах — с порождением новых симулякров. Эта инновационная природа реставрации видна даже в формальных параметрах, например, в новом ударении в словах типа *послу́шник* вместо правильного *пóслушник*, а порою *духóвник* вместо *духовни́к**.

Я занимался словом *грѣховодник*, которое обозначает человека, предающегося грехам (прежде всего сексуальным), но при этом содержит коннотацию снисходительного отношения к провинностям этого человека (отчасти похоже на *vecchio peccatore impenitente* в современном итальянском, но с большим сочувствием к согрешившему). В советских текстах это слово практически не употреблялось, а в постсоветских текстах стало употребляться как полный синоним грешника, т.е. с характерным семантическим искажением [Живов 2009]. Как бы то ни было, и эти элементы делают частью нового литературного стандарта, а владение ими — частью нового лингвистического капитала, обеспечивающего благополучное пребывание в коридорах новой российской власти.

Таким образом, динамика языкового стандарта в России XX — начала XXI вв. отмечена революционными сдвигами, и эти сдвиги могут быть описаны как дискредитация лингвистического капитала предшествующей эпохи в результате культурной революции и последующая реставрация дискредитированного лингвистического капитала (в переосмысленном и измененном виде). Характерно, что русская революция обладает языковым компонентом, а в этот компонент входит усиленное использование «западных» заимствований. Это обуславливает связь революционных лингвистических процессов с оппозицией России и Запада, что оказывается присуще и процессам реставрационным, в которых присутствует пуристическая составляющая.

Литература

Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Т. 2. Париж: «Мишень», 1931.

* В 6-м издании Орфоэпического словаря (в 1997 г.) *послу́шник* дается с пометой «! не рек<омендуется>», а не с пометой «! неправ<ильное>» [Борунова, Воронцова, Еськова 1997: 137, 416].

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., Наука, 1972.

Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. Изд. 6-е. М.: Русский язык, 1997.

Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. Очерки. М.: Эллис, 2005.

Грот 1895 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / под ред. Я.К. Грота. Том I. А—Д. СПб., 1895.

Грот Я.К. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб.: 2-е отд-ние Акад. наук, 1873.

Дубин Б.В. Кружковый стеб и массовые коммуникации: К социологии культурного перехода // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001. 163–174.

Евгеньева, I²-IV² — Словарь русского языка в четырех томах/под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Евгеньева, I–IV — Словарь русского языка в четырех томах/под ред. А.П. Евгеньевой. 1-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

Живов В.М. Грѣховодник. К истории слова и понятия // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени/под ред. В.М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2009. 405–430 с.

Живов В.М. На возвратном пути к имперской благопристойности: Заметки о Федеральном законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации // The Russian Language Journal. Vol. 56 (2006). P. 57–66.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Художественная литература, 1936.

Кутина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь: Изд-во Уральского университета, 1995.

Морозов П. Феофан Прокопович как писатель. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880.

Овсянников В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. М., 1933.

Ожегов 1949 — Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949.

ПСЗ, I — XLV — Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е]. Т. 1–45. СПб., 1830.

Селищев А. М. Труды по русскому языку. Том 1. Социоллингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Ушаков, I–IV — Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1934–1940.

Фесенко А. и Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк: Rausen Bros., 1955.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power/ed. and introduced by J. B. Thomson. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1991.

† В.М. Живов

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

LINGUISTIC CAPITAL AND ITS TRANSFORMATION IN THE HISTORY OF RUSSIAN IN THE TWENTIETH CENTURY

Standard language is conceptualized as a linguistic capital, in terms of Pierre Bourdieu's sociology. The twentieth century in Russia was an epoch of revolutions; linguistic developments in revolutionary and post-revolutionary situations may be efficiently analyzed as transformations of the linguistic capital: the old linguistic capital is discredited in the course of a cultural revolution and a revolutionary linguistic usage becomes a new linguistic capital. Characteristic of this process in Russia (in 1910–1920s and again in 1980–1990s) is the extensive use of borrowings, vulgar and jargon words, obscene

expressions. The end of cultural revolutions is accompanied by the emergence of a new elite and by partial restoration of the old linguistic capital; it is appropriated by the new elite and adjusted to its demands. The article describes two cycles of these developments in the period from 1917 up to the present.

Key words: linguistic capital, cultural revolution, linguistic developments.

References

Besedovskii G. Z. *Na putiakh k termidoru. Iz vospominanii byvshego sovetskogo diplomata. T. 2* [On the way to Thermidor. From the former Soviet diplomat's memoirs]. Vol. 2. Paris: Mishen' Publ., 1931.

Birzhakova E. E. Voinova L. A., Lutina L. L. *Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo iazyka XVIII veka. Iazykovye kontakty i zaimstvovaniia* [Essays in historical lexicology of the Russian language in the eighteenth century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka Publ., 1972.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoepicheskii slovar' russkogo iazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation, stress, grammatical forms]. R. I. Avanesov (Ed.). 6th edition. M.: Russkii iazyk Publ., 1997.

Bourdieu P. *Language and symbolic power*. J. B. Thomson (Ed.). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1991.

Dubin B. V. [In-group slang and mass communication: Towards the sociology of cultural transition]. Dubin B. V. *Slovo — pis'mo — literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury* [Word — writing — literature: Essays on the sociology of contemporary culture]. Moscow: NLO Publ., 2001, pp. 163–174. (In Russ.)

Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka v chetyrekh tomakh* [The dictionary of the Russian language in four volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1957–1961.

Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka v chetyrekh tomakh* [The Dictionary of the Russian language in four volumes]. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1981–1984.

Fesenko A. and T. *Russkii iazyk pri Sovetakh* [The Russian language under the Soviets]. New York: Rausen Bros., 1955.

Granovskaia L. M. *Russkii literaturnyi iazyk v kontse XIX i XX vv. Ocherki* [The Russian standard language at the end of the nineteenth and twentieth centuries. Essays]. Moscow: Elpis Publ., 2005.

Grot Ya. K. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka, sostavlennyy Vtorym ot-deleniem Imperatorskoi Akademii Nauk* [The dictionary of the Russian language compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Vol. 1 A–D, 1895.

Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskaniia. Materialy dlia slovaria, grammatiki i istorii russkogo iazyka* [Philological studies. Materials for the dictionary, grammar and history of the Russian language]. Saint Petersburg: 2nd Division of the Academy of Sciences, 1873.

Kupina N. A. *Totalitarnyi iazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [The totalitarian language: The vocabulary and speech reactions]. Ekaterinburg, Perm': Publishing House of the Ural Univ., 1995.

Morozov P. *Feofan Prokopovich kak pisatel'* [Feofan Prokopovich as a writer]. Saint Petersburg: Tip. of V. S. Balashev Publ., 1880.

Ovsinnikov V. Z. *Literaturnaia rech'. Tolkovy slovar' sovremennoi obshcheliteraturnoi frazeologii* [Standard speech. The explanatory dictionary of the contemporary standard phraseology]. Moscow, 1933.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [The dictionary of the Russian language]. Moscow: OGIZ Publ., 1949.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I-e [Complete collection of the laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vols. 1–45. Saint Petersburg, 1830.

Selishchev A. M. *Trudy po russkomu iazyku. Tom 1. Sotsiolingvistika* [Studies of the Russian Language. Vol. 1. Sociolinguistics]. Moscow: Jazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2003.

Ushakov D. N. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1934–1940.

Zhirmunskii V. M. *Natsional'nyi iazyk i sotsial'nye dialekty* [The national language and social dialects]. Leningrad: Belle-lettres Publ., 1936.

Zhivov V. M. [On the way back to the Imperial propriety: Notes on the Federal law of the Russian Federation from June 1, 2005, No. 53-FZ. On the State Language of the Russian Federation]. *The Russian Language Journal*, Vol. 56 (2006), pp. 57–66. (In Russ.)

Zhivov V. M. [Sinner. Towards the history of the word and concept]. *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo iazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on the historical semantics of the Russian language in the early Modern age]. V. M. Zhivov (Ed.). Moscow: Jazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 405–430. (In Russ.)

Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in the eighteenth-century Russia]. Moscow: Shkola “Jazyki russkoi kul'tury” Publ., 1996.

А.Д. Шмелев
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
 (Россия, Москва)
 shmelev.alexei@gmail.com

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ЕСТЬ ЛИ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ?

В статье обсуждается возможность проникновения в особенности культуры, обслуживаемой некоторым языком посредством тщательного семантического анализа слов и выражений, принадлежащих данному языку. Анализируются различные «подводные камни», которые могут возникнуть в процессе такого анализа. Проведены разграничения между семантическим, «лингвокультурологическим» и «переводоведческим» подходом к обсуждаемой проблематике и рассмотрены связи между ними. Критически рассмотрены работы, в которых обнаруживается отсутствие строгой методологии; декларативность без опоры на языковые факты; оперирование отдельными специально подобранными примерами вместо проверки делаемых утверждений на всем массиве языковых данных; отсутствие исторической перспективы (представление о культуре как о чем-то неизменном, неспособном к развитию); отсутствие внимания к жанрам, стилю и назначению текстов.

Ключевые слова: семантический анализ, языковая картина мира, лингвокультурология, перевод

В электронном издании «Антропологического форума» (2012, № 16 Online) была опубликована статья Анны Павловой «Можно ли судить о культуре народа по данным его языка?». Статья нацелена на обоснование отрицательного ответа на поставленный вопрос.

Однако начинается она с сюжета, не имеющего непосредственного отношения к обсуждаемой проблеме и вообще к соотношению языка и культуры. Автор начинает свою статью так: «У немецкого глагола *nippen* есть точный русский эквивалент *пригубить*. Но предложение *Er nippte an seinem Kaffee* с помощью этого эквивалента не перевести, поскольку глагол *пригубить* имеет ущербную грамма-

тическую парадигму: он обозначает только однократное действие» [3]*. Не сразу ясно, какую связь видит автор между проблемами соотношения языка и культуры и проблемами перевода. В дальнейшем по ходу статьи автор касается также вопросов лексической семантики, проблемы соотношения языка и мышления, а также некоторых социолингвистических вопросов; при этом далеко не всегда легко определить, чем обусловлен переход от одного сюжета к другому. Поэтому, прежде чем перейти к разбору статьи А. Павловой, полезно провести необходимые разграничения между обсуждаемыми дисциплинами. В частности, будут проведены разграничения между семантикой, «лингвокультурологией» и «переводоведением» и рассмотрены связи между ними. Социолингвистики и вопросов соотношения языка и мышления (рассматриваемых, в частности, в рамках психолингвистики, общей философии языка и некоторых направлений активно развивающейся в последние годы когнитивной лингвистики) я буду касаться лишь в той степени, в какой они связаны с обсуждаемыми проблемами.

Необходимые разграничения

В последующем изложении речь будет в основном идти о явлениях, специфичных для того или иного языка или той или иной культуры (причем основное внимание будет уделяться русскому языку и культуре). Явление можно считать специфичным для некоторого языка (лингвоспецифичным), если оно присутствует не во всех языках мира; явления, присутствующие во всех языках, являются универсальными. Так, лингвоспецифичным для французского и немецкого языков является наличие артиклей (в русском языке, как известно, артиклей нет); лингвоспецифичным для русского и немецкого языков является склонение существительных (во французском языке существительные не склоняются). Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем

* Здесь и далее в квадратных скобках после цитат из статьи А. Павловой указываются страницы.

языкам мира). Аналогично понимается специфичность (и, соответственно, универсальность) культурного явления для той или иной культуры.

Универсальные явления в каком-то смысле вытекают из «природы вещей». Напротив того, лингвоспецифичные явления и явления, специфичные для той или иной культуры, являются конвенциональными; иными словами, они определяются языковыми и культурными конвенциями. Изучение соотношения языка и культуры представляет собою изучение соотношения языковых и культурных конвенций.

Поскольку суждения о культуре, сделанные на основе языковых данных, предполагают детальный семантический анализ этих данных, в центр внимания при обсуждении вопроса, поставленного в заглавии статьи А. Павловой, должна попасть лингвистическая семантика. Действительно, А. Павлова касается вопросов семантики и упоминает некоторые понятия и термины, используемые в лингвистической семантике: сема, концепт, полисемия, языковая картина мира. Раскроем содержание некоторых из этих понятий.

Языковые единицы определенным образом концептуализуют внеязыковую действительность. В одной из давних статей Барбары Холл Парти рассматриваются предложения *Поскольку мне об этом сказал врач, я склонна воспринимать это серьезно* и *Поскольку мне об этом сказал сосед сверху, я склонна воспринимать это серьезно*. Отмечается, что причина беспокойства выражена в этих предложениях по-разному, даже если сосед сверху по профессии является врачом: один и тот же человек концептуализуется в этих предложениях различным образом.

Единицей языковой концептуализации действительности является концепт. Можно сказать, что концепт осуществляет связь между смыслом языкового выражения и обозначаемым им фрагментом внеязыковой действительности. Тот или иной концепт скрывается за всякой языковой единицей; часто один концепт выражается рядом языковых единиц (обычно принадлежащих одному фрагменту словообразовательного гнезда): концепт 'гордость' в русском языке выражается словами *гордый, гордо, гордость, гордиться*. На практике концепты принято обозначать при помощи существительных (или именных групп): не говорят о «концепте, скрывающемся за предлогом *в*», а говорят о 'концепте нахождения внутри'.

В некоторых семантических теориях (в первую очередь следует назвать теорию «естественного семантического языка» Анны Вежбицкой и Клиффа Годдарда) постулируется существование небольшого набора (чуть больше 50) элементарных концептов*, которые предполагаются врожденными и универсальными (т.е. имеющими вербализацию во всех естественных языках). Из элементарных концептов строятся более сложные концептуальные конфигурации, которые, как правило уже не являются универсальными (т.е. входят в значение языковых выражений не во всех языках).

Некоторые концептуальные конфигурации, входящие в значение языковых единиц, соответствуют определенному представлению об устройстве какого-то фрагмента мира. Так, в русском языке проводится различие между *фруктами* и *ягодами*: слово *фрукт* употребляется по отношению к плоду, который, как правило, слишком велик, чтобы его положить в рот целиком; поэтому фрукты едят, откусывая или отрезая от них кусочки; слово *ягода* используется по отношению к плодам, которые можно положить в рот целиком (часто даже несколько сразу). При этом и фрукты, и ягоды едят преимущественно для удовольствия как десерт, в отличие от *овощей*, которые едят для насыщения или в качестве гарнира, причем часто с солью.

Концептуальные конфигурации, соответствующие представлению об устройстве внеязыковой действительности, как правило, относятся к неассертивной части значения языковых единиц: пресуппозициям, коннотациям, фоновым компонентам значения. Именно поэтому участники коммуникации на данном языке обычно принимают их на веру, не задумываясь. Однако их наличие в семантике языковой единицы становится очевидным, поскольку высказывания, которые в неявном виде противоречат этим представлениям, воспринимаются как аномальные. Так, плоды *малины* и *земляники* для носителей русского языка являются *ягодами*, а *помидор* и *арбуз* — нет, и это видно, в частности, из того, что в нормальной коммуникации об арбузе или помидоре нельзя сказать: *Дай мне эту ягоду*. Напротив того, смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены

* Наряду с выражением «элементарные концепты», в близком значении используют выражения «элементарные смыслы», «семантические примитивы» или просто «семы» (впрочем, термин «сема» ощущается несколько устаревшим).

носителями языка. Поэтому они не входят в систему представлений, общую для всех говорящих на данном языке. Но, разумеется, говорящие могут намеренно поместить в фокус внимания неассертивные компоненты значения и сообщить, что помидор с «научной» точки зрения — ягода, а плоды малины и земляники ягодами как раз не являются.

Система концептуальных конфигураций, соответствующих представлениям об устройстве внеязыковой действительности, образует языковую картину мира. Реконструкция языковой картины мира является одной из важнейших задач современной лингвистической семантики. Она требует детального анализа значений всех языковых единиц данного языка и выявления в них неассертивных компонентов. Так, выявив отрицательную оценку, содержащуюся в словах *доносить* <на кого-либо>, *донос*, *доносчик*, мы можем сделать вывод, что для русской языковой картины характерно неодобрение поведения того, кто сообщает властям о действиях человека, которые с точки зрения властей являются предосудительными и могут повлечь за собою репрессивные меры в отношении этого человека. Установив, что слово *страх* обозначает чувство, которое обычно испытывает человек, полагающий, что может произойти нечто плохое, чего он не может предотвратить, мы можем сделать вывод, что, с точки зрения русской языковой картины мира, чувство страха вполне обычно для людей, попавших в такую ситуацию.

Перейдем к вопросам соотношения языка и культуры. Соответствующие проблемы с давних пор привлекают внимание исследователей (они изучаются в рамках антропологии, лингвистической прагматики, этнолингвистики), однако в России внимание этим проблемам стало уделяться лишь сравнительно недавно. В Советском Союзе они в основном изучались в рамках вспомогательной дисциплины, которая использовалась преимущественно при преподавании русского языка иностранцам и именовалась «лингвострановедение»*. В последние десятилетия группа дисциплин, в рамках которых рассматриваются вопросы соотношения языка и культуры, получили несколько неуклюжее наименование «лингвокультурология».

* См., напр., книгу [Верещагин, Костомаров 1973]. Некоторые вопросы, связанные с культурным аспектом языковой деятельности рассматривались также при обсуждении культуры речи и речевого этикета.

Взаимодействие языка и культуры имеет два аспекта. Во-первых, составной частью культуры является культура использования языка; во-вторых, особенности культуры, обслуживаемой некоторым языком, обычно тем или иным образом отражаются в этом языке.

Первая сторона взаимодействия языка и культуры может быть иллюстрирована рядом норм, касающихся использования языка таким образом, как это принято в соответствующей культуре. Сюда относятся, напр., такие вопросы: когда и кому допустимо и следует делать комплименты; как отвечать на комплименты; с кем и когда следует здороваться (напр., следует ли здороваться с незнакомыми людьми, следует ли здороваться с человеком при повторной встрече в тот же день).

Во многих языках (в частности, европейских) различается способы обозначения собеседника и того, что к нему относится, в зависимости от степени формальности общения (в русском языке обычно говорят об обращении «на вы» и «на ты»). Круг ситуаций, когда следует использовать более формальное обращение, различен в разных языках (а точнее, в обслуживаемых этими языками культурах); различается и языковое оформление более формального обращения. При этом есть языки (напр., современный английский, современный шведский, современный иврит), в которых нет непосредственного аналога противопоставления обращений «на вы» и «на ты» (можно сказать, что в этих языках во всех случаях используется обращение, аналогичное обращению «на ты»).

Во многих языках, для того чтобы привлечь внимание собеседника и инициировать общение с ним, используют так называемое обращение (когда называют имя или какую-либо характеристику человека, к которому обращаются: *Мама! Madame! Молодой человек!*). При этом в русском речевом общении обращение часто используется и в середине разговора, напр. в случае, когда собеседника надо в чем-то убедить (*Ну, Мама, ты же сама понимаешь*), а также в тех случаях, когда надо мягко выразить несогласие, смягчить отказ и т.п. — словом, когда надо подчеркнуть установку на контакт и взаимопонимание. Для финского речевого общения подобное использование обращений совершенно не характерно, так что, когда русские в разговоре с финнами (на каком бы языке разговор ни велся) используют обращения таким образом, это иногда приводит к недоразумениям при межкультурной коммуникации. Финский

участник коммуникации может воспринять это как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что он не слушает и надо специально привлекать его внимание [Leinonen 1985]. Во французской деловой и официальной переписке обращение используется не только в начале письма, но и в составе заключительной формулы (*Veillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués*), а по-английски в заключительную формулу (*Sincerely yours*) обращение не включается.

Другая сторона взаимодействия языка и культуры связана с отражением в языке некоторых особенностей культуры, обслуживаемой данным языком. Объекты, характерные для той или иной материальной культуры, часто получают в языке, обслуживающем эту культуру, специальное наименование. Стандартная структура современного русского обеда обуславливает тот факт, что субстантивированное прилагательное *первое* в русском языке имеет значение 'суп'. Различение *овощей* и *фруктов* в русском языке (как и в большинстве европейских языков) связано с разными модусами использования растительной пищи.

В языке отражается и тот аспект культуры, который связан с использованием языка. Наличие в русском языке глагола *тыкать* ('использовать обращение *ты* в ситуации, когда по мнению говорящего следует использовать обращение «на вы»') обусловлено тем, что в русском речевом этикете различаются формальный и неформальный способ именования собеседника. Понятно, что этот глагол трудно перевести на английский язык, в котором соответствующее разграничение не проводится.

Существенно, что для обоих аспектов взаимодействия языка и культуры связь между языковыми и культурными конвенциями оказывается двусторонней. Культурная сторона использования языка должна учитываться в собственно лингвистическом описании соответствующих языковых единиц (напр., русских местоимений *ты* и *вы*). В то же время тот факт, что культура находит отражение в языке, дает возможность на основе наблюдения над поведением языковых единиц делать вывод об особенностях соответствующей культуры. Даже если бы мы не располагали сведениями о структуре русского обеда, знания «гастрономического» значения русских слов *первое* и *второе* позволило бы нам сделать относительно этой структуры достоверные выводы (*второму* у русских предшествует

ет суп) и, в частности, установить, что *закуска*, которая в русском обеде нередко предшествует *первому*, является факультативным элементом. Аналогично, знание того, что в итальянском языке сочетание *primi piatti* «первые блюда» обыкновенно относится к разным видам «пасты» (макаронных изделий), позволяет понять, как устроен итальянский обед (можно добавить, что, подобно русским закускам, в итальянском обеде первому блюду могут предшествовать так называемые *antipasti*). Знание того, что в русском языке помидоры концептуализуются как *овощи*, а не *фрукты* и не *ягоды*, позволяет заключить (даже если бы мы этого не знали из собственного опыта), что помидоры у русских подаются чаще всего с солью в составе закусок или вместе со вторым блюдом, а не с сахаром в качестве десерта.

Выявление особенностей культуры «через язык» особенно важно, когда мы имеем дело с древними культурами, о которых у нас нет достаточно полных и надежных сведений. Если мы обнаружим, что в памятниках на некотором языке различаются слова со значением 'наследство по закону' и 'наследство по завещанию', это даст базу для установления важных фактов касательно наследственного права в соответствующем обществе. Исследование металлургической терминологии какого-либо из древних языков дает представление о том, какие приемы обработки металла были в то время известны данному народу.

Анализ значения языковых единиц позволяет делать и менее тривиальные выводы об особенностях соответствующей культуры, в частности о ее ценностных установках. Так, компонент отрицательной оценки в семантике русского слова *мелочность* дает основания для заключения, что русская культура не одобряет погони за небольшой выгодой, желания «не упустить своего» даже в мелочах.

Разумеется, семантика одного слова не дает возможности определить, насколько соответствующая ценностная установка важна для культуры. Культурную значимость имеют сквозные мотивы языковой картины мира, т.е. представления, повторяющиеся в семантике целого ряда языковых выражений. Так, в семантике русских слов *высокомерие* / *высокомерный*, *надменность* / *надменный*, *спесь* / *спесивый*, *кичливость* / *кичливый* / *кичиться*, *самонадеянность* / *самонадеянный*, *самомнение*, *гонор*, *гордыня* можно выявить компонент 'плохо быть слишком высокого мнения о себе самом

и свысока относиться к другим'. Эту ценностную установку вполне можно считать сквозным мотивом русской языковой картины мира, имеющей культурную значимость (сходная установка присутствует во многих других культурах).

Здесь опять-таки лингвистический анализ особенно важен применительно к ушедшим культурам, к которым у нас нет непосредственного доступа, так что мы вынуждены судить об их ценностных установках на основании косвенных данных. Сказанное можно иллюстрировать на примере слова *греховодник*, проанализированного в статье [Живов 2009]. Это слово активно использовалось в русском языке (часто — в рамках изображения «народной» речи) начиная с конца XVIII и особенно часто в XIX в., обозначая людей, совершающих действия, предосудительные с религиозной точки зрения, но при этом выражая снисходительно-ироническое отношение к данному лицу. В XX в. это слово продолжало употребляться по инерции, хотя связь с собственно религиозными предписаниями стала ощущаться в меньшей мере; в словарях советского времени оно снабжалось пометой «устарелое». В двуязычных словарях оно обычно переводится словами со значением 'грешник'; очевидно, что при этом теряется ряд неявных смыслов. Слово *греховодник* не может обозначать человека, совершившего действительно серьезный грех, напр. убившего многих людей, или отрекшегося от веры, или ограбившего церковь, или изнасиловавшего несовершеннолетнюю, а также повинного в грехе гордости или предавшегося ереси. Не случайно можно сказать *великий грешник* 'человек, который совершил много тяжких грехов', но странно *'великий греховодник*. На грехи, которые совершает *греховодник*, говорящий обычно считает возможным смотреть как бы сквозь пальцы; чаще всего это грехи, связанные с сексуальной стороной жизни. Чрезвычайно частотное сочетание *старый греховодник*, обозначающего человека в годах, не оставляющего любовных домогательств. Анализ употребления этого слова позволяет заключить, что «житейская» народная мораль того времени относилась к сексуальным прегрешениям снисходительно и отчасти иронически, хотя осознание греховности сохранялось*.

* Известная эпиграмма Александра Пушкина про «капитана Борозду», содержащая слово *греховодник*, показывает снисходительное отношение к гомосексуальным наклонностям; не вполне ясно, было ли это индивидуальным отношением Пушкина или было вообще свойственно «житейской» морали того времени.

Представления, характерные для соответствующей культуры, обычно не нуждаются в том, чтобы их специально подчеркивать в процессе коммуникации между представителями данной культуры. Они, как правило, кроются в неассертивных компонентах значения языковых единиц и тем самым являются частью языковой картины мира. Поэтому реконструкция языковой картины мира имеет первостепенное значение для описания взаимодействия культуры и языка, в частности для выявления особенностей культуры на основе детального семантического анализа языковых единиц, выявляющего в них неассертивные компоненты значения.

Итак, различия культур часто коррелируют с различиями языков (или разновидностей одного языка), обслуживающих эти культуры, и соответствующих языковых картин мира. При межкультурной коммуникации (общении между представителями разных культур) представления, специфичные для одной из этих культур и не попадающие в фокус внимания при коммуникации внутри этой культуры, могут стать камнем преткновения. Так, в секулярной европейской культуре с некоторого момента гордость перестала восприниматься как один из самых гнусных пороков, первый из смертных грехов; соответственно и слова, обозначающие 'гордость', во многих европейских языках, в том числе в русском языке, утратили отрицательные коннотации и стали употребляться скорее с положительной оценкой. Однако культура, исходящая из традиционной системы ценностей и соответствующего словоупотребления, не исчезла полностью. Когда одна из корреспонденток Антона Чехова, ориентируясь на новое словоупотребление, назвала его «гордым мастером», он написал ей, что «горды только индюки».

Еще больше препятствий для взаимопонимания может возникнуть, когда при межкультурной коммуникации хотя бы одному из участников приходится говорить на неродном языке*. Здесь мы подошли к проблеме *п е р е в о д и м о с т и* языковых выражений. Заметим, что следует различать переводимость выражения в конкретном тексте (она в значительной мере определяется целями перевода) и наличие у него точного словарного эквивалента. Понятно, что для вопросов, связанных с возможностью использовать семантический

* Разнообразные примеры того, как неудачный выбор английского выражения носителями русского языка ведет к коммуникативному провалу, приведены в книге [Виссон 2007].

анализ для выявления особенностей культуры, существенно именно наличие и отсутствие словарного эквивалента, а вопросы практического перевода отходят на задний план.

Тем не менее стоит остановиться на некоторых моментах, связанных с практическим переводом. Во-первых, это касается случаев, когда высказывание вполне переводимо, но в культуре языка перевода в соответствующей ситуации обычно используется другой способ выражения. Так, русский вполне может сказать официанту в ресторане *Принесите, пожалуйста, меню*. Фраза может быть легко переведена на английский язык (*Please bring me the menu*), но по-английски перевод звучит несколько невежливо, лучше сказать: *Could I see the menu?* [Ларина 2009: 272]. Точно так же русское высказывание *Вы не правы* значительно вежливее, нежели английское *You are wrong*. Можно ли считать буквальные переводы на английский язык адекватными? Ясно, что это зависит от того, как мы понимаем адекватность перевода*. Во-вторых, у культурно нагруженных слов плотность ассоциативного поля может теряться при переводе. Так, французское слово *flâner* в большинстве контекстов хорошо переводится русским словом *прогуливаться*; но слово *прогуливаться*, в отличие от *flâner*, в русском языке не обладает высоким культурным статусом [Левонтина, Шмелев 1999: 284]. Не случайно для передачи культурного ореола французского глагола иногда используют заимствованный глагол *фланировать*.

Существенно, что в повседневной коммуникации обычные, неискушенные носители языка при необходимости передать специфичный иноязычный концепт, отсутствующий в языке общения, часто не морочат себе голову поисками подходящего переводного эквивалента, а используют заимствование. Собственно, глагол *фланировать* стал использоваться в русских текстах именно потому, что глагол *прогуливаться* не передает всех нужных культурных ассоциаций «фланирования» и удобнее не пытаться задать эти ассоциации

* В какой-то момент мне понадобилось перевести на английский язык высказывание русского врача, обращенное к ребенку: *Сейчас может быть немножко больно, но ты потерпи*. Все мои американские информанты сказали, что американский врач не скажет ничего подобного; скорее он скажет *It won't hurt* 'Больно не будет'. Русское высказывание не является непереводимым в собственном смысле слова, но его американский аналог (нечто вроде *It may be a little painful; you'll have to grin and bear the pain*) неупотребителен и вызывает у носителей языка совсем иные ассоциации, нежели исходное высказывание.

посредством переводческих ухищрений, а просто заимствовать исходный глагол. По той же причине многие русские евреи хорошо знают и даже используют слова *илимазл* или *халоймес*; русские, знакомые с американской бытовой культурой и ориентирующиеся на представленную в ней систему ценностей, могут в своей речи оставлять без перевода слова *challenge* или *fun*.

Многое из сказанного может касаться межкультурной коммуникации и вне непосредственных рамок перевода, напр. когда человек воспринимает текст на чужом языке через призму родного языка (и вычитывает из текста вовсе не те «скрытые» смыслы, которые автор имел в виду вложить в него). Схожая ситуация имеет место и в случаях, когда некто воспринимает текст, который как будто принадлежит его родному языку, но в действительности составлен на иной его разновидности, напр. на языке предшествующей эпохи. Отличие от ситуации перевода состоит здесь в том, что несовпадение используемых разновидностей языка и тем самым возможность неверного понимания может не осознаваться: современные читатели могут пребывать в заблуждении, что пушкинский текст понятен им уже в силу их знания русского языка.

Возвращаясь к статье Анны Павловой

В статье А. Павловой с самого начала удивляет то, что вполне правильные утверждения иллюстрируются сомнительными примерами; кроме того, автор делает из этих утверждений выводы, прямо противоречащие логике и здравому смыслу.

Как уже говорилось, статья, начинается с обсуждения «переводческих лакун». Автор справедливо отмечает, что наличие той или иной лакуны (переводческой или внутриязыковой) может быть обусловлено самыми разными причинами, так что затруднительно предсказать ее на основе общих соображений. Факт бесспорный и едва ли нуждается в особом подтверждении. Но примеры, посредством которых А. Павлова «подкрепляет» констатацию этого факта, далеко не столь бесспорны. Так, она пишет: «Можно сказать по-русски *удешевлять* (делать дешевле), но нельзя **удорожать* (делать дороже). Тем не менее есть экономические факторы, способствующие дороговизне, они вызывают рост цен. Более того, рост цен для современной России — явление более распространенное,

чем их падение» [6]. Однако, обратившись к «Национальному корпусу русского языка» (<http://www.ruscorgpora.ru>, далее — НКРЯ), мы легко обнаружим, что глагол *удорожать* встречается в современной русской речи не так уж редко и, по данным НКРЯ, даже чаще, чем глагол *удешевлять*. В статье А. Павловой утверждается, что «не удастся с легкостью перевести короткое предложение *Wie ein Wurm nagte das Elend in meinem Herzen* (Н. Heine)», потому что «у глагола *глодать* в этом значении формы прошедшего времени нет» [4]. Достаточно обратиться к «Малому академическому словарю» [Словарь 1981], чтобы обнаружить пример, в котором глагол *глодать* в рассматриваемом значении употреблен в прошедшем времени: *Чиновничье честолобие, должно быть, сильно его глодало* (Писемский). В текстах на русском языке, в том числе современных, нетрудно обнаружить и другие аналогичные примеры: *Досадное, тревожное чувство зависти глодало душу* (Федор Шаляпин); *Неясная тоска глодала всех без исключения граждан СССР* (Евгений Попов); *... глодало ощущение какого-то несчастья, которое постигло меня в те часы, пока я спал* (Елена Хаецкая); *... любопытство глодало меня изнутри, как червь* (Андрей Халов). Далее, А. Павлова утверждает, что человеку, который «нам надоел своим занудством», мы «из фонетических соображений» [5] не можем сказать: *Ну что ты за зануда!* (она даже снабжает это предложение звездочкой). Несложный поиск в электрическом Интернете дает сотни примеров употребления этой фразы. Наконец, А. Павлова пишет: «... пока не заходит речь о сравнении с другим языком, никто и не заметит пробела в собственном» [6]. Разумеется, это не так: множеству носителей русского языка (даже детям) прекрасно известна дефектность парадигм глаголов *убедить* и *победить* (нет форм первого лица единственного числа простого будущего времени) или существительного *мечта* (нет формы родительного падежа множественного числа).

«Лакунам» посвящен почти весь первый раздел статьи А. Павловой (его заголовок «Мысль и язык: свобода или детерминизм?») не дает адекватного представления о его содержании). Однако на протяжении всего раздела автор не поясняет, какое отношение «лакуны» имеют к возможности понимания культуры через язык (проблеме, которой, казалось бы, посвящена статья). Можно пытаться понять культуру на основании того, что есть в обслуживаю-

щем ее языке, но едва ли разумной была бы попытка понять культуру на основании «лакун».

Пожалуй лишь одно из замечаний в этом разделе имеет хотя бы косвенное отношение к проблемам взаимосвязи языка и культуры: А. Павлова отмечает, что многие явления, вполне распространенные в культуре, не имеют в соответствующем языке однословного обозначения, и упоминает в связи с этим такие действия, как *кататься на велосипеде, ходить пешком, разговаривать по телефону, отдыхать с палаткой, плавать на байдарке*. Само по себе это наблюдение тоже не содержит ничего нового (в предисловии к английскому переводу «Приглашения на казнь» (*Invitation to a Beheading*) Владимир Набоков даже писал о проекте словаря толкований, которым недостает слов, выражающих соответствующий смысл*). Кроме того, А. Павлова не объясняет, почему для нее важны именно однословные наименования и чем ее не устраивают приведенные ею словосочетания**. Некоторый резон в этом можно усмотреть в связи с понятием «языковая картина мира» (которое, как мы помним, может играть важную роль в попытках понять культуру на основе языковых данных). Дело в том, что разного рода неассертивными смыслами, шлейфом ассоциаций чаще обрастают лексические единицы, а не свободные или относительно свободные словосочетания. Поскольку именно неассертивные компоненты значения являются конституирующими для языковой картины мира, а на ее основе и осуществляется соотнесение языка с культурой, понятно, что для темы статьи наличие однословного наименования (но не его отсутствие) может играть определенную роль. Однако в статье А. Павловой об этом эксплицитно ничего не говорится.

В следующем разделе, озаглавленном «Языковая картина мира и речевая деятельность» автор, действительно, обращается к понятию языковой картины мира и сообщает, что «рассуждения о статичной, данной человеку при рождении “языковой картине мира”»

* Он предлагал статью ‘сокращать, расширять или иным образом изменять или заставлять изменять с целью запоздалого совершенствования свои собственные произведения при переводе’ (этот факт упоминает Ю.Д. Апресян в предисловии к второму тому своих избранных трудов [Апресян 1995: 6]).

** Замечу, что сочетание *отдыхать с палаткой* мне показалось странным и я даже готов был утверждать, что по-русски так сказать нельзя; но вездесущий Интернет показал, что носители русского языка его используют (хотя, признаться, лишь из статьи А. Павловой я как-то понял, что это сочетание обозначает).

являются «умозрительно-идеологическими построениями» [8]. Точнее было бы сказать, что они являются полнейшим абсурдом. Как известно, язык (а значит, и языковая картина мира) вовсе не даются человеку «при рождении»; ребенок овладевает языком (и соответствующей языковой картиной мира) постепенно. Возможно, А. Павлова имела в виду «семантические примитивы» (элементарные концепты), которые А. Вежбицка и К. Годдард считают врожденными и тем самым универсальными (являющимися принадлежностью всех языков и культур). Но они-то как раз и не относятся к языковой картине мира! В радикальной форме тезис о врожденности большинства концептов (включая, напр., такие, как ‘охота’, ‘убеждать’, ‘убить’, ‘стол’ и даже ‘бюрократ’ и ‘карбюратор’) отстаивается Н. Хомским и Джерри Фодором. В соответствии с их теорией, концепты во всей (или почти всей) их сложности принципиально доступны еще до опыта. «Дети в основном усваивают ярлыки для концептов, которые они уже имеют», — писал Хомский [Chomsky 1991: 29]*; но в теории Хомского и Фодора вообще нет места понятию «языковая картина мира».

Я не знаю, является ли представление о языковой картине мира, «данной человеку при рождении», собственным изобретением А. Павловой или она где-то столкнулась с таким представлением. В любом случае это представление никак нельзя признать удачным изобретением.

В целом рассуждения А. Павловой о «языковой картине мира» изложены запутанно и неясно. Так, упоминая выражения, связанные с частями тела (напр., те, в которых сердце предстает какместилище чувств), она говорит, что они «настолько же свидетельствуют о различии в мышлении целых народов, насколько и не свидетельствуют» [8]; что означает этот оборот, понять не так просто (как и не вполне ясно, что она понимает под «мышлением целых народов»). Как можно заключить из дальнейшего, здесь выражается сомнение в том, что понятие «языковая картина мира» имеет научную ценность. Но и это сомнение выражено в туманных выражениях. А. Павлова пишет: «Система метафор позволяет заключить, что в языке есть система метафор» [8–9] (замечание, безусловно, справедливое и глубокомысленное). И далее: «“Убежденность” носите-

* Ср. обсуждение теории Хомского и Фодора в книге [Wierzbicka 1996: 18-19; 211-214].

лей русского языка в том, что любовь живет в сердце, потому что такова их “наивная картина мира”, не более чем фикция» [9]. Некоторая синтаксическая неоднозначность приводит к тому, что остается неясным, что именно А. Павлова называет «фикцией» и в каком смысле она употребляет это слово. Как можно понять, она подвергает сомнению две идеи: о том, что конвенциональные метафоры могут свидетельствовать о некоторых особенностях языковой картины мира, и о том, что особенности языковой картины мира могут оказывать влияние на какие-то представления носителей соответствующего языка. По поводу первой из этих идей можно заметить, что метафоры, как и устойчивые сравнения и производные слова, бывают основаны на коннотациях (т. е. как раз на тех смысловых компонентах, которые являются конституирующими для языковой картины мира) и могут свидетельствовать о наличии таких коннотаций. О том, что слово *свинья* в русском языке вызывает представление о нечистоплотности, свидетельствуют оборот *грязный как свинья* и глагол *свинячить*; о наличии у слова *лиса* коннотации хитрости свидетельствует переносное (метафорическое) значение этого слова ‘хитрый человек’ (и оборот *хитрый как лиса*). Кроме того, следует учитывать возможность совмещения значений, как в строке Михаила Лермонтова *Пустое сердце бьется ровно*: в ней *сердце* выступает и в своем основном значении (поэтому оно *бьется*) и какместилище чувств (поэтому оно названо *пустым*, что свидетельствует о неспособности чувствовать). Переходя к вопросу о соотношении языковой картины мира и представлений носителей языка, можно заметить, что наличие у носителей русского языка представления, согласно которому люди думают головой, а чувствуют сердцем, подтверждается целым рядом фактов, причем не только языковых. Вспомнив нечто, мы можем хлопнуть себя по лбу (а не по груди); задумавшись, чешем в затылке (а не в районе сердца); напротив того, переволновавшись, человек хватается за сердце (и мы понимаем, что от волнения может стать *плохо с сердцем*). Таким образом, сомнения А. Павловой по поводу означенных двух идей представляются безосновательными.

Дальнейшие рассуждения А. Павловой, направленные на то, чтобы поставить под сомнение понятие языковой картины мира, тоже не достигают своей цели. Она зачем-то приводит примеры не отмеченных в словарях окказионализмов и окказиональных метафор (то,

что они встречаются в речи, — факт общеизвестный), и остается непонятно, хочет ли она этим сказать, что их следовало бы включить в словари или что словари вообще не нужны. Далее она отмечает: «Русский язык, каким он был двадцать лет тому назад, — это не нынешний русский язык. Изменились значения множества слов... Возникла масса новых слов и исчезла масса прежних» [10]. Можно согласиться с тем, что «лексическая система подвижна и переменчива», и никакой словарь не может отразить все появляющиеся новые слова и значения, которые появляются в языке. Однако, несмотря на это, лексикографическая работа не становится бессмысленной, и словари остаются самым востребованным лингвистическим продуктом. Из того, что язык изменяется, никак не следует формулируемое А. Павловой недоумение: «Какой смысл говорить о языковой картине мира, если вчера она была одна, а завтра другая и если она не совпадает у различных социальных групп?» [10]. Это рассуждение можно было бы отнести к любому синхронному лингвистическому описанию: если следовать такой логике, можно сказать, что не имеет смысла заниматься фонетикой, морфологией, синтаксисом, поскольку в истории языка изменяются и произносительные нормы, и морфология, и правила построения синтаксических конструкций. Вопрос о соотношении синхронии и диахронии в лингвистическом описании довольно сложен, но странно на основании того, что язык непрерывно изменяется, делать вывод, что синхронное описание языка вообще не имеет смысла. Напротив того, корректно описать изменения можно как раз на основе сравнения двух синхронных состояний языка: более старого и более нового (понимая, что в «старом» уже содержались зародыши «нового», а в «новом» сохраняются следы «старого»).

Дальнейшие рассуждения А. Павловой о соотношении языка и мышления можно пропустить, поскольку они не имеют непосредственного отношения к теме статьи — проблеме соотношения языка и культуры. Но в конце концов она переходит к указанной теме, и следующий раздел так и называется: «Соотношение языка и культуры».

В этом разделе А. Павлова замечает, что «в рамках русской культуры в составе СССР существовало несколько культурных сообществ, члены которых были объединены относительной общностью взглядов, привычек, традиций, стереотипных представлений, образа жизни: номенклатура, КГБ (тесно связанный с номенклату-

рой), госслужащие, военные, рабочие, колхозники, интеллигенция» [11]. (Можно согласиться с А. Павловой, когда она пишет: «Языки (идиолекты) у перечисленных социальных групп были в чем-то схожи, а в чем-то различны, и вопрос о том, чего в них было больше — сходства или различий — однозначного ответа не имеет» [11]. Необходимо только сделать поправку, состоящую в том, что термин «идиолект» принято использовать по отношению к индивидуальным особенностям языка одного лица; если же речь идет о социальной группе, уместнее использовать термин «социолект».) Далее она перечисляет некоторые речевые штампы, использовавшиеся в языке советской пропаганды, и сообщает, что «ни в одной из групп — внутри группы — этими штампами в обиходной речи никто не пользовался» [11]. Я не знаю, откуда у А. Павловой сведения о том, какими языковыми средствами пользовались в бытовой речи представители номенклатуры и сотрудники КГБ; но весьма вероятно, что рисуемая пропагандистскими штампами картина не была характерна для их бытовой культуры, так что отсутствие этих выражений в их бытовой речи не должно вызывать удивления. Однако умозаключение, которое делает А. Павлова, оказывается весьма неожиданным: «Если же рассматривать язык как источник культуры, то можно прийти к прямо противоположным выводам: раз в советское время говорили о трудовой вахте и о сообразностях по перевыполнению пятилетнего плана — значит, так думали (считали) — значит, такова и была тогда русская культура» [11]. По этому поводу она пишет: «Это неверная последовательность выводов, и она не имеет отношения к реальности» [11]. С тем, что приведенное умозаключение «не имеет отношения к реальности», пожалуй, можно согласиться; однако дело здесь не в «неверной последовательности выводов», а в том, что это умозаключение исходит из ложных посылок. Во-первых, странно рассматривать язык как «источник культуры»: язык является необходимым условием существования культуры и отражает ее, но никак не является ее «источником». Во-вторых, А. Павлова только что сообщила нам, что в быту эти штампы как раз не употреблялись, так что неопределенно-личная конструкция «в советское время говорили» может ввести в заблуждение. В то же время с полным основанием можно говорить, что они заключали в себе элементы картины мира, которая навязывалась советской пропагандой.

При этом следует заметить, что некоторые советизмы проникали в бытовую речь, и это можно рассматривать как свидетельство того, что соответствующие представления стали частью бытовой картины мира. Так, слово *жилплощадь* предполагало, что в СССР жилье не является собственностью живущих в нем людей, а принадлежит государству, которое распределяет его по своему усмотрению, и это представление вошло в сознание множества советских людей. Поэтому слово *жилплощадь* активно использовалось применительно к советской жизни, но странно было бы сказать (кроме как в шутку) **жилплощадь в Париже* [Левонтина 1995: 96].

Далее в рассматриваемом разделе А. Павлова обращает внимание на гетерогенность культуры и на то, что границы между культурами не обязательно совпадают с границами между языками. В самом деле, признание гетерогенности культуры является необходимой предпосылкой изучения соотношения культуры и языка. Здесь я позволю себе процитировать заключительные фразы моей статьи [Шмелев 2000] (вошедшей в книгу [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]): «Границы между системами этики находят отражение в языке, но не совпадают с границами между языками. И поэтому мы можем (разумеется, с некоторой долей условности) говорить о традиционных христианских этических представлениях, современных секулярных представлениях и т. п.; но едва ли есть основания выделять особую “русскую этику”, “англосаксонскую этику”, “французскую этику” без дальнейших уточнений». Впрочем, мне представляются допустимыми и такие абстракции, как «европейская культура» (обслуживаемая разными языками) или «русская культура». Любопытно, что и А. Павлова как будто признает, что можно обнаружить некоторые черты, характерные для русской культуры в целом, но в качестве примеров приводит довольно маргинальные характеристики: «... не принято дарить на праздники четное количество цветов. День во многих семьях принято завершать чаепитием. Не принято здороваться за руку или целовать друг друга “через порог”. На пожелание “Ни пуха ни пера!” полагается ответить “К черту!”» [13]. По большей части речь в этом отрывке идет о распространенных суевериях (вовсе не разделяемых всеми русскими). Ясно, что можно было бы найти более убедительные примеры: так, на обед в качестве *первого* блюда у русских принято есть суп, в качестве *второго* — твер-

дое блюда, а завершается обед «сладким». Не принято здороваться с человеком, если вы уже ранее виделись в этот же день. Вежливое обращение к знакомому, но не близкому человеку предполагает именование его по имени-отчеству.

Впрочем, допустив что русская культура — «это не миф, она реально существует, даже будучи выражена очень небольшим набором общих для всех групп населения ценностных доминант, стереотипных представлений, привычек и традиций», А. Павлова настаивает на том, что уж заведомо «единого русского языка не существует» [14]. В подтверждение этого она ссылается на исследование [Черняк 2009], в котором отмечается различие лексиконов разных поколений современного российского общества. То, что язык, и в частности его лексический состав, подвержен временному, региональному и социальному варьированию, — вещь общеизвестная. Но это никому не мешает составлять словари и грамматические описания языков, абстрагируясь от указанного варьирования. Кроме того, сам факт наличия культурного и языкового варьирования позволяет поставить вопрос о том, как эти два типа варьирования коррелируют друг с другом (в цитированной статье В. Д. Черняк как раз и делает выводы о различии лексиконов и, как следствие, взаимном непонимании поколений как результате разных культурных кодов). Варьирование культуры и языка никоим образом не указывает на отсутствие связи между ними.

Вопросы «лингвокультурологии» в статье А. Павловой

В нескольких последующих разделах А. Павлова обращается к вопросам «лингвокультурологии», и выясняется, что ее представления о соответствующем круге лингвистических дисциплин довольно фантастичны. В разделе, который называется «Причины появления лингвокультурологии», она обсуждает вопрос о причинах «появления лингвокультурологии именно в России и именно в конце XX в.» [15], и не вполне ясно, действительно ли А. Павлова считает, что «именно в России и именно в конце XX в.» соотношение языка и культуры было впервые подвергнуто научному изучению. Название «лингвокультурология» (повторю, не слишком удачное) действительно появилось в России в конце XX века, но сама проблематика давно известна в мировой науке и изучается

в рамках таких дисциплин, как этнолингвистика, антропология, лингвистическая прагматика, социоллингвистика. Приписывать России приоритет создания новой научной дисциплины на основании того, что для нее было изобретено название, все равно что утверждать, будто паровоз изобрели русские, на том основании, что слово «паровоз» возникло на русской почве (и, кстати, в отличие от «лингвокультурологии», составлено из русских по происхождению корней).

Понятно, что вопрос о «причинах» придуманного явления (появления лингвокультурологии именно в России в конце XX века) не имеет смысла; но все же упомяну, что в качестве одной из таких причин А. Павлова видит «отказ от марксизма как теоретической базы всех наук при советской власти» [16]. Интересно, действительно ли она считает, что все советские лингвисты были марксистами (не спорю, такие были, и даже среди весьма крупных лингвистов, а некоторые остаются марксистами и поныне, но все же, по моей субъективной оценке, для большинства лингвистов было характерно резко отрицательное отношение к марксизму, тем более что он был официальной идеологией господствующего тоталитарного режима).

Надобно признать, что с основными подходами, лежащими в основе изучения соотношения языка и культуры, А. Павлова знакома не очень хорошо. Поэтому многие высказывания (подчас неудачно сформулированные) она интерпретирует совершенно неверно. Характерным примером может служить ее комментарий к некоторым высказываниям, касающимся названий чувств в разных языках. Она удивленно замечает, что некоторые исследователи (в сноске она упоминает книгу [Шаховский 2009]) «пишут: человек испытывает те эмоции, которые ему подсказывает его родной язык», и комментирует: «Свободы нет, следовательно, не только в мыслях, но и в чувствах. Всем управляет язык-демиург» [15]. Но дело в том, что культурной значимостью обладает не то, что чувствует человек «на самом деле»*, а то, о чем он способен поведать другим, а это как раз определяется свойствами языка, которым он пользуется (не обязательно родного).

* Тем более что непонятно, как это установить; некоторое приближение к ответу на подобный вопрос может дать изучение того, в каких случаях какие участки мозга активны, но сведение эмоций к мозговой деятельности может рассматриваться и как неоправданный редукционизм. В любом случае такое изучение лежит за пределами лингвистики.

В следующем разделе, озаглавленном «Цель и методы лингвокультурологии»*, А. Павлова пишет: «...лингвокультурология исходит из того, что эпоха универсализма миновала и что в языках пора, наконец, отыскать и описать их специфические черты» [16]. По этому поводу она замечает, что сама по себе «задача описания специфических черт языков не вызывает возражений», и даже признает, что некоторые «специфические признаки языков действительно можно связать с культурными традициями, историей, стереотипами» [16]. Однако она указывает, что «методологически обнаружение абсолютно всех специфических характеристик того или иного языка представляется недостижимой целью», поскольку «для ее осуществления требовалось бы сравнить не только все языки, но и все диалекты мира друг с другом» [17]. Замечание справедливое, но ведь никто и не ставит перед собою недостижимой цели обнаружения «абсолютно всех специфических характеристик того или иного языка»; как правило, лингвисты удовлетворяются тем, что обнаружили хотя бы некоторые такие характеристики и продемонстрировали их лингвоспецифичность, а для достижения этой последней цели часто достаточно сравнения с каким-то одним языком или даже внутриязыкового сравнения (с более ранним состоянием того же языка или сравнением разных его региональных вариантов). Но в связи с этими замечаниями А. Павловой любопытно отметить, что в предыдущем разделе в качестве источников «появления лингвокультурологии» в России она упомянула (вредное, с ее точки зрения) влияние работ А. Вежбицкой и даже не заметила, что это противоречит тезису, согласно которому «лингвокультурология исходит из того, что эпоха универсализма миновала». Дело в том, что А. Вежбицка является одним из самых бескомпромиссных сторонников универсализма в семантике, и вся ее лингвистическая деятельность последних десятилетий базируется на представлении, согласно которому значения всех без исключения выражений всех языков могут быть опи-

* В нем А. Павлова сообщает: «Здесь и далее в основном будут обсуждаться теоретические положения, изложенные в книгах [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Языковая картина мира 2006]» [17]. Однако читатель с удивлением обнаруживает, что ни «здесь», ни «далее» не обсуждается ни одно теоретическое положение, изложенное или хотя бы подразумеваемое в этих книгах. Не рассматриваются ни положения, на которые опирается наш подход, реализованный в изысканиях, вошедших в книгу [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], ни теоретические положения Московской семантической школы, разработанные Ю.Д. Апресяном и изложенные, в частности, в книге [Языковая картина мира 2006].

саны при помощи ограниченного набора врожденных и уже потому универсальных концептов (семантических примитивов).

Далее А. Павлова переходит от задачи обнаружения всех лингвоспецифичных явлений к более узкой задаче обнаружения слов с лингвоспецифичной семантикой и задается вопросом: «Как же находить эти специфические элементы?» [17]. Вообще-то ответ на этот вопрос представляется очевидным: необходимо подвергать лексические единицы детальному семантическому анализу, включающему семантический эксперимент, сопровождая такой анализ межъязыковым или внутриязыковым сопоставлением с предполагаемыми аналогами анализируемого слова. Если окажется, что слово не имеет точного семантического соответствия в языках (или разновидностях языка), с которыми проводится сопоставление, то его следует признать лингвоспецифичным. Но почему-то эта процедура, вытекающая из здравого смысла, А. Павлову не устраивает (возможно, потому, что семантический анализ — вещь трудоемкая, он предполагает исследование большого числа контекстов, в которых может употребляться анализируемая единица). Она пишет: «Приходится искать другой выход из положения: лингвоспецифическими и непереводаемыми объявляются так называемые “ключевые слова” культуры» [17]. Несколько загадочным оказывается пассивный залог «объявляются»: кем объявляется, в тексте статьи не говорится, и ссылки нет. Остается допустить, что это предложение самой А. Павловой, и приходится признать, что предложение крайне неудачное. Не касаясь вопроса о «непереводимости» (само понятие без дополнительных пояснений является довольно неопределенным), замечу, что, во-первых, лингвоспецифичное слово вовсе не обязательно дает ключ к пониманию культуры*, а во-вторых, избежать трудоемкого семантического анализа таким образом все равно не удастся. Определить, есть ли основания относить лексическую единицу к «ключевым словам культуры», можно только на основе предварительного детального семантического анализа, который позволит установить, содержатся ли в семантике слова компоненты, в той или иной степени соотносимые с существенными особенностями соответствующей культуры.

* Так, артикли являются ярким примером лингвоспецифичных слов ряда западноевропейских языков, но остается неясным, какую культурно значимую информацию может из них извлечь А. Павлова.

Следующий раздел А. Павлова называет «Некоторые вопросы к лингвокультурологии», однако начинает его вовсе не с вопроса, а с чрезвычайно странного утверждения: «Итак, “концепты” — это то же, что “ключевые идеи” или “ключевые слова” культуры» [19]. Слово «итак», по-видимому, призвано создать иллюзию, будто это утверждение следует из чего-то ранее сказанного. Между тем утверждение представляется очевидной нелепостью. Как известно, слово является двусторонней единицей, имеющей как план содержания, так и план выражения, тогда как концепты и идеи относятся исключительно к плану содержания. Различия между концептами и «ключевыми идеями» культуры также вполне очевидны: как мы знаем, тот или иной концепт стоит за каждой языковой единицей, в частности — за каждым словом*, но едва ли кто-то решится без оговорок утверждать, что концепты ‘поверхность’ или ‘карбюратор’ скрывают за собою какие-либо «ключевые идеи культуры».

Сделав это странное утверждение, А. Павлова переходит к «вопросам к лингвокультурологии». Представляется, что для ответа на них не обязательно быть специалистом в области лингвокультурологии; достаточно простого здравого смысла. Поскольку А. Павлова занумеровала свои вопросы, удобно следовать за ее нумерацией.

1. А. Павлова пишет: «Вежливость — это концепт. А болезнь — концепт? А сон — концепт? А прогулка — концепт? А одежда?» Сказанное напоминает софизмы, которые на языке средневековой логики можно было бы назвать «неразличением суппозиций». Ясно, что можно говорить о концепте ‘вежливости’ и концепте ‘одежды’, но нельзя говорить, что некто в своем поведении проявляет концепт вежливости или закутался в концепт одежды (это столь же нелепо, как говорить, что концепт *вежливость* состоит из девяти звуков, а концепт *одежда* — из шести).

* В последние два десятилетия в российской лингвистике неоднократно делались попытки придать слову «концепт» статус едва ли не термина; однако удачные попытки в этом направлении мне неизвестны, и представляется, что мы можем с полным основанием от них отвлечься. На базе терминологизации слова «концепт» даже возникали такие причудливые образования, как, напр., слово «концептосфера», введенное в обиход, насколько я знаю, Д.С. Лихачевым и в дальнейшем (вероятно, отчасти под влиянием его авторитета) используемое в рамках некоторых направлений отечественной когнитивной лингвистики; однако польза его для изучения семантики или соотношения языка и культуры остается сомнительной.

2. Я приведу вопрос А. Павловой полностью: «Предположим, мы с моим другом носители русского языка, причем лексиконы наши весьма схожи: мы в основном пользуемся одинаковыми лексемами и синтаксическими конструкциями. Если у нас при этом разные взгляды на вежливость, на дружбу или на свободу, то у нас с ним одна и та же языковая картина мира или разные? А культуры у нас с ним идентичны или различны?» [19]. Из синтаксического строения первой фразы можно было бы сделать вывод, что А. Павлова почему-то считает синтаксические конструкции частью лексикона, но можно надеяться, что это просто неуклюжее выражение. Впрочем, дальше выражения тоже довольно неуклюжи. Вопрос, одинакова ли языковая картина мира у двух носителей языка, не имеет смысла: языковая картина мира является принадлежностью языка, а не его носителя. Бывают люди, которые владеют несколькими языками и тем самым несколькими языковыми картинами мира; специалист в области какой-либо науки одновременно владеет «наивной» картиной мира повседневного языка, и «научной» картиной мира, отраженной в языке соответствующей науки. Можно формулировать этот вопрос по-другому: если идиолекты двух носителей языка совпадают, то можно ли говорить, что они пользуются одной и той же языковой картиной мира, несмотря на различие взглядов? Ответ, разумеется, утвердительный: «взгляды» здесь вообще не имеют отношения к делу, поскольку речь идет об используемых языковых средствах, а они, как утверждается, одинаковы. Вопрос, принадлежат ли два человека одной культуре (сформулированный столь же неуклюже), не имеет однозначного ответа. Культурная ориентация отдельного человека определяется не его «взглядами» или вкусами, а установкой на следование определенным культурным конвенциям; кроме того, культурная ориентация человека вовсе не обязана быть ориентирована только на одну какую-то культуру. Более того, несколько выше А. Павлова сама, как кажется, признавала, что при идентификации культур возможны разные уровни абстракции: можно говорить о финской или итальянской культуре, можно — о европейской культуре в целом, можно — о христианской культуре, можно — о городской культуре, можно — о средневековой культуре. Формулируя свой вопрос, она как будто об этом забыла.

3. Далее А. Павлова предлагает рассмотреть ситуацию, когда «два человека — носители русского языка — по-разному обозна-

чают один и тот же цвет: то, что для одного салатное, для другого бирюзовое или то, что одному кажется бордовым, другой назовет вишневым». Она спрашивает: «Языковые картины мира этих людей совпадают или различаются?» [19]. Отвлечемся от неуклюжей формулировки, уже ставшей привычной, и вспомним, что языковая картина мира характеризует не человека, а язык (в данном случае, очевидно, — идиолект). Итак, спрашивается, совпадают ли языковые картины мира рассматриваемых идиолектов. Понятно, что вопрос касается не языковой картины мира в ее целостности, а лишь восприятия цвета; столь же понятно, что ответ на него зависит от ряда неоговоренных деталей. Рассматривают ли эти носители языка *салатное* и *бирюзовое* как разновидности *зеленого*? Связаны ли с указанными словами дополнительные ассоциации (напр., у прилагательного *салатный* — со словом *салат*)? Чтобы ответить на вопрос о «языковой картине мира», необходим подробный семантический анализ, без которого ответ будет столь же легкомысленным, как и постановка вопроса. Впрочем, стоит повторить, что люди, пользующиеся одним языком, по определению пользуются одной и той же языковой картиной мира. Говорить, что языковая картина мира идиолектов двух носителей языка различается можно только в том случае, если мы обнаружили существенные семантические различия языковых единиц этих идиолектов.

4. А. Павлова спрашивает: «Кем и как определяется “усредненность” “русского” человека?» [20]. Поскольку А. Павлова не прояснила, в каких целях ей понадобилось понятие «усредненности» человека, ответить на ее вопрос затруднительно; но, вообще говоря, понятие должен определять тот, кто намерен его использовать в своих рассуждениях (т. е. в данном случае — А. Павлова). Далее она сообщает: «... в мой концепт *вежливость* составляющая *искренность* не входит» [20]. Это сообщение может поставить в тупик, потому что искренность вообще не является составляющей вежливости у носителей русского языка, так что остается неясным, в чем же здесь проявляется индивидуальность А. Павловой. Лишь обратившись к предыдущему разделу, можно понять, что имеется в виду цитируемое там высказывание В. А. Масловой: «Вежливость в русской культуре нужно исследовать только вместе с искренностью, ибо русские излишнюю, с их точки зрения, вежливость связывают с проявлением неискренности». Иными словами, В. А. Маслова говорит, что

в русской культуре излишняя вежливость ассоциируется с отсутствием искренности. Здесь, я думаю, с В. А. Масловой согласится большинство носителей русского языка: фраза *Он из вежливости улыбнулся* едва ли кем-либо будет понята как указание на искреннюю улыбку. Если А. Павлова этого не чувствует, то, скорее всего, это говорит о том, что она слишком долго жила в отрыве от родной речи. Впрочем, к замечанию В. А. Масловой следовало бы добавить, что в определенных случаях вежливость требует как раз декларирования собственной искренности — напр., в таких формулах, как *я вам искренне сочувствую, я вам искренне благодарен**.

5. «... В “языковую картину мира” входят самые частотные, типовые для социума суждения?» [20] — спрашивает А. Павлова. Отвечаю: частотность суждений и их типичность для социума не имеет прямого отношения к делу (тем более что непонятно, как ее считать). В языковую картину мира входят те представления о мире, которые содержатся в неявном виде (т.е. в качестве неассертивных компонентов) в значении языковых единиц (при условии что эти единицы употребительны).

6. А. Павлова пишет: «... представим себе, что для немцев понятие *kiebitzen* (тайком заглядывать в карты другого игрока или просто подглядывать за кем-либо) более актуальное явление, чем для русских (в русском языке здесь лакуна)», — и задается вопросом: «А являются ли лакуны в языке (вне сравнения с другими языками) показательными для культуры?» [21]. Каким образом лакуна (т.е. отсутствие чего-либо) может быть «показательной», она не поясняет; сама идея о показательности лакун** напоминает анекдот о том, как, не обнаружив в раскопках шестого века проволоки, археологи сделали вывод, что уже в то время существовало радио (беспроволочный телеграф). Мы помним, что в самом начале своей статьи А. Павлова признала, что далеко не все зна-

* В еще большей степени это характерно для английского речевого этикета — вспомним такие формулы, как концовка официального письма *Sincerely (yours)*. Разумеется, *sincerely* — это не в точности русское *искренне*, но вполне подходит в качестве аналога.

** В некоторых случаях лакуны в тех участках словаря, в которых ожидалось бы наличие лексической единицы, могут свидетельствовать об особенностях культуры, обслуживаемой данным языком, напр. о наличии в ней табу на обозначение некоторого явления. Однако примитивное представление этой связи по схеме «нет слова — значит нет явления» является нелепостью.

чимые для культуры явления получают в соответствующем языке однословные обозначения, а теперь почему-то об этом забыла. Кроме того, необходимо учитывать, что иногда некоторое явление получает в языке специальное обозначение именно потому, что является редким и в силу этого обращающим на себя внимание. Так, в русском языке (и, по-видимому, во многих других языках) есть слово *горбун*, но нет существительного, обозначающего человека с прямою спиною. Если рассуждать, как А. Павлова, можно было бы предположить, что горбатые люди встречаются среди русских чаще, чем люди с прямою спиною; понятно, что дело обстоит противоположным образом.

7. Следующий вопрос А. Павловой: «Носителем какой национальной культуры является говорящий по-французски швейцарец: он представитель французской культуры или швейцарской?» [21]. Понятно, что приведенных данных явно недостаточно для того, чтобы судить о культурной ориентации названного швейцарца. Различия между французской и швейцарской культурой вообще не так велики, и более релевантным может оказаться различие между жителем Лозанны и обитателем альпийской деревни.

8. Следующий вопрос А. Павлова предваряет таким высказыванием: «Если извлекать сведения о культуре из языка, то, обнаружив в русском языке обилие уменьшительных суффиксов, можно было бы утверждать, что русские привыкли более экспрессивно выражать свои эмоции, чем те народы, в языках которых не наблюдается такого обилия уменьшительных суффиксов» [21]. Если и согласиться, что это «можно было бы утверждать», то следует заметить, что такое утверждение чрезвычайно примитивно представляло бы связь языка и культуры. Вообще на основании частного языкового факта странно делать общий вывод о культуре общения, а такие ярлыки, как «степень экспрессивности выражения эмоций», не основаны на семантическом анализе и не могут служить базой для «лингвокультурологических» выводов. Далее А. Павлова сообщает, «что в баварском и австрийском диалектах немецкого языка значительно больше уменьшительных суффиксов, активно употребляемых в речи, чем в диалектах других регионов Германии» [21]. Она спрашивает, можно ли «утверждать, что баварская культура сходна с российской по степени экспрессивности выражения эмоций». Ясно, что вопрос основан на неверной предпосылке, включает

не вполне ясное выражение «степень экспрессивности выражения эмоций» и потому не имеет ответа.

Задав свои вопросы, А. Павлова пишет: «... лингвокультурология не только не отвечает на эти вопросы — она и не собирается на них отвечать. Она и не может на них ответить...» [21]. Мы видели, что ответить на эти и подобные вопросы довольно просто, для этого не надо быть специалистом в лингвокультурологии. Но А. Павлова права в том, что лингвокультурология «не собирается на них отвечать». Иного было бы странно ожидать, поскольку эти вопросы для лингвокультурологических исследований никак не релевантны.

Гипотеза Сепира-Уорфа, лингвистическая семантика и лингвокультурология

Следующий раздел статьи А. Павловой озаглавлен «Неогумбольдтианство и лингвокультурология». Начинается он с обсуждения неогумбольдтианства в собственном смысле слова (упоминаются работы Л. Вайсгербера) и гипотезы Сепира-Уорфа, известной также как «теория лингвистической относительности» (напомним, что Э. Сепир и позднее Б. Уорф разрабатывали свои теории, не опираясь на работы Вильгельма Гумбольдта)*.

Впрочем, неогумбольдтианство в собственном смысле слова только упоминается, но подробно не рассматривается в статье А. Павловой (а центральное в этой теории понятие «поля» даже не упоминается). Она сосредоточивается на гипотезе Сепира-Уорфа, что совершенно понятно, поскольку именно эта гипотеза сейчас заново обретает популярность в мировой лингвистике.

Рассказав об экспериментах, направленных на то, чтобы установить корреляцию между языковым строем и поведением носителей языка, А. Павлова высказывает мнение, что «доказать гипотезу лингвистической относительности так же невозможно, как и опровергнуть» [22]. Однако дальше она пускается в рассуждения, выражающие ее скепсис по поводу гипотезы Сепира-Уорфа, и прихо-

дится признать, что эти рассуждения базируются на столь же примитивных, сколь и абсурдных примерах; кажется, до такой степени примитивности не доходили даже самые отчаянные вульгаризаторы рассматриваемой гипотезы. Так, она сообщает, что немцы* «иначе “выстраивают” двузначные числительные, чем другие европейские народы: сначала называют единицы, потом десятки», и отмечает: «... никто не сумел заметить особенностей поведения немцев при оперировании числительными по сравнению с носителями других языков» [23]. Можно напомнить, что при обозначении чисел от 21 до 99 немецкий язык вовсе не уникален среди европейских языков**. Но важнее здесь то, что А. Павлова совершенно не объясняет, почему порядок упоминания единиц и десятков при обозначении чисел от 21 до 99 должен как-то влиять на «поведение при оперировании числительными». Далее А. Павлова утверждает, что на основании наличия в немецком языке рамочных конструкций (с постановкой отделяемой приставки в конец предложения) можно было бы «предположить, что привыкшие к такой грамматике немцы по сравнению с другими европейцами обладают особо цепкой памятью или повышенным вниманием» [23]. Но такие свойства индивида, как цепкость памяти и повышенное внимание, не зависят от используемого языка и не имеют отношения к гипотезе Сепира-Уорфа.

Если уж использовать примитивные, но хотя бы корректные примеры, можно упомянуть грамматический род существительных в тех языках, в которых он есть. Наблюдается следующая закономерность, отчасти подтверждающая гипотезу Сепира-Уорфа: при олицетворении пол, как правило, соответствует роду. В русском языке *заяц* мужского рода, а *белка* — женского, и мы можем представить себе маскарад, на котором мальчики наряжаются зайчиками, а девочки — белочками (если бы было наоборот, это воспринималось бы как своего рода травестия). Русскую сказку о царевнелягушке может быть трудно перевести на немецкий язык, поскольку

* Под «немцами» она, очевидно, имеет в виду носителей немецкого языка, в том числе австрийцев и немецкоязычных швейцарцев.

** Порядок «сначала единицы, потом десятки» используется в идиш, в нидерландском, датском языках. В чешском языке возможны оба порядка: «сначала десятки, потом единицы» и «сначала единицы, потом десятки». Странно, что А. Павлова не упомянула яркие и по-своему уникальные особенности французского языка при обозначении чисел от 70 до 79 и от 90 до 99 и не обсудила возможные особенности поведения его носителей «при оперировании числительными».

* По-видимому, А. Павлова считает несущественными различия между собственно неогумбольдтианством, основоположниками которого являются Й. Трир и Л. Вайсгербер, и гипотезой Сепира-Уорфа; она прямо отождествляет их и пишет: «гипотеза лингвистической относительности, или неогумбольдтианство, или гипотеза Сепира-Уорфа».

по-немецки *Frosch* — слово мужского рода (заметим, что лягушка олицетворяется как мужчина не только в немецком, но и в английском языке, в котором, как известно, существительные не имеют грамматического рода). Сходные трудности возникают при переводе сказки Корнея Чуковского «Муха-цокотуха», в которой *комар* освобождает муху от злодея старика *паука* и говорит ей: «... теперь душа-девица/На тебе хочу жениться».

Однако ни Э. Сепир, ни Б. Уорф вообще не использовали понятие языковой картины мира, поэтому обсуждение гипотезы Сепира-Уорфа увело нас далеко в сторону (заметим, что в работах Л. Вайсгербера понятие «языковой картины мира», напротив, активно используется, однако не в том значении, которое принято в современной семантике). И далее А. Павлова переходит к общепhilosophическому вопросу о возможности использовать недоказанные гипотезы в качестве основы научных построений, а затем без всякого перехода сообщает: «... уже пресуппозиция существования единой вневременной и внеисторической национальной культуры представляется сомнительной» [23]. Слово «пресуппозиция» здесь весьма неуместно, и никакой «сомнительности» я здесь не вижу: кажется очевидным, что никакой «единой вневременной и внеисторической национальной культуры» существовать не может. К сожалению не удается установить, сама А. Павлова придумала такую «пресуппозицию» или где-то ее обнаружила: ссылок она не дала.

Дальше она без всякого перехода сообщает, что ей кажется «несостоятельной» «идея жесткой и нерасторжимой связи между языком и культурой», и приводит следующую цитату, которую почему-то называет «плодом одного из лингвокультурологических исследований»: «Англичанин — практик, он всегда руководствуется разумом, а не чувствами. <...> Характер англичанина тесно переплетается с характером моря <...>. Истоки превосходства английской нации над другими, как представляется, следует искать не только в имперском величии царицы колоний (как это принято делать), <...> а в островном положении Великобритании» [24]. Какое отношение эта цитата имеет к наличию или отсутствию связи между языком и культурой, она не поясняет; между тем в ней ничего не говорится ни о языке, ни о культуре. Почему она названа «плодом лингвокультурологического исследования» и в чем состояло само исследование, тоже остается неясным: в цитате речь идет о «характере

англичанина», «островном положении Великобритании» и тому подобных вещах, которыми лингвокультурология не занимается. Добавим, что по поводу приведенной цитаты А. Павлова пишет: «Над подобными текстами смеются даже студенты-первокурсники» [24]. Независимо от качеств цитируемого текста, замечу: забавно, что суд «студентов-первокурсников» оказывается едва ли не главным критерием при оценке научного сочинения.

Дальше А. Павлова упоминает «список ключевых слов» из книги «Лингвокультурология» В.В. Воробьева и комментирует его: «Каких только необыкновенных качеств некоего усредненного русского человека мы не находим!» [24]. Выражение «ключевые слова» употреблено несколько загадочно, поскольку не сказано, для чего эти слова являются «ключевыми». Бывают слова, ключевые для понимания какого-то текста (причем понятно, что для разных текстов такие «ключевые слова» разные); бывают слова, ключевые для языковой картины мира или каких-то ее фрагментов (напр., русские пространственные предлоги для концептуализации пространства в русском языке), бывают слова, ключевые для культуры (напр., для русской культуры последних двух столетий «ключевым» можно считать слово *интеллигенция*). Кроме того, как бы ни понимать выражение «ключевые слова», совсем непонятно, какое отношение они имеют к качествам «усредненного русского человека». Казалось бы сама А. Павлова чуть выше задавалась вопросом, «кем и как определяется “усредненность” “русского” человека», а теперь, не сформулировав никакого определения, оперирует этим понятием как ни в чем не бывало.

После этого она переходит к нашей книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], хотя ни здесь, ни далее так и не упоминает ни одного из теоретических положений, на которых основываются наши исследования. Она утверждает, что в нашей книге «можно обнаружить» «подробный список “ключей” русской культуры», и называет их: «... тут и щепетильность, и любовь к справедливости, и жалостливость, и надежда на “авось”, и тоска с удалью и широкими/бескрайними просторами, и правда/истина, и свобода/воля, и душа» [24]. Однако она не объясняет, что она понимает под «ключами русской культуры», а на страницах, на которые она ссылается, никаких списков вообще нет. Правда, во введении к нашей книге содержится список ключевых идей русской культуры [Зализняк, Ле-

вонтина, Шмелев 2005: 11], и, вероятно, уместно привести этот список (сохраняя нумерацию), чтобы легко можно было убедиться, как он непохож на список, приводимый А. Павловой (в оригинале при каждой из идей приводится ряд слов, в которых эта идея выражена):

1. Идея непредсказуемости мира.
2. Чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно.
3. Чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако если это пространство необходимо, то это создает внутренний дискомфорт.
4. Внимание к нюансам человеческих отношений.
5. Идея справедливости.
6. Оппозиция «высокого» и «низкого».
7. Хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует.
8. Плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды.

Можно было бы предположить, что под «ключами» А. Павлова понимает не ключевые идеи, а ключевые слова. Однако список слов, проанализированных в нашей книге, приведен в ней в «Указателе лексем» (стр. 511–524) и включает более 200 единиц; понятно, что коротенький список А. Павловой не может дать о нем сколько-нибудь адекватного представления (тем более что, скажем, слова *щепетильность* в «Указателе» вообще нет, поскольку в книге оно не анализируется).

Далее в статье А. Павловой приводится ряд цитат из нашей книги; вне контекста цитаты часто непонятны, и тем более непонятно, почему А. Павлова усматривает в этих цитатах «идею национальной исключительности». Никаких комментариев к этим цитатам в статье А. Павловой нет, за исключением последней цитаты из статьи И. Б. Левонтиной «Милый, дорогой, любимый...», посвященной ласковым обращениям в русском языке. В своей статье И. Б. Левонтина рассматривает типологические параллели к русским ласковым обращениям (таким, как *любимый, дорогой, зайка* и т. д.) и отмечает, что особняком стоит обращение *родной**. В связи с этим она пишет: «Родственная теплота служит образцом доброго отношения к лю-

* Она также упоминает обращения к незнакомым людям при помощи таких слов, как *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братцы, тетка, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т. д.

дям вообще. Здесь русский язык... подсказывает человеку готовность обнять родственной любовью весь мир». В своем комментарии в сноске А. Павлова отвечает: «Если “русский человек” склонен к “доброму отношению к людям” и готов “обнять родственной любовью весь мир”, ... то почему в этом языке нет эквивалентов для элементарных слов, обозначающих доброе отношение к людям и даже просто самих людей как объектов этого отношения: *hilfreich, hilfsbereit, Mitmensch*? Прилагательные приходится переводить словосочетаниями: кто-либо *всегда готов прийти на помощь, всегда выручит*. А слово *Mitmensch* и вовсе не переводится» [25]. Легко видеть, что реплика А. Павловой не имеет отношения к существу дела. Во-первых, странно приписывать, как это делает А. Павлова, «русскому человеку» особую склонность к «доброму отношению к людям» (понятно, что сделать такой вывод из приведенного высказывания И. Б. Левонтиной можно только при крайней недобросовестности или невнимательности); во-вторых, в приведенных немецких выражениях нет ни намека на родственные чувства*.

В следующем абзаце А. Павлова делает еще более удивительные открытия, касающиеся нашей книги. Она пишет: «Около сорока раз в кавычках и без кавычек в книге встречаются мифологемы *национальный характер, национальная ментальность, русское видение мира, русское мироощущение* и даже *русская душа* — как синонимы словосочетания *русская языковая картина мира*» [25]. Здесь совсем трудно понять, зачем А. Павловой понадобилось прибегать к столь незатейливой выдумке: всякий может убедиться, что в нашей книге ни единого разу не употреблено ни одно из приведенных сочетаний в качестве синонимов термина *русская языковая картина мира***.

* Если же говорить просто о «добром отношении» безотносительно к родственным чувствам, то удивительно, что А. Павлова не упомянула чрезвычайно трудно поддающийся переводу немецкий глагол *gönnen* (примерное значение: ‘охотно и без зависти видеть счастье и успех другого, исходя из того, что данный человек в этом нуждается или это заслужил’). Добавим, что в немецком языке есть и «противоположное» слово *Schadenfreude*, которое в большинстве контекстов без труда переводится на русский язык (как *злорадство*), но не имеет соответствия в английском языке (в котором при необходимости используется немецкое слово). Трудно даже представить себе, какие «лингвокультурологические» выводы могла бы из всего этого сделать А. Павлова.

** Более того, иногда мы специально подчеркиваем, что ходячие представления о «национальном характере» скрывают за собою особенности того или иного фрагмента языковой картины мира.

Вывод, который А. Павлова делает в этом абзаце столь же странный: она почему-то называет ключевые идеи русской языковой картины мира, рассмотренные в нашей книге, «этностереотипами» и пишет, что эти «этностереотипы» в нашей книге «предстают... выразителями и репрезентантами общенациональной культуры, якобы единой, вневременной, внеисторической, вечной, неизменной и неизбывной» [25]. На самом деле в нашей книге мы не только неоднократно подчеркиваем неоднородность и историческую изменчивость русской культуры (никакая «общенациональная» культура в ней вообще не рассматривается), но и приводим множество данных, свидетельствующих об этой неоднородности и исторической изменчивости. Мы анализируем культурные и связанные с ними языковые изменения, происходившие на протяжении XIX–XX веков; но даже в отвлечении от представленного и проанализированного нами материала довольно одного здравого смысла, чтобы понять абсурдность представления о «вневременной, внеисторической, вечной и неизменной» русской культуре. В частности, трудно себе представить, чтобы коммунизм, захвативший нашу страну на 70 с лишним лет (сначала в ленинско-сталинском, а затем в чуть более мягком хрущевско-брежневском исполнении), никак не повлиял ни на культуру, ни на язык. О «вечности» русской культуры говорить еще более странно: всем понятно, что, скажем, в античные времена никакой русской культуры не существовало.

Кроме того, в связи с цитированным высказыванием возникает сомнение, понимает ли А. Павлова значение слова «этностереотипы». Под «этностереотипом» принято понимать «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [Крысин 2005: 450]. Существуют лингвистические методы обнаружения этностереотипов. Ряд из них описан в цитированной статье Л. П. Крысина; кроме того, весьма эффективный метод был изложен в известной статье [Плунгян, Рахилина 2002]: если сочетание прилагательного, обозначающего национальную принадлежность, и существительного, обозначающего некое человеческое качество, является лингвистически отмеченным (т.е. регулярно встречается в речевой практике носителей языка), то данное качество соответствует этностереотипу. При помощи этого теста удастся установить составляющие этностереотипа немца (*организованность, размерен-*

ность, серьезность, основательность, аккуратность, тщательность, дотошность, добротность, честность, бережливость, экономность, хозяйственность, деловитость, практичность, а также педантичность, рассудочность, расчетливость, ограниченность) и француза (*тонкость, утонченность, грациозность, изящество, изысканность, любезность, галантность, а также жеманность, кокетливость, легковесность, ветреность*). Более бедны стереотипные представления об американцах (*деловитость*) и англичанах (*чопорность*). Особо интересен набор существительных, которые выявляет этот тест для автостереотипа русских (стереотипного представления о самих себе): *удаль, широта, прямота; сметка, смекалка; гостеприимство (хлебосольство), (за)душевность, щедрость; беспечность, бесхозяйственность, расхлябанность, лень, барство; хамство, свинство, дикость, варварство*. Авторы отмечают, что большинство этих качеств «эндемично», выражающие их слова «крайне трудно поддаются переводу на иностранные языки» [Плунгян, Рахилина 2002: 344–345].

Поскольку этностереотипы являются частью бытовой культуры носителей стереотипных представлений, возможность использовать для их исследования лингвистические методы представляет собою еще одно свидетельство связи языка и культуры*. Особенно интересны с этой точки зрения слова, входящие в автостереотип русских. В отличие от многих европейских языков, интенсивное формирование русского литературного языка хронологически совпало с формированием национального самосознания: язык в этот период был пластичен и готов к закреплению новых смыслов, а обсуждение черт русского «национального характера» сопровождалось рефлексией по поводу слов, обозначающих эти черты [Левонтина 2012: 320–321]. В силу этого многие из таких слов обогатились нетривиальными дополнительными ассоциациями и представляют особый интерес для семантического анализа. Сказанное касается не только существительных, обнаруживаемых при помощи теста Плунгяна-Рахилиной, но и ряда других слов, часто выступающих в текстах как условный маркер «русскости» и потому охотно сочетающихся

* Разумеется, характеристиками, выявляемыми на основе обсуждаемого теста, этностереотипы не исчерпываются. Так, набор стереотипных характеристик на которых базируется поведение персонажей мультиэтнических анекдотов (распространенных в самых разных культурах) оказывается несколько иным.

с эпитетом *русский* (*размах, авось, душа* и т.д.). Поэтому в нашей книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] мы уделяем определенное внимание словам, соотносимым с автостереотипом русских, хотя эти слова составляют лишь незначительную часть всех проанализированных слов. Что касается до прочих этностереотипов, слова, соотношенные с ними, вообще не рассматриваются, хотя некоторые из них лингвоспецифичны и представляют лингвистический интерес (напр., слово *деловитость*, соотношенное сразу с двумя этностереотипами: немцев и американцев). Тем самым утверждение А. Павловой, будто слова, анализируемые в нашей книге, сосредоточены «вокруг этностереотипов», оказывается вводящим в заблуждение*.

Дальнейшие рассуждения А. Павловой становятся еще более путаными. Она пишет: «В книгах “Ключевые идеи русской языковой картины мира” и “Языковая картина мира и системная лексикография” научное направление, нацеленное на изучение ЯКМ, не именуется лингвокультурологией» [25]. Насколько я помню, в книге «Языковая картина мира и системная лексикография» (в которой реализованы теоретические установки Московской семантической школы, т.е. представлен несколько иной подход, нежели в нашей книге) слово *лингвокультурология* действительно не употребляется. Что же касается до нашей книги, то в ней еще в предисловии говорится о лингвокультурологии, хотя, разумеется, не по отношению к «научному направлению, нацеленному на изучение ЯКМ» (языковая картина мира изучается в рамках лингвистической семантики, а лингвокультурология исследует функционирование языка в контексте той или иной культуры). Мы пишем: «... восстановление русской языковой картины мира вошло в широкий круг современных исследований в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 12–13]. Это соответствует нашим представлениям о соотношении указанных дисциплин: тщательный семантический анализ, направленный в том числе на реконструкцию языковой картины мира, является предпосылкой понимания соотношения языка и культуры и выяв-

* Следует добавить, что детальное описание методики выявления этностереотипов на основе языковых данных можно найти в книге [Березович 2007: 112–137]; там же в качестве иллюстрации приводится фрагмент сопоставительного анализа портрета «цыгана» в русском и английском языках.

ления целого ряда проблем, возникающих при межкультурной коммуникации, и наоборот — путь к решению многих уже выявленных проблем межкультурной коммуникации лежит через семантический анализ языковых единиц.

Завершается рассматриваемый абзац статьи А. Павловой следующим странным высказыванием: «“Лингвокультуремы”, “концепты”, “культурные концепты” — это те же “ключевые слова языковой картины мира” или “ключевые идеи культуры”» [25]. Что А. Павлова понимает под «лингвокультуремами», она не поясняет; между тем этот термин разными авторами употребляется в разных значениях, причем его необходимость представляется довольно сомнительной (мы его вообще не употребляем). Как бы то ни было, не может быть, чтобы «лингвокультурема» одновременно являлась концептом, словом и идеей, поскольку все это разноплановые сущности. Скажем, *самомнение* — это русское слово, ‘мнение о себе самом’ — концепт, ‘необоснованно высокое мнение о себе самом’ — «культурный» (т.е. культурно значимый) концепт; наконец, ‘плохо иметь необоснованно высокое мнение о себе самом’ — одна из идей русской языковой картины мира (присутствующая и во многих других языковых картинах мира). Что из этого является «лингвокультуремой», из текста А. Павловой ни в коей мере не ясно.

Далее А. Павлова высказывает предположение, что исследования языковой картины мира* позволили, как она выражается, «наводнить российский лингвистический мир» [26] произведениями, посвященными «национальному менталитету» и его отражению в языке. Она приводит ряд цитат из авторефератов таких диссертаций, но, к сожалению, не показательных: из них остается неясным, в чем состоял лингвистический анализ, приведший к соответствующим выводам. Не удовлетворяясь отсылками к лингвистическим диссертациям, она ссылается и на диссертацию по педагогике [Чоудхури 2011], в которой описываются трудности, возникающие у финских студентов при изучении русской лексики, тематически связанной с понятием ‘зима’, и даются рекомендации по их преодолению.

* При этом, судя по всему, она не решила, лежит ли главная ответственность на наших исследованиях или на исследованиях, выполненных в рамках Московской семантической школы, и построение абзаца отражает ее колебания. В первом предложении она ссылается на нашу книгу и «другие работы тех же авторов», а во втором — уже на Московскую семантическую школу.

Ссылка дана в таком контексте, из которого следует, что А. Павловой эти трудности представляются несуществующими. Между тем, не оценивая рекомендации, данные в работе О.Л. Чоудхури, замечу, что такие трудности вовсе не являются мнимыми — достаточно упомянуть лексику, тематически связанную с зимними праздниками. Носители русского языка обычно с детства знают, кто такая *Снегурочка* (заглавный персонаж пьесы Александра Островского, который в современной мифологии сопровождает рождественского деда, сейчас чаще называемого *Дедом Морозом*), что такое *елка* как коллективное мероприятие, во многих семьях отмечают *старый Новый год* (т. е. Новый год по старому стилю). Финским студентам эти выражения без комментария могут быть непонятны*. В равной степени для них может оказаться открытием, что на русский язык трудно перевести слово *olkipukki* (соломенный козлик, финское традиционное рождественское украшение на елку**), поскольку в России такое украшение на елку обычно не вешается. Требуя фоновых комментариев ряд выражений, связанных с событиями истории России (отчасти мифологизированными), происходившими зимой: *Ледовое побоище*, *замерз как француз под Москвой*, *Февральская революция*. В общем, остается загадкой, что может показаться сомнительным в наблюдении, что финские студенты «не владеют в достаточной мере семантическим объемом культуромаркированных лексических единиц, репрезентирующих концепт “зима”» [Чоудхури 2011: 20].

Завершает раздел характеристика исследований, посвященных культурной составляющей языковых выражений, как «углубляющих недоверие, настороженность, взаимонепонимание, взаимную изоляцию». Эта характеристика никак не вытекает из того, что было ранее сказано. Каким образом осознание носителями языка того факта, что их языковая концептуализация мира не является единственно возможной, а их культура — единственно «правильной», может углубить «недоверие, настороженность, взаимонепонимание, взаимную изоляцию» [28], А. Павлова не поясняет.

* А, скажем, для австралийских студентов, привыкших к тому, что Рождество — летний праздник, необходимо усилие, чтобы воспринять зимний антураж Рождества.

** Напомним, что рождественский дед по-фински называется *Joulupukki* (т. е. буквально ‘рождественский козел’).

Вопросы перевода в статье А. Павловой

Следующий раздел статьи А. Павловой называется «Имеет ли смысл полемизировать с лингвокультурологией?» Начинается он, впрочем, с сообщения, что «лингвокультурология» представляет собою «эвфемистическое обозначение лингвонационализма» и что «лингвонационализм является основным направлением российской лексикологии и семантики» [28]*. Поскольку слово «лингвонационализм» не является общеупотребительным и даже общеизвестным, сразу возникает вопрос, что под ним понимает А. Павлова. Оно могло бы обозначать хвастливые утверждения вроде следующих: «наш народ более всех прочих способен к овладению иностранными языками»; «наш язык самый лучший (самый древний, самый красивый, самый развитый)». Можно было бы отнести его к весьма распространенному явлению языковой политики, состоящему в борьбе за повышение статуса родного языка: стремлению сделать его языком обучения или государственным языком, а если он является таковым, лишить такого статуса «конкурирующие» языки. Однако все это трудно как-либо связать с лингвокультурологией, российской лексикологией или семантикой. Дальше А. Павлова называет работы, которые, как она пишет, освещают природу и сущность лингвонационализма «на обобщающе-историческом уровне», и мы понимаем, что «лингвонационализм» — это просто перевод немецкого выражения «Sprachnationalismus», которое обычно используется по отношению к другому историческому периоду и никак не связано с ситуацией в современной России и тем более с течениями в современной российской лингвистике. После этого она называет публикации, в которых, по ее словам, сущность лингвонационализма вскрывается «на уровне лингвистического анализа», и этот список снова меняет перспективу. Достаточно сказать, что среди этих работ она упоминает статьи [Sériot 2005] и [Weiss 2006], в которых критически рассматриваются работы Анны Вежбицкой — замечательного австралийского лингвиста польского происхождения.

* Эти высказывания плохо согласуются друг с другом, поскольку лингвокультурология — это самостоятельная научная дисциплина (или даже совокупность дисциплин), и потому она не может быть «направлением» лексикологии и семантики.

Каким образом к работам А. Вежбицкой можно приклеить ярлык «лингвонационализма» (в каком бы то ни было понимании этого слова), остается совершенно непонятным; думаю, нет необходимости говорить, что в упомянутых публикациях П. Серио и Д. Вайса ни о каком «лингвонационализме» речь не идет.

Сама А. Павлова пытается встать на путь критики лингвокультурологии «изнутри», и для этого она предлагает «принять — чисто гипотетически — за истинные утверждения о том, что 1) существует единая национальная культура; 2) существует единый национальный язык; 3) национальная культура так тесно связана с национальным языком, что на основании языкового анализа можно судить о своеобразии национальной культуры; 4) важные черты национальной культуры зафиксированы и отражены в лингвоспецифических чертах национального языка; 5) описание лингвоспецифических черт национального языка является одновременно описанием важных черт национальной культуры» [28]. В этой цитате сразу обращает на себя внимание назойливое повторение прилагательного «национальный» — девять раз (!) при формулировке всего лишь пяти пунктов. Если попытаться оценить содержательную сторону этих постулатов, то легко видеть, что они являются совершенно посторонними по отношению к методологии подавляющего большинства серьезных исследований, направленных на изучение языка в качестве источника информации о культуре, которую этот язык обслуживает. В таких работах речь, как правило, идет о различных культурных общностях, которые могут выделяться на основе самых разных признаков (соответственно выбирается разновидность языка), напр. могут исследоваться особенности той или иной конфессиональной культуры (С.Е. Никитина) или традиционной народной культуры (Е.Л. Березович). Большинство работ А. Вежбицкой об английском языке и обслуживаемой им англосаксонской культуре не замыкается на отдельных национальных разновидностях английского языка; исследования в области славянской народной традиции (С.М. Толстая) опираются на материал множества славянских языков и не ограничиваются какой-либо одной национальной традицией. Работы, посвященные современному русскому литературному языку, в частности наша книга [Зализняк, Левонти-

на, Шмелев 2005]*, ориентированы на культуру образованного городского населения России (и, в меньшей степени, сельской интеллигенции). Кроме того, выражения «национальный язык» и «национальная культура» едва ли применимы, скажем, к древнегреческому или латинскому языку и античной культуре или же к языкам и культурам аборигенов Океании. Тем самым они неоправданно сужают область рассмотрения. Впрочем, надобно признать, что в дальнейшем изложении А. Павлова практически не опирается на указанные постулаты; поэтому мы можем оценивать ее рассуждения независимо от этих постулатов, лишь на основе здравого смысла.

Далее А. Павлова сообщает, что она не принимает «положение о том, что ключевые слова культуры извлекаются из наших сведений о ней до всякого языкового анализа» [29]. Хотя остается неясным, где она обнаружила такое нелепое «положение», сформулированный принцип вполне разумен: в самом деле, как можно, не прибегая к лингвистическому анализу, узнать дает ли то или иное слово или совокупность слов ключ к каким-то важным особенностям культуры? Однако почти сразу же она, в противоречии с только что сделанным утверждением, начинает обсуждать критерии, по которым можно было бы выделить «ключевые слова культуры» до их семантического анализа**.

К числу таких критериев А. Павлова относит непереводаемость, частотность, «разветвленность... семантического объема значения лексемы», длину синонимического ряда и «соотношение между объемом полисемии у слов, которые считаются переводными эквивалентами» [29–30] (при этом она отмечает, что список критериев можно было бы продолжить). Сразу бросается в глаза примитивность представлений А. Павловой о семантической структуре язы-

* Мы почти не касаемся регионального варьирования литературного языка (напр., различия московских и петербургских норм), хотя отмечаем наличие стереотипных представлений о Москве и Петербурге, отражаемых в языке (напр., странность сочетания *петербургское хлебосольство*). В то же время мы уделяем определенное внимание изменениям в языке, связанным с культурными изменениями, т. е. диахроническому аспекту проблемы.

** Сама по себе идея выделения какого-то закрытого списка «ключевых слов культуры» также не кажется оправданной. Слово может быть «ключевым» для какого-то фрагмента культуры, но не для культуры в целом. Так, уже упоминавшиеся слова *первое* и *второе* можно считать «ключевыми» для понимания структуры обеда в русской бытовой культуре, но едва ли кто-то сочтет их «ключевыми» для русской культуры в целом.

ковой единицы. Говоря о разветвленности, или глубине, семантического объема значения лексемы, она поясняет в скобках, что речь идет о «количестве сем». Ясно, что дело не в «количестве», а в наличии в семантической структуре слова имплицитных компонентов (пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения). Именно эти компоненты представляют трудность при переводе: ассертивные компоненты при необходимости можно передать описательно, а попытка описательно передать набор ассоциаций, связанных с переводимой языковой единицей, приведет к тому, что они приобретут ассертивный статус (т.е. исходная семантика будет искажена). Иными словами, трудности перевода являются следствием «семантической глубины» и могут о ней свидетельствовать; однако сама по себе «непереводимость» не должна считаться надежным критерием для отнесения языковой единицы к числу «ключевых слов культуры», поскольку «непереводимость», как это признавала сама А. Павлова в начале своей статьи, может быть связана с самыми разными факторами. В качестве мелкого замечания можно указать, что вернее было бы говорить не о «длине синонимического ряда», а о количестве слов, выражающих некоторую идею. Собственно, А. Павлова из этого и исходит, когда пишет: «... чем популярнее какая-либо ключевая идея для носителей данного языка, тем больше существует синонимов для ее выражения — и наоборот: чем больше бытует в языке синонимов для выражения какой-либо идеи, тем более “культурно нагруженной” является данная идея» [29–30]. Следует только учитывать, что слова, выражающие одну и ту же идею, вовсе не обязаны быть синонимами: так, идея ‘чтобы чувствовать себя свободно и хорошо, человеку нужно много места’ выражена в словах *воля*, *простор*, *гулять*, *приволье*, *раздолье*, *притеснять*, *томиться* (и некоторых других). Дело в том, что синонимия возникает при совпадении ассертивных компонентов значения слова, а идеи, составляющие языковую картину мира, содержатся в имплицитных компонентах.

Впрочем, далее А. Павлова рассматривает только признак «непереводимости» и излагает свою классификацию «переводческих лакун». Собственно, возникает впечатление, что все рассуждения автора о необходимости поиска критериев выделения «ключевых слов культуры» были предназначены для того, чтобы послужить введением к этой классификации. Действительно, она представляет собою

самую интересную часть рассматриваемой статьи; хотя ее нельзя назвать непротиворечивой, поскольку классы оказываются пересекающимися, а признаки, положенные в основу классификации слишком разнородны, она полезна как некоторая систематизация переводческих трудностей и дополнительное свидетельство того, сколь разнообразны причины, которые могут приводить к ощущению «непереводимости».

Все же полезно сделать ряд замечаний по поводу этой классификации.

Во-первых, представляется, что лучше было бы говорить не о «непереводимости» и «переводческих лакунах», а о трудностях при переводе. Если иметь в виду реальную переводческую практику, то любой текст оказывается «переводимым» с той степенью точности и адекватности, которая диктуется целями перевода. Кроме того, трудности при переводе возникают не только из-за «лакун» в языке перевода, но и в тех случаях, когда язык перевода дает несколько возможностей и переводчик становится перед проблемой выбора. Немецкое слово *Wahrheit* переводится на русский как *правда* и *истина*; английскому слову *sad* соответствуют два русских перевода: *грустный* и *печальный*. Выбор перевода в таких случаях трудно описать алгоритмически. Едва ли разумно говорить, что на месте английского слова *Kingdom* в русском языке имеется лакуна; однако выбор между переводами *царство* и *королевство* не всегда оказывается тривиальной задачей. Понятно, что сочетание *Kingdom of God* следует перевести как *Царство Божие*, а *United Kingdom* — как *Соединенное Королевство*, но если речь идет, напр., о сказочной стране, то выбор между *царством* и *королевством* может составить некоторую проблему. (Более того, некоторые такие случаи А. Павлова в дальнейшем упоминает, как-то обходя вопрос о «лакунарности».)

Во-вторых, значительная часть релевантного материала не попадает в поле зрения автора, поскольку А. Павлова, начиная изложение своей классификации, пишет: «Грамматику оставляем в стороне» [30]. Между тем мы уже видели, что, скажем, различия в грамматическом роде существительных, являющихся словарными эквивалентами друг друга, могут создавать трудности при переводе отрывка, в котором имеет место олицетворение. Вообще игнорировать грамматику при обсуждении семантических проблем в высшей степени

странно, поскольку грамматические особенности поведения лексической единицы часто непосредственно зависят от особенностей концептуализации действительности этой единицей (и тем самым могут свидетельствовать об этих особенностях). Скажем, по-русски названия ягод употребляются при обозначении совокупности этих ягод при их употреблении в пищу в единственном числе, а названия фруктов — во множественном: *варенье из земляники, малины, крыжовника*, но *из яблок, груш, абрикосов*. Вишни могут концептуализоваться двояко: как ягоды и как фрукты; соответственно говорят и *варенье из вишни*, и *варенье из вишен*. Слова *грусть* и *печаль*, которые конкурируют в качестве переводов английского слова *sadness*, различаются по смыслу, и это различие проявляется, в частности, в том, что *грусть* не употребляется во множественном числе, а *печаль* употребляется.

В-третьих, поскольку А. Павлова отказывается от детального семантического анализа, ряд примеров получает неверную квалификацию. Так, она пишет: «... словосочетание *j-d bekam rote Wangen* переводится по-разному в зависимости от причины покраснения щек: кто-либо *покраснел от стыда* или *раскраснелся на морозе*», — и утверждает: «Необходимость выбора разных глаголов продиктована не семантикой (она одинакова), а стилистической нормой» [35]. Но как раз стилистически глаголы *покраснеть* и *раскраснеться* не различаются: оба являются стилистически нейтральными. Можно было бы полагать, что А. Павлова просто таким образом неправильно обозначает сочетаемость, тем более что вначале абзаца она так и пишет: «Стилистическая норма ПЯ (сочетаемость)...». Но на самом деле причина покраснения щек вовсе не обязательно эксплицитно указывается в контексте, так что дело здесь не в сочетаемости, а именно в семантике: в значение русских глаголов *раскраснеться* и *покраснеть* «встроено» представление о вероятной причине покраснения. Рассуждение А. Павловой о немецких прилагательных *warm* и *heiß* свидетельствуют о ее незнании с работами, в которых температурные прилагательные в разных языках описываются с точки зрения лексической типологии (одной из первых публикаций на эту тему была статья [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999], в которой были описаны русские прилагательные *теплый* и *горячий* и шведские *warm* и *het*). А. Павлова пишет: «прилагательные *warm/heiß* распределяются при переводе по-разному в зависимости от сочетания и контекста: если в доме нет *warmes Wasser*,

то по-русски скажут, что в доме нет *горячей воды* (а не *теплой*), а если мы умываемся под краном, то из крана течет *теплая вода* (а не *горячая*). Если же вода из-под крана для умывания слишком горячая, то и по-немецки она будет обозначена как *heiß*, а не *warm*. Так что распределение *горячий/теплый* ориентировано не на температуру воды и ее восприятие в той или иной культуре и не на привычки того или иного народа, а исключительно на стилистическую норму» [35]. Комментарий А. Павловой невнятен, но при любом понимании лингвистически неграмотен: стилистически все четыре прилагательных (два немецких и два русских) не различаются, сочетаемость в рассмотренных примерах тоже одинакова (со словами *Wasser* и *вода* соответственно). Ясно, что дело здесь именно в семантике, которая разная для всех четырех слов. Интересно в связи с этим рассуждением А. Павловой вспомнить известную цитату из Апокалипсиса, которая в синодальном переводе читается: «ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих», — а в немецком переводе Мартина Лютера: «*du weder kalt noch warm bist. Ach, daß du kalt oder warm wärest! Weil du aber lau bist und weder kalt noch warm, werde ich dich ausspeien aus meinem Munde*». Мы видим, что *горячему* соответствует *warm*, а *теплому* — *lau*. Отдельную проблему составляет описание метафор (таких, как *горячо любимый*), большая часть которых семантически мотивирована.

Представляется, что А. Павлова не вполне уверена, обсуждает ли она трудности практического перевода или наличие/отсутствие однословного эквивалента в языке перевода. Из ее общих рассуждений как будто следует, что в центре внимания именно практический перевод; однако некоторые приводимые ею примеры «переводческих лакун» никакой реальной трудности для перевода не представляют. Так, она приводит примеры слов, «эквиваленты которых отсутствуют по необъяснимым причинам: *zelten* — *ходить в поход с палаткой*, *отдыхать с палаткой**; *paddeln* — *кататься на байдарках*; *radeln* — *кататься/ехать на велосипеде*; *rodeln* — *кататься на сан-*

* Здесь вновь появляется загадочное выражение *отдыхать с палаткой* и становится ясно, что А. Павлова просто использует его как русское соответствие глаголу *zelten*. Поначалу это кажется странным: неужели *zelten* непременно предполагает, что субъект устал и нуждается в отдыхе. Но спустя несколько мгновений становится понятно, что А. Павлова просто использовала русский глагол *отдыхать* в просторечном значении (описанном, в частности, в статье [Зализняк 2009]).

ках; *telefonieren* — разговаривать по телефону; *ausladen* — отменить приглашение» [34–35]. Но ведь перевод этих глаголов обычно не составляет проблемы: можно использовать словосочетания, которые А. Павлова как раз и привела! (Правда, для глагола *telefonieren* во многих случаях лучше использовать не перевод *говорить по телефону*, а перевод *звонить по телефону* или просто *звонить*.)

Напрасно А. Павлова не проверяет достоверность своих высказываний. Так, она пишет: «Немецкое шутливое обращение *Mädels* в постсоветский период стало невозможно перевести как *девчата*, поскольку слово *девчата* ассоциативно столь тесно оказалось связано с советской пропагандой, что сейчас из русского языка практически исчезло» [34]. Верно здесь только то, что слово *девчата* имеет определенную стилистическую окраску и многими воспринимается как советизм. Как раз это и препятствовало его употреблению в советское время (я, напр., не представляю себе, чтобы я мог его употребить вне цитации). Но люди, у которых нет стойкого отталкивания от советизмов, вполне могут использовать его, и мы находим в современных текстах (как художественных, так и публицистических) огромное количество примеров. Когда А. Павлова говорит, что такие выражения, как *калека*, *убогий*, *старая дева*, *синий чулок*, *засидеться в девках*, *девица на выданье* вытеснены из языка политкорректностью, имело бы смысл проверить и это утверждение, обратившись к данным современной речевой практики, и убедиться, что все эти выражения нередко употребляются в современных текстах. Опровергается речевой практикой и следующее утверждение А. Павловой относительно слова *прилежный*: «Это довольно редкое слово в русском дискурсе, по крайней мере в относительно современном его состоянии» [35]. Примеров употребления этого слова в современных текстах тоже очень много.

Создается впечатление, что А. Павлова больше полагается на искусство и интуицию переводчика, нежели на научный анализ. Вот она рассуждает о словах «с емкой семантикой»*, приводит в каче-

* Она также называет их словами, «для которых характерна большая глубина семантического описания (набор сем)», сообщает, что эти слова «семантически многогранны и несколько аморфны» [39]. Мы снова видим, что А. Павлова представляет себе значение слова как «набор сем». Понятно, что при таком подходе нет шансов на основе языкового анализа понять что-то в культуре: в самом деле, как узнать, что именно из этого «набора сем» культурно значимо? Однако следует иметь в виду, что современная семантика давно отказалась от такого примитивного взгляда на языковое значение.

стве примера русское слово *пошлый* и ряд немецких предложений, в которых встречаются немецкие аналоги этого слова. Ее вывод: «В этих отрывках слова *kitschig*, *ordinär*, *anzüglich*, *schlüpfrig*, *vulgär* иначе как *пошлый* не перевести» [40]. Предположим, что так (хотя в предложении *Dieses Gefühl schien mir niedrig und vulgär* последнее слово можно было бы перевести и словом *вульгарный*). Но дальше она сообщает: «То же касается и перевода с русского на немецкий: подобрать эквивалент в рамках текста переводчику несложно» [40]. Никаких алгоритмов, позволяющих выбрать подходящий перевод в каждом конкретном случае, она не дает. Лейтмотив ее рассуждений: «...переводчикам приходится призывать на помощь творческую изобретательность» [38]. То же самое она говорит и в заключение своего обзора «переводческих лакун»: «Обычно факторы, заставляющие переводчика проявлять изобретательность из-за отсутствия простых соответствий, накладываются друг на друга, так что переводческие решения приходится принимать в условиях множественных, сочетающихся друг с другом трудностей» [42]. Мысль о необходимости проявления творческой изобретательности, которая позволит найти переводческое решение в трудных случаях, утешительна, хотя и не нуждается в особом подтверждении; однако ее научная ценность равна нулю. Польза научного исследования для перевода может состоять как раз в том, чтобы дать необходимые инструкции переводчику, не обладающему «изобретательностью»; пределом могут считаться алгоритмы, пригодные для машинного перевода*.

Общая нечеткость логических построений А. Павловой приводит к тому, что даже верные наблюдения она часто завершает декларативными и ни на чем не основанными пассажами. Так, она отмечает отсутствие в русском языке однословного эквивалента немецкого глагола *sich aussperren* ‘остаться без ключа перед захлопнувшейся дверью’, обсуждает возможные причины этого, но далее почему-то заявляет: «... рассуждения о том, что для немецкой культуры это понятие “важнее”, представляются ничем не оправданными» [41]. Мысль сама по себе бесспорная; однако ссылок, из которых мож-

* Речь идет даже не столько о реальном машинном переводе, сколько о том, что необходимо эксплицитно формулировать все обнаруженные закономерности, так что применение правил, построенных на основе этих закономерностей могло быть почти автоматическим.

но было бы понять, где она обнаружила указанные «рассуждения», А. Павлова не приводит. А в отсутствие таких ссылок сама ее декларация представляется ничем не оправданной.

Следующий раздел статьи А. Павловой озаглавлен «Выводы из сравнения непереводаемых лексем». В целом ее рассуждения строятся по следующей схеме: если лингвистический анализ сообщает нам о культуре то, что мы можем почерпнуть и из других источников, то он не нужен, а если у нас нет подтверждения из других, независимых источников, то выводы объявляются недостоверными. Схема в некотором смысле бесприигрышная и напоминающая известное рассуждение халифа Омара об Александрийской библиотеке; однако даже ее реализация в статье А. Павловой сопряжена с отказом от семантического анализа, фактическими неточностями и логическими неувязками.

Она пишет: «... реалии, несомненно, часть культуры. Но это было известно заранее, поскольку тривиально. Знание, что самовар или сталинизм являются реалиями, предшествует языковому анализу» [42]. Понятно, что концепты ‘самовар’ и ‘сталинизм’ имеют различный культурный статус; отнести сталинизм к «реалиям» можно лишь при очень широком понимании понятия «реалия». Но более интересным является вопрос, дает ли семантический анализ слов *самовар* и *сталинизм* что-то для понимания соответствующих явлений и их роли для культуры. Ответ на этот вопрос, несомненно, положительный. Для таких объектов материальной культуры, как самовар, знание значения слова по существу и есть знание устройства этого объекта и его места в культуре. Большинство современных носителей языка впервые узнают слово *самовар* в детстве, еще не будучи знакомыми с самим объектом; источником сведений служат детские стихотворения Корнея Чуковского и особенно Даниила Хармса. Из этих стихотворений становится ясным назначение самовара — приготовление кипятка для заваривания чая и последующего чаепития; кроме того, из них понятны некоторые детали устройства самовара (напр., наличие крана, через который льется вода), а также его относительно большие размеры. Поскольку детские книги обычно снабжаются иллюстрациями, дети получают также некоторую информацию о внешнем виде самовара. По существу это и есть овладение значением слова, пусть и предварительное. В дальнейшем чаще всего происходит знакомство с самим

объектом и его устройством, и тем самым носитель языка овладевает значением слова, хотя и не всегда способен эксплицировать его. Сходным образом лингвист, анализируя употребление слова *самовар* в реальных текстах (но уже сознательно и пользуясь релевантной методологией), может извлечь из них всю необходимую семантическую информацию и описать значение слова в эксплицитной форме. Именно из текстов извлекаются многие сведения о реалиях исчезнувших культур. Что касается до слова *сталинизм*, то даже поверхностный лингвистический анализ покажет ограниченность сферы его употребления. В целом слово *сталинизм* было более всего характерно для самиздатских авторов 1960-х, которые не хотели выражать неприятие коммунистического учения как такового. Оно не могло быть использовано в советской подцензурной печати (в ней мог использоваться эвфемизм «культ личности»). С другой стороны, оно почти не использовалось и в антикоммунистическом дискурсе. Характерно рассуждение Александра Солженицына, который писал в 1969: «Справедливо усумниться: а есть ли такой отдельный “сталинизм”? Существовал ли он когда? Сам Сталин никогда не утверждал ни своего отдельного учения (по низкому умственному уровню он и не мог бы построить такого), ни своей отдельной политической системы. <...> “Сталинизм” — это очень удобное понятие для тех наших “очищенных” марксистских кругов, которые стремятся отличаться от официальной линии, на самом деле отличаясь от неё ничтожно. <...> Но пристальное изучение нашей новейшей истории показывает, что *никакого сталинизма* (ни — учения, ни — направления жизни, ни — государственной системы) не было, как справедливо утверждают официальные круги нашей страны, да и руководители Китая. Сталин был хотя и бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель *духа* ленинского учения». Впрочем, надо учесть, что слово *сталинизм* использовалось людьми, ни в коей мере не разделявшими коммунистической идеологии (особенно в эмиграции)*, однако значение его было несколько размыто и различно у разных авторов. Сейчас некоторые обертоны в семантике этого слова, влиявшие на его употребление, начинают забываться, но лингвистический анализ позволяет их вы-

* Использовали его и коммунистические авторы в эмиграции, напр. Л.Д. Троцкий, подчеркивавший этим, что Сталин «изменил ленинизму», напр.: «Куйбышев, Ярославский, Бубнов и многие другие нынешние столпы сталинизма».

явить и тем самым воссоздать культурный ореол этого слова в разные эпохи и в разных типах дискурса.

В этом разделе еще чаще, чем раньше, мы сталкиваемся с тем, что из верно отмеченных фактов А. Павлова делает никак не следующие из них выводы или даже противоположные тем, которые диктовались бы здравым смыслом. Кроме того, она по-прежнему упорно уклоняется от семантического анализа.

Так, она отмечает, что «в русском языке отсутствует эквивалент устойчивого выражения *faule Kompromisse*» и задает вопрос: «Можно ли на основании этой лакуны делать вывод, что для русских любые компромиссы хороши?» [43]. Казалось бы, наоборот: эту «лакуну» можно объяснить тем, что для советской идеологии любой компромисс был под подозрением (а *бескомпромиссность*, напротив того, ценилась), так что не было необходимости отделять от группы хороших, подлинных компромиссов скверные, «гнилые» компромиссы*.

Напомнив, что «у немцев есть глагол *zelten*, а у русских нет его эквивалента», А. Павлова спрашивает: «Означает ли это, что русские не ходят в палаточные походы? Или что для русских этот вид отдыха менее значим?» [44]. Непонятно, что может подвигнуть к такому выводу. Поскольку в русском языке эквивалента нет, анализировать в нем вообще нечего; а в семантике немецкого слова как будто ничто не указывает на степень значимости этого «вида отдыха» для русских. Отметив, что в русском языке «нет глагола, который бы обозначал действие *разговаривать по телефону*», она задает вопрос: «...означает ли это, что они реже разговаривают по телефону, чем немцы, или что их телефонные разговоры короче, или что для них телефонные контакты менее важны?» [44]. И опять остается неясным, какого рода семантический анализ мог бы склонить к таким выводам. Подавляющее большинство попыток А. Павловой формулировать «выводы» о культуре также повисают в воздухе, поскольку не базируются на каком-либо лингвистическом анализе. Иными словами, речь идет не о попытке судить о культуре на ос-

новании языковых данных, а о попытках судить о культуре, вовсе не прибегая к анализу языковых данных, и следует признать, что в исполнении А. Павловой эти попытки оказываются бесплодными.

Возможно, А. Павлова полагает, что судить о культуре на основе языковых данных можно на основе постулата, согласно которому если в некотором языке есть слово, не имеющее эквивалента в другом языке, то соответствующее явление более характерно для культуры, обслуживаемой первым языком. Разумеется, это ложный постулат: наличие в языке слова, вообще говоря, свидетельствует о том, что соответствующее явление известно в данной культуре (понятно, что в русском языке XIX не было слова *компьютер*), но ничего не сообщает о его распространенности*. Другое дело, если семантический анализ обнаружит неассертивный компонент, указывающий на распространенность явления и его освоенность культурой. Так, если мы дадим слову *страх* приблизительное толкование ‘то, что обычно чувствует человек, который думает, что может произойти нечто плохое для него и он не может это предотвратить’, то, как уже говорилось, мы можем заключить, что понятие страха освоено русской культурой (поскольку толкование включает слово *обычно*). Напротив того, чувство, которое в немецком языке обозначается словом *Angst* (нечто среднее между страхом и тревогой [Wierzbicka 1998]), приблизительное толкование может включать компонент ‘то, что обычно чувствует человек, который думает, что может произойти много плохих вещей, и не знает какие именно...’), русской культурой не освоено**.

Могло бы показаться, что я представляю воззрения А. Павловой на возможные способы судить о культуре на основе языковых данных излишне примитивными и даже фантастическими. Но вот типичный пример ее рассуждения: «В немецком языке есть существительное *Abkürzung*, обозначающее более короткий путь. В русском эквивалентного существительного нет. Можно сказать только *сократить*

* Здесь, впрочем, следовало бы отметить, что сочетание *гнилой компромисс* иногда использовалось русскими (в том числе советскими) авторами (возможно как калька с немецкого выражения) и дважды приводится в качестве иллюстрации в [Толковом словаре русского языка 1935]. Добавлю, что история представлений о компромиссе в зеркале русского словоупотребления рассмотрена в статье [Шмелева 2012].

* Столь прямолинейное усмотрение связи языка и культуры напоминает истолкования, которые когда-то давались в рамках «лингвистического анализа художественного текста» (напр. интерпретацию безличных предложений в романах Федора Достоевского как выражение фатальности «некоей непостижимой силы» [Силина 1957: 146]).

** Сказанное, разумеется, не означает, что русские не могут ощущать нечто вроде *Angst*; но, для того чтобы поведать об этом, по-русски придется прибегать к сложным описаниям, тогда как смысл ‘страх’ передается одним общепонятным словом.

дорогу (глагольная группа). Какой культурологический вывод напрашивается из этого наблюдения? Стоит ли утверждать, что русским не свойственно сокращать путь или что для русской культуры длина пути не слишком важна, раз представление о его сокращении не закрепились в языке в виде существительного?» [46]. Кажется, что никакой «культурологический вывод» здесь не «напрашивается»; впрочем, и «наблюдение» весьма примитивное и не сопровождается семантическим анализом приведенных выражений. В семантике русского выражения *сократить дорогу* нет никакого указания на «неважность» длины пути для культуры, а попытки говорить о «важности» или «неважности» некоторого явления для культуры лишь на основе частеречной принадлежности связанных с ним выражений могут базироваться только на беспочвенных фантазиях.

Но даже рассуждения по данной схеме А. Павлова иногда приводит с нарушениями правил логики. Так, она пишет: «Известно также, что в современной России распространена практика переноса праздничных дней: например, если праздник выпадает на четверг, то пятницу тоже делают праздничным (нерабочим) днем за счет, например, субботы следующей недели. При этом пятница между официальным праздничным днем и выходными никак не именуется. В немецком же для такого дня есть специальное название — *Brückentag* (“день-мостик”). При этом перенос выходных на *Brückentag* не принят. Можно с достаточным основанием утверждать, что для россиян понятие “день между праздником и выходными” значительно актуальнее (важнее), однако на лексиконе это не отразилось» [45]. Но именно в силу практики переноса выходных дней, восходящей к советскому времени, для России понятие такого «мостика» вовсе не актуально, в отличие от ряда западноевропейских стран. Во французском языке есть характерное выражение *faire le pont* ‘не пойти на работу в день между двумя выходными’ (буквально — ‘сделать мостик’), а в русском языке нет его аналога, поскольку день между двумя выходными обычно и так бывает выходным.

Иногда рассуждения А. Павловой оказываются попросту анекдотичными. Так, она сообщает, что «русские говорят: *У кошки век короткий — всего пятнадцать лет*, или: *На мой век чего-либо хватит*», и спрашивает: «Означает ли это, что русские исчисляют век иначе, чем немцы, которые про продолжительность жизни чело-

века или животного никогда не скажут ничего, что бы напоминало *Jahrhundert*?» [43]. Трудно поверить, чтобы профессиональный лингвист не понимал, что слово *век* многозначно, причем значение ‘столетие’, которое в некоторых словарях дается первым, по видимому не является основным даже для современного русского языка. Интересно, что А. Павлова сказала бы про выражения *каменный век*, *атомный век*, *на моем веку* или как бы она перевела выражение *во веки веков**.

Когда А. Павлова переходит к обозначениям цвета, ее рассуждения становятся совсем сумбурными. Она упоминает тот факт, что в немецком языке «цвет лисьей шкуры или цвет волос человека обозначается словом *rot*» и что, кроме того, в нем «активно используется прилагательное *orange* — оранжевый». В связи с этим она задает странный вопрос: «Кто может с точностью отделить рыжий от оранжевого?» [46]. Понятно, что лингвиста здесь могут интересовать не объективное различие цветов, а лишь правила употребления соответствующих прилагательных, и, сформулировав такие правила, мы можем «с точностью» сказать, что различили эти цвета. Известно также, что некоторой особенностью русского языка по сравнению с рядом западноевропейских языков является отсутствие прилагательного, соответствующего английскому прилагательному *blue*, французскому *bleu*, немецкому *blau* (при желании можно назвать это «лакуной»). Иногда вследствие этого могут возникать трудности перевода (упомянем название знаменитой пьесы Мориса Метерлинка *L’oiseau bleu*). В связи с этим общеизвестным фактом А. Павлова сообщает, что «голубой и синий цвета радуги именуется *hellblau* и *indigo*» и что «синий и голубой в немецком имеют такое количество специальных оттенков (*tiefblau*, *kobaltblau*, *veilchenblau*, *türkisblau*, *himmelblau*, *fahlblau*, *blässblau*), что в освоении этих цветов... носителями немецкого языка сомневаться не приходится» [46] (факты тоже общеизвестные). В «освоении этих цветов» носителями немецкого языка как будто никто и не сомневался; однако остается неясным, как эта информация отменяет тот факт, что в немецком языке есть слово *blau*, и как она помогает в переводе этого слова на русский язык.

*Замечу, что в тексте Символа веры выражению *прежде всех век* соответствует немецкое сочетание *vor allen Aeonen*, а выражению *жизни будущего века* — *des Lebens des kommenden Aeons*.

Удивительно, что даже факты, очевидным образом свидетельствующие о наличии связи языка и культуры, А. Павлова пытается интерпретировать так, чтобы ни в коем случае не допустить возможность опоры на языковые данные при анализе этой связи. Вспомнив, что «немецкий глагол *wandern* культурно нагружен: он ассоциируется с эпохой немецкого романтизма и может рассматриваться как “ключевое слово” этого художественного направления в истории немецкой культуры», она справедливо указывает: «Эта же эпоха отмечена борьбой писателей-романтиков против *Philister*, *Spießbürger*. Филистерам противостоит *Genie*, а *Welfflucht* — способ от них спастись». Однако дальше она рассуждает следующим образом: «... такие “ключевые слова” — всегда конкретной и ограниченной во времени и пространстве группы — можно обнаружить, только если знать культуру этой группы, ее историю и ее идеи. Языковой анализ таких знаний не предоставляет. Наоборот, мы отыскиваем в языке те или иные слова и выражения, потому что мы их знаем заранее благодаря знанию эпохи» [48]. Любопытно, каков, по мнению А. Павловой, источник наших знаний о культуре рассматриваемой эпохи. Конечно, кто-то может получать такие знания из учебных пособий, но откуда они у авторов пособий? На самом деле, по большей части основной источник сведений — тексты, написанные в изучаемую эпоху представителями рассматриваемой культурной общности. Знание культуры, от которой сохранились какие-то тексты, — это в значительной мере знание языка, на котором написаны эти тексты. Возможно интуитивное овладение этим языком, без посредства детального лингвистического анализа, — подобно тому, как мы овладеваем родным языком (а многие и иностранными языками). Но лингвистический анализ, базирующийся на строгой методологии, дает возможность получить значительно более надежные сведения о культуре ушедших эпох.

Беззаботности А. Павловой по части логики соответствует ее беззаботность по части фактов. Так, она пишет: «В последнее время стало уже общим местом утверждение, что кладезем народной культуры является фразеология» [49]. Между тем именно в последнее время против идеи об особой культурной значимости фразеологии все чаще высказываются серьезные возражения. Сошлюсь на книгу авторитетных специалистов по фразеологии, в которой есть специальная глава, посвященная вопросу о националь-

но-культурном аспекте фразеологии* [Баранов, Добровольский 2008: 251–287]. Авторы начинают с критического рассмотрения утверждения А. М. Бабкина, сделанного в 1979, согласно которому идиоматика — это «святая святых национального языка», «в которой неповторимым образом манифестируются дух и своеобразие нации». Они пишут: «Априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. Против него могут быть выдвинуты возражения как интуитивного, так и теоретического характера». Они приводят ряд примеров фразеологизмов (*лезть на стену*, *качать права*, *не моргнуть глазом*), по поводу которых пишут: «... не вполне ясно почему мы должны усматривать национальную или культурную специфичность в таких идиомах». Вообще говоря, во фразеологизме *качать права* можно было бы усмотреть характерный для русской культуры скепсис по отношению к юридическим методам решения проблем (фразеологизм содержит легкую иронию по адресу того, кто *качает права*), но в целом позиция авторов представляется вполне обоснованной. Далее они отмечают, что «наличие противоположных ценностных установок реально представлено в идиоматике очень многих языков» и поэтому неправомерно «выделять одну из этих установок в качестве главной для данного народа и приписывать ей статус культурно-специфической». Очевидно, что приведенные цитаты свидетельствуют: представление о фразеологии как о «кладезе народной культуры» отнюдь не стало общим местом в последнее время — скорее наоборот.

Однако А. Павлова продолжает ломиться в открытую дверь и переходит к пословицам. Она сообщает, что «назидательные пословицы типа *Сам погибай, а товарища выручай*; *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* или *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* известны из школьной программы, но в живой диалогической речи практически не употребляются» [50]. Не очень понятно, почему так уж важна степень употребительности приведенных пословиц: кажется, что они лингвистически не очень интересны; в частности, посредством лингвистического анализа из них едва ли можно извлечь культурно значимые сведения.

* В ней используются материалы ряда статей Д.О. Добровольского, опубликованных в 1990 г.

Здесь А. Павлова почему-то переходит к частотности, приводит пять самых частотных существительных и пять самых частотных глаголов по данным электронной версии известного словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (<http://dict.ruslang.ru/freq.php>) и задает вопрос: «Какие культурологические выводы допустимо делать на основании этих списков?» [50]. Кажется очевидным, что никаких разумных выводов «на основании этих списков» сделать нельзя; но остается непонятным, на какие выводы могла рассчитывать А. Павлова и почему она выбрала именно существительные и глаголы: очевидно, что самые частотные русские слова — это предлоги, союзы, частицы (*и, в, не*).

Впрочем, показательно высказывание, посредством которого А. Павлова заводит речь о частотности: «Интересующихся частотностью отошлю к “Новому частотному словарю русской лексики”...» [50]. Словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова является ценным лингвистическим ресурсом; однако «интересующихся частотностью» (в том числе самое А. Павлову) лучше бы отослать к надежным пособиям, в которых говорится о применении количественных методов в гуманитарных науках.

Далее А. Павлова заявляет: «Ничего вневременного, “чисто” национального, вечного, неизбывного, глубинного, исконного и неизменного при непредвзятом анализе в языке не обнаружить» [51]. Приятно, что здесь можно полностью согласиться с ней; но непонятно, в чем необходимость столь торжественно декларировать эту вполне самоочевидную мысль и какое это имеет отношение к проблеме соотношения языка и культуры. Ведь в культуре, как всем известно, тоже «ничего вневременного, чисто национального, вечного, неизбывного, глубинного, исконного и неизменного» при непредвзятом анализе не обнаружить.

После этого А. Павлова переходит к разбору некоторых языковых выражений из нашей книги [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] и возможности их перевода на немецкий язык. Обещанного разбора содержащихся в книге или подразумеваемых в ней теоретических положений мы так и не дождались, но разбор примеров в чем-то еще интереснее и показательнее.

Предваряется этот разбор цитатой из нашей книги с комментарием А. Павловой в квадратных скобках: «Заметим, что их [ключевых идей культуры, например, *собираться, добираться, постарать-*

ся, сложилось, довелось, обида и др. — А.П.] переводные аналоги не являются подлинными эквивалентами именно ввиду отсутствия в их значениях этих специфичных для данного языка идей» [51]. Цитата приведена без искажений, но комментарий представляется совершенно абсурдным: во-первых, мы никогда не высказывали нелепую мысль, что слова *собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, обида* и др. являются «ключевыми идеями культуры», а во-вторых, нелепостью является само обсуждение вопроса о «переводных аналогах» «ключевых идей культуры». В приведенной цитате, как легко убедиться, обратившись к нашей книге, речь идет не о «переводе идей», а о лингвоспецифичных русских словах, содержащих в своем значении ключевые идеи языковой картины мира (но, конечно, не сводимых к ним), и их переводных аналогах (о культуре в ней речь вообще не идет).

Как можно судить на основе разбора, проведенного А. Павловой, она стремится опровергнуть нашу мысль об отсутствии точных переводных эквивалентов анализируемых нами слов. Впрочем, в большинстве случаев она избирает методику, которая заведомо не позволяет достичь желаемого результата, поскольку в качестве «опровержения» она приводит переводы предложений, содержащих рассматриваемые слова. Вообще говоря, возможность более или менее адекватно перевести отдельно взятое предложение с некоторым словом ни в коей мере не доказывает наличие у слова точного семантического эквивалента (более того, сама А. Павлова здесь же признает, что в контексте перевод «поддерживается семантикой окружающих слов и конструкций»). В самом деле, русские предложения с частицей *же* обычно не составляют большой проблемы для перевода, но странно было бы на этом основании делать вывод о наличии у частицы *же* точного эквивалента в немецком или каком-либо другом языке. Кроме того, у многих слов есть аналоги, позволяющие осуществить перевод в тексте (в некоторых случаях с небольшим семантическим сдвигом). В таких случаях обнаружение семантических отличий исходного слова и его аналога требует тщательного семантического анализа, которого А. Павлова последовательно избегает. Так, в статье [Зализняк, Шмелев 1997] (вошедшей в книгу [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]) мы среди прочего разбираем отличия русского слова *утро* и немецкого *Morgen*. Тот вполне очевидный факт, что *Morgen* в подавляющем большинстве

предложений может служить вполне адекватным переводом слова *umtro* (а *umtro* успешно переводит *Morgen*) не противоречит отсутствию точной эквивалентности между ними.

Следует заметить, что А. Павлова не рассматривает ни примеры, когда аналог очевиден (как для слова *umtro* — *Morgen*), ни примеры русских слов, для которых аналога заведомо нет (как для частицы *же*). Она сосредоточивается на словах, для которых перевод не вполне очевиден и которые поэтому, как нам кажется, могут вызывать затруднения у переводчика. Тезис А. Павловой, если я правильно его понимаю, заключается в том, что такие затруднения являются мнимыми, перевод найти совсем несложно, поскольку имеет место точная семантическая эквивалентность русского выражения и его немецкого аналога.

Разбор, проведенный А. Павловой, содержит такое количество фактических, логических и лингвистических ошибок, что я вынужден постоянно прибегать к цитированию: иначе будет трудно пове- рить, что она действительно написала то, что написала.

А. Павлова начинает свой разбор со следующего утвержде- ния: «Пресловутый “русский авось” переводится самыми разными способами: *auf gut Glück, wenn was ist, für den Fall der Fälle, aufs Geratewohl, ins Blaue hinein, planlos, ohne Plan, auf Gutdünken*» [51]. Здесь не вполне понятно, о чем говорит А. Павлова. Дело в том, что слово *авось* в современной русской речи различает два режи- ма употребления: с одной стороны, оно нередко выступает как ус- ловный символ «русскости»^{*}; с другой — оно по-прежнему может функционировать в прямом режиме как дискурсивное слово. Ког- да А. Павлова использует сочетание *пресловутый «русский авось»*, кажется, что она имеет в виду символическое употребление слова, однако предлагаемые ею переводы больше подходят для дискур- сивного употребления. Впрочем, приведенные ею восемь немецких выражений явно не синонимичны между собою, поэтому ясно, что речь не идет о точной семантической эквивалентности: одно сло- во не может в точности совпадать по смыслу с восемью семанти-

^{*} Часто в этом случае оно сочетается со словом *русский* или *российский*, как в примере из романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», приведенном мною в книге [Шмелев 2002: 136]: «...слово «русский» вновь обрело живое содержание. Спер- ва, в пору отступления, это слово связывалось большей частью с отрицательными определениями: российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русско- го «авось»...

чески различными словами. Для практического перевода указание А. Павловой бесполезно: никаких правил, которые позволили бы начинающему переводчику осуществить выбор между восемью выражениями, она не сформулировала (так что опять пришлось бы полагаться на «творческую изобретательность» переводчика). Кста- ти, любопытно проверить, как переводится слово *авось* в реальной переводческой практике. Это слово довольно часто (восемь раз) ис- пользуется в повести Александра Пушкина «Капитанская дочка», перевод которой на немецкий язык доступен в рамках НКРЯ. Легко убедиться, что ни один из предложенных А. Павловой мнимых эк- вивалентов не использован в переводе ни разу, а выбранный пере- водчиком вариант каждый раз сопровождается очевидным семанти- ческим сдвигом. Так, напр., слова Пугачева *Авось увидимся когда- нибудь* переведены: *Mag sein, daß wir uns noch einmal wiedersehen*. Выражение *mag sein* является семантически элементарным и соот- ветствует русскому *может быть*; ясно, что оно не способно в точ- ности передать сложную семантику слова *авось*.

Далее А. Павлова пишет, что у нее «вызывают удивление» ут- верждения, что некоторые приводимые ею «идеи» являются «уни- кальными, присущими исключительно русским». При этом она ссылается на страницы нашей книги, так что у читателя можно соз- даться впечатление, что утверждения об «уникальности» там и со- держатся. Однако если он обратится к соответствующим страницам нашей книги, то увидит, что ничего подобного там не утверждается: это очередная выдумка А. Павловой^{*}.

Среди этих «идей» А. Павлова упоминает «склонность к лени», ссылаясь при этом на статью И. Б. Левонтиной «Номо piger». Здесь речь идет уже не только о фактической неточности, но и о полной невнятности. Выражение «склонность к лени» является обозначени- ем некоторого свойства; какую же «идею» видит за этим свойством А. Павлова? То что некоторым людям присуща склонность к лени? Или что всем людям присуща склонность к лени? Или что лень — это хорошо? Думаю, понятно, что статья И. Б. Левонтиной посвя-

^{*} Вообще утверждение, что какая-то идея является «уникальной», «присущей исключительно русским» представляется неуместным в лингвистическом сочинении; не слишком оно уместно и в статье, рассматривающей возможность понимания культуры на основе языковых данных, поскольку не имеет отношения ни к языку, ни к культуре.

щена совсем другим проблемам, и даже название статьи ('человек ленивый' на латыни) показывает, что ни о какой русской «уникальности» идей, связанных с человеческой ленью, в ней речи не идет. В статье рассматриваются разные виды лени: лень как состояние тела (физическая расслабленность, истома или оцепенение), лень как душевное состояние (паралич воли, когда человек не может приступить к действию), лень как состояние ума (рациональную установку, нежелание совершать бессмысленные действия и тратить силы впустую). Анализируются русские языковые средства, соотносимые с разными видами лени: *лень* (существительное и предикативное наречие), *ленца*, *лоботряс*, *ленивый*, *лениво*, *ленивец*, *лениться*, *лентяй*, *лодырь*, *неохота*. Описываются различия между сходными на первый взгляд ответами *Лень*, *Неохота* и *Да ну* в ответ на предложение нечто сделать. В связи с аксиологией лени отмечаются различия между такими словами, как *лодырь* и *лоботряс*, выражающими отчетливо отрицательную оценку лени, и словом *ленивец*, которое может выражать симпатию к поэтической натуре, отвергнувшей соблазны карьеры ради мирных утех любви и дружбы. При этом указывается, что комплекс идей, связанных с таким употреблением слова *ленивец*, привит русской культуре золотого века Константином Батюшковым и Александром Пушкиным и был заимствован из французской анакреонтики XVIII века, в которой даже использовалось выражение *la sainte paresse* (И. Б. Левонтина упоминает в связи с этим также итальянское выражение *dolce far niente*). И лишь на последней странице статьи в сноске упоминается (со ссылкой на статью [Плунгян, Рахилина 1996]) выражение *русская лень* и в связи с этим кратко обсуждается «обломовский комплекс».

В дальнейшем А. Павлова еще вернется к данной статье И. Б. Левонтиной, но здесь она переходит к *попрекам* и сообщает: «*Поппрекать* по-немецки — *Vorhaltungen machen, j-m etwas vorhalten*» [51]. Для подтверждения этого она приводит один-единственный пример из немецкого перевода «Преступления и наказания» Федора Достоевского, добавляя, что этот перевод «предельно точен» (слово *поппрекать* переведено в нем как *vorhalten*). Но единственный пример, независимо от того, насколько точен перевод, не доказывает смысловую эквивалентности. Я могу привести пример использования выражения *Vorhaltungen machen* для перевода слова *пенять* — из уже ци-

тированного мною немецкого перевода «Капитанской дочки»: фраза *Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла* (имеется в виду — за то, что Гринев приучился сидеть один у себя дома) переведена как *machte mir Wassilissa Jegorowna anfangs deswegen Vorhaltungen*. Нелепо было бы на этом основании утверждать семантическое тождество *Vorhaltungen machen* и глагола *пенять*, тем более что глаголы *поппрекать* и *пенять* очевидным образом не синонимичны. Мне кажется, что оборот *Vorhaltungen machen* гораздо ближе русскому выражению *поставить на вид*; но, разумеется, без тщательного семантического анализа того и другого оборота я не могу утверждать это с уверенностью. Важно, что, по общему мнению, *поппрекать* всегда дурно (так что фраза *Ты меня поппрекаешь* — сильнейшее обвинение в ответ на высказывание, которое могло быть воспринято как *поппрек*), тогда как упреки и обличения, описываемые оборотом *Vorhaltungen machen*, могут представляться оправданными. Сошлюсь на изложение евангельского эпизода, когда Иоанн обличал Ирода Антипу за то, что тот взял жену брата своего (Лк 3, 19), на странице, посвященной празднику Богоявления (http://orthpedia.de/index.php/Taufe_des_Herrn): *Herodes hatte seinem Bruder die Frau weggenommen, und Johannes machte ihm deshalb Vorhaltungen*. Впрочем, спор по этому поводу постепенно становится беспредметным, поскольку рассуждения А. Павловой к концу абзаца снова предельно невняты. Она пишет буквально следующее: «“Идея” попреков отличается от “идеи” упреков (*Vorwürfe, vorwerfen*), являясь в то же время синонимом последней» [52]. Трудно даже понять, что здесь имеет в виду А. Павлова: «синонимами» могут быть языковые выражения (напр., слова), а «идеи» могут быть тождественными или различными, но никак не «синонимичными».

Далее А. Павлова переходит к обсуждению статьи Анны А. Зализняк и И. Б. Левонтиной о русских словах *разлука* и *соскучиться*. Она сообщает: «Слово *Trennung* имеет как значение *расставание*, так и значение *разлука* (причем эквивалентность в обоих случаях абсолютно точная)» [52]. Можно только догадываться, в чем состоит здесь мысль А. Павловой, поскольку в любом случае выражена она лингвистически неграмотно. В каком-то смысле слово *разлука* тоже имеет значение 'расставание' (напр., в пушкинских строках *Томленье страшное разлуки / Мой стон молил не прерывать*). Однако в обоих приведенных А. Павловой примерах употребления

слова *Trennung*, как она сама справедливо замечает, его нельзя перевести посредством слова *расставание*, так что осталось неясным, к чему было заводить речь об этом слове. Что же касается до ситуации, когда речь идет не о моменте или процессе расставания, а о уже имеющем место пространственном разделении, то при обозначении такой ситуации между словами *Trennung* и *разлука* имеется важное различие. Оно заключается в том, что в смысл слова *Trennung* не встроено указание на любовь и страдания, вызванные пространственным разделением с объектом любви (соответствующие значения могут индуцироваться контекстом, но не являются ингерентной принадлежностью слова), тогда как для слова *разлука* это неотъемлемая часть семантики. Именно поэтому слово *Trennung* может обозначать особый вид семейного положения, когда бывшие супруги формально не развелись, но не живут вместе. Переводить слово *Trennung* в этом употреблении как *разлука* совершенно неправильно, и указание А. Павловой, что эквивалентность этих слов «абсолютно точная», может ввести в заблуждение неопытного переводчика. Если же человек, уехавший в длительную командировку и страдающий от разлуки с женой, напишет в анкете на вопрос о семейном положении *getrennt*, он даже может быть обвинен в намеренном искажении фактов.

Не лучше обстоит дело и с рассуждениями А. Павловой о переводе слова *соскучиться*. Вот цитата: «Скучать, соскучиться — также вряд ли можно рассматривать как специфические ключевые идеи русской языковой картины мира. *Как же я соскучился!* — *Ich habe dich vermisst; du hast mir gefehlt* — эквивалентность соблюдена по всем семантическим составляющим» [52]. Во-первых, слова странно называть «идеями», да еще «ключевыми». Во-вторых, А. Павлова предлагает переводы для слова *соскучиться*, а в приведенном сразу же после этого примере переводит глагол *vermisst* как *скучает*. Но *скучать* и *соскучиться* не совпадают по смыслу (слово *скучать* статично, в нем нет динамики развития чувства, присутствующей в слове *соскучиться*), так что предлагаемые переводы не могут быть эквивалентами «по всем семантическим составляющим» сразу для обоих русских глаголов. Наконец, предложенные переводы вовсе не совпадают по смыслу с русскими словами, скорее немецкие конструкции означают нечто вроде *Мне тебя не хватало*. Они могут быть сказаны после званого вечера, на котором

не было адресата речи, и вовсе не обязательно имплицитно, что говорящий *скучал* или *соскучился*.

Переходя к статье Анны А. Зализняк о глаголе *добираться*, А. Павлова сообщает, что этот глагол «переводится на немецкий обычно двумя способами: *добираться долго* — *j-d braucht lange bis nach...*; *кто-либо наконец добрался* — *j-d hat es bis nach... endlich geschafft*. Она добавляет: «В обоих случаях эквивалентность не страдает» [53]. Вообще говоря, перевод в случаях, когда какие-то семантические компоненты поддерживаются контекстом — относительно легкая задача. Значительно труднее перевести вопрос о маршруте *Как до вас добраться?* или фразу *легко и быстро добрался*, сохранив при этом представление, что путь мог или может быть долгим и трудным, но не помещая это представление в фокус внимания.

Далее А. Павлова пишет: «Идея *собираться, чтобы что-либо совершить*, в немецком передается таким количеством синонимичных выражений, что нужно быть очень наивным человеком, чтобы выдвигать тезис об уникальности подобной идеи для русской языковой картины мира (сиречь русской культуры): *Anstalten machen, drauf und dran sein, sich anschicken, sich ein Herz fassen, gerade dabei sein*». Тут можно заметить, что по-русски обычно говорят не *собираться, чтобы что-либо совершить*, а просто добавляют к слову *собираться* инфинитив, но это не так существенно. Более всего поражает, что А. Павлова, чуть выше решительно возражавшая против того, чтобы «замкнуть культуру на язык и объявить их идентичность» [50], здесь не просто «замыкает» культуру на язык, а прямо отождествляет русскую языковую картину мира и русскую культуру. При этом она и в этом случае не производит семантического анализа ни русского глагола, ни немецких выражений, предлагаемых в качестве его эквивалентов.

После этого А. Павлова вновь возвращается к теме лени, и говорит, что «вести дискуссию о том, является ли лень ключевой идеей русской культуры или все-таки это явление не сугубо специфичное, кажется занятием бессмысленным» [53]. С этим, безусловно, всякий должен согласиться. Более того, лишенной смысла представляется и сама формулировка темы для «дискуссии». Называть лень «идеей», не конкретизируя, в чем состоит эта идея, вообще несколько странно; что же касается до того факта, что явление лени известно многим народам и имеет обозначение во многих языках, то его,

насколько я знаю, никто не подвергал сомнению. Когда А. Павлова говорит, что в немецком языке есть «точные эквиваленты русского *neохота*: *Er war zu unlustig, hinzufahren; Er hatte keine Lust hinzufahren*. — Ему было *неохота* туда ехать», то очевидно, что имеет место нечто вроде недоразумения: одиночное *неохота* (в ответ на предложение нечто сделать) означает не ‘ему неохота’, а ‘мне неохота’. Столь же очевидно, что поиски немецких соответствий, претендующих на то, чтобы быть «точными эквивалентами», должны учитывать различия между русскими выражениями (*мне*) *не хочется*, (*мне*) *неохота*, (*мне*) *лень*, экспрессивно-ироническим выражением *охота была* и т. п.*

Особенно показательно высказывание А. Павловой, завершающее обсуждение темы лени: «никому не приходит в голову говорить о “типично немецкой лени”, но говорить о “типично русской лени” тоже приходит в голову людям, далеким от лингвистики» [53–54]. Казалось бы, всем известно, что лингвистика как раз и изучает речь самых обыкновенных носителей языка, в том числе (и в первую очередь) “людей, далеких от лингвистики”. В текстах на русском языке сочетание *русская лень* довольно частотно, и этот факт нуждается в фиксации и объяснении.

Следующий абзац А. Павлова начинает утверждением: «“В высшей степени специфично для русского языка”, по мнению авторов книги “Ключевые идеи...”, слово *заодно* в значении ‘кстати, попутно, одновременно с чем-либо другим’» [54]. Это утверждение в очередной раз вводит читателя в заблуждение, поскольку в статье, на которую ссылается А. Павлова, мы как раз обосновываем отличие слова *заодно* от слов *кстати* и *попутно* (слово *одновременно* еще дальше отстоит по значению от слова *заодно*). По мнению А. Павловой, мнение «о специфичности этого значения для русского языка опровергается массой примеров из немецкого, а именно глаголами с приставкой *mit-*». Однако значение данной приставки значительно шире, нежели значение слова *заодно* (которое мы описываем следующим образом: «Делая *Q*, *X* *заодно* делает *P* ‘принимая во внимание, что большая или по крайней мере значительная

* Отметим, что в третьем лице экспрессивно-иронические выражения *и не лень ему* <нечто делать>, *охота ему* <нечто делать> обычно указывают не на лень третьего лица, а наоборот, на некоторое недоумение говорящего по поводу того, что человек развил бурную деятельность.

часть действий, которые необходимо выполнить, чтобы сделать *P*, будет или уже была выполнена для осуществления *Q*, *X* принимает решение сделать также и *P*, которое при иных обстоятельствах, возможно, не стал бы делать или отложил бы’»). Вследствие этого, как признает сама А. Павлова, частотность немецких глаголов с приставкой *mit-* существенно выше, нежели частотность слова *заодно* в русских текстах*.

После этого А. Павлова переходит к обсуждению статьи Анны А. Зализняк «О семантике щепетильности». Следует заметить, что в статье Анны А. Зализняк «щепетильность» выступает как условный ярлык для некоторого семантического компонента. Основное внимание в ней уделяется слову *обида* (а также *обидно*, *обидеть* и *обидеться*) и, в меньшей степени, словам *неловко*, *неудобно* и *совестно* (русское слово *щепетильность* в ней вовсе не анализируется). Никаких переводов указанных русских слов А. Павлова не предлагает; вместо того она приводит примеры лингвоспецифичных немецких слов, которые, по ее мнению, выражают семантику щепетильности. Семантическим анализом она это, как и в прочих случаях, не сопровождает. Можно видеть, что приводимые ею немецкие слова и выражения содержат несколько иные семантические компоненты, нежели тот, который Анна А. Зализняк обозначила словом «щепетильность». Так, глагол *beschämen* и прилагательное *peinlich* скорее выражают значение чего-то постыдного, когда с человеком связано нечто такое, из-за чего другие люди могут думать о нем хуже.

Между тем русское слово *щепетильность*, несомненно, заслуживает специального анализа. Его можно сопоставить со словом *мелочность* и в первом приближении описать следующим образом: оба слова указывают на пристальное внимание к «мелочам», но с противоположных точек зрения. В финансовом плане *мелочный* человек будет требовать от другого человека вернуть деньги, сколь бы незначительным ни был долг, а *щепетильный* человек сам будет стремиться вернуть даже небольшие деньги. В плане нюансов отношений между людьми *мелочность* и *обид-*

* В нашей книге немецкие глаголы с приставкой *mit-* не рассматриваются. Им посвящен особый раздел статьи [Zalizniak, Shmelev 2007]; впрочем, и в этой статье немецкие глаголы используются лишь как фон для сопоставления при описании латинских глаголов с приставкой *com-*.

чивость противостоят *щепетильности* и *деликатности*: а именно, *мелочные* и *обидчивые* люди обращают внимание на неудобства, которые им причинили другие люди, тогда как *щепетильные* и *деликатные* люди стремятся не причинять неудобств другим. Интересна также история слова *щепетильность*, его культурный ореол в разных типах дискурса. Отдельную проблему может составить перевод слов *щепетильный* и *щепетильность* в разных типах контекстов; однако на этот счет А. Павлова не высказала никаких предложений.

Вместо заключения

Завершая свой разбор примеров из нашей книги, А. Павлова приводит наше высказывание, в котором мы отмечаем, что успехи современной семантики позволяют «говорить о реконструкции русской языковой картины мира в целостности», и комментирует его следующим образом: «Иными словами, “ключевые идеи” русской культуры обнаружены и описаны полностью» [55]. Отвлечемся от того, что она опять не различает языковую картину мира и культуру, и заметим, что ее интерпретация нашего высказывания явно неверна. Действительно, формально оборот «можно говорить о...» неоднозначен, но кажется очевидным, что в контексте нашего высказывания он означает ‘поставить вопрос о...’. У А. Павловой же получается, что *говорить о реконструкции* — это значит уже *осуществить реконструкцию**.

Увлечшись своей интерпретацией, А. Павлова в качестве возражения нам сообщила, что «книга содержит далеко не полную “русскую языковую картину мира”» [55]. Разумеется, сказанное совершенно справедливо; однако пожелания А. Павловой, указывающей, как нам следовало бы дополнить наше описание, могут служить наглядным свидетельством того, к каким несуразностям можно

* Это позволяет вспомнить обсуждение реформы немецкого правописания в 1990-е гг. Как известно, во фразе *Он решил ее соблазнить* в русском языке не нужна запятая после *решил*, а по старым немецким правилам в этом случае полагалась запятая. Традиционалисты, доказывая, что запятая здесь необходима, замечали: запятая напоминает, сколь велика пропасть, пролегающая между решением и его исполнением.

прийти, если последовательно избегать семантического анализа. Приведу обширную цитату: «Можно было бы рассмотреть особое, интимное отношение русского человека к Богу, греху (на этих “концептах” покоятся столь многочисленные идиомы, что нет возможности открывать здесь их список), бережное отношение к юродивым и нищим духом (*юродивый, божий человек, кликушествовать*), интерес к волшебникам и волхвам (*знамение, знак свыше, откровение, старец*), а также искренность русского человека (*как на духу, правду-матку резать, говорить правду в глаза, правда глаза колет, рубить с плеча*), неспособность принаравливаться к порядку и регламентациям (*лихач, семь бед — один ответ, где наша не пропадала, эх, была — не была*), особое отношение к красоте (*пригожий, ладный, справный*) и интенсивность переживания прекрасного (*благодать, благолепие*), необыкновенную русскую *смекалку*, а также *сноровку* и множество других “сквозных мотивов русской языковой картины мира”» [56].

В чем заключается «особое, интимное отношение русского человека к Богу, греху», А. Павлова не пояснила; какие русские выражения о нем свидетельствуют, тоже осталось неясным. Касательно «особого отношения к греху» еще можно предположить, что имеются в виду такие языковые единицы, как уже упоминавшееся слово *греховодник*, устойчивое выражение *грех жаловаться*, идиомы *не грех* и *не грешно*, а также характерный оборот *грешить на* <кого-либо>. Этот последний оборот заслуживает отдельного обсуждения, поскольку он в самом деле в высокой степени лингвоспецифичен. В нем представление о том, что ‘грешно обвинять другого человека без достаточных оснований’, соединено с мнением, что вероятность истинности такого обвинения довольно высока. Именно поэтому оборот *грешить на* <кого-либо> может употребляться в первом лице (*Не знаю, кто это сделал, но грешу на Ваню*)*, в отличие, скажем, от английского глагола *to allege* ‘безосновательно утверждать’ (для которого употребление в первом лице ведет к «киллокутивному самоубийству» [Vendler 1976]). Что касается до «особого, интимного отношения русского человека к Богу», то здесь у меня нет даже самых приблизительных гипотез относительно того, что может иметь в виду А. Павлова.

* Подробнее оборот *грешить на* <кого-либо> рассматривается в статье [Булыгина, Шмелев 1994: 50].

То, что в качестве иллюстрации «бережного отношения к юродивым и нищим духом» А. Павлова приводит глагол *кликушествовать*, весьма показательно и свидетельствует о ее крайней небрежности. Глагол *кликушествовать*, как и существительное *кликуша*, выражают резко отрицательную оценку *кликушества*, т.е. беснования (подлинного или симулированного). В современном языке слова *кликушествовать*, *кликуша* и *кликушество* употребляются преимущественно в переносном смысле, но сохраняют компонент отрицательной оценки*.

Каким образом А. Павлова усмотрела в семантике слов *знамение*, *знак свыше*, *откровение*, *старец* «интерес к волшебникам и волхвам», остается очередной загадкой; мне, напр., кажется очевидным, что в их значении отсутствуют семантические компоненты, которые могли бы свидетельствовать о таком интересе. Какое отношение «волшебники и волхвы» имеют, скажем, к строчке Бориса Пастернака *Осень, чистая, как знаменье?*

Слово *искренность* и ряд связанных с ним выражений (*правдаматка*, *резать правду* и др.) рассмотрены в статье А. Вежбицкой «Русские культурные скрипты», включенной в нашу книгу в качестве приложения [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 467–499]. В этой статье А. Вежбицка формулирует, в частности, такие русские культурные скрипты: *хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает; хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он чувствует*. То, что А. Павлова не заметила этого анализа, говорит о ее невнимательности**.

«Особое отношение к красоте», по мнению А. Павловой, отражено в русском языке в таких словах, как *пригожий*, *ладный****, *справный*. В чем заключается это «особое отношение» и какой тип красоты имеется в виду, А. Павлова, как всегда, не говорит. Остается неясным, почему она выбрала прилагательные, относительно редкие в современной городской разговорной речи, и при этом

* Истории слова и понятия *кликуша* подробно рассмотрена в статье [Кравецкий 2012].

** А то, что в связи с искренностью упоминает выражение *как на духу*, в очередной раз свидетельствует о небрежности. То, что человек не лжет на исповеди, обусловлено не его «искренностью», а религиозными представлениями, которые ни в коей мере не являются специфичными для русских.

*** Слово *ладный* (а также его синонимы *стройный*, *изящный*, *статный*) рассмотрены в статье [Урысон 2004].

даже не упомянула лингвоспецифичное прилагательное *красивый* (рассмотренное, кстати, в статье [Шмелев 2004]). Столь же неясно, почему слово *благодать*, по ее мнению, иллюстрирует «интенсивность переживания прекрасного».

Наконец, вызывает удивление отнесение *смекалки* и *сноровки* к «сквозным мотивам русской языковой картины мира». Во-первых, непонятно, в чем состоят эти «мотивы»; во-вторых, мотив может считаться сквозным, если он представлен в самых разных языковых единицах, а каждый из «мотивов», которые А. Павлова обнаружила в словах *смекалка* и *сноровка*, представлен всего лишь одним словом.

В следующем абзаце статьи А. Павловой несуразностей не меньше. Он начинается странным заявлением: «Для полноты “русской языковой картины мира” можно было бы присовокупить и некоторые отрицательные характеристики среднестатистического “русского человека”». Мы видим, что опять появился излюбленный А. Павловой «среднестатистический русский человек», но так и не сообщается, что понимается под выражением «среднестатистический русский человек» и как определяются указанные «характеристики». Кроме того, совершенно непонятно, какое отношение имеют «характеристики среднестатистического русского человека» к русской языковой картине мира. Наконец, вызывает вопросы и слово «отрицательные». Под этим может иметься в виду взгляд «изнутри» (свойства, оцениваемые отрицательно в русском языке и в русской культуре) и взгляд, предполагающий внешнюю оценку (нечто принимается как должное или даже оценивается положительно в русском языке и в русской культуре, но с «общечеловеческой» точки зрения должно быть признано дурным).

Далее выясняется, что А. Павлова имеет в виду этностереотипы. Здесь надобно согласиться, что этностереотипы имеют отношение к языковой картине мира (в ней отражаются некоторые представления о русских и о других народах), но ведь они составляют лишь ее небольшой фрагмент. В нашей книге, о которой пишет А. Павлова, с этностереотипами можно каким-то образом связать лишь незначительное число проанализированных нами языковых выражений (не более двух-трех десятков). Тем самым включение в рассмотрение еще некоторых этностереотипов не привело бы к полноте описания языковой картины мира.

Возможно, А. Павлова так и не разобралась, как соотносятся этностереотипы и элементы языковой картины мира. Этностереотипы — это ходячие представления о своем и некоторых других народах. Некоторые этностереотипы отражаются в языке и в этом случае входят в языковую картину мира; это проявляется, напр., в сочетаемости языковых единиц (в русском языке лингвистически отмеченными оказываются сочетания *русский авось* или *галантный француз*). Однако основная часть составляющих языковой картины мира с этностереотипами никак не связана (в самом деле, с какими этностереотипами можно связать тот факт, что помидоры в русской языковой картине мира относятся к овощам, а малина — к ягодам?). Бывает, что одна и та же языковая единица в некоторых употреблениях связывается с этностереотипом, а в других — нет (напр., сочетание *русский авось* связано с этностереотипом «русские часто без достаточных оснований надеются на счастливый исход дела и не принимают во внимание возможный риск», а фраза *авось, еще увидимся* — едва ли).

Какие же «этностереотипы», отражающие «отрицательные характеристики среднестатистического русского человека», имеет в виду А. Павлова? Она перечисляет их, сопровождая примерами слов, в которых, по ее мнению, эти этностереотипы проявляются. Вот что она пишет: «... пьянство и особое к нему отношение (обилие слов и выражений на тему пьянства вынуждает не приводить здесь отдельных примеров), взяточничество (*нагреть руки, брать борзыми щенками, подмазать*) и вороватость (*стибрить, стянуть, слямзить, тянуть что плохо лежит*), а также завистливость (*черная зависть, глаза завидующие, наговаривать, оговаривать, хула, наветы*)» [56].

Нелегко понять, в чем А. Павлова видит «пьянство и особое к нему отношение» как характеристику «среднестатистического русского человека» (ее нежелание привести хоть один вразумительный пример весьма показательно). Несомненно, этностереотип русских включает склонность к пьянству и способность много выпить. В целом в текстах русской культуры это не всегда оценивается отрицательно — скажем, многие русские анекдоты, в которых обыгрывается это свойство, могут быть отнесены к разряду self-glorifying

(в смысле [Raskin 1985])*. Но вот в языке следов снисходительного или даже восторженного отношения к выпивке и пьянству не так много. Слова и фразеологизмы, описывающие состояние опьянения и пьяных людей, как правило, в русском языке окрашены отрицательно (как и во многих других языках). Слова, связанные с выпивкой и имеющие положительную окраску (напр., диминутивы *водочка, закусочка, селедочка, грибочки, огурчики*), обычно относятся не к пьянству как таковому, а к сопровождающему совместную выпивку душевному общению (об этом идет речь в статье «Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке)», написанной мною совместно с И.Б. Левонтиной и включенной в книгу [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]).

Понятно, что взяточничество, вороватость и завистливость в русской культуре оцениваются отрицательно (об этом же свидетельствует отрицательная оценка, встроенная в значение большинства выражений, приводимых А. Павловой). Тщательный лингвистический анализ мог бы внести коррективы в эту картину и обнаружить ситуации, в которых отрицательная оценка почти исчезает. Так, слова *стибрить* и *слямзить* могут не включать решительного осуждения соответствующего действия, которое не рассматривается как настоящая «кража»**. То, что благополучие может вызывать зависть, иногда воспринимается как норма — это видно из того, что декларируемое отсутствие зависти может свидетельствовать о неблагополучии (*не завидую <такому-то>; незавидное положение*). Тем не менее сами слова *вороватость* и *за-*

* Напомним один из таких анекдотов: *Идет олимпиада. И решили алкоголики всего мира устроить свою олимпиаду — кто больше выпьет. Соревнования решили проводить ковшиками. Комментатор: «На помост выходит американский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый — сломался. Пока с помоста выносят американского спортсмена, на трибунах русский спортсмен разминается красненьким. На помост выходит французский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый — сломался. Французского спортсмена выносят с помоста, а в это время русский спортсмен на трибунах разминается красненьким. На помост выходит русский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый — сломался. Пока чинят ковшик, русский спортсмен разминается красненьким».*

** Это, впрочем, не является исключительной особенностью русского языка. В «Приключениях Тома Сойера» Марка Твена говорится: "...taking sweetmeats was only "hooking," while taking bacon and hams and such valuables was plain simple stealing — and there was a command against it in the Bible."

вистливость никогда не лишаются отрицательного оценочного компонента. При этом никакого указания на «русского человека» в семантике слов, связанных с взяточничеством, вороватостью и завистливостью, нет.

Таким образом, мы видим, что отказ от семантического анализа и замена его общими словами и туманными декларациями не способствует ясности понимания. Проникнуть в проблему соотношения языка и культуры, ограничиваясь такими декларациями и не анализируя языковой материал, как и следовало ожидать, оказалось невозможно.

Один из разделов своей статьи А. Павлова назвала «Имеет ли смысл полемизировать с лингвокультурологией?». В связи со статьей самой А. Павловой встает аналогичный вопрос: имело ли смысл заниматься ее подробным разбором? Мне кажется, что на этот вопрос можно дать положительный ответ.

Дело в том, что характерные особенности статьи А. Павловой обнаруживаются, хотя и в несколько менее концентрированном виде, во множестве отечественных работ (особенно диссертационных), посвященных соотношению языка и культуры. Это, прежде всего, отсутствие семантического анализа языковых единиц и потому чрезвычайно прямолинейный взгляд на возможность судить о культуре на основе языковых данных. К числу других характерных черт, объединяющих статью А. Павловой и многие отечественные работы по «лингвокультурологии», относятся: отсутствие строгой методологии; декларативность без опоры на языковые факты; оперирование отдельными специально подобранными примерами вместо проверки делаемых утверждений на всем массиве языковых данных; отсутствие исторической перспективы (представление о культуре как о чем-то неизменном, неспособном к развитию); отсутствие внимания к жанрам, стилю и назначению текстов.

Однако крайне низкий уровень многих отечественных диссертаций хорошо известен. А вот зачем лингвисту, который когда-то писал вполне осмысленные работы, посвященные соотношению просодической структуры высказывания и семантики используемых лексических единиц, было поддаваться общему поветрию, осталось совершенно неясно. Как бы то ни было, можно надеяться, что предпринятая мною попытка педантичного описания

на материале статьи А. Павловой разнообразных ошибок и нелепостей в области «лингвокультурологии» позволит добросовестным лингвистам в дальнейшем хотя бы отчасти избегать таких ошибок и нелепостей.

От автора. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе», проект № 11-04-00105а) и РФФИ (в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка», проект № 13-06-00403 А). Я благодарен Анне Андреевне Зализняк и Григорию Ефимовичу Крейдлину, которые прочли первоначальный вариант статьи и сделали ряд редакторских замечаний (я постарался эти замечания отчасти учесть). Уже после того как данная статья была закончена, вышла в свет статья [Зализняк 2013], и я с удовольствием в очередной раз убедился в сходе наших позиций по большинству обсуждаемых вопросов.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., Знак, 2008.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М.: «Индрик», 2007.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 49–58.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Изд-во МГУ, 1973.

Виссон Л. Русские проблемы в американской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2007.

Живов В.М. Грѣховодник. К истории слова и понятия // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 405–430.

Зализняк Анна А. Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке // «Слово — чистое веселье»: Сб. статей в честь Александра Борисовича Пеньковского/Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 63–76.

Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине 'языковая картина мира' // *Russian Linguistics*. April 2013. 37, Issue 1. P. 5–20.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // *Логический анализ языка. Язык и время*. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 229–240.

Копчевская-Тамм М., Рахилина Е. В. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // *Типология и теория языка: от описания к объяснению: Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика*/Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 462–487.

Кравецкий А. Г. Кликуши: к истории слова и понятия // *История понятий в свете истории русской культуры*/Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 109–128.

Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450–455.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Со-поставление английских и русских культурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Левонтина И. Б. Откуда есть пошла русская душа? // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 313–322.

Левонтина И. Б. Слова-свидетели // *Мова тоталітарного суспільства*. Київ, 1995. С. 93–99.

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна: МУПОЧ «Дубна», 1999. С. 269–285. (Перепечатано в книге: [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005. С. 76–95].)

Павлова А. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // *Антропологический форум*. 2012. № 16 Online. С. 3–60.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью...»

(к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // *Московский лингвистический журнал*. 1996. Т. 2. С. 340–351.

Симина Г. Я. Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Изучение языка писателя*. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 148–160.

Словарь русского языка/ Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981.

Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935.

Урысон Е. В. Эстетическая оценка тела человека в русском языке // *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного*. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 471–486.

Черняк В. Д. Лакуны в тезаурусе и культурная грамотность // *Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2009. С. 92–101.

Чоудхури О. Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011.

Шаховский В. И. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология. М.: Либроком, 2009.

Шмелев А. Д. Виды эстетической оценки в представлении русского языка // *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного*. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 303–311.

Шмелев А. Д. Плюрализм этических систем в свете языковых данных // *Логический анализ языка. Языки этики*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–389.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Шмелева Е. Я. О словах *компромисс* и *бескомпромиссный* // *История понятий в свете истории русской культуры*/ Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 196–203.

Языковая картина мира и системная лексикография/Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.

Chomsky N. *Linguistics and Cognitive Science* // *The Chomskyan Turn*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991. P. 3–25.

Leinonen M. Finnish and Russian as They Are Spoken: from Linguistic to Cultural Typology // *Scando-Slavica*. 1985. 31. P. 118–144.

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: Reidel, 1985.

Sériot P. Oxy more ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 2005. No. 57. P. 23–43.

Vendler Z. Illocutionary Suicide // *Issues in the Philosophy of Language*. Ed. by Alfred F. MacKay and Daniel D. Merrill. New Haven: Yale Univ. Press, 1976. P. 135–145.

Weiss D. Zur linguistischer Analyse polnischer, russischer und deutscher “key words” bei Anna Wierzbicka: Kulturvergleich als Sprachvergleich? // *Berührungslinien. Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs/Hrsg. von M. Marzałek, A. Nagórko*. Hildesheim, N.Y.: Olms-Weidmann, 2006. S. 233–256.

Wierzbicka A. Angst // *Culture & Psychology*. 1998. 4 (2). P. 161–188.

Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. Sociativity, conjoining, reciprocity, and the Latin prefix *com-* // *Reciprocal constructions*. 2007. Vol. 1. P. 209–229.

A. D. Shmelev

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences*

(Russia, Moscow)

shmelev.alexei@gmail.com

LANGUAGE AND CULTURE: DO THEY HAVE POINTS OF INTERACTION?

The article discusses the possibility of understanding a culture through the words and expressions of the language related to this culture. It argues that any attempt in this direction should be based on a thorough semantic analysis. In addition, it discusses various methodological issues.

Key words: semantic analysis, linguistic worldview, cultural linguistics, translation.

References

Apresian Iu. D. (Ed.). *Iazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografii* [Linguistic Worldview and Systemic Lexicography]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006.

Apresian Iu. D. *Izbrannye trudy, t. 2. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografii* [Selected works, vol. 2 (Integral Description of Language and Explanatory Dictionary)]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury» Publ., 1995.

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow, Znack Publ., 2008.

Berezovich E. L. *Iazyk i traditsionnaia kul'tura* [Language and Traditional Culture]. Moscow: «Indrik» Publ., 2007.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Evaluative Speech Acts: an External and Internal Perspective]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyk rechevykh deistvii* [Logical Analysis of Language. The Language of Speech Acts]. N. D. Arutiunova, N. K. Riabtseva (Ed.). Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 49–58. (In Russ.)

Cherniak V. D. [Gaps in Thesaurus and Cultural Literacy]. *Lakunarnost' v iazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in Languages, Worldviews, Dictionaries, and Texts]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gos. ped. un-ta, 2009, pp. 92–101. (In Russ.)

Chomsky N. Linguistics and Cognitive Science. *The Chomskyan Turn*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991, pp. 3–25.

Choudkhuri O. L. *Nominativnoe pole kontsepta «zima» kak predmet obucheniia russkomu iazyku finskikh studentov*: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Nominative Field of the Concept ‘Winter’ as a Subject of Teaching Finnish Students (Abstract of PhD Dissertation in Pedagogy)]. SPb., 2011.

Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian]. Vol. 1. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1981.

Kopchevskaia-Tamm M., Rakhilina E. V. [With Warmest Regards (Hot on the Heels of the Field Trip to Stockholm). *Tipologiya i teoriia iazyka: ot opisaniia k ob"iasneniiu. Sb. k 60 letiiu A. E. Kibrika* [Typology and Linguistic Theory: From Description to Explanation (For the 60 th Birthday of Aleksandr E. Kibrik)]. E. V. Rakhilina, Ia. G. Testelet (Eds.). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 462–487. (In Russ.)

Kravetskii A. G. [*Klikushi* 'hysterical women': Towards the History of the Word and the Notion]. *Istoriia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury* [History of Ideas in the Light of the History of the Russian Culture]. V. M. Zhivov, Iu. V. Kagarlitskii (Eds.). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 109–128. (In Russ.)

Krysin L. P. [Ethnostereotypes in the Modern Language and Consciousness: Statement of the Problem]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical, Linguistic and Cultural Problems of Tolerance]. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2005, pp. 450–455. (In Russ.)

Larina T. V. *Kategoriia veshlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskikh i russkikh kul'turnykh traditsii* [Category of Politeness and Communication Style (Anglo and Russian Cultural Traditions)]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009.

Leinonen M. Finnish and Russian as They Are Spoken: from Linguistic to Cultural Typology. *Scando-Slavica*, 1985, 31, pp. 118–144.

Levontina I. B. [Where the Russian Soul Has Come from?]. Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012, pp. 313–322. (In Russ.)

Levontina I. B. [Words as witnesses]. *Mova totalitarnogo suspil'stva* [Language of Totalitarian Society]. Kyiv, 1995, pp. 93–99. (In Russ.)

Levontina I. B., Shmelev A. D. [*Na svoikh dvoikh* 'on foot': the Vocabulary of Pedestrian Movement in Russian]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki dinamicheskogo mira* [Logical Analysis of Language: The Languages of the Dynamic World]. Dubna: MUPOCh «Dubna», 1999, pp. 269–285. (Perepechatano v knige: [Zalizniak, Levontina, Shmelev 2005, pp. 76–95]. (In Russ.)

Pavlova A. Can [We Judge a Nation's Culture on the Basis of Its Language?]. *Antropologicheskii forum*, 2012, No. 16 Online, pp. 3–60. (In Russ.)

Plungian V. A., Rakhilina E. V. ["With a Purely Russian Neatness..." (on the Linguistic Reflection of Some Stereotypes)]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, 1996, Vol. 2, pp. 340–351. (In Russ.)

Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel, 1985.

Sériot P. [Oxymoron or Misunderstanding? Universalist relativism of Anna Wierzbicka's Natural Semantic Metalanguage]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 2005, No. 57, pp. 23–43. (In French)

Shakhovskii V. I. Emotsii. *Dolingvistika. Lingvistika. Lingvokul'turologiia* [Emotions; Pre-linguistics; Linguistics; Cultural Linguistics]. Moscow: Librokom Publ., 2009.

Shmelev A. D. [The Pluralism of Ethical Systems in the Light of Linguistic Data]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki etiki* [Logical Analysis of Language: Languages of Ethics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 380–389. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Types of Aesthetic Judgment in Russian]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki estetiki: Kontseptual'nye polia prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics: Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004, pp. 303–311. (In Russ.)

Shmelev A. D. Russkaia iazykovaia model' mira: Materialy k slovari [The Russian Linguistic Model of the World: Material for a Dictionary]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002.

Shmeleva E. Ia. [On the Words *kompromiss* 'compromise' i *beskompromissnyi* 'uncompromising']. *Istoriia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury* [History of Ideas in the Light of the History of the Russian Culture] V. M. Zhivov, Iu. V. Kagarlitskii (Eds.). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 196–203. (In Russ.)

Simina G. Ia. [Some Observations on the Language and Style of the novel Crime and Punishment by Fyodor Dostoevsky]. *Izuchenie iazyka pisatel'ia* [Study of Fiction Writers' Language]. L.: Uchpedgiz, 1957, pp. 148–160. (In Russ.)

Uryson E. V. [Aesthetic Assessment of Human Body in Russian]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki estetiki: Kontseptual'nye polia prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. Languages of Aesthetics: Conceptual Fields of the Beautiful and the Ugly]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2004, pp. 471–486. (In Russ.)

Ushakov D. N. (Ed.). *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian]. Vol. 1, Moscow: Gosudarstvennyi institut «Sovetskaiia entsiklopediia» Publ., 1935.

Vendler Z. Illocutionary Suicide. *Issues in the Philosophy of Language*. Alfred F. MacKay and Daniel D. Merrill (Eds.). New Haven: Yale Univ. Press, 1976, pp. 135–145.

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow: Izd-vo MGU, 1973.

Visson L. *Russkie problemy v amerikanskoi rechi. Slova i frazy v*

kontekste dvukh kul'tur [Where Russians Go Wrong in Spoken English: Words and Expressions in the Context of the Two Cultures]. Moscow: R. Valent, 2007.

Weiss D. [Towards the Linguistic Analysis of Polish, Russian and German “key words” by Anna Wierzbicka: Comparison of Cultures as a Comparison of Languages?]. *Berührungslinien. Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs* [Contact Lines. Polish Literature and Language from the perspective of the German-Polish cultural exchange]. M. Marzalek, A. Nagórko (Eds.). Hildesheim, N.Y.: Olms-Weidmann, 2006. S. 233–256. (In Germ.)

Wierzbicka A. Angst. *Culture & Psychology*, 1998, 4 (2), pp. 161–188.

Zalizniak Anna A. [On the evolution of the concept *otdykhat'* ‘to rest’ in Russian]. «Slovo — chistoe vesel'e»: Sb. statei v chest' Aleksandra Borisovicha Pen'kovskogo [“Word is Pure Joy”: Festschrift in Honor of Aleksandr B. Pen'kovskii]. A. M. Moldovan (Ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009, pp. 63–76. (In Russ.)

Zalizniak Anna A. Russian semantics in a Typological Perspective (Towards the Term ‘Linguistic Worldview’) [Russkaia semantika v tipologicheskoi perspektive. K voprosu o termine ‘iazykovaia kartina mira’]. *Russian Linguistics*, April 2013, 37, Issue 1, pp. 5–20.

Zalizniak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005.

Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. [Time and Human Activities]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyk i vremia* [Logical Analysis of Language: Language and Time]. Moscow: Izdatel'stvo «Indrik», 1997, pp. 229–240. (In Russ.)

Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. Sociativity, conjoining, reciprocity, and the Latin prefix *com-*. *Reciprocal constructions*, 2007, Vol. 1, pp. 209–229.

Zhivov V. M. [*Griekhovodnik* ($\approx$ ‘sinner’): Towards the History of the Word and the Notion]. *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo iazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on the Historical Semantics of Russian of Early Modern Period]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 405–430. (In Russ.)

Норма и вариативность в орфографии и грамматике. Linguistic Standards and Variability in Orthography and Grammar

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
evbeshenkova@gmail.ru, olliva95@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ И КОДИФИКАЦИИ ПРАВОПИСАНИЯ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена одной из самых сложных для современной кодификации областей — слитному/дефисному/раздельному написанию сложных существительных или сочетаний с приложениями и неизменяемыми определениями. Проблемы установления нормы и кодификации нормы написания рассматриваемых единиц анализируются в статье сквозь призму основных факторов, действующих в сфере написания сложных существительных, как то: существование переходных явлений, тенденции к унификации/дифференциации написаний, изменчивость словарного состава, влияние аналогии. В результате проведенного анализа было создано описание орфографии сложных существительных и сочетаний с приложениями в виде системы правил, не предполагающей изменения уже закрепившихся в русском письме написаний.

Ключевые слова: орфография, норма написания, кодификация, правила слитного/дефисного/раздельного написания, сложные существительные, сочетания с приложениями, сочетания с неизменяемыми определениями.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

К постановке проблемы (понятия нормы, кодификации, узуса в орфографии, два способа кодификации: правила и словарь; правила и требования к ним)

Предварительные замечания

I. Проблемы установления нормы и кодификации написания слов с приставками

1) неоднозначность лингвистического статуса компонентов (*супер?ёлка*);

2) конфликт двух степеней слитности оформления цельного слова (*анти?рабоче?крестьянский, при?иссык?кульский*)

3) конфликт основной функции прописной буквы и ее позиции в слове (*супер?ЭВМ, супер?Шмидт*)

II. Проблемы кодификации написания слов, содержащих повторы (*честь?честью, светлым?светло, тьма?темная, день?деньской, фокус?покус*)

III. Проблемы кодификации написания слов с первой частью *пол* (*пол?литровый, пол?ПТУ, пол?России*)

IV. Проблемы кодификации написания сложных существительных и сочетаний с приложением или неизменяемым определением

1. Проблемы кодификации написания сложносокращенных существительных

1) неоднозначность лингвистической трактовки (*блок?пост, спорт?бар, газ?лифт, газ?контроль*)

2) тенденция к унификации и мода в период активных заимствований (*танц?проект, фарм?ликбез*)

3) изменение лексического статуса единицы (*поп?музыка, тур?оператор, демо?версия*)

4) оформление орфографически значимого слогораздела (*вет?аптека*)

2. Проблемы кодификации написания существительных с соединительной гласной

1) неоднозначность лингвистической трактовки (*кофе?машина, кофе?пресс*)

2) тенденция к унификации (*машино?место, норма?час*)

3. Проблемы кодификации написания сложных существительных без соединительной гласной, сочетаний с приложением или неизменяемым определением

1) неоднозначность лингвистической трактовки (*шкаф?купе*)

2) тенденция к унификации (*застежка?молния, куртка?ветровка*)

4. Проблемы кодификации написания сложных существительных, в которых одна или обе части самостоятельно не употребляются

1) существительные с первой иноязычной частью, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся (*демо?версия*)

2) существительные с первой частью, оканчивающейся на согласную и самостоятельно не употребляющейся (*бэк?вокал, бэк?слэш*)

3) сложные существительные с первой частью, самостоятельно употребляющейся, и второй, самостоятельно не употребляющейся (*боди?арт*)

Выводы

Литература

К постановке проблемы

В обществе и даже в лингвистическом сообществе распространено убеждение, что в письме «норма и кодификация тождественны <...> при наличии орфографических правил они и представляют собой норму правописания» [Ицкович 1970: 34]. И хотя многие лингвисты* доказывают ошибочность этого тезиса, берущего начало в работах Пражского лингвистического кружка, его распространенность не уменьшается. Однако прежде, чем обсуждать вопросы нормы и кодификации, приведем принимаемые нами определения этих терминов, поскольку даже сами термины часто понимаются по-разному.

Орфографическая норма — это «исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи» [ЛЭС]**.

Орфографическая кодификация — закрепление лингвистами некоторого написания как нормативного. В орфографии есть два способа кодификации — правила и словарь, которые в идеале должны совпадать друг с другом, но реально это не всегда так.

Орфографический узус — это реально встречающиеся написания***.

Поскольку в орфографических работах очень часто отождествляют норму и кодификацию, то подчеркнем, что ниже эти два понятия различаются, что норма и в орфографии существует объективно, независимо от деятельности кодификаторов, она не обязательно должна быть где-то кем-то сформулирована, она может даже противоречить кодифицированной норме, но при этом она соблюдается практически всеми пишущими. Однако норма не совпадает и с узусом: это только общепринятая, устоявшаяся его часть.

Орфография, как и любая другая наука о языке, имеет свой естественно-научный объект. Этим объектом для орфографии и пунктуации является письмо. И хотя письмо было создано рукотворно, его дальнейшее развитие шло в большой степени спонтанно, отражая

и приспособляясь к изменениям в языке, изменяя установленные нормы, устанавливая новые нормы, которые нуждаются в «кодификации, в процессе которой лингвист выступает уже не как нормализатор («установитель» в XVIII в.), а именно как кодификатор» [Шварцкопф 1996: 202]. Конечно, роль кодификаторов в орфографии больше, чем в любой другой области, чаще они выступают и как нормализаторы. Однако эта более значительная роль накладывает и особую ответственность при кодификации орфографии. Если в грамматике неполно, неадекватно или неправильно сформулированное правило о функционировании той или иной синтаксической структуры, той или иной словообразовательной, морфологической модели не приведет к их неправильному использованию в языке коренными носителями, то в орфографии неадекватное или неправильно сформулированное правило может вызвать изменение нормы. Если орфографисты не следуют общим тенденциям развития системы, то результатом закрепления того или иного варианта написания может стать смена отдельных фрагментов или всей системы письма на чисто историческое письмо.

В орфографии есть области, в которых кодификация не соответствует реальной норме. Орфографисты, как и любые другие кодификаторы норм, «вынуждены примирять объективные свойства эволюционирующего языка и общественно-вкусовые оценки, не всегда совпадающие с реальным речевым узусом. Суть споров и разногласий состоит именно в предпочтении одной из сторон нормы в качестве преобладающей: норма — это отражение узуса или оценка узуса, норма — это узус, положенный в основу закона, или норма — это закон, управляющий узусом» [Горбачевич 1978: 45]. Нормализаторам приходится не просто выбирать ту или иную точку зрения и следовать ей во всем, а балансировать между ними. Следуя во всем букве закона, можно потерять живой объект описания, следуя во всем за колебаниями живого объекта, можно остаться вовсе без закона. Для орфографии, по-видимому, преимущество должно отдаваться все-таки закону, так как орфография должна быть единой для всех пишущих и более менее устойчивой во времени. Другими словами, при решении проблем кодификации орфографисты, безусловно, должны учитывать узусальную норму, но при этом оценивать ее с точки зрения системности и историчности и только в случае соответствия этой нормы системности и историческим тенденциям кодифицировать ее.

* См., например, работы [Голев 1997, Осипов 1992].

** Иногда в этом понимании употребляют термин «узусальная норма».

*** Иногда понятие узус сильно сужают: «общепринятая современная речевая практика» [Москвин 2006: 174]. Введение критерия «общепринятая» сближает это понимание узуса с нашим пониманием нормы.

Как уже было сказано, в орфографии есть два способа кодификации: правила и словарь. Их соотношение А.А. Зализняк характеризует так: «высшей инстанцией здесь является словарь, а все более общие правила получают статус более или менее эффективных приемов, позволяющих предсказать (но все же без полной гарантии), какое написание даст орфографический словарь» [Зализняк 2004: 171–172]. Наличие двух способов кодификации порождает проблему их соответствия друг другу. Однако, по-видимому, достичь полного соответствия невозможно, поскольку словарь может и обязан быстро реагировать на пополнение лексического запаса языка и поэтому часто отражает узальную норму, а правила обязаны быть адекватными системе и исторической перспективе и не должны меняться с каждым сезоном мод. Каждый из способов кодификации имеет свои особенности.

Кодификация в виде правил является специфическим способом описания письма как языкового феномена. И хотя и синтаксис, и морфология, и словообразование отчасти могут быть описаны в виде правил, но этот термин там не употребляется. Цель описания всех языковых феноменов — создание модели, максимально приближенной к реальному объекту, эту же цель преследует и орфография, выбирая в качестве метода описания правила, так как все-таки орфография больше всех наук о языке ориентирована на обучение, а не просто описание.

В науке существует понятие «сила утверждения, постулата», «сила того или иного научного закона». Аналогично и в орфографии существуют правила, различающиеся по своей силе, то есть по охвату: одни правила описывают весь материал, с возможными единичными исключениями, а у вторых исключения составляют до 50% материала (см., например: Бешенкова 2011 а, 2011 б; Иванова 2012). Назовем первые правила — правилами-предписаниями, а вторые — правилами-рекомендациями. В правилах-рекомендациях обязательно есть фраза, отсылающая к словарю, а не списки исключений. В случае формулирования правил второго типа есть один подход, адекватный материалу: выделить область, где правило действует, и область, где написание определяется только по словарю.

К орфографической модели, как к модели, ориентированной на обучение, действие которой больше влияет на норму, чем действия других моделей, предъявляются определенные требования,

хотя моделей на самом деле может быть и не одна. Любая модель должна отвечать следующим требованиям*:

1). Адекватность проблеме — должен быть описан весь подходящий под заголовок материал и только он. Так, если в правиле говорится о правописании суффиксов *-ец*, *-иц*, то правило не может иллюстрироваться примерами слов, в которых этот компонент входит в другой суффикс или является частью корня.

2). Адекватность материалу — правило не должно порождать неправильных написаний.

3). Логическая непротиворечивость — не должно быть формулировки, во-первых, при которой слово с признаком α по одному правилу пишется одним образом, а по другому — другим, или, во-вторых, при которой слово с признаками α и β , пишется по-разному в соответствии с этими признаками.

4). Терминологическая корректность. Соблюдение требования терминологической корректности не всегда легко достижимо по разным причинам. Во-первых, терминологическая неточность может проистекать из общей неточности употребления этого термина не только в орфографии; во-вторых, тот или иной общий термин в орфографии может иметь свое собственное наполнение и употребление, в этом случае его нельзя путать с употреблением термина в других областях (так, в орфографии термин *корень* используется в наиболее историчном понимании, термин *суффикс* часто реально соответствует *финали*). В-третьих, в языке часто встречаются переходные явления, эти явления могут по-разному характеризоваться, что влечет за собой применение разных терминов.

5). Отсутствие избыточных критериев. Это требование к правилам кажется неважным с точки зрения описания существующего материала, но его значимость выявляется, если посмотреть на орфографию как на обеспечение будущей системы.

6). Достаточная полнота списка исключений (исчерпанность этого списка не требуется). Вопрос о достаточной полноте списка исключений тесно связан с вопросом о том, всегда ли мы можем создать правило, какой процент материала должно описывать правило, чтобы его имело смысл формулировать.

Перечисленные требования к формулировкам частных правил

* См. подробнее [Бешенкова, Иванова 2011в].

кажутся естественными и непреложными, однако далеко не всегда реальные правила им соответствуют. Конечно, строгость соблюдения этих требований зависит от того, каким целям служит тот или иной сборник правил. Основная задача правил — обучение. Но правила создаются не только для обучения, не только для описания уже существующей системы орфографии, но и для того, чтобы сохранить эту систему в перспективе, чтобы русское письмо не превратилось в преимущественно традиционное. Таким образом, задача правил орфографии двояка: 1) описание системы письма в настоящем (в учебных и более общих целях) и 2) обеспечение существования системы письма в будущем. Лишь учитывая эти разные задачи, можно выдвигать те или иные требования к конкретным формулировкам правил.

Ниже будут проанализированы проблемы определения нормы и проблемы кодификации нормы написания сложных существительных или сочетаний с приложениями, неизменяемыми определениями. На основании проведенного исследования будет предложена новая система правил слитного/раздельного/дефисного написания сложных существительных, сочетаний существительных с приложением и несклоняемым определением. Формулировки правил не предполагают никаких изменений в уже закрепившемся написании.

Предварительные замечания

Область слитного, дефисного или раздельного написания слов и словосочетаний — наиболее проблемная область кодификации. Она отличается большей вариативностью в реальном письме и более значительным числом отклонений от предлагаемой кодификации, чем любая другая область русской орфографии, и, соответственно, наибольшим числом попыток создать адекватную и непротиворечивую кодификацию. Это объясняется и социальными условиями функционирования языка, и психолингвистическими факторами, и чисто лингвистическими факторами.

Психолингвистические факторы играют наибольшую роль на этапе освоения нового слова, затем в процессе письменной адаптации новых слов их роль значительно снижается. Однако в периоды большого притока новой лексики, в том числе и всплеска иноязычного заимствования, они могут опять активизи-

роваться, результатом чего являются колебания в написании даже слов с уже установившимся написанием. Такая ситуация сложилась и сегодня: например, в современных неотредактированных текстах слова с уже кодифицированным слитным написанием *спортклуб*, *диетпродукты*, *диетсестра* встречаются написанными дефисно, а иногда такое написание значительно преобладает над слитным, как *спорт-бар*. Сегодняшний день жизни общества и языка отличается ярковыраженным противопоставлением дню вчерашнему. Как это уже было в нашей истории, все, что отличается от традиционного, «вчерашнего», получает знак «плюс». В орфографии эта особенность социального момента проявляется в моде* на дефисные написания, в расширении употребления буквы э в позиции, в которых система допускает написание э или е — и хотя буква э употребляется и в русских словах, она все-таки чаще воспринимается как сигнал иноязычности слова, — в употреблении латиницы и ушедших букв кириллицы.

Эти особенности современного этапа жизни общества проявляются не только в узуальном письме, но и в кодификации. При предпочтении в узусе «не-традиционного», «не-своего» обостряется проблема выбора кодификации в пользу узуса или в пользу «закона», т.е. традиционного и своего. Анализ кодификации новых слов в орфографических словарях последнего десятилетия показал, что новые слова все чаще кодифицируются в том написании, которое предпочитается в узусе. Так, если слово *киндербальзам* фиксируется словарем Ушакова и РОС 1999 г. в слитном написании, то уже в РОС 2005 г. слово с той же первой частью и той же структурой *киндер-сюрприз* фиксируется в дефисном написании.

К лингвистическим причинам неадекватности существующих правил относятся, в частности, 1) существование переходных явлений в языке, позволяющих двояко трактовать структуру слова, его синтаксические или грамматические характеристики, релевантные для определения слитного/раздельного/дефисного написания**, 2) действие тенденции к унификации и тенденции к дифференциации написаний***, 3) изменчивость словарного состава и линг-

* О моде в орфографии см. [Вепрева 2006].

** Действие данной тенденции в области написания сложных существительных было разобрано в нашей статье [Бешенкова, Иванова 2011б].

*** Действие данной тенденции в области написания сложных существительных было разобрано в нашей статье [Бешенкова, Иванова 2011а].

вистических характеристик слова, релевантных при определении написания, и, наконец, 4) влияние аналогии в словарной зоне, т.е. в зоне бездействия правила.

Неадекватность и противоречивость существующих формулировок правил о написании сложных существительных, сочетаний существительных с приложениями, неизменяемыми определениями заставляет орфографистов искать новые способы описания материала или предлагать обоснования для кардинального изменения привычного написания. Одна из последних концепций изложена в работе Н.А. Еськовой [Еськова 2009], где для решения проблем правописания последовательно применяется принцип цельнооформленности слова, положенный в основу орфографического противопоставления слитных и дефисных написаний сложных существительных. По признанию автора, «предлагаемые правила вносят значительные изменения в то, что принято сейчас» [там же: 67], то есть затрагивают сформировавшиеся орфографические нормы и навыки. В данной работе мы исходим из принципа сохранения устоявшегося написания.

1. Проблемы установления нормы и кодификации написания слов с приставками

1) Проблемы кодификации, вызванные неустоявшимся лингвистическим статусом и неоднозначной трактовкой первой части слова как приставки или как корня

В грамматике нет четкого критерия, позволяющего отличать приставки от первых частей сложного слова. Есть круг несомненных, общепризнанных приставок (русские: *без-/бес-*, *близ-*, *в (о)-*, *вдоль-*, *вз-/вс-* (*взо-*, *воз-/вос-*, *возо-*), *вне-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-/ис (изо-)*, *к (о)-*, *меж-* (*между-*), *на-*, *над (о)-*, *наи-*, *недо-*, *низ-/нис-* (*низо-*), *от (о)-*, *па-*, *пере-*, *по-*, *под (о)-*, *пра-*, *пре-*, *пред (о)-*, *при-*, *про-*, *противо-*, *с (со)-*, *сверх-*, *среди-*, *у-*, *через-*, *чрез-/чрес-*, иноязычные: *а-*, *анти-*, *архи-*, *би-* (*бис-*), *де-*, *дез-*^{*}, *ди-*, *диа-*, *диз-/дис-*^{**}, *им-*, *ин-*, *ир-*, *ре-*,

* Приставка *дез-* имеет значение отсутствия, отмены, устранения, напр.: *дезавуаризация* (от *авуары*), *дезадаптация*, *дезактивация*, *дезинтеграция*, *дезинтоксикация*, *дезинфекция*, *дезинфицировать*, *дезинформировать*, *дезодорант*, *дезорганизация*, *дезурбанизация*.

** Приставка *диз-/дис-* имеет значение нарушения, разделения, расстройства, утраты, напр.: *дизартрия* (расстройство речи, артикуляции), *дисассоциация*, *дизруптивный*, *дизъюнкция*, *дисбаланс*, *дисбактериоз*, *дисгармония*, *дисгидроз*, *дисгормональный*, *дисквалификация*, *дискомфортный*, *дискредитация*, *дислокация*, *диспаритет*.

суб-, *экс-*^{*}). Есть единицы, выступающие в начале слова (или сложного слова), частотные и имеющие самостоятельное четко очерченное значение, практически не зависящее от (второго) корня, которые называют *п р е ф и к с о и д а м и*^{**}. К ним относят следующие единицы: русские — *все-*, *еже-*, *ино-*, *лже-*, *обще-*, *полу-*, *само-*; первые части, соотносимые с наречиями или предлогами — *впереди-* (*впередидущий*), *вперед-* (*впередсмотрящий*), *между-* (*международный*), *около-* (*околонаучный*); иноязычные: *интер-*, *квази-*, *кон-*, *об-*, *пан-*, *псевдо-*, *суб-*, а также *авиа-*, *видео-*, *гига-*, *макро-*, *мега-*, *мета-*, *микро-*, *моно-*, *мульти-*, *пента-*, *супер-*, *супра-*, *теле-* и др. Написание этих единиц не подпадает под правило слитного написания приставок с последующей недефисной частью слова.

Отсутствие четкого критерия приводит к тому, что исследователи расходятся в определении грамматического статуса некоторых единиц. Среди русских приставок уникальные приставки *ку-*, *оби-*, *тре-* часто считают частью корня; *противо-* считают то приставкой [Правила 2006, Лопатины 2007], то первой частью сложного слова [Шведова 2007], также противоречивую трактовку получает элемент *вне-*: приставка [Качалкин 2009] или первая часть сложного слова [Потапурченко 2000 а], элемент *близ-* считается то корнем [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999], то приставкой [Соловьев 1997]. Трактовка иноязычных элементов еще более противоречива. Для наглядности приведем материал в таблице^{***}:

* Выделяют две приставки *экс-*: *экс¹-* со значениями «извлечение», «высокая степень» (*экзгумация*, *экстрадиция*, *эксцентрик*, *эксэргия*, *эклибрис* «из книг», *эсклюзивный*, ср. *ин-клюдзивный*) и *экс²-* со значением «бывший», эта приставка как исключение пишется через дефис (*экс-президент*, *экс-студент*, *экс-чемпион*).

** Энциклопедия «Русский язык». М., 1997; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь лингвистических терминов. М., 2008. Помимо термина префиксоиды, используют также названия «начальные части, близкие к приставкам» [Правила 2006: 117; Валгина, Светлышева 2002: 38], «корни-приставки» [Валгина, Светлышева 1993: 57], «компоненты», «начальные составные части», «составная частица пан» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999].

*** В таблице приведены данные из следующих словарей и пособий: Земская — [Земская 2009], Крысин — [Крысин 1998], Потапур. — [Потапурченко 2000]; Роз.-Дж. — [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999]; Соболев. — [Соболева 1999]; Темиз — [Темиз 1999]; Шапиро — [Шапиро 1961]; Шв. — [Шведова 2007].

	приставка	часть сложного слова
<i>блиц</i>		Шв., РОС, Крысин, Роз.-Дж.
<i>вице</i>	РОС, Шапиро	Шв., Крысин, Собол.
<i>гипер</i>	РОС, Шв., Роз.-Дж.	Крысин
<i>гипо</i>	Шв.	РОС, Крысин
<i>интер'</i>	РОС, Крысин, Шв.	
<i>инфра</i>	Правила 2006, Потапур.	Крысин
<i>квази</i>	Крысин	Шв., РОС, Роз.-Дж.
<i>контр</i>	РОС, Роз.-Дж., Шв., Шапиро, Потапур.	Крысин (контр, контра)* Собол.
<i>макро</i>		РОС, Крысин, Шв.
<i>мега</i>		РОС, Крысин, Шв.
<i>мета</i>	РОС	Крысин, Шв.
<i>микро</i>		РОС, Крысин, Шв.
<i>мульти</i>		РОС, Крысин
<i>нео</i>		Крысин, Шв., Правила 1956
<i>обер</i>	РОС, Шв., Шапиро	Крысин, Собол., Потапур.
<i>пан</i>	Темиз	Крысин, РОС
<i>пара</i>	РОС, Шв.	Крысин
<i>пери</i>		Крысин
<i>пост</i>	РОС, Крысин, Шв.	
<i>прото</i>	РОС	Крысин, Шв.
<i>псевдо</i>		Роз.-Дж., РОС, Шв.
<i>суб</i>	РОС, Крысин, Шв., Потапур	Собол.
<i>супер</i>	РОС, Крысин, Шв., Потапур	Собол., Земская
<i>транс</i>	РОС, Крысин, Шв.	Собол.
<i>ультра</i>	РОС, Потапур., Шв.	Крысин, Потапур.
<i>унтер</i>	Шапиро	
<i>экс</i>	РОС, Крысин, Шв.	Собол., Потапур.
<i>экстра</i>	РОС, Крысин, Шв.	

* Примеры: *контрабас*, *контрагалс*, *контрагент*, *контрпирием*, *контрадикторный*, *контр-адмирал*, *контрактант*, *контрасигнатура*, *контрасигнация*, *контратака*, *контратип*, *контрфорс*, *контртенор*, *контртитул*, *контръярус*.

Однако далеко не во всех случаях эти расхождения в грамматической квалификации важны для орфографии. Так, из всех единиц на гласную эти расхождения в трактовках важны только для компонента *вице*, так как все иноязычные первые части на гласную пишутся слитно, как и приставки. Компонент *вице* пишется через дефис, и трактовка его как приставки противоречит правилу о слитном написании приставок. При его трактовке как первой части сложного слова, которая начинает употребляться как самостоятельное слово (напр.: *Президент теперь внимательно смотрел на своего вице* (В. Аксенов), *нынешний вице, тогда первый «вице» в правительстве* — примеры из НКРЯ) дефисное написание соответствует правилу о дефисном написании сложного слова или сочетания с приложением. Поэтому считаем более целесообразным согласиться с теми лингвистами, которые характеризуют данный компонент как отдельный корень, возможно, отдельное слово.

Остается несколько единиц на согласную (*гипер-*, *контр-*, *обер-*, *супер-*), которые по-разному трактуются лингвистами.

Если признать, что *обер* является приставкой, то ее надо рассматривать в качестве исключения из правила, так как в большинстве случаев она пишется через дефис (*обер-враль*, *обер-жулик**, *обер-кондуктор*, *обер-аудитор*, *обер-бургомистр*), кроме слов *обертон*, *обергруппенфюрер* (и др. званий с конечной частью *-фюрер*). Если же считать *обер* первым корнем, то его написание подчиняется правилу о написании сложных слов с первой несамостоятельной частью на согласную — и поскольку написание таких слов определяется по словарю, то закономерно наличие и дефисного и слитного написания.

Часть *контр-* в учебниках по орфографии считается приставкой, а случай дефисного написания *контр-адмирал* объясняется другим значением у первой части [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999: 41]. Однако это не совсем справедливо, ср. значения следующих слов: *контр-адмирал* — первое (самое низкое) адмиральское звание, *контральто* — самый низкий по звучанию женский голос, *контрабас* — самый низкий по звучанию смычковый музыкальный инструмент. У всех этих слов есть общий компонент значения, привносимый элементом *контр(a)*. Кроме того, дефисно пишутся

* Наличие этих слов, образованных на русской почве, вряд ли может служить аргументом в пользу трактовки *обер-* как приставки.

и слова *контр-киль*, *контр-бизань*, *контр-красница* (см. [Порецкая 1974]). Если же считать этот элемент корнем, то разное написание слов с ним объясняется, во-первых, тем же правилом, что и для корня *обер-*, а во-вторых, подправилом о дефисном написании слов, обозначающих должности, звания.

Единицу *гипер-* — при возможности справедливой трактовки ее двояким образом — мы склонны сопоставить с компонентом *гипо-* и также считать первой частью сложного слова, пишущейся в соответствии с уже упоминавшимся правилом.

Единица *супер* трактуется то как приставка, то как часть сложного слова, употребляющаяся самостоятельно и как отдельное слово (*ты просто супер**). Если считать единицу приставкой, то абсолютно правомерна и кодификация написания *ъ* перед гласными *е, ё, ю, я* (*суперъелка, суперъемкий, суперъюрист, суперъястреб, суперъяхта* — РОС). Однако реальное написание этих слов по данным поисковых систем преимущественно дефисное, также с дефисом пишутся и многие другие слова. Трактовка единицы как части сложного слова и отдельного слова оправдала бы и дефисное написание слов со второй частью на йотированную, и вводимое в словари и правила исключение *супер-эго*. Про единицу *супер* Е. А. Земская пишет: «На рубеже XX — XXI веков единица *супер* из словообразовательного префикса превратилась в самостоятельное слово, выступающее как наречие, междометие, а также в функции сказуемого. Основное его значение — показатель высокой степени чего-либо. Следующий шаг: *супер* получает способность сочетаться с суффиксом наречий *-ски* и прилагательных *-ск-* (с изменением по роду и падежам)» [Земская 2008]. Действительно, появившиеся качества у *супер* позволяют вычеркнуть его из списка приставок.

2) Проблемы нормы и кодификации слов с приставкой и дефисно пишущейся основой

Еще одна проблема кодификации написания слов с приставками связана с кодификацией написания приставок с дефисно пишущейся основой (*анти + социал-демократия, супер + мини-компьютер*). Обычно в справочниках формулируется единое правило

написания приставок для всех частей речи. Поэтому в приводимых формулировках ниже упоминаются и прилагательные и наречия. В [Правила 1956] было установлено слитное написание отыменных прилагательных типа *приамударьинский, заиссыккульский* [§ 81, п. 1, прим. 2], но дефисное написание — с одним дефисом — для наречий типа *по-социалдемократически* [§ 84]. Эта рекомендация соблюдалась и в более поздних справочниках, напр. Д.Э Розенталь пишет: «При наличии приставки такие прилагательные пишутся слитно, например: *антисоциалдемократический, приамурдарьинский*» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999: 46], «в наречиях с приставкой *по-*, образованных от сложных прилагательных с дефисным написанием, дефис пишется только после приставки, например: *по-социалдемократически, по-унтерофицерски*» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999: 61]. Аналогичны рекомендации в [Валгина, Светлышева 2002] (*прииссыккульский* (от *иссык-кульский, Иссык-Куль*), *проанархосиндикалистский* (от *анархо-синдикалистский*) и в [Кайдалова, Калинина 1998] (добавляется существительное *Прииссыккулье*).

Однако в практике письма написание подобных образований колеблется. Вероятно, в данном случае работают как психолингвистический фактор — длина слова, так и лингвистический фактор — стремление к сохранению единого написания морфологической единицы. Поэтому в [Правила 2006] была изменена кодификация: слова такого типа рекомендовано писать через два дефиса, напр.: *ультра-ура-патриот, анти-социал-демократический, лже-пред-юнионистский, псевдо-историко-революционный* [§ 152], также и наречия *по-социал-демократически, по-жюль-верновски* [§ 138, п. 2]). Такое же написание фиксируется и в РОСе. В работе, специально посвященной разъяснению так называемых корректирующих правил, впервые введенных отдельным разделом в [Правила 2006], основным аргументом для корректировки «правильных» написаний типа *антими-мезон, доюго-западный, приаму-дарьинский* является возникновение неприятных, трудно понимаемых написаний [Еськова 2009: 201].

* Слово *супер* в значении «обложка» считаем омонимом.

3) Проблемы кодификации, обусловленные присоединением первой части к основе с прописной буквы

Колеблется и кодификация написания слов со второй частью, пишущейся с первой прописной буквы или всеми прописными буквами, но не являющейся именем собственным. В пособиях Д. Э. Розенталя рекомендуется писать такие слова через дефис, а в [Правила 2006 § 151 прим. 2] рекомендуется слитное написание (*суперЭВМ*, как и *спецПТУ*). При этом в [Правила 2006] запрещается написание одной прописной буквы в середине слова без дефиса, «если вторая часть представляет собой имя собственное и потому пишется с прописной буквы» (*архи-Плюшкин*, *нео-Робинзон*, *супер-Шмидт**).

Никаких лингвистических оснований для принятия того или иного решения не просматривается. И поэтому не удивительно, что лингвисты по-разному кодифицируют эту область. Так, РОС предлагает словарную статью «**лже...** — *первая часть сложных слов, пишется слитно*, но: *Лже-Нерон*, *лже-социал-демократ*, *лже-Христос*», откуда следует, что слова, не включенные в перечень исключений, например, *лже?Сусанин*, должны быть написаны слитно. Однако Н. А. Еськова говорит о том, что написания типа *лже-Сусанин* в практике печати встречаются редко, а вот «написания с дефисом перед прописной буквой не только в приставочных словах, но и в образованиях с иными начальными компонентами, представлены довольно широко» [Еськова 2009: 199], и делает вывод, что «написания, довольно обычные для современной печати, фактически реализуют сформулированное выше корректирующее правило» [там же]. В этом случае практика письма по данным Яндекса не дает возможности говорить о наличии узуальной нормы. Однако при небольшом преобладании дефисных написаний, все-таки в словарях и энциклопедиях выдерживается слитное написание, поэтому считаем, что лучше сохранить рекомендацию правил 2006 г.

Результирующее правило**, которое охватывает все случаи употребления приставок, могло бы иметь следующий вид.

* В «Сводном словаре современной русской лексики» (Т. II. М.: Русский язык, 1991) слово зафиксировано в написании *супер-шмидт* (отмечено в БСЭ и Политехническом словаре).

** Результирующее общее правило о написании приставок, сложных существительных, сочетаний с приложениями или неизменяемыми определениями см. в [Бешенкова, Иванова 2011]

П р а в и л о. Приставки пишутся слитно с последующей основой, напр.: *бесценность*, *вдольбереговой*, *внеигровой*, *впередидущий*, *международный*, *сверхъестественный*, *средиземноморье*, *экстраординарный*.

И с к л ю ч е н и я :

а) приставка *экс*₂ - (в значении «бывший») пишется через дефис, напр.: *экс-депутат*, *экс-диктатор*, *экс-чемпион*, *экс-шеф*;

б) следующие слова с приставками пишутся через дефис: *сверх-я*, *супер-эго*, *экстра-тайм*, *экстра-класс*, *экстра-почта* (устар.);

в) приставка *не-* может писаться раздельно.

И с к л ю ч е н и е - п о д п р а в и л о 1. Приставки (как и первые части сложных слов) пишутся через дефис с именами собственными, напр.: *анти-Наполеон*, *не-Европа*, *пред-Моцарт*, *противо-НАТО*, *пан-Америка*, *экс-ГДР*.

П р и м е ч а н и е 1. Приставки со словами, которые пишутся с прописной буквы или только прописными буквами, но не являются именами собственными, пишутся слитно по основному правилу, напр.: *антиАОН*, *суперЭВМ*.

И с к л ю ч е н и е - п о д п р а в и л о 2. Приставки, как и первые части сложных слов, пишутся через дефис со словами, пишущимися через дефис, напр.: *анти-социал-демократический*, *сверх-национал-радикальный*, *пост-соц-арт*, *супер-реальности-шоу*, *супер-мини-компьютер*, *экс-вице-президент*.

П р и м е ч а н и е 2. Если приставка относится только к первой части, то такие слова пишутся с одним дефисом, напр.: *антиспам-технология*.

П р и м е р ы. Русские приставки: *без-/бес-*, *близ-*, *в (о)-*, *вдоль-*, *вз-/вс-* (*взо-*, *воз-/вос-*, *возо-*), *вне-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-/ис* (*изо-*), *к (о)-*, *меж-* (*между-*), *на-*, *над (о)-*, *наи-*, *недо-*, *низ-/нис-* (*низо-*), *от (о)-*, *па-*, *пере-*, *по-*, *под (о)-*, *пра-*, *пре-*, *пред (о)-*, *при-*, *про-*, *противо-*, *с (со)-*, *сверх-*, *среди-*, *у-*, *через-*, *чрез-/чрес-*. Редкие русские приставки: *ку-* (*кумекать*, ср. *смекаль*, *смекалка*), *оби-* (*обиход*, *обизор*), *па-* (*пасынок*, *падчерица*, *пагубный*), *преди-* (*предисловие*), *си-* (*снелать*, *снелъ*, *снедаемый*), *су-* (*суглинок*, *супель*, *сумерки*, *сумятица*), *тре-* (*треклятый*, *тресвон*, *треволнения*). Иноязычные приставки: *а-*, *анти-*, *архи-*, *би-* (*бис-*), *де-*, *дез-*¹, *ди-*, *диа-*, *диз-/дис-*², *им-*, *ин-*, *ир-*, *интер-* (в значении «меж»), *интра/интро*, *пост-*, *ре-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *экс-*³, *экстра-*.

П р и м е ч а н и е 3. Многие из приставок могут по форме совпадать с предлогами. Предлоги определяют форму последующего слова, а приставки нет. Так, *вдоль*, *вне*, *внутри*, *меж*, *между*, *около*, *среди* являются приставками в составе прилагательных и существительных, употребляющихся с этой приставкой во всех падежах, напр.: *внесезонный*, *внедорожники*, *межсезонье*, *междурядье*, *международный*, *околоплодный*, *околоцветник*. Как предлоги эти единицы определяют падеж последующего существительного: *вдоль*, *вне*, *внутри*, *около*, *среди* + сущ. в род. пад. (*вне среды*, *вдоль дороги*, *среди цветника*), *меж*, *между* + тв. пад., род. пад. (устар.), напр.: *между народами*, *между двух берегов*, *меж нами*, *меж высоких хлебов*, *меж детей ничтожных мира*, *меж двух огней*.

¹ Приставка *дез-* имеет значение отсутствия, отмены, устранения, напр.: *дезауаризация* (*от ауары*), *дезадаптация*, *дезактивация*, *дезинтеграция*, *дезинтоксикация*, *дезин-*

фекция, дезинфицировать, дезинформировать, дезодорант, дезорганизация, дезурбанизация.

² Приставка *дис-/дис-* имеет значение нарушения, разделения, расстройства, утраты, напр.: *дизартрия* (расстройство речи, артикуляции), *дисассоциация*, *дизруптивный*, *дизъюнкция*, *дисбаланс*, *дисбактериоз*, *дисгармония*, *дисгидроз*, *дисгормональный*, *дисквалификация*, *дискомфортный*, *дискредитация*, *дислокация*, *диспаритет*. О написании *з* или *с* в приставке см. § 2 Исключение-подправило.

³ Выделяют две приставки *экс*: *экс*¹- со значениями «извлечение», «высокая степень» (*эксгумация*, *экстрадиция*, *эксцентрик*, *эксэргия*, *экслибрис* «из книг», *эксклюзивный*, ср. *ин-клюдивный*) и *экс*²- со значением «бывший», эта приставка как исключение пишется через дефис (*экс-президент*, *экс-студент*, *экс-чемпион*).

II. Проблемы кодификации написания слов, содержащих повторы

Правило, описывающее данный круг слов, содержится далеко не во всех справочниках, хотя оно есть в [Правила 1956]. Формулировки правила сильно различаются и по материалу, и по критериям. Так, [Правила 1956] описывают только слова с повторяющимся корнем, в [Правила 2006] значение сложного слова (словосочетания) с повтором уточняется — наличествует «экспрессивное, часто усилительное значение», а также описываются и другие случаи — не только с однокоренными частями. В [Валгина, Светлышева 2002] эти слова характеризуются как «сложные наименования». Особенности данных единиц А. Б. Шапиро описывал следующим образом: «Такие сложные слова произносятся без паузы между их составными частями и с одним основным ударением» [Шапиро 1961: 116]. Действительно, эти слова не могут иметь разные синтаксические связи в предложении, являются одним элементом синтаксической структуры, а не однородными членами, например, не могут разбиваться повтором предлога (ср. *сквозь полусон*, *сквозь полуявь*, но *сквозь полусон-полуявь*). В других же источниках обсуждаемые единицы характеризуются как «парные сочетания» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1999: 95], что определяет и различные типы исключений, отграничиваемые от описываемых. Так, [Правила 1956] в качестве исключений приводят сочетания типа *честь честью* и отграничивают от повторов случаи типа *зимы ждала*, *ждала природа*. Действительно, в этом втором случае слова (сочетания слов) имеют особые синтаксические и, соответственно, интонационные характеристики.

В пособиях и справочниках по орфографии сложилась традиция не включать в раздел правописания повторов существительные — иноязычные заимствования типа *буги-вуги*, *женьшень*, *ноу-хау*, *пинг-понг*, *тамтам*, *триктрак*, *шаривари*. Их рассмотрение возможно среди единиц с десемантизированными компонентами (см. ниже IV, п. 4), при этом образуется неопределенный ряд слитно пишущихся исключений, поскольку орфография таких слов определяется по словарю.

Предлагаем ввести следующее правило.

Правило. Сложные слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, междометия), части которых содержат какой-либо повтор и стоят в одной форме, пишутся через дефис. Сюда относятся следующие случаи:

1. Повтор корня (*красавица-раскрасавица*, *крест-накрест*, *один-одинешенек*, *рад-радехонек*, *большой-пребольшой*, *штопанный-перештопанный*, *ждет-пождет*, *скок-поскок*, *перво-наперво*, *еле-еле*, *чуть-чуть*, *точь-в-точь*¹), в том числе повтор корня *полу* (*полусон-полуявь*);

2. Повтор значения либо близость значения (*жив-здоров*, *один-другой*, *грусть-тоска*, *конца-краю* (*не видать*), *спать-почивать*, *нежданно-негаданно*, *худо-бедно*, *подобру-поздорову*, *то-сё*), либо антонимичность (т. е. повтор значения со знаком отрицания) (*глухость-звонкость*, *вверх-вниз*, *вперёд-назад*, *туда-сюда*).

И с к л ю ч е н и е - п о д п р а в и л о. Пишутся раздельно сочетания с повторяющимися сочинительными союзами типа *и то и сё*, *ни то ни сё*, *и так и сям*, *ни так ни сям*, *ни туда ни сюда*.

3. Принадлежность компонентов (признаков, предметов) более общему классу (*овощи-фрукты* (т. е. растительная пища), *ложки-вилки* (столовые приборы), *пить-есть* (питаться), *руки-ноги* (конечности), *хлеб-соль* (еда), *гуси-лебеди* (птицы), *букашка-таракашка*, *друзья-товарищи*, *мальчики-девочки*);

4. Созвучные компоненты, один из которых или все могут быть десемантизированы (*страсти-мордасти*, *не хухры-мухры*, *шайка-лейка*, *цирлих-манирлих*, *шалтай-болтай*, *шуры-муры*, *ку-ку*, *тары-бары-растабары*, *тра-та-та*, *фокус-покус*, *сальто-мортале*, *супер-пупер*).

П р и м е ч а н и е. Под данную формулировку правила не подходят следующие повторы однокоренных слов: а) слова, принадлежащие разным категориям или стоящие в разных формах, при этом они также пишутся через дефис: *день-деньской*, *мука-мученская*, *тьма-тьмуца*, *белым-бело*, *раным-рано*, *давным-давно*, *светлым-светло*, *темным-темно*, *мало-маленьки*; б) лексикализованные атрибутивные словосочетания, состоящие из самостоятельно употребляющихся слов типа *диво дивное*, *чудо чудное*, *воля вольная*, *горе горькое*, *тьма тёмная*, *масло масляное*, также (*на*) *веки вечные*, *всякая всячина* (слово *всячина* несвободно в употреблении); в) сочетания существительных

в разных падежах, напр. *чудак чудачком, молодец молодцом, дуб дубом, во (на) веки веков*; также местоимение *друг друга, друг дружку*².

¹ Слова *веришь-не-веришь, любишь-не-любишь, точь-в-точь, чик-в-чик* представляют собой лексический повтор с участием служебного слова и пишутся с двумя дефисами. Служебное слово как элемент структуры сложного слова имеется также в существительных *иван-да-марья, мать-и-мачеха, сын-без-отца, не-тронь-меня* (названия растений).

² Это местоимение-существительное предлагалось писать с дефисом в проекте «Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» (М., 2000. С. 389). Помимо семантики, дефисное написание обосновывалось, в частности, аналогичностью построения предложно-падежных сочетаний с данным местоимением другим местоимениям, в которых предлог вставляется внутрь слова, а первая часть остается неизменной, ср.: *кое-кто – кое с кем, кое-что – кое с чем, никто – ни к кому* и т.д., *друг-друга – друг с другом, друг к другу* и т.д.

III. Проблемы кодификации написания слов с первой частью *пол*

Проблемы кодификации написания слов с первой частью *пол* касаются только расхождений в формулировках правила, хотя в одном случае эти расхождения привели и к различной кодификации написания в словарях. Расхождения в формулировках этого правила касаются трех критериев: частеречной характеристики слова, указания на родительный падеж второй части слова и написания второго корня с прописной.

В [Правила 1956, Шапиро 1961, Правила 2006] описывается только сочетание *пол* с существительным в родительном падеже, в [Розенталь 2001] формулировка смягчена: «слова (обычно имя существительное нарицательное в форме родительного падежа)» [Розенталь 2001: 55], в [Былинский, Никольский 1970; Кайдалова, Калинина 1998, РОС] не накладываются ограничения ни на часть речи, ни на падеж: «**пол...** — с последующим словом пишет через дефис (перед гласной, л, перед прописной буквой, перед дефисно пишущимся словом) или слитно (в остальных случаях)» [РОС]. Указанные расхождения приводят к разному описанию небольшого ряда слов. Например, слово *поллитровка* не считается исключением в [Розенталь 2001] на том основании, что «вторая его часть не является существительным в форме родительного падежа» [там же],

хотя это требование не было выдвинуто как обязательное. В [Кайдалова, Калинина 1998] это слово отмечается как исключение и его написание объясняется происхождением от *полулитровка*. Все слова со второй частью, не совпадающей с формами родительного падежа, либо подпадают под формулировку правила, либо считаются словарными. Таких слов не так много: существительные *полдень, полночь, полдневный, полнощный, полкило, полливо, полстолько* (и *полстолька*), *полбутылка*, а также прилагательные *полкилограммовый, полкилометровый, пол-литровый, полметровый, полмиллиардный, полмиллионный*. Прилагательные с *пол* заменяют в современном языке прилагательные с *полу*. Слово *пол(-)литровый* имеет двоякую кодификацию: слитное написание *поллитровый* в Грамматическом словаре А.А. Зализняка и дефисное написание *пол-литровый* в РОС (2005) (разговорный вариант *полулитровый*) как образованное от существительного *пол-литра*, а не *поллитровка*.

Третий критерий касается слов, пишущихся прописными буквами (как в аббревиатурах) или начинающимися с прописной буквы. Так, в [Правила 2006] запрещается написание одной прописной буквы в середине слова без дефиса, поэтому рекомендуется дефисное написание *пол*, «если вторая часть представляет собой имя собственное и потому пишется с прописной буквы» [Правила 2006: § 151, с. 161–162], напр., *пол-Байкала*. (Наличие двух и более прописных букв в середине слитно написанного слова допускается, напр.: *спецПТУ, суперЭВМ*.) В [Кайдалова, Калинина 1998] говорится о второй части с прописной буквы без указания на имя собственное. В [Валгина, Светлышева 2002], напротив, говорится о второй части — имени собственном. И хотя во всех пособиях примеры приводятся однотипные, попытки применить формулировки к аббревиатурам дают разные результаты. Так, согласно [Правила 2006] следует писать *полПТУ* (так как ПТУ содержит три прописные и не имя собственное), *полЦСК* (так как ЦСК содержит три прописные, хотя и является именем собственным). Согласно букве правила в [Кайдалова, Калинина 1998] следует писать *пол-ПТУ, пол-ЦСК* (в обоих случаях — перед прописной), согласно [Валгина, Светлышева 2002] следует писать *полПТУ* (как не перед именем собственным), *пол-ЦСК* (как перед именем собственным).

Предлагаем следующую формулировку правила.

Правило. Числительное *пол* в составе сложного слова пишется через дефис, если вторая часть начинается с гласной буквы, буквы *л* или с прописной буквы (*пол-ёлки, пол-ярда, пол-оборота, пол-лица, пол-литра, пол-литровый, пол-Сибири, пол-ИТУ, пол-ЦСК*). В остальных случаях *пол* пишется слитно (*полметра, полстола, полдень, полночь, полкило, полливо, полвторого, полдневный, полстолько, полиогурта*). *Пол* пишется раздельно со словосочетанием (*пол нашей квартиры, пол квартиры отца*).

Исключение: *поллитровка*¹.

¹ Здесь, как и в других случаях, словарные исключения приводятся в соответствии с нормами академического «Русского орфографического словаря» (2012).

IV. Проблемы установления нормы и кодификации написания сложных существительных и сочетаний с приложением, неизменяемым определением

1. Проблемы кодификации написания сложносокращенных существительных

Проблемы определения нормы и ее кодификации в области написания сложносокращенных слов связаны, во-первых, с возможной двоякой интерпретацией слов с первой частью, совпадающей со словом, во-вторых, с активным заимствованием все новых слов и в том числе слов, совпадающих с компонентами уже существующих слов, в-третьих, с распространением написаний сложносокращенных слов с дефисом на графически значимом слогоразделе*, и наконец, с особенностями современного момента, с модой на дефисное написание.

1) Проблемы нормы и кодификации, связанные с неоднозначной лингвистической трактовкой

* К позициям графически значимого слогораздела мы относим следующие позиции: 1) в конце слова, 2) в конце части сложносокращенного слова, 3) в конце первой части сложного слова без соединительной гласной, в том числе перед дефисом, 4) в конце приставки. Ср. высказывание В. Ф. Ивановой: «Можно было бы даже сказать, что сложносокращенные слова пишутся по слоговому принципу русской графики, если бы компоненты, из которых состоят сложносокращенные слова, можно было бы считать отдельными словами» [Иванова 1976: 104] или замечание В. Н. Мусатова: «слоговой принцип русской графики не распространяется на сложносокращенные слова» [Мусатов 2006: 217].

Проблемы кодификации возникают при совпадении первой части сложносокращенного слова с отдельным словом. В этом случае имеет место формальное неразличение сложносокращенного* слова и сложного слова, состоящего из частей, совпадающих с самостоятельно употребляющимися существительными. Слова данного типа относятся к переходным явлениям между аббревиацией и словосложением (см. РГ-80, т. I, § 589), и, как и многие другие переходные явления, по-разному квалифицируются и разными исследователями, и пишущими при объяснении выбранного написания.

Трактовка слова как сложносокращенного или сложного зачастую представляет собой результат индивидуальной лингвистической интерпретации, основывающейся на словообразовательных связях слова, традиции его понимания, истории бытования и этимологии. Например, обе первые части слов *блокпост* и *блок-пункт* соотносятся со словом *блокирующий*, однако первое слово считается сложносокращенным, а второе просто сложным. Можно предположить, что решающим фактором в данном случае оказывается закрепившееся написание: слитно написанное слово «прочитывается» как сложносокращенное, а написанное с дефисом — как сложное существительное с первой частью, совпадающей с самостоятельным словом. Это приводит и к разной кодификации одного и того же слова в словарях: так, в РОСе дается слово *блок-аппарат* (как *блок-пункт* ср. там же *блок-пункт, блок-сигнал, блок-тормоз*) и в слитном написании *блокаппарат* в ТСИС** (ср. *блокпост* во всех современных источниках). Двоякая словообразовательная мотивация возможна для всех слов этого типа, напр.: *спортклуб* — это и спортивный клуб и клуб для занятий спортом (ср. *джаз-клуб*) *пионервожатый* — пионерский вожатый и вожатый пионеров, *томат-паста* — томатная паста или паста из помидоров, *допинг-контроль* — допинговый контроль и контроль допинга, *газ-лифт* — газовый лифт и от *газ* и англ. *lift* «поднимать» (БСЭ), *газ-контроль* — газовый контроль и контроль газа и т. д. и т. п. Трактуются как сложносокращен-

* Сложносокращенным называется сложное существительное, образованное без соединительной гласной, в котором усечение одной или обеих его частей осуществляется безотносительно к морфемному членению слова.

** Условные сокращения: РОС — Русский орфографический словарь (2-е изд., М., 2005); РОС4 — издание РОС 2012 г.; ТСИС — Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007;

ные и пишутся слитно: *бортпроводник, бортврач, бортинженер, взрывпакет, взрывснаряд, домработница, импульстерапия, пионер-вожатый, спортивный инвентарь, спортклуб, туроператор, турбизнес, туркласс, турклуб, туркомпания, турафис, турпакет, турпоток, турпрограмма, турслёт, фронтпроекция, шефмонтаж, штрафзона, штрафстоянка*. Другие слова, часто содержащие те же первые части, трактуются как сложные слова или сочетания с приложением и пишутся с дефисом: *блок-пункт, томат-паста, аудит-контроль, бас-гитара, вакуум-аппарат, вектор-функция, генерал-директор, джаз-группа, допинг-контроль, драп-велюр, жокей-клуб, крафт-бумага, кризис-менеджер, рай-дерево, цитрус-пресс, фронт-офис*.

Возможная двоякая лингвистическая интерпретация и современная мода на дефис с неизбежностью приводит к появлению массовых вариантов в узусе.

Примеров вариативного написания слов этого типа в реальном употреблении множество. Колеблются в написании даже старые слова. Так, почти все вновь образуемые слова с первой частью *спорт* часто встречаются в дефисном написании, напр., *спорт-депо, спорт-арена, спорт-аналитика, спорт-википедия, спорт-экспресс, спорт-кафе*, но и «старые», уже кодифицированные слова дают употребление с дефисом *спорт-бар, спорт-клуб*, хотя, к примеру, слово *спортзал* ни один поисковик не фиксирует в дефисном написании, также как не дают варианты новые *спортбайк, спортиндустрия**. Для наглядности сведём примеры в таблицу:

кодификация		узус
дефис	слитно	
<i>блок-аппарат</i> (РОС) (как блок-пункт)	<i>блокаппарат</i> (ТСИС) (как <i>блокпост</i>)	<i>блок-аппарат</i>

* Для сложных слов со второй частью, начинающейся на гласную и, существует еще один фактор, который мог бы влиять на предпочтение дефисного написания: несоблюдение слогового принципа на границе сложного слова.

	<i>спортбар спортклуб спортзал спортиндустрия спорткафе спортпрогноз спортцентр спортминутка</i>	<i>спорт-депо спорт-арена спорт-аналитика спорт-википедия спорт-экспресс спорт-кафе спорт(-)бар спорт(-)клуб спортзал также новые: спортбайк спортиндустрия</i>
<i>газ-контроль</i> (РОС4)	<i>газлифт</i> (РОС)	<i>газлифт</i> (чаще) / <i>газ-лифт</i> <i>газ-контроль</i> (знач. чаще)/ <i>газконтроль</i>
<i>фронт-офис</i> (РОС)	<i>фронтпроекция</i> (РОС)	<i>фронт-офис</i> (знач. чаще)/ <i>фронт-офис</i> <i>фронт(-)проекция</i> (БСЭ) ¹

¹ См.: «Фронтпроекции метод, фронт-проекция, метод...» (БСЭ).

При установлении нормы написания лингвисты в основном идут за узусом и новые слова с первой частью, допускающей двоякую трактовку, сегодня часто фиксируют в дефисном написании, например: *газ-контроль* (РОС4) при *газлифт* (РОС), *фронтпроекция* (РОС), т.е. фронтальная проекция, и *фронт-офис* (РОС), и хотя нельзя сказать «фронтальный офис», но значение у слова то же самое — «находящийся впереди, на переднем плане». Как бы в поддержку такой политики орфографистов Л.П. Крысин предлагает особую трактовку для подобных слов, появившихся в последние десятилетия: «Появляются структурно новые типы слов: *кибер-пространство, бизнес-план* (традиционными моделями в подобных случаях являются атрибутивное или генитивное словосочетания: *кибернетическое пространство, план бизнеса*)» [Крысин 2007: 310]. Однако непонятно, чем структура этих «новых» слов отличается от структуры старых слов, приведенных выше, таких как *томат-паста, ром-баба* и пр.

Возможность двоякого понимания структуры слова с неизбежностью приводит к появлению вариантов и в кодификации, и в узусе. В данном случае чтобы исключить такую возможную лингви-

стическую неоднозначность требуется уточнение некоторых лингвистических понятий, используемых в орфографии. Как кажется, есть две возможности: 1) ограничить понятие сложносокращенного слова только словами, содержащими части, не совпадающие с отдельным словом (т.е. не считать сложносокращенными слова типа *спортзал*, *туроператор*); 2) ввести дефисно пишущиеся слова с первой частью, совпадающей с отдельным словом, допускающие соотнесение с прилагательным (то есть допускающие трактовку и как сложносокращенного типа *томат-паста*), в исключения к правилу о слитном написании сложносокращенных слов.

При первом подходе все слитно пишущиеся слова с первой частью, которая совпадает с отдельным словом, окажутся исключениями из другого правила — о дефисном написании сложных слов или сочетаний с приложением. Это снимет возможность двоякой трактовки для новых слов и тем самым закроет круг исключений. Реализация такого предложения зависит от количества слов, вводимых в исключения, и от их разнообразия. По предварительным подсчетам таких слов меньше трех десятков: *блиц...* (*блицвизит*, *блицопрос...*), *бормашина*, *вымпелфал*, *дельтаклуб*, *дельтаплан*, *лотлинь*, *люфтклозет*, *люфтпауза*, *планкарта*, *спорт...* (*спортзал*, *спортиндустрия...*), *тур...* (*туркомпания*, *туроператор...*), *фальцаппарат*, *фронтпроекция*, *четвертьфинал*, *илюпбалка*, *штормтрап*, *штрафстоянка*, *штрафзона*, *электронвольт*, *ялбот*. Хотя это и достаточно обширный список, но многие из этих слов — старые термины с устоявшимся написанием (морские термины *штормтрап*, *лотлинь*), а некоторые слова введены в последнее десятилетие и их написание можно еще изменить, учитывая имеющиеся еще колебания в узусе. Это существенно сократит число таких слов.

При втором подходе сохраняется общепринятое понимание сложносокращенного слова, но остается опасность двоякой трактовки новых слов и расширения круга исключений*, а кроме того, таких слов значительно больше трех десятков. Поэтому первое решение сегодня кажется более оправданным.

* К известным единичным исключениям *масс-старт*, *физкульт-привет*, *физкульт-урá*, *яхт-клуб* добавятся такие слова, всегда писавшиеся через дефис, как *джаз-группа*, *жокей-клуб*, *ром-баба* и др.

2) Проблемы нормы и кодификации, связанные с действием тенденции к унификации

Одной из движущих сил изменения языка является наличие двух тенденций: тенденции к унификации и тенденции к дифференциации. Действие этих тенденций проявляется и в орфографии. Многие орфографические правила имеют группы слов-исключений, и эти слова, с одной стороны, под влиянием «правильных» слов часто подравниваются под них, с другой стороны, сами становятся образцами при определении написания новых слов. Иногда и сами орфографисты решают сделать систему более стройной и подравнять написание исключений под правило.

Исключения из правила о слитном написании сложносокращенных слов единичны, если к сложносокращенным словам относить только слова с первой частью — усеченным компонентом, не совпадающим ни с каким целым словом. Среди старых слов таких исключений всего три. Одно из них *яхт-клуб*. В словаре Чудинова 1910 г. оно дается в раздельном написании, в словаре М. Фасмера — в слитном написании и возводится к немецкому слову, пишущемуся слитно. В словаре Д. Н. Ушакова и во всех последующих нормативных словарях оно рекомендуется уже в дефисном написании и в иноязычных словарях последних лет возводится к английскому этимону, который писался или раздельно или с дефисом. В современном узусе это слово довольно часто пишется слитно (в том числе в некоторых словарях), подравниваясь под общее правило, однако это написание сегодня нельзя признать за равноправный вариант. Тем не менее, все это позволяет говорить о действии тенденции к унификации и в данной группе слов.

Новые слова, первые части которых соотносятся с частью какого-либо простого слова и поэтому должны быть интерпретированы только как сложносокращенные, на практике письма устанавливаются в дефисном написании (все слова с первой частью *пон-*, *пресс-*, *стрип-*, *эротик-*) или имеют двоякое написание с преобладанием дефисного (*яхт-гавань*, *риелт-бюро*). В узусе тенденция к употреблению дефиса столь сильна*, что встречается дефисное написание

* Дефисные написания этого типа появлялись и в предшествующие годы, ср. *телеграф-язык*, *танц-нива*, *блат-литература*, *балет-словесность*, хотя *смехвыступления*, *отрывкнижечка*, *пионержурналички* (примеры из [Панов 2004]).

даже уже давно освоенных и кодифицированных в слитном написании слов. Так, встречается не только дефисное написание нового слова *диет-клиника*, но и дефисные написания уже устоявшихся слов (**диет-продукт*, **диет-сестра*). В русском языке нет слова *диет*, так что слова с первой частью *диет...* осмысляются только как сложносокращенные и до недавнего времени писались только слитно: *диетпродукты* — сокращение от *диетический*, *диетсестра* — сокращение от *диетологический*. Слова *танц/класс*, *танц/проект*, *фарм/ликбез* и многие другие в поисковых системах преимущественно предлагаются в дефисном написании, хотя единственно правильным для них было бы слитное написание — в соответствии с правилом и по аналогии с уже осуществленной кодификацией (*танцзал*, *танцкласс*, *танцклуб*, *фармпрепарат*, *фармпромышленность*, *фармрынок* и т. д.), поскольку естественно «прочтение» их первых частей как сокращений слов *танцевальный*, *фармацевтический*. Объяснить появление и распространение написаний с дефисом, в том числе противоречащих уже кодифицированным написаниям, можно только действием временного психолингвистического фактора, свойственного эпохе активного притока заимствований*.

Собственно лингвистическим фактором, влияющим на распространение дефисного написания, является неустойчивость лексического статуса первых частей: возможность их употребления как отдельных слов со своим отдельным значением. Например, первая часть *поп* приобретает значение, отличное от значения «популярный», слово начинает употребляться как синоним к слову *попса*. В такой ситуации написание первой части *поп* подпадает под действие другого правила, которое предусматривает дефисное написание.

Кодификаторы закрепляют дефисное написание для очень небольшого числа таких слов. Так, слова *поп-арт* и *поп-музыка* даны в «Орфографическом словаре русского языка» (изд. 13-е, 1974), новое изда-

* О возможной психологической причине появления дефисных написаний такого типа и некорректности признания этой психологической причины как лингвистической М.В. Панов писал так: «...у таких аналитических прилагательных (*пресс-*, *эрзац-*, *модерн-*) есть однокоренные существительные *пресса*, *эрзацы*, *минимум* и т. д. Но сочетания типа *пресс-офицер* не понимаются как бывшие сложные слова. Мешает то, что они оканчиваются согласным. Скорее их можно принять за сочетание существительных; первое из них — интернационализм. Но новое функционирование этих единиц в современном русском языке такое эрзац-объяснение вовсе не объясняет» [Панов 2004: 139].

ние РОС предлагает дефисное написание *культ-менеджер*, *риелт-бюро* (риелторское бюро), все слова с первой частью *стрип-* (*стрип-бар*, *стрип-балет*, *стрип-клуб*, *стрип-танцовщица*, *стрип-шоу*), *эротик-шоу*. Объясняется такая кодификация предпочтительно дефисным написанием в узусе. Выбор нормализаторов разрешается в данном случае в пользу узуса. Хотя в некоторых случаях все же рекомендуется слитное написание вопреки узуальным предпочтениям, напр., при кодификации слов *демоверсия*, *демозапись*, притом что даже официальные сайты министерства образования дают **демо-версия* («демо-версия варианта ЕГЭ»), **демо-запись*. Вероятно, в данном случае играет роль и качество финальной буквы. Как бы то ни было в данном случае сердце кодификаторов склонилось к закону, а не к стихии узуса.

3) Проблемы нормы и кодификации, связанные с быстрым пополнением словарного запаса, приводящим к изменению лексического статуса единицы

Среди заимствований последних десятилетий есть сложные слова, первая часть которых соотносится с частью уже существующего слова, но не с целым самостоятельным словом, то есть по всем критериям они должны трактоваться как сложносокращенные и писаться слитно, но реально пишутся и поэтому кодифицируются в дефисном написании, напр.: *риелт-бюро*, *стрип-бар*, *эротик-шоу*, *культ-менеджер*, *пресс-конференция* и пока не входящее в словари, но распространенное в узусе *фарм-ликбез* (хотя *фарминдустрия*, *фармлаборатория*, *фармрынок*, *фармфирма*, *фармцентр*). В таком их написании проявляется сиюминутная особенность языковой ситуации: мода на дефис и пока еще живая связь с написаниями в языке-источнике. Исходя из общей тенденции, действующей с XVIII в. — постепенного вытеснения дефисных написаний и предпочтение слитных или раздельных написаний — следовало бы эти слова кодифицировать в слитном написании, несмотря на узуальные предпочтения. Но есть два момента, которые заставляют не торопиться с принятием такого решения: 1) возможность появления этой первой части в качестве самостоятельного слова, напр., возможно закрепление в качестве самостоятельного слова части *фан* слов *фан-клуб*, *фан-сайт*, *фан-партия* (*фан* введено в РОС 2005 г.); слово *хард* появилось в виде отдельной единицы в РОС 2005 г., как

первая часть сложных слов пишется и слитно и дефисно: *хардвер*, *хардлайнер*, *хард-рок*, *хард-бон*, *хард-кор* и 2) наличие в русском языке слов с первой частью, не употребляющейся самостоятельно и пишущейся через дефис (*айс-гольф*, *айс-дайвер*, *айс-дайвинг*, *айс-ревю*, *айс-фифи*).

Трактовка элемента *тур* изменилась в последнее время вслед за изменением словоупотребления. Так, *турпоход*, *турпоездка* традиционно трактуются как сложносокращенные слова, полученные из сокращения прилагательного *туристический* и существительных *поход* и *поездка*. Однако в последние десятилетия получило распространение известное слово *тур* в значении «турне, путешествие», поэтому вновь появляющиеся слова воспринимаются не как сложносокращенные, а как сложные слова с первым элементом, совпадающим со словом, а такие слова пишутся с дефисом. Поэтому в реальном письме возникают написания *тур-менеджер*, *тур-оператор*, *тур-офис*. Академический словарь игнорирует давление узуса и дает все эти слова в слитном написании. Еще пример. «Старые» слова с первой частью *эконом-*, понимаемой как сокращение слова *экономический* в значении «относящийся к экономике, связанный с экономикой», пишутся слитно и естественно воспринимаются как сложносокращенные — *экономгеография*, *экономполитика*, *экономразвитие*. В РОС 2005 г. к ним добавилось слово *экономкласс*, в котором первая часть мотивируется скорее словами «экономия» и «эконом», а не «экономический». Его написание уже колеблется в узусе — частотно встречаются дефисные написания *эконом-класс*. В написании вновь возникающих слов, в которых первая сокращенная часть расшифровывается уже как «относящийся к уровню экономкласса», т. е. «бюджетный = экономный, мало-затратный» — *эконом-такси*, *эконом-тур*, *эконом-парикмахерская*, *эконом-сервис*, *эконом-панель*, *эконом-уровень* — сегодня явно преобладает вариант с дефисом, что отражено в новом издании РОС.

4) Проблемы нормы и кодификации, связанные с общей проблемой оформления орфографически значимого слогораздела

При вхождении в употребление сложносокращенных слов наличие слогораздела на стыке первой части, кончающейся на согласную, и второй части, начинающейся на гласную, является

достаточным психолингвистическим и лингвистическим основанием для предпочтения дефисного написания, а не слитного. Так, в узусе встречается дефисное написание *вет-аптека* при соседствующем *ветлечебница*, *ветбольница*. Дополнительные проблемы возникают при йотированной гласной корня: *спецеда*, *спец(-)ярмарка*. В данном случае орфографисты данные узуса не учитывают и кодифицируют все новые слова в слитном написании в соответствии с правилом.

Таким образом, в определении нормы и кодификации написания сложносокращенных слов возникают проблемы, вызванные разными причинами: возможной двоякой лингвистической интерпретацией, действием тенденции к унификации, изменением грамматических и лексических характеристик единиц, общими проблемами оформления графически значимого слогораздела. Как было сказано, возможно несколько способов решения этих проблем. Из двух возможностей устранить неоднозначную лингвистическую интерпретацию мы предпочли ограничить понятие сложносокращенного слова только словами, содержащими части, не совпадающие с отдельным словом. Вторая проблема решается сегодня в академическом словаре в основном в пользу правила, а расширение списка слов-исключений — явная уступка узусу, не соответствующая исторической перспективе. Третья проблема, к сожалению, требует постоянного отслеживания — соотношения появляющихся слов с уже имеющимися словами, включающими эти новые как свои первые части. При закреплении таких частей в качестве самостоятельных слов приходится либо пересматривать написание уже закрепившихся слов, либо вводить в правила исключения. Четвертая проблема на данный момент не рассматривается как существенная, так как существование значимого слогораздела и особенности его графической передачи — явление старое и весьма распространенное. И хотя сложности при установлении написания новых слов с орфографически значимым слогоразделом возникают регулярно и одним из компромиссов является дефисное написание, на данный момент слова типа *вет(-)аптека* могут и в узусе установиться в слитном написании, как *госаппарат*.

Чтобы избежать выделенных проблем, требуется лишь уточнить понятие, используемое в традиционной формулировке правила, и дополнить список исключений.

Предлагаем следующую формулировку правила.

Правило. Сложносокращенные существительные пишутся слитно, напр.: *бухучет, ветсаннадзор, вещмешок, главбух, госзаказ, депкорпус, детсад, дипкорпус, драгметаллы, драмкружок, жилищлощадь, завскладом, заградотряд, земснаряд, инвалюта, индпошив, канцтовары, кожизделие, молзавод, натуроплата, травмпункт, физкультминутка, юннат.*

Исключения. Пишутся через **дефис** некоторые единичные сложносокращенные существительные, напр.: *культ-менеджер, масс-старт, поп-...* (*поп-группа, поп-звезда, поп-музыка*), *почт-директор, пресс-конференция, риелт-бюро, стрип-...* (*-бар, -балет, -клуб, -танцовщица, -шоу*), *физкульт-привет, физкульт-урá, эротик-шоу, яхт-клуб, яхт-гавань.*

Определение: сложносокращенным называется сложное существительное, образованное без соединительной гласной, в котором усечение одной или обеих его частей осуществляется безотносительно к морфемному членению слова, но не совпадает с отдельным словом.

Примечание 1. Сложносокращенные слова следует отличать от графических сокращений типа *н. э., т. е., и т. д., и др., и т. п.* Графические сокращения при чтении «расшифровываются», например *н. э.* читается как «наша (новая) эра». К графическим сокращениям относятся и написания типа *зам. директора, зав. клубом*, сложносокращенными словами являются написания *замдиректора, завклубом*.

Примечание 2. В словах *конференц-зал, аудиенц-зал* первая основа является усеченной (ср. *аудиенци-я, конференци-я, конференци-онный*), но эти слова не принято относить к сложносокращенным. Исторически это объясняется тем, что они появились в результате заимствования, а не образовались в русском языке. Однако на синхронном уровне это является формальным ограничением определения. Также не считают сложносокращенными все слова с первой основой слов на *-ия, -ий, -ие* и соединительной гласной, в которых гласная *и* усечена, напр.: *анархия — анархо-синдикалист.*

2. Проблемы кодификации написания существительных с соединительной гласной

1) Проблемы нормы и кодификации, связанные с неоднозначной лингвистической трактовкой

К соединительным гласным в школьной традиции относят обычно лишь гласные **о** и **е** (*водомер, грузоподъемник, грязелечебница, мореплаватель, воздухоплаватель*), см., напр. [Розенталь, Джанджакова 1994: § 40; Валгина, Светлышева 1993: 52–53; Кайдалова, Калинина 1998: 99]. РГ-80 к соединительным гласным (в терминологии РГ-80 — интерфиксам) относит также гласные **и**, **а** (**я**) [РГ-80

т. I, § 585]. Гласная **и** выступает в словах с первой частью от числительных (*пятиборец, осьминог*, кроме *трезубец, треножник, треуголка, треугольник, тренога, трех*), с первой частью от глагола (*болиголов, вертишейка, вертихвостка, вырвиглаз, горицвет, держидерево, косисено, скопидом, сорвиголова, шумиголова*) и некоторых других (*дозиметр, велосиметр, велосипед, газификация, электрификация, центрифуга*). Гласная **а** (**я**) выступает в словах с первой основой *сорока, полутора, полутораста, себя* и в словах с основой на *-мя* (кроме *знаменосец**, *пламегаситель, сороконожка, сорокоуст, сорокопут*).

Иногда сложно определить, принадлежит ли конечная гласная **о** или **е** корню или является соединительной гласной. Так, например, в слове *мореплаватель* выделение именно соединительной гласной в сложном слове, а не понимание его как сложения с первым словом на *-е*, выявляется на основе сравнения с другими типами основ в данной модели, напр., ср. *воздухоплаватель*. Для слов на *-е, -о* типа *кофе, кино* академическая грамматика предлагает двоякую трактовку конечной гласной: «Интерфикс *-о- (-е-)* совмещается с финальной основ несклоняемых слов на гласную (*радиорубка, метромост, киномеханик, кофеварка, вездеход*) и усеченных основ на гласную (*телепередача, мотобол, стереовидение*)» [РГ-80: т. I, § 585 прим. 2]. В то же время в [Правила 2006: § 120, п. 2] первая часть *соло* в слове *соло-вексель* интерпретируется как самостоятельное несклоняемое слово без соединительной гласной, хотя значение всего слова *соло-вексель* — «единичный вексель» — вполне позволяет рассматривать конечную *о* как соединительную гласную (корень *сол-* со значением «единичный, один»), ср. однокоренные слова: *солировать, солист, сольный, сольник*.

Поскольку слова данного типа являются переходными явлениями в языке, они неоднозначно интерпретируются и исследователями, и носителями языка, что в свою очередь ведет не только к возникновению разных написаний слов с одной и той же первой частью или даже одних и тех же слов (1), но и к закреплению вариативности в кодификации (2). Напр., (1) вариативно пишутся еще не кодифицированные слова *эхо/взвесь, эхо/признаки, эхо/контакт, эхо/пеленгатор, эхо/регистрация, эхо/прибор, эхо/репитер*, хотя

* Слово можно трактовать и как результат наложения совпадающих слогов (знамено-носек) при основе с наращением *-ен-* и соединительной гласной *-о-*.

только *эхо-фраза* (фраза, завершающая рекламу); (2) вариативно кодифицируются слова с первой частью *эхо(-)*: *эходальномер*, *эхозапись*, *эхокардиограмма*, *эхолокация*, *эхолот*, *эхопеленг* (ТСРЯ), *эхо-импульс*, *эхо-камера*, *эхо-метод* (РОС), *эхо-волна* (РОС) и *эховолна* (ТСРЯ), *эхо-резонатор* (РОС) и *эхорезонатор* (ТСРЯ), *эхо-сигнал* (РОС) и *эхосигнал* (ТСРЯ; написание первой части *кофе-*: *кофемашина* (РОС), *кофезаменитель*, *кофе-пресс*, *кофе-автомат*, *кофе-брейк*, *кофе-пауза*, *кофе-порошок*, *кофе-суррогат* (РОС4).

Для наглядности сведем примеры в таблицу.

кодификация		узус
кофемашина (также <i>кофеварка</i> <i>кофемолка</i> <i>кофепитие</i>) (РОС)	кофезаменитель <i>кофе-пресс</i> <i>кофе-автомат</i> <i>кофе-пауза</i> <i>кофе-порошок</i> <i>кофе-суррогат</i> <i>кофе-брейк</i> (РОС4)	совпадает с кодификацией
ТСРЯ: <u>эховолна</u> <i>эходальномер</i> <i>эхозапись</i> <i>эхокардиограмма</i> (и РОС) <i>эхолокатор</i> (и РОС) <i>эхолокация</i> (и РОС) <i>эхолот</i> (и РОС) <i>эхопеленг</i> <u>эхорезонатор</u> <u>эхосигнал</u> РОС4: <i>эховолна</i> <i>эхоимпульс</i> <i>эхокамера</i> <i>эхометод</i> <i>эхорезонатор</i> <i>эхосигнал</i> <i>эходефектоскоп</i> <i>эхоконференция</i> <i>эхоподаватель</i> <i>эхоподавление</i> <i>эхопочта</i> <i>эхопроцессор</i>	<u>эхо-волна</u> <i>эхо-импульс</i> <i>эхо-камера</i> <i>эхо-метод</i> <u>эхо-резонатор</u> <u>эхо-сигнал</u> (РОС)	<i>эхо(-)взвесь</i> <i>эхо(-)контакт</i> <i>эхо(-)пеленгатор</i> <i>эхо(-)подавление</i> <i>эхо(-)почта</i> <i>эходефектоскоп</i> <i>эхоконференция</i> <i>эхоподаватель</i> <i>эхо(-)прибор</i> <i>эхо(-)признаки</i> <i>эхо(-)процессор</i> <i>эхо(-)регистрация</i> <i>эхо(-)репитер</i> <i>эхопеленг</i> <i>эхоофтальмограф</i> <i>эхотомоскоп</i> <i>эхо-фраза</i>

ретро ... — первая часть сложных слов, пишется слитно (<i>ретрокино</i> , <i>ретромода</i> , <i>ретромузыка</i> , <i>ретростиль</i> , <i>ретрофильм</i>) (РОС)		ретро/кино <i>ретро/мода</i> <i>ретро/музыка</i> <i>ретро/стиль</i> <i>ретро/фильм</i>
эгофутурист <i>эгоцентризм</i> <i>эгоцентрик</i> (РОС)	эго-психология (РОС4)	эго-идентичность (чаще)/ <i>эгоидетичность</i> <i>эго-психология</i> (знач. чаще)/ <i>эгопсихология</i> <i>эго-состояние</i>

Для сравнения приведем еще примеры дефисного написания сложных слов с первой частью, совпадающей с самостоятельным несклоняемым словом на *-о*, *-е*: *бинго-карта*, *динамо-машина*, *какао-продукты*, *какао-масло*, *какао-жмых*, *какао-порошок*, *караоке-бар*, *клише-печать*, *реле-прерыватель*, *реле-регулятор*, *реле-станция*, *соло-вексель*, *соло-гитара*, *трио-соната*, *фурье-спектрометр*, *эшелле-спектр*, *бозе-газ*, *атташе-кейс*, *барокко-рок*, *диско-клуб*.

В своих рекомендациях кодификаторы колеблются и принимают различные решения относительно разных, но однотипных слов.

Слова с первой частью *эхо* в РОС 2005 г. даются в обоих написаниях — здесь лингвисты идут вслед за преобладающей узуальной тенденцией*, а ТСРЯ занимает вполне определенную позицию: все слова с первой частью *эхо* пишутся слитно. Часть *какао* в РОСе — оформляется единообразно через дефис, а *кофе* в издании 2005 г. — слитно (*кофемашина*), в новых материалах РОС4 — через дефис (*кофе-аппарат*, *кофе-суррогат*, но *кофезаменитель*), часть *эго* дается в слитном написании в известных словах** (*эгоцентризм*, *эгофутурист*).

Часть *диско* со значением «музыкальный стиль» пишется единообразно через дефис, также пишется и *техно* в этом значении

* В новом издании РОС (2012) решено давать первую часть *эхо* единообразно — в слитном написании, отказавшись от уступок узусу.

** В новом издании РОС (2012) добавлен современный термин *эго-психология* в дефисном оформлении — вслед за реальностью узуса. В живом употреблении также отмечаются термины *эго-идентичность* (ego identity), *эго-состояния* и нек. др. с подавляющим преобладанием дефисной передачи.

(техно-музыка, техно-группа, техно-фанат, техно-рок, техно-поп, при исключении *техноданс*), но слитное написание этих же частей сохраняется в случае реализации других значений («относящийся к дискам, дисковый»: *дисковод, дискотека, «технический»: техно-дайвинг, технопарк, технорук, техносфера*). Аналогично, в новых материалах к РОСу первую часть *этно* со значением «музыкальный стиль» предлагается писать через дефис (*этно-джаз, этно-поп, этно-рок, этно-музыка*) при возможном *музыка в стиле этно*, а как первую часть сложных слов с соединительной гласной в значении «этнический» — слитно (*этномагазин, этнополитология, этнопсихиатрия, этнотуризм, этнотурист, этнофестиваль, этношкола*). Однако такое разделение, конечно, не может быть проведено по лексическому материалу с достаточной четкостью: можно ли однозначно определить, к какой из групп отнести слова *этномузыка, этнофестиваль*, или писать их следует по-разному: *этно-музыка* — «музыка в стиле этно» и *этномузыка* — «народная музыка», а *этно/фестиваль* в зависимости от формы фестиваля. Естественно, что написание этих слов в узусе очень неустойчиво.

Для слов с первой частью *эмо* (*эмо/культура*) трактовка возможна троякая: слова с первой частью на *-о*, совпадающей с целым отдельным словом (ср. *культура эмо*), слова с соединительной гласной, сложносокращенные слова с усеченной частью слова *эмоциональный*. Соответственно допускается три интерпретации: это сложные слова с самостоятельно употребляющейся первой частью с основой на *-о* (дефисное написание), сложные слова с соединительной гласной (слитное написание) или сложносокращенные слова (слитное написание). Современный узус показывает преимущественно дефисное написание: *эмо-культура, эмо-группа, эмо-панк, эмо-сайт, эмо-рассказы**.

Анализ данных современного письма позволяет с уверенностью констатировать лишь сам факт наличия колебаний в написании, хотя во многих случаях можно отметить и существование предпочтительного варианта для каждого конкретного слова (*кофемашина, но кофе-аппарат*). Чаще всего говорить о предпочтительности приходится с большой осторожностью, так как ни одна поисковая система не дает сколько-нибудь надежных данных для подсчета ва-

* На момент написания статьи статистика слова *эмо-рассказы* в Яндексе 1 млн. употреблений, а *эморассказы* — 51 употребление.

риантов. И все-таки для тех случаев, где предпочтительность более наблюдаема, интересно понять, имеется ли хоть какое-нибудь основание для выбора того, а не иного варианта, или это во всех случаях «чистая лотерея». Пишущие иногда оправдывают выбор слитного или дефисного написания сложных существительных сочинительным или подчинительным отношением основ. Однако этот фактор является одним из двух определяющих для выбора написания сложных прилагательных, но никак не сложных существительных, до сих пор он не выделялся как работающий*. Выдвигается также предположение, что русские слова со второй глагольной частью и первой частью, являющейся аргументом при данном глаголе, чаще пишутся слитно, напр.: *эмоподавление* — *давить кого-что (эмо)*, *кофезаменитель* — *заменять кого-что (кофе)* (В. В. Лопатин устно). Действительно, это утверждение верно, но только для слов со второй частью — отглагольным существительным. Для других случаев дефисное написание возможно и при подчинительном отношении основ, напр. *кофе-суррогат* (*суррогат* чего), *йод-дефицит* (*дефицит* чего).

2) Проблемы нормы и кодификации, связанные с действием тенденции к унификации

В правиле слитного написания существительных с соединительными гласными есть несколько исключений: а) единицы измерения, б) промежуточные части света и в) единичные исключения. Рассмотрим их последовательно.

Единицы измерения.

Формулировка правила-исключения такова: «Пишутся через дефис существительные, называющие сложные единицы измерения». Однако сегодня в узусе некоторые существительные со значением единиц измерения частотно встречаются в слитном написании, напр., **машиноместо, *самолетовылет, *нормочас*, то есть отдельные слова из группы исключений подравниваются под общее правило слитного написания слов с соединительной глас-

* Хотя в одном из справочников встретилась такая формулировка: пишутся слитно «некоторые сложные существительные, образованные без соединительной гласной и составленные из сочетания слов подчиняющего и подчиненного: *блокнот, квинтэссенция, утильсырье, кольчугаломиний* (также *кольчугаломиниевый*), *бортмеханик, бортрадиот, натюрморт, метрдотель, факсимиле* и др.» [Жабцев 2007: 45].

ной. Частотность слитных написаний столь высока, что оно может претендовать на статус нормы*. Но поскольку частотное еще не есть нормативное, то надо рассмотреть все слова такого типа. Оказывается, что узуальные предпочтения весьма прихотливы: написание **машиноместо*, **самолетовылет*, по данным поисковых систем, встречается значительно чаще, чем *машино-место*, *самолето-вылет*, а вот написание **самолеточас* встречается реже, чем *самолето-час*.

Данное подправило-исключение описывает некоторый круг слов, объединенных одним признаком и характерных, прежде всего, для терминологического употребления. В отраслевой справочной литературе, в энциклопедиях в соответствии с действующими нормами и сейчас преобладает дефисное написание всех единиц измерения этого типа. Слитное же написание появилось, бытует и распространяется не в специальных областях, не в документах, а в общем употреблении (частные объявления, рекламные тексты, заметки, газетные статьи, ненормированная письменная речь в блогах и пр.). Известно, что терминологическая область языка обладает своими особенностями и на уровне фонетики, и на уровне морфологии, и на уровне лексики. (В стремлении выделить для профессионального подязыка свое особое место видна тенденция к дифференциации разных сфер употребления языка.) В орфографии также в некоторых случаях в исключения попадают именно термины (см., напр., правила написания сложных прилагательных [Правила 1956: § 80 п. 3 в]). Выходя за рамки узкоспециальной сферы употребления, слова в большей мере подпадают под действие общего правила. Именно поэтому варианты в узусе появляются для тех слов, которые в силу определенных условий стали широко употребляться и за пределами профессиональной речи.

Введение изменений в орфографическое правило было бы оправданно, если бы все слова этого типа в узусе писались бы преимущественно слитно. Однако частота встречаемости слитного написания для разных слов этого типа различна. Исключения-подправила отличаются от единичных исключений тем, что нельзя изменить написание одного слова — тогда оно станет исключением

* Например, слитное написание *нормочас*, хотя *самолёто-вылет* и др. под. приведено в: Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова. Орфографический словарь русского языка. М., 2000.

из исключений, что встречается в правилах, но крайне нежелательно. Изменить же написание всей группы слов данные узуса не дают достаточно веских оснований.

Таким образом, общий вопрос нормализаторов об оценке частотных явлений как ошибочных или нормативных в данном случае решается в пользу признания их ошибочными. Другими словами, вопрос о том, «норма — это отражение узуса или оценка узуса, норма — это узус, положенный в основу закона, или норма — это закон, управляющий узусом», решается в пользу тезиса, что «норма — это закон, управляющий узусом».

Промежуточные части света.

Слова, называющие промежуточные части света, распространены и в специальной литературе и в общем употреблении. В обеих сферах бытования они имеют закрепившееся написание, и поэтому оснований для появления вариантов нет.

В узусе, конечно, слитные написания встречаются (напр.: *Населенный пункт: Ставрополь. Район: югозапад; многие посещающие югозапад по служебным делам и вовсе удивляются, как здесь можно жить постоянно*). Но мы считаем орфографическими вариантами только двоякое написание, бытующее во всех типах текстов. Слитные же написания слов этого типа характерны для частных объявлений, чатов, форумов, что позволяет оценить эти написания как ошибочные, а не как вариативные.

Кроме того, слитное написание распространяется при сдвигах в значении слова. Так, название юго-западной части Москвы часто пишется слитно и в более широком круге текстов. В примерах *«Юговосток сантехмонтаж»*; *Подобные вопросы, пожалуйста, задавайте компании «БИНАР-ЮГОВОСТОК»* слово *юговосток* функционирует как часть условного наименования организации. Известное стихотворение М. Волошина называется *«Северовосток»*: берем на себя смелость утверждать, что здесь *северовосток* — это «страна», Россия, а имеющееся в том же тексте дефисное написание *северо-восток* — это обозначение части света (*Сотни лет мы шли навстречу вьюгам С юга вдаль — на северо-восток*).

Неоднородные этнические или социально-политические образования.

В правила введено несколько единичных исключений: *угро-финны*, *финно-угры*, *татаро-монголы*, *греко-латинизм*, *перекати-поле*, *мажоро-минор*, *анархо-синдикализм*, *анархо-терроризм*.

Слова *угро-финны*, *финно-угры*, *татаро-монголы*, обозначающие неоднородные этнические образования, это лишь представители обширной группы сложных существительных, называющих этносы (*австро/венгры*, *индо/германцы*, *испано/американцы*), какие-либо религиозные или социально-политические сообщества (*греко/католики*, *иудео/христиане*, *австромарксисты*). Написание этих слов в узусе весьма разнообразно. Приведем данные по результатам поиска в Яндексе (на ноябрь 2010 г.) и данные словарей*.

существительные	слитно	дефис
<i>аваро?андийцы</i>		П Брок.
<i>австро?марксист</i>	больше ^{РОС}	
<i>австро?венгры</i>	=	=
<i>англо?австралийцы</i>	= ^{РОС}	= ^{БЭС}
<i>англо?американцы</i>		больше
<i>англо?африканцы</i>	больше	
<i>англо?ирландцы</i>		больше
<i>англо?канадцы</i>	= ^{РОС}	= ^{БЭС}
<i>англо?католики</i>	= ^{ОС, РОС4}	=
<i>англо?кельты</i>		больше
<i>англо?саксонцы</i>	= ^{ОС, РОС}	=
<i>англо?саксы</i>	больше ^{ОС, РОС}	
<i>англо?католицизм</i>	=	=
<i>армяно?католики</i>	^{РОС4}	больше
<i>ассиро?вавилоняне</i>		больше ^{Брок., Уш., Орф2000, Шв., РОС4}
<i>афро?азиаты</i>	больше	
<i>афро?американцы</i>	больше ^{РОС}	
<i>афро?бразильцы</i>	больше ^{РОС4}	
<i>афро?европейцы</i>	= ^{РОС4}	=
<i>афро?русский</i>	больше ^{РОС4}	
<i>афро?самураи</i>		больше
<i>балто?славяне</i>	= ^{РОС}	=
<i>балто?финно?славяне</i>		только так
<i>волго?финны</i>		
<i>галло?римляне</i>		больше
<i>германо?швейцарцы</i>	=	
<i>греко?католики</i>	^{РОС}	больше
<i>греко?римляне</i>		больше
<i>евро?азиаты</i>	^{РОС}	больше
<i>иборо?кавказцы</i>		больше

* Условные сокращения: РОС – Русский орфографический словарь (2-е изд., М., 2005); РОС4 – издание РОС 2012 г.; ОС – Орфографический словарь русского языка (21-е изд., испр. и доп. М., 1991 и сл.); Орф2000 – Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова. Орфографический словарь русского языка. М., 2000; Уш. – Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова; Шв. – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007; БЭС – Большой энциклопедический словарь: В 2-х тт. М., 1991; Брок. – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Знак «=» ставится и при разнице в 2-3 раза. Данные неорфографических словарей, словарей до 1956 г. нельзя рассматривать как орфографическую кодификацию.

<i>иборо?римляне</i>		больше
<i>индо?германцы</i>	больше	
<i>индо?европейцы</i>	больше ^{РОС}	
<i>индо?иранцы</i>	больше	
<i>индо?китайцы</i>	больше	
<i>испано?американцы</i>	=	=
<i>испано?римляне</i>		больше
<i>итало?римляне</i>		больше
<i>итало?швейцарцы</i>	=	
<i>иудео?христиане</i>	^{РОС}	больше
<i>римо?католики</i>		больше
<i>романо?германцы</i>	= ^{РОС}	=
<i>романо?католики</i>	^{РОС4}	больше
<i>сербо?хорваты</i>	= ^{РОС}	=
<i>татаро?монголы</i>	^{ОС}	больше ^{РОС}
<i>тибето?бирманцы</i>		
<i>тунгусо?маньчжуры</i>	^{РОС, ОС}	больше
<i>тюрко?монголы</i>	^{РОС}	больше
<i>тюрко?татары</i>		больше
<i>угро?финны</i>	^{Уш}	больше ^{ОС, РОС}
<i>финно?угры</i>		больше ^{ОС, РОС}
<i>франко?канадцы</i>	= ^{РОС}	=
<i>франко?швейцарцы</i>	=	=
<i>шведо?финны</i>		больше

Данные узуса (со всеми поправками на особенности сбора этих данных в электронной поисковой системе) показывают, что дефисные написания преобладают для большинства этих слов, но не для всех. Преимущественно в слитном написании встречаются слова *англо/саксы* и *англо/африканцы*, а также слова с первой частью *афро* (с равной встречаемостью контакта и дефиса — только слово *афро/европейцы*, чаще дефисное написание у словечка *афросамурай*, встречающегося только при описании героя одноименного аниме). Почти одинаковой встречаемостью обоих написаний (разницу в два-три раза считаем несущественной, хотя эта разница в основном в пользу дефисного написания) характеризуются слова: *англо/австралийцы*, *англо/канадцы*, *англо/католики*, *англо/саксонцы*, *балто/славяне*, *германо/швейцарцы*, *испано/американцы*, *романо/германцы*, *сербо/хорваты*, *франко/швейцарцы*, *франко/канадцы* (в текстах последних десятилетий слово *сербохорваты* практически не встречается). Показательно сравнение данных для слов *англо/саксы* и *англо/саксонцы*. Оба слова давно фиксируются словарями в слитном написании, однако в узусе *англо/саксы* чаще пишется слитно, а *англо/саксонцы* с приблизительно равной частотностью — и слитно и дефисно. Вероятно, эта разница объясняется тем, что *англосаксы* больше употребляется в общелитературном языке, а *англосаксонцы* — в специальных текстах.

Таким образом, можно констатировать, что в узусе, а также в энциклопедиях для большинства слов данной группы преобладает дефисное написание, хотя степень такого преобладания для разных слов разная. В силу этого обстоятельства дефисное написание, как значительно преобладающее для данного слова (слов), можно считать узуальной нормой.

Какие критерии могут быть применены при кодификации слов этой группы? С одной стороны, поскольку это слова с соединительной гласной, то по правилу они должны писаться слитно. И действительно, те немногие слова этого типа, которые включены в академический РОС, даются в слитном написании: *англоавстралийцы, англосаксы и англосаксонцы, афроамериканцы, балтославяне, грекокатолики, евроазиаты, франкоканадцы, иудеохристиане, романогерманцы, сербохорваты, тунгусоманьчжуры*. В материалах к новому изданию РОС круг таких слов в слитном написании расширяется — добавлены *англокатолики, армянокатолики, афробразильцы, афроевропейцы, афрорусский, романокаатолики*.

С другой стороны, реальное употребление свидетельствует о преимущественно дефисном написании большей части этих слов (*аваро-андийцы, англо-американцы, англо-ирландцы, англо-кельты, армяно-католики, ассиро-вавилоняне, балто-фино-славяне, галло-римляне, греко-католики, греко-католики, греко-римляне, евроазиаты, иберо..., испано..., итло..., романо..., татаро..., тюрко..., финно..., угро...*) и лишь несколько слов пишутся в узусе преимущественно слитно (*австромарксист, англоафриканцы, англосаксы, афро..., индо...*) Сравнение узуальных предпочтений для слов *англосаксы* (преимущественно слитное) и *англосаксонцы* (равночастотное слитное и дефисное) показывает, что хотя оба слова даны в словарях в слитном написании, в широком узусе слитно пишется то слово, которое более частотно и при этом употребляется не только в узкоспециальных текстах. Аналогично и все слова с *афро* встречаются не столько в специальных текстах, сколько в газетных и являются политкорректной заменой слова *негры*. Таким образом, можно предположить, что слитно пишутся слова, входящие в общепотребительный пласт лексики. Дефисное написание предпочтается в специальных текстах. Предпочтение при этом не означает исключительно дефисного написания, а вот исключительно слитное

написание в общелитературном языке есть. Кроме того, и в исключениях из правила уже есть представители этой группы.

Таким образом, теоретически все слова из этой группы можно дать как исключения. Если кодифицировать слова этой группы в дефисном написании, то есть как исключения, то встает вопрос, как это осуществлять на практике: вводить в список исключений по отдельности некоторые слова или целую группу, обладающую определенным семантическим или каким-либо другим признаком. Но для того, чтобы давать отдельные исключения списком, их все-таки слишком много, а введение данных слов как группы тоже является неоднозначным решением: спорно как само выделение общего признака в семантике этих слов, так и целесообразность такого введения.

Можно выделить признак «сочинительные (равноправные) отношения основ». Но, во-первых, далеко не во всех приведенных словах опознаются сочинительные (равноправные) отношения. Например, *англоканадцы* — это потомки англичан, шотландцев, ирландцев и даже немцев, обосновавшихся в Канаде и говорящих на английском языке; *франкоканадцы* тоже не «французы и канадцы» — это потомки французов, обосновавшихся в Канаде и говорящие на особой разновидности старофранцузского языка; *грекокатолики* — католики, которые следуют византийской литургической традиции. Во-вторых, существует множество других сложных слов с соединительной гласной, отношения основ в которых можно считать сочинительными, напр., *лесостепь, стихопроза, звукобуква, волколис, овцебык* (см. анализ сложных слов с этой точки зрения в [Перцова 2000]).

Также можно выделить более конкретный признак, объединяющий эти слова, — указание на совмещение признаков, характерных для различных национальных, религиозных и др. социальных групп. Но представление данной группы слов как исключения-подправила потребует, в свою очередь, для части слов — с устойчивым слитным написанием (как *индоевропейцы, англосаксы*) — либо введения в исключения из исключений, либо введения для них кодификации, которая противоречит узусу. И то и другое решение не является удовлетворительным.

Еще один критерий, который иногда приводят пишущие при объяснении написания этих слов, — это учет дефисного написа-

ния однокоренных (производных) прилагательных. Однако согласно правилам словообразовательная производность учитывается только в правиле о написании прилагательных (производное прилагательное пишется так же, как производящее существительное), но не наоборот. Поэтому данный критерий не следует рассматривать как значимый при кодификации, иначе придется пересматривать написание большого количества слов. Единственный случай, где словообразовательные связи должны быть учтены, это слово *австро-венгры*, являющееся производным от *Австро-Венгрия*.

Таким образом, сохранение существующей кодификации представляется нам единственно возможной политикой орфографистов на данном этапе.

Термин *анархо-синдикализм* отмечен в правилах 1956 г. (§ 79, п. 2): пишутся через дефис «составные названия политических партий и направлений, а также их сторонников, например: *социал-демократия, анархо-синдикализм ...*», при том что этот пункт правил, как видим, не различает слова с соединительной гласной и без нее. По аналогии в РОС введено и *анархо-терроризм*, а слова *монархофашизм* (и *монархофашист*), *коммунопатриот*, *коммунофашист* даются в ином — слитном — написании. В живом узусе *монархо/фашизм* пишется преимущественно дефисно, для *коммуно/фашизма* характерна вариативность написания без явного преимущества одного или другого, колеблются и другие слова этого типа *анархо/фашизм, анархо/национализм, анархо/либерал, анархо/террорист*. Наличие узуальных вариантов можно объяснить подчинением правилу и написанием по аналогии с *анархо-*, закрепленному и в правилах и в словарях. Представляется, что при отсутствии узуальных предпочтений для всех слов этой группы нет смысла вводить новые исключения в правило о слитном написании слов с соединительной гласной.

Отдельные слова.

В РОС список единичных исключений расширился за счет слова *мажоро-минор*, дефисное написание которого появилось в результате изменения рекомендации — в издании 1999 г. слово писалось слитно *мажороминор*. Отметим, что дефисное написание преобладает и в широком узусе, и в специальных, и в некоторых общих сло-

варях*, хотя и написание *мажороминор* также встречается. Существует и второй термин в тонально-гармонической системе — *миноро/мажор*, не отраженный РОС, узуально тоже предпочитающий дефис, но имеющий кодификацию в слитном написании в популярном «Словаре ударений русского языка» Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвы (М., 2000).

Слово-исключение *греко-латинизм* представлено в РОСе, наряду с *англоамериканизм, индоевропеистика*, пишущимися слитно в соответствии с правилом. Обратим внимание, что реальный узус слова *англоамериканизм* — это подавляющее преобладание дефисных написаний над слитными. Имеется еще один термин аналогичного образования *славяно/русизм*, впервые употребленный В.В. Виноградовым, в современных текстах он пишется преимущественно *славяно-русизм***. И *греко-латинизм*, и *славяно-русизм* являются весьма редкими терминами, функционирующими и в дефисном и в слитном написании. Введение в исключения терминов при колеблющемся написании в специальных текстах представляется спорным решением орфографистов***.

Итак, предлагаем следующую формулировку правила.

П р а в и л о . Сложные существительные с соединительными гласными *о* или *е* (а также гласными *а, и, я* на стыке корней) пишутся слитно, напр.: *паровоз, бактерионоситель, птицеферма, вишнеслива, волколис, религиозеведение, музееведение; сорокалетие, вертихвостка, семечка.*

И с к л ю ч е н и я - п о д п р а в и л а .

1. Пишутся через дефис существительные, называющие сложные единицы измерения¹, напр.: *машино-место, самолето-место, самолето-вылет, вагоно-час, кормо-час, канал-километр, локомотиво-километр, норма-смена, норма-час, птице-место, ското-место, реакторо-год, судо-день, судо-год, судо-рейс, судо-сутки, сило-час, сило-сутки, сило-рейс, тонно-миля, тонно-час, тонно-миля, тонно-сила, кроме трудоводень, трудочас.*

* Напр.: Музыка. Большой энциклопедический словарь. М., 1998; Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. М., 1991.

** Напр.: энциклопедия «Русский язык» (1997 г.); Краткая литературная энциклопедия (1971 г.); И.С. Удеханов. Славянизмы в русском языке. М., 2010 г. *Славянорусизм* дано в «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» (СПб., 2002).

*** Среди лингвистических терминов есть и другие, пишущиеся с дефисом, несмотря на наличие соединительной буквы. Например, термины, введенные М.В. Пановым в дефисном написании: *синтагмо-фонема, синтагмо-фонология, парадигмо-фонема, парадигмо-фонология.*

2. Пишутся через **дефис** существительные, называющие промежуточные части света, напр.: *северо-запад, юго-восток, юго-юго-запад*.

И с к л ю ч е н и я. Пишутся через **дефис** некоторые единичные существительные с соединительной гласной, напр.: *угро-финны, финно-угры, татаро-монголы, греко-латинизм, перекасти-поле², мажоро-минор, анархо-синдикализм, анархо-терроризм*.

П р и м е ч а н и е 1. К сложным существительным с соединительной гласной относятся слова со связанной второй частью *-оид*, напр. *европеоид, эллипсоид*, которую иногда считают суффиксом (суффиксоидом). Иногда вызывает затруднение определение статуса второй части слова: является ли она корнем или суффиксом. Слова со второй частью *-ификация* не считаются сложными (см., напр. [Валгина, Светлышева 1993: 53]). Сложнее обстоит дело со второй частью на *-оид (-еид)*, — *оидальный (-еидальный)*: *ромбоид, дифтонгоид, европеоид, металлоид, кристаллоид, коллоид, параболоид, целлулоид, гуманоид, негроид, эллипсоид, трапецоид; ромбоидальный, циклоидальный, сфероидальный, синусоидальный, трапецеидальный* (е после *ц*). Признанию за компонентами *-оид-*, — *оидальн (-ый)* статуса суффиксов мешает, в частности, этимология слов, так как вторая часть восходит к греческому слову *eidos* «вид».

П р и м е ч а н и е 2. В данный пункт правила попадают и все слова с соединительной гласной *и*, первая часть которых совпадает с повелительной формой глагола. Традиционно выделяется пункт правила о слитном написании сложных слов с первой частью, совпадающей с повелительным наклонением. Слов, не имеющих гласной *и*, всего четыре: *воруйгородок, грабьярмия, гуляйполе* и *гуляй-город*.

¹ Простые единицы измерения включают в себя обозначение количества единиц измерения — *килограмм* (=тысяча грамм), *гигакалория, миллилитр* — и пишутся по правилу слитно.

² Слово-исключение *перекасти-поле* принадлежит группе слов с первой частью, совпадающей с формой повелительного наклонения глагола (*сорвиголова, вертихвостка, вырвиглаз, горицвет, держидерево, держиморда, косисено, скопидом, сорвиголова, шумиголова, простигосподи, устеликамень, устелиполе*). Это единственное исключение в этой группе, его написание устойчиво, как и написание всей остальной группы.

3. Проблемы кодификации написания сложных существительных без соединительной гласной, сочетаний с приложением или неизменяемым определением

1) Проблемы нормы и кодификации, связанные с неоднозначной лингвистической трактовкой

И в [Правила 2006], и в правилах под. ред. Д.Э. Розенталя используются понятия приложения и неизменяемого определения:

приложения пишутся через дефис (за исключением приложений, выражающих более узкое понятие, приложений, выраженных именами собственными, и некоторых других), а сочетания «с неизменяемыми определениями, следующими после существительных, напр. *юбка плиссе, юбка клёш, пальто реглан, костюм хаки, брюки галифе...*» пишутся раздельно [Правила 2006: § 122].

И понятие приложения и понятие неизменяемого/несклоняемого определения в специальной и учебной литературе трактуются по-разному, имеют различный объем. Так, в определение приложения иногда включают требование согласованности по падежу между определяемым и определением, то есть к приложениям относят только склоняющиеся в данном сочетании слова (*красавица-дочь* — род. п. *красавицы-дочери*): «Приложение — определение, выраженное именем существительным и согласующееся с определяемым словом в падеже» [АГ-1954] (аналогично: [Руднев 1968, Белошапкова 1977: 333; Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 315]). Иногда же это требование не включается в определение (напр., [Бабайцева 1997, 200]), тогда к приложениям относят и препозитивные существительные, не склоняющиеся в данном сочетании (*чудо-богатырь* — род. п. *чудо-богатыря, бой-баба* — род. п. *бой-бабы*).

Постпозитивное неизменяемое определение, так называемое «несогласованное определение», может быть выражено несколькими способами: 1) существительным в разных падежах: род. п. (*дом отца, человек отчаянной смелости*), в дат. п. (*памятник Скобелеву*), в тв. п. (*галстук бабочкой*), предложной группой (*платье в клеточку*), в им. п. (*приказ номер 1*), 2) наречием (*яйцо всмятку*), 3) инфинитивом (*манера говорить*), 4) сравнительной степенью прилагательного (*кто-то помоложе*), 5) так называемыми «неизменяемыми прилагательными» (*цвет беж*).

Если определение выражено склоняемым существительным, то определить, является оно приложением или несогласованным определением, можно по морфологическому критерию: по согласованности в падежной форме с главным словом (*человек-амфибия, человека-амфибии*) или просто по склоняемости второй части. Однако если второй компонент сочетания выражен неизменяемым словом, то это неизменяемое слово может быть и существительным, согласованным или несогласованным по падежу, который формально выражен нулевым окончанием, и неизменяемым прилагательным

или наречием и др. Легко определяемы наречия, прилагательные в сравнительной степени и инфинитивы, проблему составляет различие несклоняемого существительного и неизменяемого прилагательного.

В определении понятий *приложение* и *определение-прилагательное* есть два аспекта: формальный и семантический. Формальный аспект включает в себя морфологические характеристики (часть речи) и синтаксические характеристики (тип связи, фиксированное синтаксическое место). Для несклоняемых существительных из морфологических характеристик остается только род, определяемый синтаксически по роду согласуемого прилагательного. Возможность сочетания с прилагательным, как, напр., *юбка полный клеш*, *юбка круглое плиссе*, *фасон двойное плиссе*, *цвет светлый хаки*, *цвет золотой светлый хаки*, *брюки светлый беж*, *краска беж золотой*, бесспорно свидетельствует в пользу признания второй части существительным, выступающим в функции определения (приложения). Конечно, такая подстановка далеко не всегда возможна, но это не уменьшает ее значимости для определения грамматического статуса в общем случае. Для некоторых слов есть производные прилагательные, напр.: *беж* — *бежевый*, *партия соло* — *солёная партия*, *джерси* — *джерсовый*, *юбка клеш* — *клешевая юбка* (*платье с клешевой юбкой*, *рукав переходит в клешевой волан*), *номер люкс* — *люксовый номер*, *пальто драп* — *драповое пальто*, *завивка перманент* — *перманентная завивка*. Исторически все приведенные изменяемые прилагательные образовались от неизменяемых слов, в изменяемой форме они стали употребляться в препозиции и в функции предиката*. К синтаксическим особенностям неизменяемых прилагательных относят их неспособность выступать в роли предиката, они могут выступать только в роли определения (да и то в нехарактерной для прилагательного постпозиции) (см. напр. [Бенины 2007]).

С семантической точки зрения отличия приложений от определений-прилагательных тоже весьма неопределенны. А. А. Потебня в 1888 г. писал: «Разница между определительным прилагательным и определительным существительным состоит в том, что в последнем признак не прямо приписывается известной субстанции, а че-

* Пара *пиковый* и *пик* закреплены в сочетаниях с определенными существительными: *пиковая нагрузка* — **нагрузка пик*; **пиковый час* — *час пик*.

рез посредство другой субстанции» [Потебня 1958: 105]. А. А. Шахматов выделял отношения «качества-свойства», под которым «разумею также состояние, должность, общественное положение лица, также родовые отношения, как например *дерево нектен имеет широкое распространение в России*; *рыба пескарь водится в нашем пруду*» [Шахматов 1925: 21]. Этот основной список отношений дополняется и другими значениями. Так, Д. Э. Розенталь отмечает, что приложение обозначает качество-свойство предмета (*город-крепость*, *застежка-молния*), родовой признак (*попугай какаду*, *дерево эвкалипт*), характеризует лицо в отношении рода занятий, профессии, специальности, занимаемой должности (*женщина-врач*, *художник-пейзажист*, *девушка-секретарь*), социальной и национальной принадлежности (*помещик-дворянин*, *студенты-арабы*), местожительства, возраста, родства (*физкультурники-москвичи*, *пастих-старик*, *Дюма-отец*), дает лицу или предмету качественную характеристику, служит средством эмоциональной оценки, выступает в роли эпитета (*красавец-мужчина*, *петух-драчун*, *зима-чародейка*, *народ-победитель*). Приложение может определять также личное местоимение (*мы*, *артиллеристы*), субстантивированное слово (*рабочие-передовики*, *ученый-физик*)» [Розенталь, Теленкова 1976]. В работах последних лет говорится о полевом характере значения приложения с различной степенью предикативности атрибутивного признака: от чистого атрибута (*чудо-мастер*) до «аппроксимационной сети» обозначения денотата [Астен 2003]. Иногда значение приложения сильно сужается: «Значение приложения — это характеристика предмета через его параллельное наименование» [Лекант 2010: 347]. Если исходить из такого определения приложения, то вышеприведенные примеры *красавец-мужчина*, *петух-драчун*, *зима-чародейка*, *народ-победитель* нельзя считать сочетаниями с приложением.

Семантические свойства «несклоняемых прилагательных» также описываются весьма противоречиво. Так, академические грамматики к несклоняемым прилагательным относят слова, которые в словосочетании выполняют классификационную функцию (*цвет электрик*, *язык урду*). Однако в словарях помета *неизм.* (или *п0* в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка) ставится и при многих словах, которые характеризуют предмет не как идентификатор. Чтобы было понятно, о какой разнообразной по составу группе

слов идет здесь речь, приведем более обширный иллюстративный материал. При некоторых словах указывается приписываемая им в РОС грамматическая характеристика:

языки и народности*: банту, галла, гуарани, кикуйю, коми, манси, маори, маратхи, мунда, пали, пехлави, пушту, суахили, телугу, урду, фарси, хинди, хиндустани, эсперанто; ангас, гаро, гереро, азанде, ибанаги, иджо, комо, лаху, лису, непали, сиу, тулу, эве;

цвета: индиго неizm. (цвет) и нескл. (вещество), маренго неizm., металл не-а, неizm. (о цвете), мокко неizm. нескл., само, терракот неizm. (цвет), хаки неizm. и нескл. (цвет), экрю неizm., электрик неizm.

стили: ампири не-а, граффито (сграффито) нескл., граффити нескл., кантри неizm. нескл., либерти, модерн не-а, неizm., поп-модерн, помпадур, попурри, ретро, ришелье нескл. с. (вышивка в технике ришелье), рококо, сафари, техно, этно, фэнтези, шератон; берсо (аллея берсо), бродери (вышивка, партер(-)бродери), фриволите (вышивка); пейсли (рисунок пейсли);

одежда, ткани, фасоны, модели: апаши не-а, неizm. (воротник, рубашка апаши), букле, клёш не-а, неizm., годе, гофре, реглан не-а, неizm., плиссе (юбка плиссе, шторы плиссе), галифе, джерси, пике, стретч не-а, неizm., каре (стрижка, вырез, платок);

кулинария: глясе неizm. нескл., капучино нескл., латте, харчо, соме, беже нескл., гриль не-а, неizm., пашот (яйцо, мясо, груша), вок (сковорода), кабул (соус), провансаль (капуста, салат, майонез), оливье, фραπε (кофе фραπε), фрикандо, фрикасе, фри (картофель, овощи), крем-брюле (мороженое крем-брюле);

муз. термины: альтино (тенор альтино), анданте, андантино, ажитато, аллегretto, аллегро, анимато, аппассионато, вибрато (горловое вибрато, эффект вибрато), виваче, граве, кантабиле, ларгетто, ларго, легато, ленто, маэстозо, меццо, модерато, остинато, пиано, пианиссимо, пикколо, пиццикато, пиччикато, престиссимо, престо, ритенуто, стаккато (игра стакатто), стретто, сфорцато, форте, фортиссимо;

сорта растений: груша дюшес, бере (бере русская), кюре, вильямс зимний, сорт груши Бронзовая, морковь Тушон, шантане, флаккоро, фортто, каротель;

* При словах этой группы в РОСе дается контрольная форма, указывающая на склонение, или помета нескл. при обозначении народа и неizm. для обозначения языка, напр.: маори, неizm. и нескл., м. (язык) и нескл. (народ).

подвиды животных: колибри, какаду, колли (порода колли, собака колли);

а также: ажур, альпари, апплике, брутто (брутто-оборот, брутто-прибыль, брутто-тонна — вес брутто, масса брутто), гала (концерт гала), ин-кварти, ин-октаво, ин-фолио (книга ин-фолио), карго (груз карго), микст (микст-инфекции, микст-зона — игра микст, вагон микст, класс микст), нетто (нетто-оборот, нетто-экспортер, нетто-продажа — масса нетто, вес нетто, баланс нетто), онлайн (онлайн-опрос — общение онлайн), плаке (посуда плаке), премиум (премиум-класс — класс премиум), травести (травести-артисты — роль травести), трико, факсимиле, нон-фикшен (выставка нон-фикшен), люкс (сервис люкс), полулюкс (каюта полулюкс).

Приведенный материал показывает, что словари приписывают помету неизменяемого прилагательного не только словам с чисто классификационным, идентифицирующим значением, но и словам с оценочным, характеризующим значением (сервис люкс)*. Обратимся к более подробному анализу материала. Анализ слов или словосочетаний с постпозитивным несклоняемым несогласованным определением, выраженным прилагательным или существительным, позволил выделить два типа конструкций**:

1) конструкция, в которой вторая часть — слово склоняемое, но его склоняемость реализуется в других синтаксических контекстах, напр.:

а) величина *N* (о величине лямбда), слово *N* (в слове короб или «короб»), термин *N* (о термине инновация или «инновация»), звук *N* (о звуке йот), номер *N* (из номера пять), буква *N* (буквы аш, икс), стиль *N* (в стиле ампири), имя *N* (об имени Иван), цифра *N* (в цифре семь), сорт *N* (о сорте антоновка, Витаминная или «Витаминная»), порода *N*, гора *N*, озеро *N*, птица феникс (с птицей феникс), птица сири;

б) час пик (о часе пик), рукав реглан, юбка клеш (солнце, полу-солнце, карандаш, тюльпан), рукав фонарик, есть и вариативные случаи платье футляр: платье футляр и платье-футляра;

* При этом словари часто противоречат друг другу, напр., бродери нескл., с. и неizm. в РОСе — п0, н у Зализняка; перманент в знач. прил. и в знач. сущ. в словаре Ушакова — только сущ. в РОС.

** Некоторые из этих конструкций проанализированы в работе: Н.Ю. Шведова «Об аналитических конструкциях в системе словосочетания» // Вопросы культуры речи. 1966. № 7.

2) конструкция, в которой вторая часть — несклоняемое слово:

а) *стиль N* (*кантри, неодада, мануэлино*), *язык N* (*хинди, гаро*), *народность* (*гаро, телугу*), *порода N* (*мастино, ши-тцу*), *суп харчо*, *суп гаспачо*, *капуста кольраби*;

б) *юбка миди* (*гофре, плиссе, годе*), *шторы плиссе* (*гофре*), *суп-пюре*, *время че*, *брюки галифе*, *партия соло*.

В первой и во второй группе выделяются контексты двух типов. Контексты типа (а) — это контексты с N, в которых вторая имеет классифицирующее значение, выражающее соподчиненные, родовидовые отношения: вторая часть самостоятельно означает тот же объект, т.е. возможно описание, в котором вторая часть определяется как первая, обладающая приводимыми далее признаками, напр., такое: *гуру это такой язык, который...* Контексты типа (б) — оставшиеся контексты, в которых вторая часть не обозначает тот же объект (и невозможно описание второй части через первую, напр. **клёш это юбка*). Контексты типа 1 а) трактуются как либо как сочетания с приложением, либо, согласно академической грамматике, как неизменяемое определение, контексты типа 1 б) трактуются как сочетания с неизменяемым определением (прилагательным) (в Правила 2006 два таких примера: *юбка клеш*, *пальто реглан*). Если на втором месте стоит неизменяемое слово, то группу 2 а) можно отличить от группы 2 б) по значению. А вот определить различие между приложением, выражающим качественную характеристику имени и выраженным неизменяемым существительным, с одной стороны, и определением, выраженным неизменяемым прилагательным, с другой, теоретически не удается. А именно это различие по правилу отражается в написании.

Практика письма установила довольно стабильную норму для слов этого типа: за небольшим исключением все неизменяемые постпозитивные определения пишутся раздельно, независимо от того, является это определение определением-приложением или определением-прилагательным: *время икс*, *час пик*, *величина альфа*, *птица феникс*, *брюки клёш*, *блуза стретч*, *воротник апаи*, *юбка гофре*, *рукав реглан*, *платье мини*, *кофе глясе*, *кофе капучино*, *конфеты ассорти*, *мясо гриль*, *суп харчо*, *стиль либерти*, *купальник бикини*, *цирк шапито*, *ресторан бистро*, *цвет маренго*, *дети индиго*, *шоу латино*, *язык хинди*, *народ гереро*, *язык гереро*, *шторы плиссе*, *костюм джерси*, *ткань пике*, *вышивка ришелье*,

яйца пашот, *сковорода вок*, *соус кабул*, *капуста (салат, майонез) провансаль*, исключения: *бас-буфф*, *театр-буфф*, *опера-буфф*, *креп-гофре*, *программа-максимум*, *программа-минимум*, *задача-максимум*, *задача-минимум*, *шкаф-купе*, *суп-пюре*, *театр-варьете*, *театр-кабаре*, *ресторан-кабаре*. Составители словарей идут по пути выборочного включения в словари единиц в дефисном и раздельном написании (далее — примеры из РОС и РОС4), например: *брюки-дудочки*, *брюки-слаксы* — *брюки клеш*, *брюки галифе*, *брюки стретч*; *пальто-перелина* — *пальто реглан*; *платье-халат* — *платье сафари*; *юбка-клинк* — *юбка годе* (*гофре, джерси, клеш, макси, мини, плиссе*). И история кодификации показывает замены дефисных написаний на раздельные, например, в словаре Ушакова приводятся в дефисном написании *вагон-микст*, *партия-микст*, в современном письме сочетания с *микст* пишутся преимущественно раздельно (РОС: *вагон микст*, *команда микст*).

Однако осознаваемая носителями языка неоднозначность постпозитивных неизменяемых определений приводит и к колебаниям в написании и в стихийном установлении для отдельных слов (словосочетаний) дефисного написания, противоречащего общей тенденции (*шкаф-купе* как *кран-стрела*, *крана-стрелы*, а не как *рукав фонарик*, *рукав фонариком*). В узусе реализуется вся палитра системных возможностей: *шляпа-канотье* и *шляпа канотье*, *шляпа-сомбреро* и *шляпа сомбреро*, *шкаф-купе* и *шкаф купе*^{*}, *суп харчо* и *суп-харчо*, *цыгане боша* и *цыгане-боша*, *морковь каротель*, *морковь-каротель*, *морковь Каротель*, *морковь «Каротель»*, *рисунок «нейсли»* (*теперь со знанием дела рассуждают о том, что рисунок «нейсли» — это многомерный символ, означающий чуть ли не бесконечность Вселенной*), *платье с юбкой «тюльпан»*, *юбка-«тюльпан»*, *юбка-тюльпан*. Иногда эти колебания отражаются и в словарях, так, в словаре Потапурчено в дефисном написании фиксируются слова: *суп-харчо*, *птица-колибри* (впрочем, в этом словаре есть и *птица-зяблик*) [Потапурченко 2000].

* Одно из самых активных слов данного списка — это слово *шкаф?купе*. За пять лет наблюдений над узуальным поведением этого слова нами отмечается явная тенденция к увеличению доли раздельных написаний.

2) Проблемы нормы и кодификации, связанные с действием тенденции к унификации

Группа исключений, в которую входят сочетания, обозначающие родовое и видовое понятие, отмечается практически всеми справочниками. Иногда она ограничивается наименованиями природных объектов [Правила 2006: 127]. Говоря о соотношении «род — вид», авторы приводят примеры слов, выражающих более дробное членение на виды и подвиды, например, *антилопа сайгак* [Кайдалова, Калинина 1998], *попугай какаду*, *обезьяна макака*, *газ углерод*, *нитки мулине*, *застежка «молния»*, *ткань бостон*, *леденцы монпансье*, *суп харчо* [Розенталь 1985: 103]. При этом отмечается дефисное написание для многих слов, в которых «вторая часть не служит самостоятельным видовым обозначением». Действительно, если второе слово в изолированном употреблении требует поддержки контекста, чтобы сузить свое значение до нужного, то такое сочетание пишется с дефисом (*долгоносик* ≠ *жук-долгоносик*, *точильщики* ≠ *жуки-точильщики*, *жук-геркулес*, *жук-пожарник*). Такая формулировка правила выражает некоторую общую тенденцию, некоторое приближение к тому, что язык выражает через письмо. Однако правило формулирует некоторый идеал, а в языке часто нет четких границ. Выделяются две противоположные четкие зоны и — масса переходных случаев. Например, слово *короед* обозначает подотряд жуков и никакого другого значения у этого слова нет, то есть сочетание *жук короед* должно писаться раздельно, однако узус дает вариативное написание (*поражение древесины жуком-короедом*, *жуки-короеды обладают развитым обонянием — борьба с жуком короедом*, *защита древесины от жуков короедов*), аналогично и *жук скарабей* довольно часто пишется с дефисом (оба слова даны в РОС с дефисом). А вот у слова *типограф* есть первое значение «печатник, владелец типографии» и второе значение «жук семейства короедов», сочетание *жук-типограф* пишется только через дефис, как и *жук-олень*, *жук-дровосек*, *жук-пожарник*; *жук-листоед* встречается и в раздельном написании, хотя и редко.

Реальное написание слов этого типа сильно колеблется, но все больше устанавливается дефисное написание при описании подвидов, даже если вторые части могут употребляться самостоятельно

в том же значении, например, *дельфин-афалина* (=афалина), *антилопа-сайга* (=сайга), *художник-пейзажист*, *лук-шалот*.

Сочетания *дельфин-афалина*, *дельфин-косатка*, как и *дельфин-белобочка* зафиксированы в РОС в дефисном написании, хотя в них вторые части абсолютно свободно употребляются в том же значении и никаких других значений не имеют. В узусе эти сочетания встречаются и в том и в другом написании, как и *дельфин-гринда*. То же относится и к названиям лука: все они в соответствии с РОС пишутся с дефисом.

В этом пункте правила орфографисты придерживаются некоторого статус-кво: они не меняют уже введенных написаний. Сочетания, выражающие соподчиненные отношения, не очень характерны для общелитературного языка, хотя они возможны в сказках и стихотворных текстах (*рыба кит*; *Родниковый ручеек/Шевелит травой-осокой/У его разутых ног*, *Спит животное собака...*). Иногда такие сочетания придают стилю налет канцеляризма (*продается рыба треска*, *пропало животное опоссум*), допустимы они при не очень знакомом названии конкретного предмета, например: *шляпы петапос носили и мужчины и женщины*; *язык монпа относится к группе киранти тибетобирманских языков*. Е. А. Земская, говоря про сложные слова с родо-видовыми отношениями (слова *куртка-ветровка*, *кресло-шезлонг* — ею зафиксированы в дефисном написании), отмечает встречаемость их только в газетно-информационной сфере [Земская 2009: 43]. В общем случае можно сказать, что такие сочетания, если они не являются устойчивыми, не употребляются в общелитературном языке в нейтральном стиле (так, нельзя сказать *в комнате стоит мебель стол*, *на даче растет дерево яблоня*). Поэтому кажется логичным в качестве исключений оставить именно словосочетания, выражающие отношения «род — вид», хотя в реальной речи они встречаются довольно редко (ср.: *Жила-была в море рыба треска*; «*Меркнут знаки Зодиака/Над просторами полей./Спит животное Собака./Дремлет птица Воробей...*» (Н. Заболоцкий) — **В лесу растут деревья дубы*; **мебель стол*).

Несколько комментариев к существующим правилам.

1. [Правила 1956], учебники и многие справочники прошлых лет рекомендуют раздельное написания сочетаний с предшествующим

щим приложением. Но за прошедшее время практика письма изменилась: через дефис стали писаться и препозитивные и постпозитивные приложения. Эту практику письма отражают современные школьные учебники*, последние академические правила [Правила 2006], другие лингвистические работы [Лопатин 2009 б: 72].

2. Иногда в определение приложения включают требование согласованности по падежу между определяемым и определением, то есть к приложениям относят только склоняющееся в данном сочетании слово (*красавица-дочь* — род. п. *красавицы-дочери*)**. Иногда же это требование не включается в определение, тогда к приложениям относят и не склоняющиеся в данном сочетании существительные (*чудо-богатырь* — род. п. *чудо-богатыря*, *бой-баба* — род. п. *бой-бабы*). Согласно ЛЭС: «Приложение — <...> определение, выраженное именем существительным. <...> Связь между определяемым и определяющим при П. может быть более или менее слитной. В случае наибольшей слитности П. (обычно препозитивное) теряет способность к падежному изменению и ведет себя как часть сложного слова: «царь-девица», «жар-птица». В справочнике [Кайдалова, Калинина 1998: 100] среди сложных существительных приводятся примеры типа *дом-музей*, *кафе-кондитерская*, *школа-интернат*, *вагон-выставка*, *вагон-ресторан*, *завод-автомат*, *село-усадьба*, *избушка-временка*. В других учебниках эти и подобные единицы характеризуются как сочетания существительных с приложением. Такое расхождение в понимании языковой сущности единиц (при их однотипном орфографическом оформлении) обусловило наш подход — объединение в одном правиле проблем написания сложного существительного и сочетания существительного с при-

* «Если одиночное согласованное и определяемое существительные являются именами нарицательными, то они соединяются с дефисами» [Бабайцева 1997]. Примеры: *мороз-воевода*, *береза-свечка*, *чайки-рыболовы*, *громада-город*. Примеры из РГ-80: *инженер-водник*, *лес-легенда*, *женщина-космонавт*, *книга-ветеран*, *сын-красавец*, *брат-учитель*.

** «Выраженное согласованным существительным определение принято называть *п р и л о ж е н и е м*» (Русская грамматика. Прага., 1979. С. 800); «Существительное-приложение согласуется с определяемым словом в падеже» [РГ-80, т. II, с. 58]. «Приложение — определение, выраженное именем существительным, как правило, согласованное с главным словом в падеже» (Е.В. Юминова. Пунктуация. Простое предложение. Материалы для самостоятельной работы старшеклассников при подготовке к ЕГЭ. Часть 1 (Библиотечка «Первого сентября», серия «Русский язык». Вып. 19. — М., 2008. С. 9).

ложением, поскольку для правописания данное различие не является содержательным.

3. Иногда выделяют особую группу исключений: «Не присоединяется дефисом приложение, обозначающее национальность и местожительство <...> *немец лакей*, *мальчик эвенк*, *цыганка старуха*, *земляки свердловчане*, но если первое существительное является субстантивированным прилагательным, то дефис ставится (чтобы избежать двоякого толкования текста): *учащиеся-англичане*, *рабочие-итальянцы*, *нищий-француз*» [Кайдалова, Калинина 1998: 101]. Однако изучение практики письма позволяет утверждать, что и сочетания типа *англичанин(-)мудрец* чаще пишутся через дефис, например*: *И через немца-переводчика объявили, что мальчиков расстреляют; Фигуристы-французы всегда отличаются эмоциональностью катания; В отряд испанцев каким-то чудом затесался англичанин-пират; К нам присоединился эксцентричный богач-англичанин*. Ср. примеры из [Розенталь 1985: 102–103]: *немец-путешественник*, *учитель-француз*.

4. В [Правила 1956] содержится такая формулировка: «Пишутся через дефис: 1. Сложные существительные, имеющие значение одного слова и состоящие из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединенных без помощи соединительных гласных *о* и *е*, например: а) *жар-птица*, *бой-баба*, *дизель-мотор*, *кафе-ресторан*, *премьер-министр*, *генерал-майор*, *Бурят-Монголия* (при склонении изменяется только второе существительное); б) *изба-читальня*, *купля-продажа*, *паинька-мальчик*, *пила-рыба*, *Москва-река* (при склонении изменяются оба существительных)» [Правила 1956: 78]. Среди предложений, высказанных в ходе дискуссий 1954–1955 и 1962–1964 гг., было и следующее — по существу обобщающее весь языковой материал, регулируемый данным правилом: «Образования этого типа [т.е. сложные существительные, состоящие из двух самостоятельно употребляющихся компонентов. — Е.Б., О.И.] писать через дефис, независимо от того, склоняется ли только второй или оба компонента» [Обзор 1965: 311]. Это предложение, хотя и не вызвало каких-либо возражений, тем не менее так и не получило признания и распространения. В дальнейшем авторы учебников и справочников пошли двумя путями: одни

* Примеры из НКРЯ.

авторы, отказавшись (полностью или частично) от формальных критериев, выделяют разные семантические группы слов*, другие авторы выстраивают правило на формальном критерии, используя семантические группы в качестве критериев вспомогательных. Правила, построенные на семантическом критерии, являются слишком фрагментарными, неполными, в них практически отсутствует такое важное свойство как алгоритмизованность применения. Что касается уточнения формальных критериев, то до сих пор оно касалось только первой части сложных существительных**. Но, во-первых, введение в формулировку правила типа склонения первой части самого правила не уточняет, во-вторых, не всегда просто определить, склоняется или не склоняется первая часть***. Значимым же остается только статус составной части сложного образования как самостоятельного слова, а тип склонения не играет роли в выборе способа орфографической записи.

В предлагаемой ниже формулировке правила введено требование склоняемости второй части. Это требование обусловлено необходимостью обеспечить объяснение для разного написания сочетаний типа *макси-юбка* и *юбка макси*, *реглан-рукав* и *рукав реглан*, *индиго-дети* и *дети индиго*, *брюки-слаксы* и *брюки клёш*. Склоняемость второй части предполагает дефисное написание. Если вторая часть сочетания не склоняется, то надо определить ее роль в сочетании:

* Например, в «Словарике школьника» правило сформулировано так: «Сложные имена существительные без соединительных гласных, обозначающие названия механизмов, а также различные научные, технические и общественно-политические термины, принято писать через дефис: <...>. Также пишутся через дефис следующие группы слов: сложные единицы измерения: <...>, составные названия политических партий и направлений, а также их сторонников <...>, названия промежуточных стран света <...>, сложные слова, в которых к основному слову присоединяется слово с оценочным значением: *бой-баба*, *горе-руководитель*, *рубаха-парень*, термины, в состав которых входят названия букв» (А. Грузберг, Л. Грузберг. Слитно? Раздельно? Через дефис? Екатеринбург, 2006. С. 6-7). Также [Валгина, Светлышева 1993: 59 и сл.].

** В [Правила 2006] введено более подробное описание первой части: она характеризуется по параметру склоняемая или несклоняемая, с подтипами: несклоняемая часть выражена 1) несклоняемым существительным типа *кафе*, 2) существительным в им. п. ед. ч. с ненулевым окончанием типа *горе*, 3) существительным в им. п. ед. ч. с нулевым окончанием типа *адрес* [Правила 2006: § 120].

*** М. В. Панов писал: «Недостатки этого правила в том, что оно <...> требует анализа, склоняется ли первая часть словосочетания, а этот анализ не всегда однозначен» (М. В. Панов. О дефисных написаниях // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 556).

постпозитивное несклоняемое определение (приложение) пишется раздельно, препозитивное при несклоняемом главном слове — дефисно. При этом несклоняемость как нулевой тип склонения (*меццо-сопрано*) и несклоняемость слова в данном конкретном контексте (*рукав реглан*, *рукава реглан*) не различаются.

Итак, предлагаем следующие формулировки правил.

П р а в и л о. Сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и обе части или только вторая часть склоняется, пишутся через дефис, напр.: *агент-банк*, *альфа-частица*, *атташе-кейс*, *аудит-контроль*¹, *баба-яга*, *барокко-рок*, *бас-гитара*, *бета-распад*, *бизнес-партер*, *бизнес-тур*, *блок-аппарат*, *блок-диаграмма*, *вакуум-аппарат*, *вектор-функция*, *выраж-фиксаж*, *гала-концерт*, *гамма-телескоп*, *генерал-директор*, *гольф-клуб*, *грамм-молекула*, *гриль-бар*, *дансинг-зал*, *дельта-импульс*, *джаз-группа*, *диван-кровать*, *дизайн-модельер*, *диско-бар*, *допинг-контроль*, *драп-велюр*, *дубль-диз*, *жар-птица*, *жокей-клуб*, *икс-лучи*, *имидж-проект*, *индекс-шифр*, *интернет-магазин*, *кран-балка*, *крафт-бумага*, *крем-пудра*, *крем-сода*, *кремь-баба*, *креп-жоржет*, *луна-парк*, *лор-терапия*, *лор-врач*, *люмпен-пролетариат*, *макси-юбка*, *миди-юбка*, *мини-юбка*, *модерн-танец*, *национал-социалист*, *радикал-социалист*, *пальто-пелерина*, *реглан-рукав*, *унтер-офицер*, *флигель-адъютант*, *фронт-офис*, *шеф-повар*, *штаб-квартира*, *шоу-бизнес*.

Исключения — подправила.

1. Пишутся **слитно** сложные существительные, являющиеся названиями химических соединений, напр.: *бромкамфора*, *хлорвинилэтил*, *этиленгликоль*.
2. Пишется **раздельно** сочетание двух нарицательных существительных, выражающих родовое и видовое понятие, напр.: *рыба треска*, *минерал лазурит*.
3. Пишутся **раздельно** а) сочетания слова *месяц* с названиями месяцев (*март месяц*, *месяц март*), б) сочетания названий нот с названиями тональностей (*до мажор*, *ми минор*), в) сочетания со словами *товарищ*, *господин*, *наш* (*ваши брат*, г) слова *отец*, *мать*, *матушка* в сочетаниях *отец настоятель*, *матушка игуменья*.

Исключения. Пишутся **слитно** некоторые сложные существительные, состоящие из самостоятельно употребляющихся существительных, напр.: *альфатип*, *бормашина*, *вымпелфал*, *дельтаклуб*, *дельтаплан*, *лотинь*, *люфтклизет*, *люфтпауза*, *планкарта*, *фальцаппарат*, *фронтпроекция*, *четвертьфинал*, *шлюпбалка*, *штурмтрап*, *электронвольт*, *ялбот*; слова с первой частью *блиц* (*блицтурнир*, *блицопрос*, *блицанализ*, *блицанкета*, *блицвизит*, *блицвикторина*, *блицвспышка*, *блицконкурс*, *блицматч*, *блицоперация*, *блицпартия*, *блицрешиение*, *блицтурне*, *блицтурнир*, *блицмиссия*), а также сложные существительные со следующими первыми частями на гласную: *видео*, *медиа*, *порно*, *радио*, *ретро*, *фото*, *техно*, *этно* (также некоторые слова с первыми частями *кофе-*, *эго-*, *эхо-*).

Определение. Приложением называется определение, выраженное именем существительным.

Правило. Сочетания с постпозитивным неизменяемым определением, выраженным существительным или прилагательным, пишутся раздельно, напр.: *платье мини, юбка макси, кофе глясе, конфеты ассорти, куры гриль, сумка клатч, суп харчо, стиль либерти, бумага верже, нитки мулине, купальник бикини, цирк шапито, ресторан бистро, дети индиго, стиль кантри, шоу латино, язык хинди, время пик, час икс.*

Исключения. Пишутся через **дефис** некоторые сочетания с постпозитивным неизменяемым определением, напр.: *бас-буфф, креп-гофре, программа-максимум, программа-минимум, задача-максимум, задача-минимум, шкаф-купе, суп-пюре, театр-варьете, театр-буфф, опера-буфф, театр-кабаре, ресторан-кабаре.*

Примечание. В практике письма существует значительное колебание в написании слов с ясно выделяемыми отношениями «вид – подвид», ср.: *шляпа-канотье, шляпа-сомбреро* и *шляпа канотье, шляпа сомбреро, шкаф-купе* и *шкаф купе*. Несмотря на эти колебания в предлагаемых правилах рекомендуется раздельное написание на основании несомненных случаев типа *переменная икс, час пик*.

Правило. Сочетания с препозитивным приложением и несклоняемым главным словом пишутся через дефис, напр.: *меццо-сопрано, бард-кафе, рок-кафе, дизайн-бюро.*

¹ Подчеркнутые слова допускают двоякую лингвистическую трактовку — как сложные и как сложносокращенные, однако в п. IV.1. 1) мы ограничили понятие сложносокращенного слова и данные слова рассматриваем только как сложные.

4. Проблемы кодификации написания сложных существительных, в которых одна или обе части самостоятельно не употребляются

1) Написание сложных существительных с первой иноязычной частью, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся

Кодификация слов этого типа есть и в [Правила 1956] и в [Правила 2006], и в том, и в другом справочнике первые части сложных слов просто перечисляются и никак не характеризуются. В приводимых среди примеров *бензо, вибро, космо, психо, фоно, фото* легко выделяется соединительная гласная (ср. *бензин, вибрация, вибрировать, космический, психический, психастения, фонить, фо-*

ниатр, фотка и т. д.). Принятое в ряде работ (например, в [Правила 2006]) включение компонентов с соединительной гласной в общий перечень первых иноязычных частей на гласную, с одной стороны, позволяет не выделять корень, т. е. упрощает задачу, но с другой стороны, увеличивает список первых иноязычных частей, смешивая разнородные явления и делая этот список необозримым. (Можно было бы признать эти слова пишущимися по двум правилам: это будет методически удобно, хотя лингвистически и не совсем корректно.)

Понятие первой иноязычной части на гласную, с нашей точки зрения, необходимо уточнить таким параметром, как неупотребляемость в качестве отдельного слова. Это позволяет не применять его к словам *макси, мини, миди*, а также ко многим другим самостоятельным иноязычным словам с финалью на гласную (типа *видео, диско, медиа, порно, радио*).

Уточненное правило имеет следующий вид.

Правило. Сложные существительные с первой частью, иноязычной по происхождению, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно. Примеры таких первых частей: *авиа, авто, акро, амфи, антропо, астро, аэро, бальнео, бати, био, варио, вело, гекто, гелио, гео, гетеро, гизро, гомо, дека, деци, зоо, изо, инфра, кило, кино, крипто, макро, мега, медиа, мета, метео, микро, милли, мото, мульти, нано, нейро, нео, орто, палео, пара, пери, пиро, поли, прото, санти, теле, тетра, ультра¹, экзо, эки, эндо.*

Исключение – подправило. Пишутся через **дефис** существительные, называющие сложные единицы измерения, напр.: *авто-час*.

Исключения. Пишутся через **дефис** некоторые единичные существительные, напр.: *агни-йога, альма-матер, ашихара-карате, буги-вуги, дата-центр, джиу-джитсу, кане-корсо, копи-арт, люля-кебаб, нано-арт, ноу-хау, папье-маше, синти-поп, ски-стоп, ски-тур, ски-альпинизм, ски-кросс, ски-сервис, фата-моргана, хеппи-энд, хмели-сунели, существительные с первой частью вице-² (напр.: вице-канцлер, вице-президент, вице-премьер).*

¹ Согласно словарям, *ультра* — это не только первая часть сложных слов, но и несклоняемое существительное со значением «экстремист». В настоящее время отмечаются также употребления этого слова как постпозитивного неизменяемого определения: *коллаген ультра*.

² Рассматриваем *вице-* в качестве первой части слова, хотя известна ее трактовка как приставки, напр., в РОС.

На современном этапе существует некоторое несоответствие принятой кодификации и реального письма. Мода на дефис приводит к появлению в узусе частотных дефисных написаний у слов этого типа, напр.: **аудио-гид*, **авто-гарант*, **видео-салон*, **лингво-лаборатория*. Однако и в данном случае нецелесообразно менять кодификацию и кодифицировать новые слова с первой частью этого типа (напр., *нано*) в распространенном дефисном написании. Но все-таки в последнее время список исключений пополнился несколькими новыми словами.

- 2) Написание сложных существительных с первой частью, оканчивающейся на согласную и самостоятельно не употребляющейся

Данная группа слов представляет собой тот фрагмент лексического состава сложных существительных, который орфографически описывается не конкретным правилом в строгом смысле этого слова, а по существу для каждого слова в отдельности. Это то, что в различных источниках называют «традиционным написанием слов», «написанием по словарю», «словарным порядком» определения написания, «индивидуальными орфографическими нормами» [Иванова 2007: 161–162]. Обсуждаемая группа сложных слов с данным признаком, релевантным для орфографического описания, впервые выделена в [Бешенкова, Иванова 2010].

В [Правила 1956] указание на наличие слов, написание которых описывается не правилами, а словарем, содержится среди общих правил слитного и дефисного написания, а не в разделе о сложных существительных и включает указание на иноязычный характер слов: «Написание слитное и через дефис сложных иноязычных слов устанавливается в словарном порядке» [§ 76]. Авторы справочника [Правила 2006], напротив, посвящают таким словам отдельный параграф, но без указания на иноязычность лексики [§ 121] (примечательно, что среди приводимых примеров встретилось лишь одно существительное, которое скорее можно назвать русским словом, нежели иноязычным *трын-трава*). В [Правила 1956] формальные признаки существительных, пишущихся не по правилу, а по словарю, вообще не указывались, а [Правила 2006] выделяют «словарные слова» как остаток от всех тех, написание которых поддается регу-

лированию правилами (ср.: «во всех прочих случаях (не охваченных § 119–120) слитное или дефисное написание существительных регламентируется в словарном порядке» [Правила 2006]). Однако строгое выделение области словарного написания и области действия правил, как нам представляется, является одним из необходимых требований к правилу. Поэтому необходимо выделить признаки слова, при определении написания которого не надо вспоминать правило, а придется посмотреть словарь. К таким признакам в предлагаемом ниже правиле мы относим: первая часть слова имеет финаль на согласную и отдельно не употребляется.

Учебники и пособия по орфографии по-разному отражают саму проблему сосуществования двух типов написаний — по правилам и по словарю, а также объем словарного материала. Например, в [Кайдалова, Калинина 1983] говорится о слитно пишущихся «сложных терминах» без соединительной гласной типа *бильдаппарат*, *ваккумприбор*, *бормашина*, правописание которых определяется по словарю [§ 40, примечание с. 92]; пособие [Валгина, Светлышева 1993: 62] отмечает отсутствие «единства написания» многих заимствованных слов, но при этом не ссылается на словарь; справочник [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: 42], отмечая колебания «между слитным и дефисным написанием слов иноязычного происхождения» (*крепдешин* — *креп-жоржет*), вовсе не указывает на словарный характер многих написаний. Некоторые же справочники написания данного типа слов не освещают вовсе (напр.: [Голуб 2008]).

Однако сам факт выделения области словарной кодификации еще не означает решения всех проблем. Остается самое существенное и социально важное — словарная кодификация слов, не входящих в область действия правила. Кодификаторам приходится учитывать множество разнонаправленных факторов при принятии решения. Во-первых, необходимо определить, есть ли количественное преобладание того или иного типа написания у слов данного типа, во-вторых, определить, существует ли какая-либо историческая тенденция, меняются ли написания слов этого типа, если меняются, то в какую сторону и под действием каких факторов, в-третьих, необходимо учитывать возможное влияние ближайшего прецедента, безусловно, приходится учитывать и узусальные предпочтения.

В группах слов, написание которых определяется не правилом, а словарем*, регулятором написания, ограничивающим орфографический хаос, зачастую становится влияние ближайшего прецедента**. Для сложных слов орфографическим прецедентом является написание слов с той же первой или второй частью. Группы слов с одинаковой первой или второй частью стремятся к единообразному написанию, написанию по аналогии. Например, все слова с первой частью *лейт*... пишутся слитно (*лейтаккорд*, *лейтгармония*, *лейтидея*, *лейтинтонация*, *лейтритм*, *лейт-тембр*, *лейттональность*), все слова с первой частью *гранд*- пишутся через дефис (*гранд-дефиле*, *гранд-отель*, *гранд-тур*), хотя не соотносятся со словом *гранд* в значении «титул аристократа» (ср. *гранд-дама*); также — с первой частью *фуд*-... (*фуд-корт*, *фуд-мастер*, *фуд-процессор*, *фуд-сервис*, *фуд-стилист*, *фуд-стилистика*, *фуд-фотограф*, *фуд-центр*, *фуд-шоу*). Многочисленная группа слов с начальной частью *арт**** пишется с дефисом: *арт-агентство*, *арт-галерея*, *арт-группа*, *арт-движение*, *арт-декор*, *арт-дирекция*, *арт-кафе*, *арт-критик*, *арт-менеджер*, *арт-направление*, *арт-объект*, *арт-причёска*, *арт-проект*, *арт-промоушен*, *арт-сезон*, *арт-система*, *арт-сообщество*, *арт-техника*, *арт-технология*, *арт-элита*, *арт-язык*. Для этой части слова в РОС впервые введено даже индивидуальное правило, отличающее ее от *арт*... как сокращения слова «артиллерийский» («**арт**... — первая часть сложных слов в знач. «художественный, относящийся к искусству», пишется через дефис»). Слова с компонентом *-арт* в роли второй части сложных слов также пишутся с дефисом (*бук-арт*, *комикс-арт*, *мейл-арт*, *нейл-арт*, *соц-арт*, *спрей-арт*, *стрит-арт*), безотносительно к употребля-

* Иными словами, написание каждого отдельного слова или группы однотипных слов подчиняется своему индивидуальному правилу.

** Понятие орфографического прецедента как инструмента выбора при кодификации новых слов введено В.В. Лопатиным [Лопатин 2007: 726; Лопатин 2009а: 241]. При этом данный метод пригоден как для установления написания единичных конкретных новых слов (*фитнес* как *бизнес*, *офлайн* как *офсайд*), так и целых рядов, серий новых слов (*медиа*... как *авиа*...).

*** Ко времени написания статьи *арт* не стало еще полноценным словом, по данным НКРЯ на 98 вхождений компонента в основном корпусе и 77 вхождений в газетном (8.02.2011) имеется лишь 5 фиксаций его как самостоятельного слова с недостаточно выявленной лексической семантикой.

емости или неупотребляемости самостоятельно первой их части*. Слитно пишется только слово *артхаус*. Несмотря на приблизительно равную встречаемость в узусе слитного и дефисного написания, принятая в РОС кодификация слитного написания *артхаус* оправдана тем, что существует прилагательное *артхаусный* (у других слов этой группы производных прилагательных нет), а также имеются сложные слова или сочетания с приложениями, в которых эта первая часть пишется только слитно *артхаус-продукция*, *артхаус-кино*.

Однако по прихоти узуса в течение длительного времени могут существовать достаточно большие группы слов с разным написанием, причем тенденции к унификации написаний не наблюдается. Например, в РОС включены слова-термины с первой частью *ватер* из разных областей и разного времени вхождения в слитное написание: *ватервейс***, *ватержакет*, *ватерклозет*, *ватерлиния*, *ватермашина*, *ватерпас*, *ватерполист*, *ватерполо*, *ватерпруф**** (при наличии самостоятельного слова *ватер*, употреблявшегося вместо *ватермашина* и *ватерклозет*), что как бы говорит о том, что слова с данным первым компонентом пишутся всегда слитно, хотя и функционируют в разных областях (морское дело, ткацкое дело, спорт, техника). Но в специальном отраслевом «Орфографическом морском словаре» (сост. Р.Э. Порецкая. М., 1974) даются также сло-

* Причем к дефисному написанию тяготеют и слова с первой частью на гласную (*боди-арт*, *видео-арт*, *фото-арт*), хотя их судьба различна в кодификации. *Фото-арт*, *боди-арт* даются в РОС с дефисом, а *видеоарт* слитно, хотя понятно, что написание должно быть однотипным. Появившиеся совсем недавно новейшие *нано/арт* и *медиа/арт* в узусе преимущественно пишутся с дефисом. На какой прецедент будет ориентироваться их кодификация? Или прецедентные написания сами нуждаются в унификации? Особенно если учесть, что правописание первых частей с исходом на гласную регулируется своими собственными самостоятельными правилами, а также правилами написания первой части слова, формально совпадающей с отдельным словом. Насколько нам известно, в новом издании РОС кодификация изменена: теперь надо писать *видео-арт*, также как и вновь включенные в словарь слова *медиа-арт* и *нано-арт*.

** *Ватервейс* — 1) водяные стоки; 2) толстый деревянный брус, который кладется на концы бимсов и прилегает к борту, идет вокруг всей палубы.

*** Женский непромокаемый плащ, бывший в моде в конце XIX в. и тогда же попавший в словарь иностранных слов.

ва *ватербак*, *ватер-бакиштаги*^{*}, *ватер-вулинг*, *ватер-зейль*, *ватер-тали*, *ватершланг*, *ватер-штаг* (ср. *бакиштаг*), пять из них — с дефисным написанием. Получается, что даже внутри одной терминологической области написание не унифицировано.

Конечно, приходящие сегодня в язык новые слова встречаются своих «родственников», в той или иной степени уже освоенных русским языком и закрепленных в слитном (чаще) или дефисном написании. Вследствие этого и появляются группы с потенциальным внутренним конфликтом, напр.: (1) *саунд-дизайн*, *саунд-драма*, *саунд-поэзия*, *саунд-поэма*, *саунд-поэт* (все — РОС4), *саунд-процесс* (РОС) — *саундпродюсер* (РОС), *саундтрек* (РОС), *саундчек* (РОС4); (2) *берг-гауптман*, *бергмейстер*, *берг-пробирер*, *берг-инспектор*, *Берг-коллегия*, *Берг-привилегия*, *Берг-регламент* (все — ист.), *бергштурнд* (геол.) (РОС), также геологические термины *бергштрихи*, *бергштрассе*; (3) *айсбайль*, *айсберг*, *айс-ревью*, *айс-фифи* (все — РОС) — *айс-гольф*, *айс-дайвер*, *айс-дайвинг*, *айс-мейкер* (все — РОС4). Наличие такого потенциального конфликта не означает непременно возникновения колебания в написании, это зависит и от степени освоения слова, и от совместимости сфер употребления. Если слова принадлежат совершенно разным сферам употребления или разным терминологическим сферам, то они не оказывают друг на друга никакого влияния и могут закрепиться в разном написании. Так, название породы коров *шортгорн* пишется слитно (РОС), а современные слова из сферы спорта *шорт-блок*, *шортлист*, *шорт-стоп*, *шорт-теннис*, *шорттрек* кодифицируются уже в дефисном написании.

Более вероятно появление тенденции выравнивания в словах, пришедших в язык с небольшим временным разрывом и в одну и ту же область. Так, закрепление словарями разных написаний слов *киндер-сюрприз* и *киндербальзам* объясняется только ранним приходом слова *киндербальзам* и, возможно, влиянием языка-источника. Слово было зафиксировано еще в словаре Ушакова в значении

* Термины *бакиштаг*, *вулинг*, *зейль/зейль*, *штаг* существуют самостоятельно. В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона компонент *ватер* объясняется так: «приставка к названиям снастей бушприта (бакштаг, штаг и вулинг), а также к таям, которыми тянут эти снасти». Именно эта «приставка» и пишется с данными словами через дефис, хотя во всех словах группы она выступает в роли первого компонента перед вторым корнем.

слабого спиртового сладкого лекарства, пришло оно из немецкого языка, где писалось слитно *kinderbalzám*. Разнонаписания в группе с первой частью *бэк* — *бэк-вокал*, *бэкграунд*, *бэк-офис*, *бэкслеш*, *бэкхенд* (все — РОС) и *бэк-кантри*, *бэк-танцовщица*, *бэк-флип* (все — РОС4), в одних случаях оправданы временем прихода (*бэкслеш*), а в других — тенденцией писать слитно слова с двумя не употребляющимися самостоятельно частями (*бэкграунд*, *бэкхенд*). Спортивный термин *бэк-флип* в современном узусе значительно частотнее пишется слитно.

Интересна ситуация с двумя очень похожими словами, пришедшими в русский язык в разное время. Одно из них всем известное *Биг-Бен* (англ. Big Ben), другое — не менее известное *бигмак* (англ. Big Mac). И то и другое в языке-источнике пишутся как словосочетания с прописными буквами в обеих частях, оба являются названиями реальных (артефактов), в основе которых (названий) лежит собственное имя. *Бигмак* появился всего сорок лет назад и активно вошел в русский язык в 90-х годах прошлого века. Но, как видно, в данном случае орфографический прецедент не сработал — причем в единственном слове из всего ряда отмечаемых с первой частью *биг* (РОС и РОС4: *бигбенд*, *бигбит*, *биг-тауэр* (тип корпуса компьютера), *биг-хит*, *биг-эйр*).

Таким образом, можно предложить следующее правило.

П р а в и л о. Написание сложных существительных с первой частью, оканчивающейся на согласную, в которых одна или обе части самостоятельно не употребляются, определяется по орфографическому словарю.

С **дефисом** пишутся, напр.: *ар-нуво*, *арт-проект*, *аудиенц-зал*, *айс-ревью*, *биг-бенд*, *биг-бит*, *бич-волей*, *бом-брамсель*, *бэк-вокал*, *бэк-офис*, *бэрбоут-чартер*, *брам-рей*, *брам-стенгя*, *вант-путенс*, *вант-трос*, *воленс-ноленс*, *воутинг-трест*, *гафель-гардель*, *глиттер-рок*, *гран-па*, *Гран-при*, *грин-карта*, *гуд-бай*, *далай-лама*, *данс-группа*, *киндер-сюрприз*, *конференц-зал*, *лейб-гвардия*, *нон-стоп*, *нон-финито*, *обер-аудитор*, *социал-реформатор*, *статс-дама*, *транс-изомер*, *штабс-капитан*, *уик-энд*.

Слитно пишутся, напр.: *арккосинус*, *аутсайдер*, *бейсбол*, *бельканто*, *бельэтаж*, *бигмак*, *бизнесвумен*, *бизнесмен*, *бичбол*, *бойскаут*, *бойфренд*, *бон-тон*, *брамишкот*, *брандвахта*, *брандмейстер*, *бультерьер*, *бундесбанк*, *бэк-граунд*, *бэкслеш*, *бэкхенд*, *ватерлиния*, *ватерполо*, *вахтпарад*, *виндпроуэр*, *виндсерфинг*, *гакблок*, *гандбол*, *гауптвахта*, *герольдмейстер*, *гранпасьянс*, *грейпфрут*, *киндербальзам*, *нонконформизм*, *нонсенс*, *обертон*, *скотчтерьер*, *трансген*, *фельдмаршал*.

3. Проблемы кодификации написания сложных существительных с первой частью, самостоятельно употребляющейся, и второй, самостоятельно не употребляющейся

Среди слов данной группы абсолютно преобладают слитные написания. Так, слитно пишутся, например, слова: *альфатрон*, *бетатрон* (и все слова на *трон*), *бодибилдинг*, *бемиситтер*, *бизнесмен* (и все слова на *мен*), *гаммаскопия* (и все слова на *скопия*), *гаммаграфия* (и все слова на *графия*), *кафешантан*, *парикмахер* (и все слова на *махер*), *татумейкер* (и все слова на *мейкер*), *техноданс*, *омметр*, *амперметр* (и все слова на *метр* в значении «измерительный прибор»). Имеются единичные слова с раздельным написанием (*бассо профундо*, *идея фикс*, *казус белли*, *персона грата*) и небольшое количество слов с дефисным написанием (*боди-арт* (и все слова на *арт*), *камера-обскура*, *виктория-регия*, *сальто-мортале*, *опера-сериа*, *лотерея-аллегри*, *бас-профундо*). Этот список, вероятно, может быть дополнен, но незначительно.

Такое количественное распределение слов этого типа позволяет ввести следующее правило.

П р а в и л о. Сложные существительные с первой частью, самостоятельно употребляющейся, и второй, самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно, напр.: *альфатрон*, *бетатрон*, *бодибилдинг*, *бемиситтер*, *гаммаскопия* (и все слова на *скопия*), *гаммаграфия* (и все слова на *графия*), *кафешантан*, *парикмахер* (и все слова на *махер*), *спичрайтер*, *татумейкер* (и все слова на *мейкер*), *техноданс*, *омметр*, *амперметр* (и все слова на *метр* в значении «измерительный прибор»).

И с к л ю ч е н и я: *бассо профундо*, *идея фикс*, *казус белли*, *персона грата*, *бас-профундо*, *боди-арт* (и все слова на *арт*), *камера-обскура*, *виктория-регия*, *лотерея-аллегри*, *опера-сериа*, *сальто-мортале*.

Таким образом, проведенный анализ существующих проблем в области написания сложных существительных, сочетаний с приложениями, неизменяемыми определениями позволил сформулировать правила, полно и непротиворечиво описывающие имеющееся современное написание. Однако наличие этих правил вовсе не означает, что новые слова обязательно будут появляться в соответствующем написании, не испытывая при этом орфографических колебаний.

Выводы

В работе была рассмотрена одна из самых сложных для кодификации областей — область слитного, дефисного, раздельного написания сложных существительных или сочетаний с приложениями, неизменяемыми определениями, проанализированы проблемы, возникающие при определении того, что признавать нормой в том или ином случае, что и как кодифицировать как рекомендуемую норму. В результате были предложены новые формулировки правил написания для различных типов слов и сделаны некоторые теоретические выводы.

Вывод 1. Орфографическая норма, понимаемая как «исторически сложившееся написание» — явление, существующее объективно. Орфографисты в основном лишь описывают эту норму в дескриптивных словарях, описывают и частично корректируют в нормативных словарях и в правилах, анализируют ее перспективы и движущие силы в теоретических работах. Описание любого объективно существующего объекта есть всего лишь более или менее адекватная модель этого объекта, кодификация — тоже модель узусальной нормы. Проблема соотношения узусальной нормы и кодификации, выбора при кодификации равновесия между двумя точками зрения на норму «норма — отражение узуса или норма — закон, управляющий узусом» в орфографии решается с учетом специфической направленности всей науки орфографии на практику, ее более значительного влияния на будущее системы, то есть в большей степени ориентируясь на закон. Именно поэтому кодификаторы не торопятся закреплять в качестве кодифицированной нормы слова с соединительной гласной, пишущиеся в узусальной норме с дефисом (*ассиро-вавилоняне*, *греко-католики*).

Вывод 2. Проблема определения нормы написания сложных существительных на современном этапе осложняется модой на дефисное написание и новых и старых слов в узусе. Часто дефисное написание противоречит правилу. Учитывая преходящий характер психолингвистических причин, породивших эту моду, и исторические тенденции, лингвисты при кодификации новых слов в основном отдают предпочтение закону, правилу, а не современному узусу, сколь бы распространенным ни было ошибочное написание (*демо-версия*, *спортбар*), хотя в некоторых случаях и идут на уступки узусу (*риелт-бюро*, *эротик-шоу*).

Вывод 3. Как кажется, удалось решить некоторые проблемы установления нормы и ее кодификации, связанные с наличием в языке переходных явлений, с возможной неоднозначной лингвистической трактовкой одной и той же лингвистической единицы. Так, предложенное сужение понятия сложносокращенного слова позволяет закрыть список исключений и не порождать новые при кодификации появляющихся слов. При выборе трактовки элементов *вице*, *гипер*, *контр*, *обер*, *супер* как первых компонентов сложных слов, а не как приставки были учтены особенности орфографического поведения этих компонентов. Было предложено и решение проблемы, связанной с лингвистически неоднозначной трактовкой единицы как приложения или как неизменяемого определения: анализ материала показал, что эта лингвистическая проблема не влияет на орфографическое оформление и при формулировании основного правила можно отказаться от использования этих терминов.

Некоторые проблемы так и остались нерешенными. Например, неоднозначность трактовки финального *о* как соединительной гласной или как финали первого компонента порождала и будет порождать варианты в узусе и проблемы при кодификации. Исторические изменения в лексическом составе могут менять лингвистический статус единицы, что влечет за собой необходимость соотнесения новых характеристик с правилом.

Вывод 4. Действие тенденции к унификации приводит к постоянному оживлению проблем в области написания слов-исключений. То сами кодификаторы подравнивают их написание под общее правило, то узус. Анализ разных типов исключений: исключений-подправил и единичных исключений — показал, что кодификаторы не меняют написания слов, входящих в подправила исключения (*машино-место*), но учитывают узуальные предпочтения при выравнивании в узусе единичных исключений. Анализ выявил и введение нецелесообразных единичных исключений, не поддерживаемых узуальной нормой (*дельфин-афалина*).

Вывод 5. Было предложено решение одной из общих проблем кодификации в виде правила, охватывающих лишь часть материала: была четко очерчена область слов, для которых необходимо сверяться с рекомендациями словаря, а не правила. Только словарь определяет написание сложных слов с первой частью, не совпадающей с самостоятельно употребляемым словом и кончающейся на соглас-

ную (*бэкграунд*, *бэк-вокал*). Проблемы при словарной кодификации должны решаться и с учетом написания слов с той же первой частью и с учетом общей исторической тенденции.

В заключение хочется подчеркнуть, что в предлагаемой системе описания орфографии сложных существительных и сочетаний с приложениями существующие написания слов не меняются, а вновь образуемые слова или слова заимствуемые при установлении их орфографической формы попадают в сферу описания предложенных выше правил на основе примененных критериев. Данные критерии, характеризуемые признаками непротиворечивости и неизбыточности, позволили определить те зоны, в которых возникают правописные варианты сложных существительных, и предложить для них лингвистически обоснованные единообразные написания. Среди применяемых критериев нет сложных понятий, требующих глубоких лингвистических знаний, таких, которые не могли бы использоваться обычным пишущим, не имеющим лингвистического образования. В то же время описание не потребовало и привлечения критериев, которые в лингвистике не имеют однозначного понимания.

Литература

Астен Т. Б. Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками: учебное пособие по спецкурсу. Ростов н/Д, 2003.

Бабайцева В. В. Русский язык: Теория: Учебник для 5–11 классов учебных заведений с углубленным изучением русского языка. М., 1997.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Бенины В. Аналитические прилагательные. Распространение иноязычной модели «определяющее существительное + определяемое существительное» // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007.

Бешенкова Е. В. Нужны ли нам правила и какие правила нужны? // Вопросы культуры речи. М., 2011.

Бешенкова Е. В. О соотношении нормы и кодификации в орфографии, о правилах-предписаниях и правилах-рекомендациях // Вопросы культуры речи. М., 2011.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Неоднозначная интерпретация слова и современная орфографическая вариативность. // Язык и социальная действительность. Вып. 2. Красноярск, 2011.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. М., 2011.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Сложные существительные в русском языке как объект орфографического описания // Русский язык в научном освещении. № 2 (20), 2010. С. 57–76.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Современная орфографическая вариативность: тенденция к унификации / дифференциации написаний // Язык и социальная действительность. Вып. 1. Красноярск, 2011.

Борунова С. Н. О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009.

Былинский К. И., Никольский Н. Н.. Справочник по орфографии и пунктуации. Для работников печати. Изд. 4-е, перераб. М., 1970.

Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. М., 2002.

Валгина Н. С., Светлышева В. Н.. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993.

Вепрева И. Т. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня. 4. М., 2006.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997; Изд. 2-е. М., 2004.

Голуб И. Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М., 2008.

Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма. М., 1978; Изд. 2-е. М., 2009.

Грамматика русского языка. Т. 2. М., 1954.

Грузберг А., Грузберг Л.. Слитно? Раздельно? Через дефис? Екатеринбург, 2006.

Еськова Н. А. Слитные / дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977; 3-е изд. М., 1987.

Земская Е. А. Об одной новой модели в русском словообразовании (может ли приставка присоединять к себе суффиксы?) // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Изд. 4. М., 2009.

Иванова В. Ф. Современный русский язык. М., 1976.

Иванова О. Е. О содержании одного орфографического правила // Вопросы культуры речи. Вып. XI. / Отв. ред. А. Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2012.

Иванова О. Е. Правописание наречий: частеречная неоднозначность и проблема орфографической вариативности // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 2 (9). Красноярск, 2007.

Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1983.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. Изд. 4-е. М., 1998.

Касаткин Л. Л., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 2010.

Качалкин А. Н. Учебная книга по русскому правописанию. М., 2009.

Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Жизнь языка. Памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007.

Лопатин В. В. О написании сочетаний с приложениями. II // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М., 2009.

Лопатин В. В. Правописание и вариативность // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М., 2009. С. 239–247.

Лопатин В. В. Правописание и вариативность // Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.. Слитно, раздельно или через дефис? Орфографический словарь. М., 2007.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Москвин В. П. Правильность современной русской речи. Норма и варианты. Теоретический курс для филологов. Ростов н/Д., 2006.

Мусатов В. Н. Русский язык. Фонетика, фонология, орфоэпия, графия, орфография: учеб. пособие // М., 2006

Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.

Панов М. В. Об аналитических прилагательных // М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 137–151.

Перцова Н. Н. Некоторые проблемы семантики словосложения // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. I. Теоретические проблемы. [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue2000-1/247.htm>

Порецкая Р. Э. Орфографический морской словарь. М., 1974.

Потапурченко З. Н. Слитно или раздельно? Правописание сложных слов // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I — II. М., 1958.

Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

РГ-80 — Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке/Под ред. И. Б. Голуб. М., 2001.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976.

Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1968.

Соловьев Н. В. Русское правописание. Орфографический справочник. СПб., 1997.

Темиз Я. В. Секреты русской орфографии. Справочник М., 1999.

Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.megaslov.ru/sis_lst.html

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1961.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка: Учение о предложении и о словосочетаниях. Л., 1925.

Шварцкопф Б. С. Норма в письменном кодифицированном языке // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Юминова Е. В. Пунктуация. Простое предложение. Материалы для самостоятельной работы старшеклассников при подготовке к ЕГЭ. Часть 1 (Библиотечка «Первого сентября», серия «Русский язык»). Вып. 19). М., 2008. С. 9.

E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova
Vinogradov Russian language Institute
of the Russian Academy of Science
(Russia, Moscow)

evbeshenkova@gmail.ru, olliva95@yandex.ru

THE PROBLEMS OF NORM AND SPELLING CODIFICATION OF COMPOUND NOUNS

Article is devoted to one of the most difficult areas of modern codification — fused/with hyphen/separate writing of compound nouns or combination of applications and invariable attributions. We consider a problem how to define the norms and standards taking in consideration the main factors in the field of compound nouns writing, such as: the existence of transient phenomena, the trend towards unification/differentiation spelling, vocabulary of the variability, the effect of analogy. The result of the analysis is a new system of rules, covering the whole field, not controversial and linguistically based. The rules do not change the already codified norms.

Key words: spelling, writing norm, codification rules fused/with hyphen/separate writing, compound nouns, combination with applications, combinations with immutable attributions

References

Asten T. B. *Analitizm nominatsii: kognitivnoe sodержanie i pragmatika neizmeniaemykh sushchestvitel'nykh v russkom iazyke v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami: uchebnoe posobie po spetskursu* [Ana-

litical nominal constructions: cognitive content and pragmatics of invariable nouns in Russian language in comparison with other Slavic languages: a tutorial on a special course]. Rostov n/D, 2003.

Babaitseva V.V. *Russkii iazyk: Teoriia: Uchebnik dlia 5–11 klassov uchebnykh zavedenii s uglublennym izucheniem russkogo iazyka* [Russian Language Theory: A Textbook for grades 5–11 schools with in-depth study of the Russian language]. Moscow, 1997.

Beloshapkova V.A. *Sovremennyi russkii iazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moscow, 1977.

Benin'i V. [Analytic adjectives. The spread of foreign language model “determines noun + noun defined”. *Iazyk v dvizhenii. K 70-letiiu L. P. Krysin* [Language in motion. On the 70th anniversary of LP Krysin]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Beshenkova E. V. [Do we need rules and what rules are needed?]. *Voprosy kul'tury rechi* [Problems of speech culture]. Moscow, 2011.

Beshenkova E. V. [On the coordination between norms and codification in spelling, rules, regulations and rules — guidelines]. *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of speech culture]. Moscow, 2011. (In Russ.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Ambiguous interpretation of the word and the modern spelling variation] *Iazyk i sotsial'naia deistvitel'nost'*, No. 2. Krasnoiarsk, 2011.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Compound nouns in Russian language as an object orthographic description]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, No. 2 (20), 2010, pp. 57–76. (In Russ.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Modern spelling variation: the tendency to unification/differentiation spellings]. *Iazyk i sotsial'naia deistvitel'nost'*, No. 1. Krasnoiarsk, 2011. (In Russ.)

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Russkoe pis'mo v pravilakh s komentarii* [Russian letter in the rules with comments]. Moscow, 2011.

Borunova S. N. [About writing complex adjectives in Russian language. Codification of history]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriia i praktika* [Linguistic basis of Russian spelling codification: Theory and Practice]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Bylinskii K. I., Nikol'skii N. N. *Spravochnik po orfografii i punktuatsii. Dlia rabotnikov pechati* [Handbook of spelling and punctuation. For Press workers]. Ed. 4th, revised. M., 1970.

Chudinov A. N. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka*. [Dictionary of foreign words that are included in the

Russian language]. 1910. Available at: http://www.megaslov.ru/sis_1st.html

Es'kova N. A. [Fusion or hyphenated spelling of nouns and criteria of word]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriia i praktika* [Linguistic basis codification Russian spelling: Theory and Practice]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Golev N. D. *Antinomii russkoi orfografii* [Antinomy Russian spelling]. Barnaul, 1997, Moscow, 2004.

Golub I. B. *Novyi spravochnik po russkomu iazyku i prakticheskoi stilistike* [New guide to Russian language and practical style]. Moscow 2008.

Gorbachevich K. S. *Variativnost' slova i iazykovaia norma* [Variability of speech and language norm]. Moscow, 1978; Ed. 2-e. Moscow, 2009.

Grammatika russkogo iazyka [Russian grammar]. T. 2. Moscow, 1954.

Gruzberg A., Gruzberg L. *Slitno? Razdel'no? Cherez defis?* [Fusion? Separately? Hyphenated?]. Ekaterinburg, 2006.

Itskovich V. A. [Norm and its codification]. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Actual problems of speech culture]. Moscow, 1970. (In Russ.)

Iuminova E. V. *Punktuatsiia. Prostoe predlozhenie. Materialy dlia samostoiatel'noj raboty starsheklassnikov pri podgotovke k EGE* [Punctuation. Simple sentence. Materials for self-study high school students in preparing for the exam. Part 1]. *Bibliotekha «Pervogo sentiabria», seriia «Russkii iazyk». Vyp. 19* [Library of “the First of September”, serie “Russian language”. Iss. 19]. Moscow, 2008, p. 9.

Ivanova O. E. [The content of one spelling rules]. *Voprosy kul'tury rechi*. [Questions of speech culture]. Iss. XI. Moscow, 2012. (In Russ.)

Ivanova O. E. [Spelling adverbs: part of speech ambiguity and the problem of spelling variation]. *Rossiiskii lingvisticheskii ezhegodnik*, No. 2 (9), 2007. (In Russ.)

Ivanova V. F. *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language]. Moscow, 1976.

Kachalkin A. N. *Uchebnaia kniga po russkomu pravopisaniiu* [Textbook for Russian spelling]. M., 2009.

Kaidalova A. I., Kalinina I. K. *Sovremennaiia russkaia orfografiia* [Modern Russian orthography]. Ed. 4th., Rev. and add. Moscow, 1983, Moscow, 1998.

Kasatkin L. L., Lekant P. A. *Kratkii spravochnik po sovremennomu russkomu iazyku* [Quick reference guide for the modern Russian language]. Moscow, 2010.

Krysin L. P. [Language and speech practice norm]. *Zhizn' iazyka. Pamiati Mikhaila Viktorovicha Panova* [Life language. To Mikhail V. Panov's memory]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Lingvisticheskii ènsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990.

Lopatin V. V. [About writing a combination of applications. II]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii* [[Linguistic basis of Russian spelling codification: Theory and Practice]. Moscow, 2009.

Lopatin V. V. [Spelling and variability]. *Iazyk kak materiia smysla. Sb. statei k 90-letiiu akademika N. Yu. Shvedovoi* [Language as a matter of meaning. Sat articles on the 90th anniversary of academician N. Yu. Shvedova]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Lopatin V. V. [Spelling and variability]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriia i praktika* [Linguistic basis of Russian spelling codification: Theory and Practice.]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Lopatin V. V., Lopatina L. E. *Slitno, razdel'no ili cherez defis? Orfograficheskii slovar'* [Fused, separated or hyphenated? Spelling dictionary]. Moscow, 2007.

Moskvina V. P. *Pravil'nost' sovremennoi russkoi rechi. Norma i varianty. Teoreticheskii kurs dlia filologov* [Correctness of the modern Russian language. Norm and options. Theoretical course for philologists]. Rostov n/D., 2006.

Musatov V. N. *Russkii iazyk. Fonetika, fonologiya, orfoèpiia, grafiia, orfografiia: ucheb. posobie* [Russian language. Phonetics, phonology, orthoepy, graphy, spelling: Proc. Manual]. Moscow, 2006

Osipov B. I. *Istoriia russkoi orfografii i punktuatsii* [History of Russian spelling and punctuation]. Novosibirsk, 1992.

Panov M. V. Ob analiticheskikh prilagatel'nykh M. V. Panov. *Trudy po obshchemu iazykoznaniiu i russkomu iazyku*. T. 1. Moscow., 2004, pp. 137–151. (In Russ.)

Pertsova N. N. [Some problems of semantics compounding]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog '2000 po komp'iuternoi lingvistike i ee prilozheniiam. T. I. Teoreticheskie problemy*. [Proceedings of International conference Dialogue'2000 on computer linguistics and its applica-

tions. Vol. 1. Theoretical problems]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue2000-1/247.htm> (In Russ.)

Poretskaia R. E. *Orfograficheskii morskoi slovar'* [Marine Spelling Dictionary]. Moscow, 1974.

Potapurchenko Z. N. [Spelling complex words]. *Bol'shoi slovar' russkogo iazyka* [Big Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Vol. I — II. Moscow, 1958.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii: Polnyi akademicheskii spravochnik [Russian rules of spelling and punctuation: Complete Academic]. Moscow, 2006.

Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke* [Handbook of spelling and literary editing]. Moscow, 2001.

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniiu, proiznosheniiu, literaturnomu redaktirovaniu* [Handbook of spelling, pronunciation, literary editing]. Moscow, 1999.

Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Glossary of linguistic terms]. 2nd ed, Moscow, 1976.

Rudnev A. G. *Sintaksis sovremenno russkogo iazyka* [The syntax of modern Russian]. Moscow, 1968.

Russkaia grammatika [Russian grammar]. Vol. I. Moscow, 1980.

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo iazyka: Uchenie o predlozhenii i o slovosochetaniiax* [Russian Syntax. e Teaching on the sentences and phrases]. L., 1925.

Shapiro A. B. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Moscow, 1961.

Shvartskopf B. S. [Norm codified in written language]. *Kul'tura russkoi rechi i èffektivnost' obshcheniia* [Russian speech culture and effectiveness of speech communication]. Moscow, 1996. (In Russ.)

Solov'ev N. V. *Russkoe pravopisanie. Orfograficheskii spravochnik* [Russian spelling. Handbook]. SPb., 1997.

Temiz Ia. V. *Sekrety russkoi orfografii. Spravochnik* [Secrets of Russian spelling. Reference]. Moscow, 1999.

Valgina N. S., Rozental' D. E., Fomina M. I. *Sovremennyi russkii iazyk*. [Modern Russian language]. Moscow, 2002.

Valgina N. S., Svetlysheva V. N. *Orfografiia i punktuatsiia. Spravochnik*. [Spelling and punctuation. Handbook]. Moscow, 1993.

Vepreva I. T. [About codified norm in contemporary cultural speech situation: the norm and fashion]. *Russkii iazyk segodnia* [Russian language today]. 4. Moscow, 2006. (In Russ.)

Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka* [Grammatical Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1977; Ed.3 Moscow, 1987.

Zemskaja E. A. [On a new model in the Russian word formation (can prefix be combined with suffixes?)]. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sb. statei v chest' E. V. Paduchevoi* [Dynamic models. Word. Sentence. Text. Sat of articles in honor of EV Paducheva]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Zemskaja E. A. *Slovoobrazovanie kak deiatel'nost'* [Word formation as an activity]. Ed.4. Moscow, 2009.

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

galinak03@gmail.com

ЗАМЕТКИ О РЕФЛЕКСИВНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ*

На материале глаголов перемещения, ментальных, эмоций и речи рассматриваются значения, которые возникают в конструкции «глагол + рефлексив *себя*».

У глаголов физического действия в исходных значениях есть варианты зависимой именной группы: некорреферентная (*Он [X] приблизил лицо к стеклу [Y]*) vs. корреферентная (*Он [X] приблизил к себе [X] свечу*), в некоторых метафорических значениях употребляется только корреферентная именная группа: *Императрица приблизилась к себе фаворита*.

У ментальных глаголов в контексте рефлексива могут возникать идиоматические значения: *думать только о себе* ('быть эгоистом'), *себя не забывать* ('стараться получить выгоду при выполнении служебных или общественных обязанностей'). У глаголов речи в контексте рефлексива изменяются условия успешности речевого акта: *Он сказал себе* не значит 'сообщил себе неизвестную ранее информацию'.

Ключевые слова: глагол, возвратное местоимение (рефлексив), возвратная конструкция, фразеологический оборот.

Основной проблемой изучения возвратного местоимения *себя* (далее — ВМ или рефлексив) является проблема корреферентности: если референт дополнения или другого участника ситуации совпадает с референтом подлежащего, он может (а во многих случаях — должен) быть обозначен ВМ *себя*: *Маргарита намазала себя (= Маргариту) кремом*, ср.: *Наташа намазала Маргариту кремом*.

Правилам употребления ВМ *себя* в предложении посвящено мно-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507. Все литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (в тексте — Корпус).

жество работ (см., например, [Падучева 1985: 180–209], [Тестелец 2001: 317–359] с дальнейшей библиографией). Мы не хотим углубляться в существующую в лингвистической литературе полемику по поводу того, является ли употребление ВМ *себя* результатом замены существительного в процессе преобразования глубинной структуры в поверхностную или его употребление регулируется правилами, не апеллирующими к таким преобразованиям. Для нас важен лишь факт существования некоторой парадигмы возможных номинаций объекта — существительное, анафорическое местоимение, возвратное местоимение, — из которой выбирается ВМ *себя*, а также факт кореферентности ВМ с подлежащим (или другим семантическим субъектом).

При этом по умолчанию считается, что употребление местоимения (в том числе рефлексива) вместо (на месте) существительного никаких семантических изменений не влечет и влияет лишь на правила «вычисления» референта.

Между тем ВМ *себя* занимает в русском языке особое положение и существенно отличается от других субстантивных местоимений. С ВМ *себя* исторически связан возвратный показатель *-ся*, участвующий в залоговых преобразованиях, актантной деривации и подобных процессах, которые в других языках могут выражаться грамматическими показателями.

Соединение глагола с возвратным показателем не всегда отличается композиционностью: так, например, глагол *мыться* можно считать соответствующим сочетанию ‘мыть себя’, однако *кусаться* (*Собака кусается*) и *гнуться* (*Проволока гнется*) нельзя эксплицировать как ‘кусать себя’ или ‘гнуть себя’. Т.е. многие возвратные глаголы являются идиоматичными (некомпозиционными) в том смысле, что нет единого — композиционного — семантического разложения для всех таких глаголов. В то же время существуют большие группы возвратных глаголов, которые реализуют более или менее одинаковую семантическую модель, — например, декаузативы (*форточка открылась*, *чашка разбилась* и т.п.). Т.е. в сфере возвратных глаголов имеются системные подгруппы, в значении которых обнаруживается определенная модель.

Сфера конструкций «глагол + рефлексив *себя*» очевидным образом связана с рефлексивными глаголами, однако ситуация здесь выглядит намного проще. С одной стороны, есть сочетания «гла-

гол + рефлексив *себя*», ср. *ушибнуть себя*, *облить себя холодной водой*, *намазать себя кремом*, *подвинуть к себе чашку*, *заказать себе ужин*, которые считаются свободными, т.к. *себя* мыслится как результат механической замены существительного на ВМ (в других терминах — механического выбора ВМ) по правилу кореферентности и никаких семантических изменений в глаголе или в конструкции в целом как будто бы не вызывает, ср.:

От самого сознания, что великая Плисецкая спит на моей кровати, подступили слёзы. Я осторожно накрыла её пледом [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

Нашла кусок обшивки самолета и приделала к креслу крышу, накрыла себя чехлами с кресел, чтобы не терять тепло [Труд-7, 2001.08.09].

С другой стороны, есть полностью идиоматизированные сочетания (фраземы), которые являются предметом словарной фиксации, — *вести себя*, *прийти в себя*, *выйти из себя*, *взять себя в руки*, *держать себя в руках*.

В настоящих заметках мы хотим показать, что это неоправданное упрощение и реальная ситуация намного сложнее:

(1) конструкции с ВМ практически не бывают эквивалентными конструкциям с некорреферентными актантами, ВМ — в большей или меньшей степени — влияет на интерпретацию конструкции;

(2) ВМ отражает изменения в соответствующей глаголу ситуации, а в результате изменения ситуации происходят изменения в семантике глагола;

(3) ВМ может стать единственно возможным распространителем глагола, т.е. данное значение реализуется только в контексте ВМ, — тем самым возвратная конструкция в той или иной степени фразеологизуется (превращается во фразему); причем в словарях эти случаи, за исключением «явных» фразеологизмов типа *прийти в себя* или *взять себя в руки*, не отражаются;

(4) между крайними полюсами — свободными сочетаниями глаголов с ВМ и фраземами — находится большой массив глагольных значений, многие из которых имеют системный характер и реализуют определенные семантические модели, подобно группам возвратных глаголов.

Прежде чем перейти к обзору материала, договоримся о терминах. Конструкцию «глагол + возвратное местоимение *себя*» будем

называть рефлексивной (или возвратной) конструкцией. Для простоты мы будем называть возвратными конструкциями любые сочетания глагола с ВМ — как свободные, ср. *уцупнуть себя*, так и полностью фразеологизованные, ср. *вести себя* (как). Ситуацию, обозначаемую такой конструкцией, т. е. ситуацию с кореферентными участниками, выполняющими разные роли, будем называть рефлексивной (или возвратной) ситуацией — в отличие от стандартной ситуации, у которой все участники некорреферентны. Особое значение, возникающее в рефлексивной конструкции, т. е. возникающее у глагола в контексте рефлексива *себя*, будем называть рефлексивным (или возвратным) значением — в отличие от стандартного значения, реализуемого в контексте существительного.

Проиллюстрируем этот процесс развития особых значений глаголов в контексте ВМ на примере трех групп глаголов — метафорических значений глаголов физической сферы (глаголов каузации перемещения объекта), глаголов внутренней сферы (ментальных и эмоциональных) и глаголов речи.

Чтобы сузить материал, введем следующие ограничения: (1) будут рассматриваться только предложения с личными подлежащими, ср. *Услышав вой бомбардировщиков, женщина прижала к себе ребенка*, и не будут рассматриваться примеры с неличным подлежащим, ср. *Экспонат неизменно привлекает к себе внимание посетителей* (этому материалу посвящена отдельная работа); (2) хотя ВМ сочетается не только с глаголами (ср. *доволен собой*), будут рассматриваться только глагольные сочетания.

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ФИЗИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Начнем рассмотрение процесса «рефлексивной фразеологизации» с глаголов физического действия в «нефизических» производных значениях.

Мы берем именно нефизические (производные, метафорические) значения, поскольку в значениях, связанных с физическими ситуациями, кореферентность двух участников («замена» существительного на ВМ) (1) либо не оказывает заметного влияния на интерпретацию ситуации и значение глагола (*отодвинул стул от стола — отодвинул стул от себя*); (2) либо приводит не к из-

менению значения глагола, а к «невозможной» ситуации: *подбросил себя*, (3) либо же рефлексивная ситуация обозначается не возвратной конструкцией, а возвратным глаголом, ср: *Спрятал ребенка в шкаф — *Спрятал себя в шкаф — Спрятался в шкаф**.

Рассмотрим ситуации и глаголы каузации перемещения (а именно — приближения-удаления) объекта, у которых возвратное местоимение может обозначать актант с ролью ориентира:

Х (Субъект) *придвинул / приблизил / прижал* Y (Объект) к Z (Ориентир)

Х (Субъект) *отодвинул / отстранил / оттолкнул / отбросил / прогнал* Y (Объект) от Z (Ориентир).

В исходных значениях, соответствующих физической ситуации, ориентир может выражаться как существительным, так и ВМ *себя*, т. е. может быть и некорреферентным, и кореферентным. Назовем такой ориентир альтернативным:

борец прижал противника к коврику — мать прижала ребенка к себе;

придвинуть стул к стене — придвинуть стул к себе;

приблизить лицо к стеклу — приблизить к себе свечу;

оттолкнуть ребенка от края обрыва — оттолкнуть противника от себя;

знать собаку от крыльца — знать всех от себя (Он *знал* всех *от себя* и метался с места на место [Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)]).

Однако в некоторых переносных значениях Ориентир может выражаться только рефлексивом — назовем его безальтернативно-корреферентным**.

Например, в одном из метафорических значений *приблизить* возможен только кореферентный ориентир:

И хотя после войны Сталин явно приблизил к себе ленинградскую группу — Жданова, Кузнецова, Вознесенского и других, — теперь он «сдал» их Маленкову и Берии [«Наука и жизнь», 2008]; *Как и раньше, он, скорее, рассчитывал на то, что, повысив и приблизив к себе несколько человек, сможет компенсировать слабости*

* Фразеологизация сочетаний «глагол + себя», вообще говоря, зависит не только от того, физическая ситуация или нефизическая, но и от того, обозначает ли *себя* тело или «душу» (личность).

** Разумеется, у глагола может быть несколько производных значений, мы берем только те, в которых происходит фразеологизация в контексте ВМ.

остальных и решил проблему [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)]; ср. также: Императрица **приблизила к себе** фаворита, но: [?]Канцлер **приблизил фаворита к императрице**.

В ситуации «гнать» («пытаться избавиться») с личным объектом и личным ориентиром — *гнать кого от кого* — ориентир может быть как «внешний»: *Мать в одном из своих болезненных кризисов опять взволнована моей преждевременной развитостью; и гонит меня от взрослых* [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)], так и кореферентный (сам субъект): *Он был старше меня лет на десять, я не мог поэтому гнать от себя фальшивого, масленого, гаденького человечка* [Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002]; *Гоните от себя людей, которые поступают с вами плохо, причиняют вам боль* [«Вечерняя Москва», 2002.12.19] — ‘X воздействует на Y-а с целью прекратить контакт Y-а с ориентиром Z (в случае кореферентности — с ориентиром X)’.

Однако в контексте ментального объекта (*мысли, страхи, надежды* и т. п.) возможен только кореферентный ориентир: — *Дарья Ивановна, гоните от себя эти мрачные мысли!* [И. Грекова. Перелом (1987)]; *И теперь они долгих полгода будут мучительно ждать разрешения своих сомнений — волноваться, обсуждать, беспокоиться, строить робкие планы, гнать от себя надежду, которая может обернуться разочарованием?* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001], в Корпусе встречаются также контексты: *гнать от себя горькие думы, дурные предчувствия, страх, неприятные ощущения*. Т.е. если, например, собаку можно гнать и от себя, и от крыльца, человека — и от себя, и от другого человека, то мрачные мысли (страхи, надежды и т. п.) — только от себя, ср. **гнать от ребенка мрачные мысли*.

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение механизмов превращения альтернативного ориентира, допускающего выбор между существительным и ВМ, в безальтернативно-кореферентный ориентир, обозначаемый исключительно возвратным местоимением (этому посвящена специальная работа). Нам важно отметить общую тенденцию формирования производных значений, которая действует в языке и которая обычно остается в тени, поскольку связана с местоимениями.

Местоимения (в том числе возвратные) обычно не рассматриваются как фактор семантической деривации, т.е., как кажется, не мо-

гут влиять на значение глагола, поскольку являются незначительными словами.

В самом деле, значение предикатной лексики меняется потому, что слово начинает применяться к другой ситуации, имеющей, по мнению говорящих, сходство или связь с исходной ситуацией (см. [Кустова 2004: 52–58]). Если отвлечься от внеязыковой реальности и рассматривать этот процесс на уровне языка, то изменение значения предикатных слов выражается, в частности, в изменении сочетаемости (нарушении сочетаемостных ограничений), ср. *вода кипит* vs. *страсти кипят*, *охладить напиток* vs. *охладить чей-л. пыл*; *стучать палкой по забору* vs. *стучать на соседей* и т. д. (метафорический сдвиг) — или в перестройке коммуникативной структуры значения (см. [Падучева 2000]), ср. *места тротуар метлой* — *новая метла чисто метет* (метонимический сдвиг).

Нас интересует первый случай, когда происходит взаимодействие значений предиката и его распространителей и значение предиката приспосабливается к новому контексту. Но это приспособление происходит, как принято считать, только под влиянием знаменательной (полнозначной) лексики, местоимения в этом процессе не участвуют, т.к. у них нет собственного лексического значения, и на это «место» в семантической структуре мысленно «подставляется» значение замещенного существительного, соотношенное с соответствующим референтом.

В это — в целом правильное — рассуждение необходимо внести поправку: к возвратному местоимению это не относится, т.к. контекст ВМ меняет характер ситуации и тем самым влияет на значение предиката, обозначающего эту ситуацию.

Разумеется, ситуация меняется не потому, что мы употребили ВМ, наоборот, мы употребляем ВМ, потому что ситуация изменилась. Суть изменения ситуации — в кореферентности субъекта и одного из второстепенных участников, и ВМ об этом сигнализирует. Т.е., в отличие от других анафорических местоимений, которые обслуживают лишь механизмы развертывания текста и вычисления референтов именных групп, возвратное местоимение сообщает также, что речь идет об особой — возвратной — ситуации.

Возвратная ситуация — это модификация стандартной ситуации. Ситуация совпадения (референциального тождества) субъекта и объекта; субъекта и ориентира; субъекта и бенефактива; субъекта

и адресата и т. д. отличается от стандартной ситуации, т. е. ситуации с нетождественными участниками. В некоторых случаях различия между стандартной и возвратной ситуацией кажутся несущественными и не учитываются или даже вовсе не замечаются, но они все равно есть. Действие, направленное на внешний объект, отличный от субъекта, и действие, «направленное на себя» (если воспользоваться формулировкой из школьной грамматики), т. е. воздействие на собственное тело или сознание, не могут быть полностью идентичны. Даже если денотативно такие ситуации кажутся одинаковыми, прагматически, на уровне следствий и т. д. они различаются: если вы накрыли пледом кого-то, то тепло ему, а если вы накрыли пледом себя, то тепло вам, и это не одно и то же, ср. также *облить кого-то водой* — *облить себя водой* и т. п. В других случаях попытка «преобразовать» стандартную ситуацию в возвратную меняет ее настолько существенно, что возвратная ситуация вообще оказывается труднопредставимой, т. е. для таких сочетаний не находится подходящих интерпретаций: **подбросил себя*; **приютил себя*.

Поэтому контекст ВМ в принципе создает почву для семантических изменений, хотя они и не всегда происходят.

Таким образом, «обычные» местоимения, как правило, не являются фактором изменения значений, а возвратное, напротив, является таким фактором. Однако в лексикографической практике этот фактор начинает учитываться, главным образом, тогда, когда уже окончательно сформировался фразеологизм типа *прийти в себя*. В промежуточных фазах этот фактор не учитывается. В частности, в словарях не принято указывать, что какой-то актант выражается только возвратным местоимением, особенно если его выражение синтаксически не обязательно (как в случае ориентира в конструкциях типа *гнать от себя что*, *отталкивать от себя кого*, *приближать к себе кого*). Между тем глагольных значений, у которых один из актантов выражается только ВМ, очень много, и они, несомненно, представляют собой системное явление в русском языке.

ВНУТРЕННЯЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА

Теперь обратимся к внутренней сфере человека, а именно — к ситуациям, которые обозначаются эмоциональными и ментальными предикатами.

Эмоциональная и ментальная лексика устроена существенно иначе, чем лексика физической сферы. Во-первых, эмоциональным и ментальным глаголам вообще не свойственна метафоризация, т. е. «удаление» значения от исходной физической ситуации в сферу интерпретационности, — у них совершенно иной тип многозначности по сравнению с предикатами физического мира [Кустова 2004: 211–336]. Во-вторых, характер ситуации при замене «обычного» объекта на кореферентный у таких глаголов часто не меняется:

— *Вы за Протопопова не беспокоитесь! Вы за себя беспокоитесь!* [Сергей Довлатов. Записные книжки (1990)]; *Иван развел руками и взглянул на стоявших позади себя мужиков и баб, но все молчали: боялись за себя* [Г. М. Марков. Строговы (1936–1948)],

ср.: *Родители беспокоились за Генриха* — *военный лётчик!* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]; *В 1937 году ему было за пятьдесят. Он очень боялся за своих близких* [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

Если не учитывать тонкие различия в семантике *беспокоиться* и *бояться*, речь идет о следующей ситуации:

‘X допускает, что в будущем с Y-ом / с X-ом может произойти нежелательная ситуация Р (что-то плохое)’;

‘X испытывает в связи с этим отрицательную эмоцию’.

Т. е. в предложениях с рефлексивом, с другим местоимением или с существительным речь идет об одной и той же ситуации, имеющей те же компоненты — ментальный (предположение) и эмоциональный.

Аналогичным образом устроены предложения с глаголами типа *злиться* / *сердиться/досадовать на кого*, — с той разницей, что у таких глаголов статус ментального компонента — не предположение, а знание (факт):

И я злюсь на себя за то, что звоню ей в рабочее время, что у нее могут быть неприятности [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]; — *Соленые, — буркнул он, сердясь на себя за то, что затеял весь этот нелепый разговор* [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)]; *Чувствовалось, что он досадовал на самого себя за то, что не настоял на необходимости выполнить принятое решение* [Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)];

ср.: *Видно было, что она всё ещё злится на меня за то, что я их*

не пустил в пятый «А» [Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)]; *Ирина не могла долго сердиться на внучку* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]; *Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала и смущала* [И. С. Тургенев. Ася (1858)].

Чтобы понять, почему не происходит взаимодействия предиката и ВМ, рассмотрим сначала такое явление, которое можно назвать «эффект внешней связи».

Есть случаи, когда подлежащее и ВМ синтаксически связаны с одним и тем же предикатом, назовем такие конструкции монопредикатными, а связь в них ВМ с предикатом — внутренней:

— *Пропал совершенно сон!* — *сказал Чичиков, закутал голову в подушки и закрыл себя всего одеялом, чтобы не слышать ничего* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]; *Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)].

Иначе устроены конструкции, которые можно назвать бипредикатными:

Он уведомил меня также и о других тенях, которых мы видели в ужасном храме, потом пошёл к своей гробнице; пришедши, в оную лёг и приказал мне закрыть себя [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)]; *Неаполитанские академики не позволяют столь наглým образом обманывать себя* какому-то иностранцу [К. Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)].

Такие конструкции являются результатом преобразования, стяжения, «подъема», в действительности подлежащее, вызывающее кореферентность и требующее ВМ, и само ВМ относятся к двум разным предикатам: подлежащее — к подчиняющему предикату, а ВМ — к подчиненному:

‘Он приказал, чтобы я закрыл ЕГО’ (а не себя);

‘Они не позволяют, чтобы иностранец обманул ИХ’ (а не себя).

Никакой связи ВМ с подчиняющим предикатом (**приказал себя*, **позволил себя*) нет, поэтому и никаких семантических изменений с глаголом в таком контексте под влиянием ВМ произойти не может. Однако и связи *закрыть себя*, *обмануть себя*, как в предыдущей группе примеров, строго говоря, тоже нет, — это синтаксическая видимость, за которой скрывается ‘закрыть его’, ‘обмануть их’.

Если обратиться к нашему исходному тезису, что ВМ может

влиять на семантику глагола, то очевидно, что в бипредикатной конструкции такого влияния не возникает, т.к. ни у подчиняющего, ни у подчиненного глагола нет «настоящей» связи с ВМ. Такую фиктивную связь глагола с ВМ будем называть внешней, — в отличие от внутренней связи, как в примерах типа *закрыл себя одеялом* или *не надо обманывать себя*, где действие субъекта действительно «направлено» на него самого.

В случаях типа *беспокоиться за себя* или *злиться на себя* также возникает эффект внешней связи. У таких глаголов вторая валентность исходно соответствует пропозициональному актанту, и конструкции с личным дополнением — результат «стяжения», или, если угодно, расщепления, когда на месте пропозиционального актанта метонимически употребляется лишь именная группа из подчиненной пропозиции, ср: *Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю* — в первом случае (*досадовал на откровенность Гагина* = ‘на то, что Гагин был откровенен’) глагол подчиняет событийное существительное, во втором — личное (*досадовал на Асю*), но за ним тоже скрывается пропозиция. Содержание этой пропозиции может оставаться неизвестным, как в приведенном примере, а может раскрываться, ср. *она всё ещё злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А»*.

Эта синтаксическая перестройка не влияет на исходный смысл, валентность глагола по-прежнему заполняется пропозициональным актантом, и прямого взаимодействия предиката с ВМ *себя* не возникает — семантически глагол не вступает ни в какие отношения с ВМ (которое, по существу, находится в другой пропозиции), хотя формально глагол и ВМ находятся в рамках одного предложения:

Х беспокоится / боится за себя = ‘Х беспокоится / боится, что с ним произойдет что-то плохое’;

Х злится / досадует на себя = ‘Х злится / досадует на то, что он сделал что-то нежелательное’.

Здесь не возникает новой ситуации, как в случаях метафорического употребления физических глаголов типа *приблизить к себе* или *оттолкнуть от себя*.

По той же причине контекст ВМ *себя*, как правило, не вызывает семантических изменений в ментальных глаголах — у них тоже есть пропозициональный актант, и референт ВМ находится как бы «за границей» — в подчиненной клаузе:

Х считает себя храбрым = 'Х считает, что он храбрый'.

Однако в сфере эмоциональных и ментальных предикатов все-таки есть случаи фразеологизации в контексте ВМ, причем на них влияют не только семантические, но и этические факторы.

Например, в сфере эмоциональных предикатов примером фразеологизации может служить конструкция *не жалеть (не жалея) себя*.

У глагола *жалеть* есть «стандартное» употребление, которое обозначает внутреннее состояние или отношение человека к другому человеку или к самому себе:

Помню, иду по Арбату и жалею себя: «Зачем мне эта музыка?» [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]; — *Самое главное — не впадать в отчаяние, не жалеть себя* [И. Грекова. Перелом (1987)].

Особое идиоматическое значение *не жалеть себя* (часто в форме деепричастия *не жалея себя*) связано, на наш взгляд, с употреблением типа *не жалеть денег на что* ('щедро / много тратить'); *не жалеть солдат при штурме* ('посылать солдат на штурм не считаясь с потерями'), которые не только, а иногда и не столько характеризуют состояние субъекта, сколько являются характеристикой деятельности. Оборот *не жалеть (не жалея) себя* не просто характеризует деятельность субъекта, но становится показателем ее высокой интенсивности (*работать не жалея себя; сражаться, не жалея себя*): *Их предки, в большинстве своем блестящие люди, не жалея себя, служили Отечеству* [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)]; *Работал взахлеб, не жалея себя, по восемнадцати часов в сутки, непрерывно глотая кофе и дымя сигарой* [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)].

Особый смысл оборота *не жалея себя* базируется на определенных моральных представлениях, связан с картиной мира, в которой эгоизм считается недостатком, а самопожертвование — добродетелью (в такой картине мира человек должен любить ближнего и ставить интересы других людей выше собственных).

Эта идеальная картина сосуществует с альтернативной («приземленной»), отражаемой в сентенциях типа *Своя рубашка ближе к телу; Сам себя не похвалишь — никто тебя не похвалит* и под. Тем не менее именно идеальная картина является нормой (ориентиром, точкой отсчета) при формировании значений языковых выражений типа *не жалеть себя*. Даже если не брать фразеологических

оборотов, фразы типа *Он всегда прежде всего беспокоится о себе; Ты слишком жалеешь себя; Подумать только, как он себя любит* с прагматической точки зрения не являются нейтральными, хотя здесь вряд ли можно говорить об изменении значения глагола*.

Распределение оценок в оборотах, возникших на базе ментальных глаголов, — *думать о себе (Подумай, наконец, о себе!); не думать о себе; Он думает только о себе* — отражает ту же идеальную картину мира и идеальную (идеалистическую) модель человека.

В том же ряду находятся ментальные глаголы *помнить (не помнить)* и *забыть (не забывать)*, для которых, в силу их семантики, стандартная интерпретация с рефлексивом в винительном падеже затруднена и у которых при кореферентности субъекта и объекта меняется характер ситуации. Эти глаголы в сочетании с рефлексивами развивают две группы значений.

Одна группа значений связана с психическим состоянием: *Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)]; *Что говорила, что делала, себя не помнила* [А. Н. Островский. Гроза (1860)]; *Дальше просто себя не помню, как человек, оглушенный дубиной* [Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви (2001) // «Новый Мир», 2003]; *С ней это изредка вообще бывало: обычно тихая, спокойная и доброжелательная, она могла впасть в такую ярость, что себя не помнила* [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]; *Что ты? Аль себя не помнишь? Забыл, с кем говоришь?* [А. Н. Островский. Гроза (1860)] (ср. интерпретационный глагол *забываться*: *Вы забываетесь!*); *Я в день своей свадьбы от страха себя не помнил* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]. Такое значение реализуется именно в контексте рефлексива, ср.: *Я в день своей свадьбы от страха невесту не помнил*.

Другая группа значений связана с социальной оценкой поведения человека, который думает о собственной выгоде или, наоборот, о благе окружающих, — эта оценка апеллирует к той же картине

* Аналогичная тенденция прослеживается на уровне значений отдельных слов: *себялюбие* — недостаток. Многие сложные слова на *само-* (за которым исходно стоит *себя*) также включают отрицательную оценку, ср. *самомнение* (неоправданно высокое мнение о себе), *самоуверенность* (неоправданно большая уверенность), *самодовольство*.

мира, что и интерпретация оборотов *думать / не думать о себе; жалеть / не жалеть себя*.

Эгоистичное поведение связано если не с явно отрицательной оценкой, то, во всяком случае, со скрытым неодобрением: *В мутной воде привольней будет жить, легче распределять блага, да и себя не забудем, под шумок можно очень даже неплохо продвинуться в Очереди — из двухкомнатного кооператива, скажем, в новостройке быстренько перебраться в пятикомнатную в центре* [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]; *Так мы и расстались на Эльгене с Тоськой, которая и ребенку райскую жизнь обеспечила, и про себя не забыла* [Александра Берцинская. Тоська Пепеляева // «Огонек». № 13, 1991, 1991]; *Собирая дань с местного населения, они и себя не забывали* [Александр Алексеев. Как казаки в Сибири ясак собирали // «Наука и жизнь», 2009];

альтруистичное поведение связано с положительной оценкой: *Переключите свои мысли, забудьте о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии своими колючими токами* [Конкордия Антарова. Наука радости (2002) // «Семейный доктор», 2002.01.15]; *Конт ввел понятие альтруизма: «Жить для других, забыть о себе»* [Юрий Безелянский. В садах любви (1993)]; *Если когда-нибудь придет такое время, когда ты забудешь о себе и будешь думать только о том, кого ты любишь, а он, в свою очередь, будет думать только о тебе, — тогда, теоретически, ты испытываешь настоящее счастье* [Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)]; — *Каждый человек должен меньше всего помнить о себе и больше о других* [Владимир Железников. Каждый мечтает о собаке (1966)].

Интересно, что «эгоистический» оборот *себя не забыть* («не упустить своей выгоды») отмечается в толковых словарях в зоне фразеологизмов, а «альтруистический» *забыть о себе* нигде не фиксируется.

Наконец, есть обороты *представить себе, вообразить себе* (а также более разговорные типа *напридумывать себе*), которые в словарях также не фиксируются. Соответствующие значения глаголов *представить, вообразить* даются как свободные; при этом не упоминается, что они допускают только контекст ВМ себе, которое обычно факультативно, но единственно возможно в смысле выбора из разных местоимений и существительных, ср.: **вообразил мне, *вообразил маме*, ср. также просторечный оборот *Что он себе думает!*

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Наконец, последняя группа глаголов, к которой мы обратимся в нашем обзоре, — глаголы речи. В русском языке класс глаголов речи насчитывает сотни единиц, однако в качестве иллюстрации процессов, вызываемых рефлексивом *себя*, мы сможем упомянуть лишь некоторые.

Прежде всего, нормальная коммуникация имеет «внешнюю» сторону — устную или письменную передачу сообщения. В автокоммуникации эта важная сторона речи пропадает (автоадресованное высказывание, конечно, можно произнести вслух, однако это совершенно не обязательно). Но не в этом главная особенность автокоммуникации. Фундаментальным свойством нормальной коммуникации является нетождественность (некорреферентность) субъекта и адресата, и именно эта фундаментальная характеристика оказывается нарушенной в автокоммуникации, что влечет множество семантических, прагматических и иллюкутивных следствий.

В принципе, глаголы речи близки к ментальным и эмоциональным глаголам в том смысле, что они также могут иметь пропозициональный актанта (содержание речи: *сказал, что Р; приказал, чтобы Р* и т. д.) и включать эмоционально-оценочный компонент (*ругать, упрекать* и т. п.). Однако, в отличие от «внутренних» предикатов, речь имеет иллюкутивный аспект. Речь — это действие, которое говорящий производит с определенной целью. Каждый тип речевого акта предполагает целый ряд условий успешности (см. [Падучева 1985: 25]) — предварительные условия, условия искренности и т. п., формулировки которых не просто включают понятия говорящего и адресата, но и предполагают несовпадение говорящего и адресата. Так, в сообщении говорящий считает, что адресат не располагает информацией Р и хочет ввести ее в общее поле зрения (или хотя бы актуализировать — впрочем, тогда это скорее будет напоминание); в побуждении говорящий хочет, чтобы адресат совершил действие, и своим речевым актом пытается добиться этого от адресата; в вопросе говорящий не имеет некоторой информации, предполагает, что адресат ее имеет, и хочет получить эту информацию от адресата.

Очевидно, что при совпадении говорящего и адресата все эти предположения и условия нарушаются: что говорящий может сообщить себе как адресату такого, чего он уже не знал бы до этого?;

зачем пытаться заставить себя совершить какое-то действие с помощью речевого акта, если можно совершить его просто так?; зачем задавать себе вопрос, если не знаешь ответа (и наоборот: зачем задавать себе вопрос, если знаешь ответ) и т.д. Хотя все важнейшие условия успешности речевых актов при автокоммуникации рушатся, тем не менее глаголы речи в сочетании с ВМ *себя* вовсе не становятся бессмысленными. Это означает, что происходит перестройка исходной прототипической ситуации речи, что позволяет глаголу речи продолжать функционировать и что-то выражать.

Начнем обзор возвратных конструкций с глаголами речи с общений (утверждений).

Глагол *сказать*, будучи «немаркированным» глаголом речи, своего рода примитивом, не имеющим дополнительных характеристик и спецификаций (ср. *сообщить*, *поведать*), в режиме внутренней речи (в режиме автоадресованности) может иметь самые разные интерпретации. Поскольку во внутренней речи отпадает компонент произнесения, акцент переносится на пропозициональное содержание — мысль. Поэтому глагол речи может выступать как синоним ментальных глаголов. Ведь то, что человек говорит, он как бы актуализирует — и не только для адресата, но и для себя. А то, что человек думает, он тоже актуализирует — ведь в разные моменты времени он «думает» разные мысли. Поэтому корреляция нейтрального глагола речи *сказать* с нейтральным ментальным глаголом *подумать* является естественной. Но не единственной. Так же как в «обычном» речевом режиме *сказать* в силу своей нейтральности и универсальности имеет более широкий диапазон сочетаемости с разными типами речевых актов, чем более «маркированные» глаголы (ср.: *Пройдемте, пожалуйста*, — *сказал* / *предложил* / *попросил* *Х*; *Значит, они уже уехали*, — *сказал* / *решил* *Х*; *Зачем ты так*, — *сказал* / *обиделся* *Х* и т.д. А предложение «*Что он сейчас сказал?*» вообще может относиться к любому речевому акту), так и в режиме внутренней речи *сказать* может ассоциироваться (и как бы синонимизироваться) с разными ментальными предикатами.

В простейшем случае *сказать себе* приблизительно соответствует 'подумать', но в зависимости от контекста и содержания речи (в данном случае — мысли) возможны и другие корреляции: *Теперь надо возвращаться домой*, — *сказала себе* *Таня* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый

Мир», 2000] ≈ 'подумала'. Во многих случаях в качестве рамки для пропозиционального содержания подходит также предикат *решишь*, ср.: *Теперь надо возвращаться домой*, — *решила* *Таня* (этому способствует лексическое наполнение, в частности — смысл 'надо'); ср. также: «*Будь что будет!*» — *сказал себе* *Рубахин*, *быстро изготавив автомат к бою* [Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)] ≈ 'подумал, решил'; *Часть лекарств* *Марина* *израсходовала на* *Виталию Гордеевну* *и её соседей*, *но затем, сказав себе «стоп!»*, *припрятала кое-что и, как впоследствии выяснилось, не напрасно припрятывала* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)] — *сказала себе «стоп!»* ≈ 'запретила себе что-то делать, приказала себе остановиться'; *И сейчас вот солдатик тайно надеялся, что встретит ту девушку на перроне и уж непременно с нею заговорит, хотя опять же заговорит ли, решится ли, положительно сказать себе не мог* [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)] ≈ 'не мог понять, будет ли Р; не мог предположить; не был уверен, что решится на Р'; *Если всё исчезнет, можно сказать себе, что ты и не ожидал ничего такого...* [Фазиль Искандер. Путь из варяг в греки (1990)] ≈ 'можно считать, что Р; можно утешаться тем, что Р'.

Усложненной разновидностью сообщения можно считать случаи, когда глагол речи включает дополнительные характеристики состояния субъекта и/или содержания сообщения: *признаться*, *повиниться*, *открыться*, *покаяться* — сообщить ранее скрываемую информацию, которая, возможно, нежелательным образом характеризует говорящего или других лиц. Из этих глаголов в контексте ВМ в Корпусе встретились *признаться* и *покаяться*:

Наконец она призналась себе, что больше всего Савелий нужен ей! [Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)]; *Но вы не хотите даже себе признаться в этом* [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002]; *Не потому, что человечество способно заблуждаться и «авангарду» следует тут же собственной гибелью указать правильный путь и оставить о себе светлую память; я не смог покаяться перед самим собой в собственном появлении и существовании и, раскаявшись, прекратить это существование* [Сергей Роганов. Номо mortem (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.10.12]; *Я знал, что ему будет тяжело и неловко после моего ухода, но пусть пораздумает, пусть поразмыслит и покается перед собою* [Д. А. Фурманов. Из дневников (1926)].

Во внутренней речи *признаться* обычно относится к ситуациям нежелательным, неприятным, о которых не хочется думать:

Тайное честолюбие, в котором он сам боялся себе признаться, снесло его: он сам надеялся быть директором [Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)]; *Сложно самому себе признаться в том, что все, чему посвятил свою жизнь, свою идею, которую тащил на своих плечах, все это, оказывается, мало кому нужно* [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]; *А года три назад, когда мама впервые поручила ему зарезать курицу, он очень гордился этим, и ему было совершенно не жалко курицу. А теперь становилось жалко, но он стыдился самому себе признаться в этом* [Фазиль Искандер. Чик и белая курица // «Знамя», 2000] ≈ ‘признать, смириться с мыслью, что Р; посмотреть правде в глаза’.

Если в стандартной речевой ситуации признания главное для субъекта — преодолеть внутреннее сопротивление и сообщить другому человеку информацию, которую по каким-то причинам сообщать не хочется, то в ситуации автоадресации, когда говорящему=адресату эта информация известна, акцент переносится на компонент ‘признать’: говорящий должен признать, что имеет место (или что он совершил) нечто неприглядное, неодобряемое, признать свою ответственность, преодолеть желание выгораживать себя, преуменьшать свою вину. Что касается *покаяться*, то оно по значению близко к неречевым *раскаиваться, сожалеть*, и в ситуации внутренней речи легко становится их синонимом.

Другим типом усложнения сообщения можно считать речевые акты эмоционального воздействия на адресата (*ругать, бранить, упрекать, хвалить, благодарить* и под.): говорящий сообщает адресату свою оценку / эмоцию (одобрение / неодобрение) по поводу какой-либо ситуации Р и тем самым пытается воздействовать на волю/эмоции адресата — вызвать угрызения совести, предотвратить аналогичные действия в будущем — или, наоборот, в случае одобрения, поощрить аналогичные действия.

Ситуации *ругать, бранить, упрекать*, разумеется, не тождественны, тем не менее в них можно усматривать следующие общие компоненты (с некорреферентными участниками):

Х ругает/бранит/упрекает Y-а за Р:

(а) Х выражает отрицательную оценку Р

(б) Х пытается воздействовать на эмоции Y-а, вызвать раскаяние, сожаление о сделанном Р

(в) Х пытается воздействовать на будущее поведение Y-а.

В случае, когда говорящий и адресат — это одно лицо, основные характеристики соответствующих ситуаций, конечно, несколько видоизменяются:

На самом деле я ругал себя за ссору с физиком [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]; *Он выбежал опрометью из спальни и, крестясь, браня себя за малодушие, полетел босой и в одном нижнем к комнате гувернантки* [А. П. Чехов. Нервы (1885–1886)]; *«Браню себя, даже ненавижу себя за то, что болтала всякую ерунду (хотела произвести впечатление)»* [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)].

В режиме автокоммуникации основные параметры ситуации осуждения X-а за Р сохраняются, просто ситуация реализуется в варианте самоосуждения, самобичевания:

(а) оценка: X считает, что совершил предосудительное, нежелательное Р;

(б) эмоция: X испытывает раскаяние;

(в) «наказание»: X думает (напоминает себе) об этом, чтобы переживанием отрицательных эмоций наказать себя за Р.

Таким образом, хотя субъект и адресат в ситуациях типа *ругать (упрекать) себя* корреферентны, роли «осуждающего» и «обвиняемого» остаются противопоставленными, как и при некорреферентных участниках. Человек, который ругает или упрекает себя за что-то, берет на себя функцию социума, коллектива, внешнего «судьи». И такой речевой акт имеет важную моральную составляющую — осознание и признание своей вины или ответственности и переживание. Если в ситуации «ругать другого человека» говорящий лишь пытается достичь перлокутивного эффекта — заставить адресата почувствовать свою вину и раскаяние, то в случае «ругать себя» человек уже испытывает сожаление и раскаяние — собственно, это и есть основное содержание ситуации «ругать себя» — *раскаиваться, сожалеть, переживать из-за содеянного*.

Конструкция *спросить себя* в режиме внутренней речи передает размышления субъекта. Поскольку «внутренний» вопрос не рассчитан на ответ адресата, пропозициональный актанта глагола *спросить*, как правило, и не содержит таких вопросов, ответ на которые можно

получить только из внешнего источника, — например, странно звучат предложения: *Он **спросил себя**, как зовут того человека у окна / каким рейсом прилетает друг / кто звонил в два часа ночи*, — хотя в более мягкой форме такие вопросы вполне можно себе представить: *Он спросил себя: **интересно**, кто тот человек у окна?; Он спросил себя: кто **мог** звонить в два часа ночи?* Вообще же, задавая себе вопрос, человек, как правило, пытается не «узнать», а понять. Он пытается объяснить себе какие-то факты и решить какие-то проблемы, которые требуют размышления. Поэтому *спросить себя* в режиме автокоммуникации сближается с ментальными и эмоциональными глаголами: *То есть следовало **спросить себя**, где он бродил до сих пор и почему появился в харчевне только теперь* [Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)] ≈ ‘подумать над Р’, ‘попытаться понять’; *Но как, **спросил себя** Немировский, в диких горах можно овладеть десятками языков, стать знатоком греческого искусства и вообще — одним из образованнейших людей своего времени?* [«Знание — сила», 2003] ≈ ‘недоумевал’, ‘удивлялся’.

Есть еще своего рода риторический прием в построении текста — императив «*спросите себя, ...*». Эта конструкция встречается как в устной, так и в письменной речи, и ее пропозициональный актант также содержит некоторую проблему, странный факт, непонятную закономерность и т. п., над которыми предлагается подумать.

Наконец, глаголы побуждения в режиме автоадресации обозначают попытку человека заставить себя сделать что-то, чего делать не хочется; заставить себя смириться с нежелательной ситуацией; сдерживать какие-то проявления:

*Как всякий спортсмен, Честфилд оказался бездарным лицедеем и не смог скрыть своего скептицизма. Впрочем, доктор **приказал себе** этого не замечать* [Илья Бояшов. Путь Мури (2007)]; *Прежде чем позвонить в дверь, я собралась и **приказала себе**: не сморозь глупости, не хихикай, только «да» и «нет»* [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]; *Крячко сделал вывод о своем чрезмерном профессионализме, мешающем ему спокойно жить, и **приказал себе** смириться с неизбежным будущим* [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000–2004)].

Таким образом, глаголы речи в режиме автоадресации эксплицируют определенную модель человека: в его сознании, в его внутрен-

нем мире есть некая контролирующая инстанция, которая отдает команды, управляет (пытается управлять) правильным поведением, осуждает за неправильное поведение и поступки, вызывает отрицательное эмоциональное состояние; эта инстанция может иметь разные концептуализации — совесть, судья, контролер (ср. [Апресян 1995: 352–354]). Очень важно, что эта контролирующая инстанция именно разговаривает с человеком и с помощью речи управляет его поведением, волей, эмоциями и внутренними состояниями — в том числе, такими, которые считаются неконтролируемыми:

*Лег, укрылся одеялом и шинелью, **приказал себе** спать и... уснул* [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)]; *Или он теряет голову от Симы и снова должен идти по шатким мосткам необузданных чувств? «Не позволю!» — **внутренне приказал себе** Гири и разом выбросил из головы назойливые мыслишки о неизбежном опыте Симы* [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959–1963)]; *И Дмитрий Алексеевич с этого же дня **приказал себе** забыть и забыть о том, что он автор чего-то* [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)].

Итак, если в сфере предикатов физического мира «рефлексивные» значения возникали в рамках моделей метафоризации, то в сфере предикатов внутренней сферы человека и близких к ним речевых предикатов (т. е. предикатов с пропозициональным актантом) образование рефлексивных значений происходит скорее в рамках метонимических моделей — за счет перегруппировки компонентов, нейтрализации одних и акцентирования других.

Итак, между свободными возвратными конструкциями и возвратными фразеологизмами существует большая группа значений, которые можно назвать возвратными значениями и которые реализуются только в контексте возвратного местоимения *себя*.

Образование таких значений вызвано особым фактором, действующим в сфере семантической деривации, — контекстом возвратного местоимения. Разумеется, этот фактор не столь мощный, как влияние знаменательной лексики, но вполне системный — так же, как, например, образование возвратных глаголов. Таких «возвратных» значений, т. е. значений, которые реализуются только в контексте возвратного местоимения, довольно много, и они встречаются у глаголов разных семантических классов.

Безальтернативная связь с рефлексивом (т. е. ограничение на выполнение соответствующей валентности) часто остается в тени, т. к. во многих случаях ВМ синтаксически факультативно: можно сказать *гоните от себя дурные мысли*, а можно просто: *гоните дурные мысли*. Но важно то, что есть целый пласт предикатов, у которых одну из валентностей МОЖНО ВЫРАЗИТЬ ТОЛЬКО ВОЗВРАТНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ и никак иначе. Т. е. принципиальное отличие этих значений от «обычных» в том, что в определенной синтаксической позиции у данного предиката НЕЛЬЗЯ употребить существительное (или заменяющее его нерефлексивное местоимение).

Этот тип значений, — которые мы условно называли «возвратными» значениями, — особое явление в языке, причем не менее системное, чем возвратные глаголы, и, следовательно, заслуживающее внимательного изучения и системного описания.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 348–388.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. 472 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985. 296 с.

Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 395–417.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 797 с.

G. I. Kustova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
galinak03@gmail.com

NOTES ON «REFLEXIVE» MEANINGS

Meanings that occur in the reflexive constructions (verb + reflexive *sebia*) are considered with respect to verbs of movement, mental, emotional and speech verbs

Verbs of physical action in the initial meanings have two options for a dependent noun phrase: non-coreferent (*On [X] priblizil litso k steklu [Y]*) vs. coreferent (*On [X] priblizil k sebe [X] svechu*). In some metaphoric meanings only coreferent noun phrase is used: *Imperatritsa priblizila k sebe favorita*.

Some mental verbs in the context of the reflexive have idiomatic meanings, e. g. *dumat' tol'ko o sebe* ('to be an egoist'). For verbs of speech conditions of success of the speech act change in the context of the reflexive, e. g. *On skazal sebe...* does not mean 'he reported new information to himself'

Key words: verb, a reflexive pronoun, reflexive construction, national corpus, extension, valence, case.

References

Apresian Ju. D. [The image of man according to language: an attempt of a systemic description]. Ju. D. Apresian. *Integral'noe opisaniye iazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of language and systemic lexicography]. Moscow, 1995, pp. 348–388. (In Russ.)

Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenij i mekhanizmy iazykovogo rasshireniya* [The types of derived meanings and mechanisms of language extension]. Moscow, 2004. 472 p.

Paducheva E. V. [On the semantic derivation: word as a paradigm of lexemes]. *Russkij iazyk segodnia* [The Russian language today]. Moscow, 2000, pp. 395–417. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Viskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitelnost' u: Referencialnie aspekti semantiki mestoimenii* [Utterance and its relation to reality: Referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow, 1985. 271 p.

Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchij sintaxis* [Introduction to general syntax]. Moscow, 2001. 797 p.

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lazutkelena@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ НОРМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В статье показывается, что грамматическая и стилистическая вариативность является естественным свойством человеческого языка. Литературный язык представляет собой культурное коммуникативное пространство социума и способ существования знания. В статье исследуются каналы репрезентации онтологических категорий, концептов, мыслительных конструктов в семантической структуре предложения и их зависимость от различных факторов.

Ключевые слова: русский литературный язык, грамматическая и стилистическая вариативность, семантическая структура предложения, онтологические категории, концепты, языковая прагматика.

В языкознании вариативность (или вариантность) понимается как манифестация разновидностей или модификаций, сосуществующих в один и тот же исторический период, некоторой неизменной сущности (инварианта) — языковой единицы. Так, В. М. Солнцев приводит в качестве примера вариантов звуки как варианты фонемы, морфы как варианты морфемы [Солнцев 1971]. Вариативность — неотъемлемое, основополагающее свойство системы естественного языка. Слова «вариативность» и «вариантность» обычно употребляются как равнозначные [Граудина 1980; Елизаренкова 1982; Солнцев 1984]. Т. Я. Елизаренкова считает, что вариативность — неотъемлемое свойство естественного человеческого языка, причина ее кроется в асимметричном дуализме языкового знака: любое содержание может быть выражено разными средствами [Елизаренкова 1982: 16]. Иначе человеческий язык был бы просто кодом.

К необходимости исследования проблем вариативности элементов языковой системы пришли отечественные ученые различных лингвистических направлений [Будагов 1954; Головин 1988;

Демьянков 2008; Истрина 1948; Граудина, Ицкович, Катлинская 2001; Елизаренкова 1982; Кибрик 2008; Костомаров 2011; Кручинина 1968; Крысин 2011; Лазуткина 1974; Никитина 1979; Степанов В.Г. 1979; Шварцкопф 1977; Шведова 2005; Шендельс 1962; Ширяев 1996; Ярцева 1983].

Термин «вариант» имеет разное толкование. С одной стороны, считается, что варианты — это разные средства выражения одного содержания; следовательно, здесь вариативность обязательно основана на понятиях «инвариант» и/или «деривационная связь элементов». С другой стороны, вариативность понимается узко, как незначительная модификация плана выражения, не связанная с изменением содержания: «Варианты понимаются как разновидности одного и того же слова или его грамматической формы» [Литературная норма и вариантность 1981: 5]. Однако возможно, что «разновидности одного и того же слова или грамматической формы» также являются средством выражения какого-то *категориального значения*, которое не является очевидным для исследователя. Варианты употребления той или иной грамматической формы могут быть вызваны еще не описанными в лингвистических исследованиях структурными связями внутри языковой системы. Ср.: «Язык сам мыслит своими формами, флексиями, словоизменениями и пр. Это-то мышление самого языка, выражающееся в различных формах, необходимо должна следить грамматика» [Аксаков 1875: 530]. Как писал А.А. Потебня, «задача грамматики — найти психологические условия употребления формы, или проще: точно определить ее значение» [Потебня 1977: 113]. А.А. Потебня писал о таком явлении в речевом процессе, которое сейчас бы мы назвали парадигматической соотносительностью, или значимостью морфологических форм. Таким образом, объяснение вариативности лежит в области *поиска функции* того или иного элемента системы.

Существование вариантов прежде всего ставит вопрос об их статусе в системе национального языка и о решении проблем регулятивного аспекта, затем — о причинах их возникновения и степени употребительности.

В.Н. Ярцева справедливо обращает внимание на то, что самому факту выделения феномена «вариативность» должна предшествовать исследовательская работа: «При изучении языковой вариативности одну из труднейших проблем представляет выбор тех пара-

метров, которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям. В области содержательной грамматики этот вопрос возникает прежде всего в тех случаях, когда одна и та же понятийная сфера представлена в языке несовпадающими формами ее реализации и с разной степенью дробности» [Ярцева 1983: 18]. См. также: «Дело в ... самом понимании вариативности и ее связях с проблемой грамматической синонимии» [Там же, 21].

Вариантность в связи с проблемой синонимии была основной темой лингвистики XX века, обращавшей особое внимание на дефиницию слов конкретной и абстрактной семантики. Доминирующей точкой зрения всех исследователей, касающихся темы «вариантность», является признание наличия инвариантного содержательного компонента, который объединяет весьма разнородные явления. К этому примыкает теория прототипов с утверждением о существовании «исходного значения» при развитии полисемии, различные теории полевых структур с главным тезисом о существовании центральной области поля и периферийных областей (и в сфере лексикологических исследований, и в сфере функциональной грамматики). Д.Н. Шмелев подошел к теме вариантности на лексическом уровне при рассмотрении различий в денотативной отнесенности слова и нечетком разграничении его значений [Шмелев 1973: 93].

Некоторые исследователи вариантность понимают широко: «Как нам представляется, проблему поиска инварианта можно переформулировать как проблему поиска связи между вариантами. <... > связь значений может осуществляться различными путями: как повторение какого-то компонента в разных значениях многозначного слова, как цепочечная связь значений, при которой уже не существует общей смысловой части, сохраняющейся во всех значениях, и как регулярные соответствия между семантическими компонентами в разных смысловых структурах» [Никитина 1979: 111–112]. Какими бы терминами ни пользовались исследователи, они единодушны в отнесении вариантов значения к явлениям системы языка.

Исследователей интересует также вопрос о природе возникновения вариантного значения. О.Н. Селиверстова считает, что это уровень сигнификативного, а не денотативного значения. Анализируя свое описание категории посессивности, она пишет: «В этой работе

высказывается предположение, что за всеми выделяемыми вариантами все-таки стоит некоторый инвариантный, хотя и нечеткий концепт. Таким образом, я разделяю взгляды когнитивистов о существовании значений, распадающихся на варианты, объединенные по принципу семейного сходства». О.Н. Селиверстова считает, что «значение языковой единицы — это концепт, т.е. явление принципиально отличное от денотативной отнесенности», и признает справедливыми «прозрения лингвистов психологической школы конца XIX и начала XX веков о том, что эти концепты соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (переосмысления) получаемой извне информации» [Селиверстова 2002: 21–24].

Проблему вариантов нередко сужают и переносят в область **стилистики**. Однако стилистическая вариантность (вариативность) — всего лишь один из аспектов этой проблемы. Сфера функционирования языковой системы, жизнь языка в обществе делает необходимым рассмотрение и этого аспекта. Стилистика — многоаспектная наука, целый комплекс языковедческих дисциплин, исследующих: (а) способы использования языковых единиц, принципы их отбора и комбинации в соответствии с коммуникативными целями, (б) виды синонимии в различных коммуникативных сферах. Это направление зародилось в недрах Античной риторики, ставившей своей задачей разработку способов языкового воплощения интенции говорящего, отбора и композиционного расположения языковых элементов, и продолжает развиваться как ортостилистика, функциональная стилистика, прагматистика, социолингвистика, стилистика изобразительных средств.

Весьма популярна тема вариативности в ортостилистике и, шире, в ортологии, которая изучает варианты нормированной речи — нормы литературного языка. Единицы всех уровней языковой системы несут на себе печать коммуникативной заданности; они взаимосвязаны, и их функционирование взаимообусловлено, поэтому ортология неразрывно связана с когнитивной лингвистикой и функциональной стилистикой.

Языковая норма — это репрезентация системы в актах речи и принятые обществом типические способы выражения. Понятие языковой нормы естественным образом связано с понятием кодификации, т.е. закреплением в грамматиках и словарях сложившихся

в социуме форм выражения и одобренных специалистами способов культурного общения.

Грамматическая норма — совокупность правил функционирования всех элементов грамматической системы языка; она складывается из правил функционирования таких уровней языковой системы, как фонетический, морфонологический, морфологический, словообразовательный, синтаксический уровень и законов их взаимодействия.

В данном разделе синтаксическая вариативность в литературном языке показывается как сосуществование в один исторический период языковых единиц, имеющих различную функциональную предназначенность, и языковых единиц, имеющих одинаковую функциональную предназначенность (вариативных синтаксических рядов).

Тема вариативности (или вариантности) будет рассмотрена в следующих тесно связанных аспектах: 1) в когнитивно-прагматическом аспекте — как варианты способы репрезентации концептуального содержания — и 2) в плане ортологии, с учетом значимости социальных и стилистических факторов в возникновении и использовании различных вариантов (в письменной и в устной форме) литературного языка. Предметом анализа будут единицы разных уровней грамматической системы языка — в соответствии с современными научными направлениями лингвистических исследований. Это уровень словоформы, уровень пропозитивной номинации (модели предложения), уровень дискурса — уровень, позволяющий изучать механизмы языковой прагматики, синтаксической парадигматики моделей предложений. Ср.: «В семиотике язык описывается в 3-х измерениях — семантики, синтактики, прагматики» [Степанов 1998: 175].

Так, например, сосуществование в составе предложения таких синтаксических вариантов, как зависимые от глагола именные словоформы, должно быть объяснено наличием в языке макросемантических (категориальных) разрядов лексики: формы вин. пад. одушевленных и неодушевленных зависимых именных словоформ различны. Для некоторых лексем в одинаковых конструкциях грамматической нормой считаются варианты падежных форм; например: *есть креветок, устриц* — *есть креветки, устрицы*. Поэтому некоторые формы правомерны для одного функционального стиля

и не являются нормативными в другом стиле, нарушают его стилистическую норму; например: *изучать бацилл* (в научном стиле речи) и *изучать бациллы* (в разговорном варианте литературного языка). В других случаях варианты недопустимы; например: *съел две кильки* (это существительное интерпретируется говорящими только как неодушевленное). Эта тема актуальна; ср. ошибку московского репортера: **Здесь надо положить лежащего полицейского* (следует употребить неодушевленное существительное в вин. пад.: *Здесь надо положить лежащий полицейский*).

Существование нормативных вариантов обусловлено законами развития языковой системы: одновременно на бытование какой-либо формы или синтаксического образца действует несколько факторов: конкурируют разные категориальные значения, сосуществует старое и новое; разные варианты соответствуют разным функциональным стилям литературного языка; оказывает влияние и такой феномен, как коллективные предпочтения носителей языка в тот или иной период.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» в части «Наставление шестое. О сочинении частей слов» — в главе 3-ей «О сочинении глаголов» — на конкретных примерах-речениях показывает, как связано грамматическое устройство высказывания, его смысл и условия его употребления, обусловленные этическими канонами общества. На примерах *покажи свою книгу* и *покажи своей книги* Ломоносов разъясняет, что выбор формы род. или вин. падежа зависимого имени существительного диктуется стилистикой речи: «В сем заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* — сказано со властью; *покажи своей книги* — речь учтивее» [Ломоносов 1755 (Ломоносов 2011: 447)]. Ср. слова Л.В. Щербы: «Здесь следует заметить, что очень часто, говоря о нормах, люди забывают о стилистических нормах, которые не менее, если не более, важны, чем всякие другие, и которые по существу вещей меньше всего зависят от произвола писателя, если только этот последний желает быть правильно понятым <....>»

Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора: не надо забывать, что синонимика является богатством языка, которое позво-

ляет ему развиваться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки мыслей» [Щерба 1974: 276–278].

Грамматическая норма устанавливается при кодификации на основе изучения специалистами закономерностей развития языка. Объективные критерии нормативных оценок развиваются вместе с развитием языка и развитием науки [Лазуткина 2011]. Так, например, ударение в глаголе *клАла* обусловлено акцентным типом этой глагольной формы в современном литературном языке. Был период в истории русского языка, когда в этой форме было иное ударение — *кלאА*, поскольку этот глагол входил в другой акцентный тип.

На становление *морфологических норм* оказывает влияние категориальное значение лексемы и семантика конкретной формы, исторически сложившаяся в языке не без влияния социальных факторов. Так, например, слово *кофе* пришло в русский язык в XVIII веке как слово среднего рода, что соответствует нормам функционирования несклоняемых неодушевленных существительных, означающих напиток. Бытовавшее тогда слово *кофий* и тематически связанное с ним слово *чай* оказали влияние на грамматический статус слова *кофе*: в коллективном языковом сознании оно стало словом мужского рода, что нашло закрепление в академической грамматике 1954 года. Речевая практика XX века показала, что в русском языке правила подведения слов под грамматическую категорию не изменились: слово *кофе* продолжает употребляться как слово среднего рода, а употребление его как слова мужского рода — вопрос социального престижа, старание говорящих придерживаться кодифицированного варианта. Вследствие этого «Русская грамматика» (1980 г.), а затем «Краткая русская грамматика» (2001 г.) подтвердили существование двух нормативных вариантов: *кофе* — слово мужского и среднего рода.

Иногда на «победу» одного из вариантов оказывает влияние такой фактор, как благозвучие, легкость произнесения. Так, в 90-е годы, наряду с формой предл. пад. *в фирме*, повсеместно, на всей территории России, распространился просторечный вариант *на фирме*, который быстро вытеснил прежний вариант. Аналогично образец из профессионального жаргона (*Пройдите*) на *кассу* вытеснил общелитературный вариант (*Пройдите*) *в кассу*.

К сожалению, на распространение тех или иных речевых образцов действуют и такие экстралингвистические факторы, которые не связаны с естественными условиями функционирования языка, — случаи оказания давления на закрепление в словарях в качестве нормативного варианта неграмотной формы — по указанию авторитетных политиков, общественных деятелей, чиновников. Такие инородные (неестественные) элементы не могут быть названы языковыми вариантами. Так, например, в Орфоэпическом словаре во второй половине 80-х годов XX века появился «новый» якобы нормативный вариант произнесения слова *мышление* как *мЫшление*, поскольку глава страны М.С. Горбачев произносил это слово именно так. Под давлением политиков СМИ пытаются изменить исторически сложившийся синтаксический образец *на Украине* на выражение *в Украине*. В 90-х годах работникам радио и ТВ были даны указания произносить название эстонской столицы с длинными гласными и сдвоенными согласными звуками, что противоречит артикуляционным навыкам носителей русского языка и фонетическим нормам. В.Г. Костомаров по этому поводу замечает, что в научно обоснованный процесс нормализации может вторгаться субъективное мнение неких «авторитетных лиц»: «строго научный... подход, основанный на устройстве языка и внутренних законах его непрерывного самоизменения именно как некой самодостаточной системы... оказывается совершенно недостаточным. <...> Даже случайные предпочтения и неприятия отдельных авторитетов могут ускорять или задерживать действие врожденных имманентных законов, вряд ли серьезно меняя их в обозримом времени» [Костомаров 2011: 57].

В.З. Демьянков считает, что, решая проблемы кодификации, авторы словарей должны вместе с констатацией нормы указывать мотивировку выбора правильного варианта [Демьянков 2008: 58]. Носитель русского языка, владея литературным языком, может допускать в устной речи и употребление некодифицированных грамматических форм. В связи с этим Е.Н. Ширяев писал следующее. Употребление в профессиональной, диалектной, жаргонной речи, просторечии особых лексем или их фонетических модификаций может считаться допустимым в устном употреблении «при одном непременном условии: носитель языка должен знать общелитературный эквивалент» [Ширяев 1996; Ширяев 2003]; например: *буханка* — (общелитерат.) — *кирпичик* — *булка*; *компас* (общелитерат.) —

компас; *мичманы* (общелитерат.) — *мичманА*; *согласно приказУ* (общелитерат.) — *согласно приказаА*; *мОтальный* — *мотАльный цех* (общелитерат.), *вЯзальный* — *вязАльный цех* (общелитерат.), *рОженица* — *рожЕница* (общелитерат.). Как термин слово «норма» не может употребляться по отношению ко всем членам оппозиции; это ареал социально или территориально ограниченного узуса.

Словообразовательный уровень языка также имеет свои системные нормы и стилевые нормы, рекомендованные для словообразовательных моделей той или иной функциональной разновидности литературного языка, т.е. каждая функциональная разновидность имеет свои каноны образования новых слов. Так, например в научной речи, в публичной речи и в официально-деловом стиле языка обычны существительные отвлеченного значения с суффиксами *-ств-*, *-и(е)*, *-ни(е)*, *-ость*: *современность*, *бесхозяйственность*, *рвение*, *бытие*. Но, к сожалению, эти правила не всегда соблюдаются. Так, в современной публичной речи (в речи политиков и в СМИ) неоправданно используется словообразовательная модель, уместная только в разговорной речи, — модель, позволяющая превращать словосочетание в существительное с суффиксом *-к-*, например: *социалка* («социальная сфера»), *коммуналка* («сфера ЖКХ»), *вторичка* («вторичный рынок жилья»); *ювелирка* («ювелирная отрасль»), *нефтянка* («нефтяная промышленность»), *наличка* («наличные деньги»).

Исследование *синтаксической нормы* намечает много направлений анализа линейной организации речи. Законы синтаксической нормы не так категоричны, как законы орфоэпии, морфологии, словообразования. Они чаще допускают возможность выбора, варьирования слов или словоформ, частей фразы. Помимо собственно языковых регуляторов синтаксической правильности, организацию речи обуславливают законы логики, особенности когнитивных процессов и культурные традиции, навыки употребления языка в определенных речевых ситуациях, т.е. языковая прагматика.

Синтаксис фразы может обнаруживать нарушение этических норм речи. Так, например, в языке существуют законы транспозиции — употребления одной грамматической формы в значении другой. Ср. высказывания с глаголами в прош. времени, обозначающие еще не совершенное действие; напр.: *Мы пошли в библиотеку, а вы*

разберите книги. Некоторые фразы выражают побуждение к действию, но вместо глаголов в форме повелительного наклонения содержат глаголы в форме прош. вр., представляя еще не совершенное действие как уже свершившееся; например: *Проверили диктант, закрыли тетради, положили на стол!; Упал — отжался!* Эти фразы, как камертон, выявляют неадекватные отношения участников общения, указывают на их разные социально-психологические роли.

Иногда синтаксические ошибки возникают из-за неправильного употребления слов, обозначающих действия или процессы, связанные так называемыми конверсными отношениями; например: *менять, занимать, одолжить, торговля, контрабанда.* При этом синтаксические свойства слов могут ошибочно отождествляться; например: *одолжить у кого-то** вместо *занять у кого-то.* Эти синтаксические конструкции нельзя считать вариантами, даже если они получили широкое распространение; они ущербны в смысловом отношении: слушатель сталкивается с необходимостью «расшифровывать» какое-либо выражение, учитывая законы компрессии, аналогии, явления эллипсиса и речевой неграмотности; например: *Нам нужно извлечь эти ошибки** (следует: *Нам нужно извлечь уроки из этих ошибок*).

Грамматические нормы складываются не только в фонетике, морфологии, словообразовании, но также в сфере лексической семантики (и, шире, категориальной семантики), что обязательно находит свое отражение в синтаксисе, в композиционной семантике предложения. На формирование нормативных синтаксических образцов, появление новых моделей сочетаемости слов оказывает влияние и социальная структура общества. В.В. Виноградов писал по этому поводу: «Необходимо также учитывать социально-политические условия развития самой нации <...> Так называемая поливалентность национального литературного языка, т. е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития» [Виноградов 1978: 295].

Исследование развития грамматических норм — постоянный процесс объяснения и прогнозирования изменений тех или иных системных образцов. Л.В. Щерба пишет: «Хороший нормативный словарь не выдумывает норму, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю.

Может быть, норму трудно иногда подметить; но это уж несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела» [Щерба 1974].

1. Литературный язык и проблема вариантности нормы

1. Термин «литературный язык»

Литературный язык — это интерпретативная и коммуникативная система взаимодействия блоков формальных структур разноуровневых единиц, — взаимодействия, предназначенного для выражения смыслов. Интерпретативная система называется потому, что ее эпистемическую основу составляют логические структуры, коммуникативной — потому, что язык имеет социальную, диалогическую природу и когнитивные процессы неразрывно связаны с актами речи, с ориентированными на восприятие адресата исторически сложившимися — в соответствии с этическими принципами общества — формами выражения.

В последнее время некоторые лингвисты пытаются отправить термин «литературный язык» в небытие и по отношению к русскому языку не употреблять выражений «литературный язык» и «функциональные стили литературного языка». Вызвано ли это неправильной трактовкой слова «литературный» в терминологическом словосочетании? Если бы было замечание к дефиниции слова «литературный», то это отнеслось бы к проблемам терминологических определений [Шелов 2003]. Более вероятно другая причина — установка на пересмотр теории современного русского языка и отказ от содержания, по отношению к которому употребляется этот термин.

Какие аналоги термина «литературный язык» существуют в других странах? В англоязычных странах употребляют синоним *standart* «стандартный язык» (в значении «общепринятый, нормативный язык»); в немецком языкознании — *Buhnensprache* или *Hochsprache*; в западнославянских странах принят термин *spisovný jazyk* «письменный язык» (употребляются также номинации *formální jazyk*, *kulturní jazyk* — в сопоставлении с *obecná čeština* — «разговорный язык») [Navránek 1964]. Словосочетание *obecná čeština* обозначает базовую разновидность чешского языка, выполняющую

высшую функцию стандарта [Hlavsová 1988: 220–226; Данеш 1988: 286–289; Daneš 1986]; это выражение соответствует термину «разговорная речь» в русистике.

Что значит слово «литературный» в составе этого термина? Д. Н. Шмелев в своей статье 1960 года писал, что нельзя отождествлять «литературный язык» и «язык художественной литературы» [Шмелев 2002: 253]. Об этом же пишет М.В. Панов: «Иногда думают, что литературный язык — это язык художественной литературы. Неверно! Литературный язык — это язык культуры во всем огромном смысле этого слова, т.е. язык науки, публицистики, художественной литературы, язык театра и радио, школы и прессы. И быта: **в быту культурные люди общаются на литературном языке**» (выделено мной — Е.Л.) [Панов 1972: 9].

Термин «литературный язык» стал активно употребляться в XVIII веке при решении общих вопросов нормализации и кодификации языка на просторах великого русского государства. В XVIII веке происходит «становление новых литературных норм, отражающих тенденции, свойственные общенациональному словопотреблению» [Горшков 1981; Кожин 1989: 9; Обнорский 1984].

В Петровскую эпоху окончательно сформировано такое неотъемлемое качество литературного национального языка, как **общеупотребительность**, — качество, которое делает литературный язык значимым для всех носителей национального языка. Термин «литературный язык» возник для обозначения языка, который сложился в государстве для выполнения различных функций в многогранной культурной, деловой, общественной жизни и в международных связях государства. Не последнюю роль в закреплении слова «литературный» в терминологическом словосочетании сыграла лексикографическая практика того времени. Академические толковые словари конца XVIII — XIX века строились на базе литературных произведений и, вследствие этого, основывались в своих рекомендациях, исходя их практики письменной речи. Все брошюры, пособия по стилистике русской речи, словари и словарики, издававшиеся на протяжении XIX и XX века и дававшие разбор новых языковых фактов, изменений литературных норм (вариантов словоупотреблений, словоизменения), смотрели на академические толковые словари как на образец, поскольку имели своей целью упорядочение норм [Скворцов 1980].

Главные черты литературного языка — **многофункциональность**, которая вытекает из практики использования его разновидностей во всех сферах сложной жизни современного государства, и **наличие языковых норм**, делающих язык понятным на всей территории страны. Ср.: «Наличие единой и общеобязательной нормы, касающейся употребления слов, их звукового облика и грамматических форм, их сочетаемости друг с другом, как раз и является основным признаком литературного языка, в отличие от разных видов просторечия и диалектной речи» [Шмелев 2002: 653]. Каждый функциональный стиль литературного языка имеет свои маркированные способы выражения, стилистические нормы [Шмелев 1977]. В.В. Виноградов, характеризуя литературный язык XII — XIII веков, отмечает, что уже в это время происходит «возникновение разных стилей древнерусского литературного языка» [Виноградов 1978: 258]. О стилистической дифференциации древнерусского языка см. также: [Верещагин 1972; Михайловская 1981].

Вместо термина «литературный язык» как синонимичное выражение иногда употребляют «общелитературный язык», подчеркивая тем самым, что обозначается языковое пространство, на котором существует языковая норма и которое делает равноправными участниками общения во всех сферах жизни и культуры максимально большое количество носителей национального языка.

Литературный язык — это удобный и понятный для всех язык, который используется и в спонтанной разговорной речи, в СМИ, и в официально-деловом общении, в межкультурной коммуникации, в практике международных отношений, в работе переводчиков, и в общенаучном языке. Это общее *культурное пространство*, обеспечивающее сохранение языковых традиций, преемственность поколений. В центре нашего внимания те разновидности языка, которые исторически сложились для выполнения главных функций общества, т.е. базовая разновидность литературного языка — разговорная речь, а также публицистика, официально-деловая речь и язык науки (общенаучный язык).

В.В. Виноградов подчеркивал неотъемлемое качество литературного языка нового времени, его отличие от литературного языка эпохи феодализма — **общенациональный характер**. В донациональную эпоху лишь некоторые слои общества использовали литературный язык и только в письменной форме. В.В. Виноградов

пишет: «Основными признаками национального литературного языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и разговорной форме)» [Виноградов 1978: 293]. Аналогичная точка зрения изложена в [Havraněk 1963; Chloupek 1986; Jedlička 1986].

Авторы «Русской грамматики» делают следующий вывод: «Норма — свидетельство развитости и зрелости языка... Языковая норма — категория историческая» [Русская грамматика 1980: 10]. Близкое понимание находим у Е.С. Истриной: «Литературный язык каждого народа — это средство общения наиболее широких общественных кругов, это язык «коллектива коллективов», как иногда говорится; литературный язык — это средство общения, отвечающее наиболее культурным задачам» [Истрина 1948: 3]. Таким образом, понятие «вариантность нормы» не противоречит понятию «литературный язык», однако обязательное требование к вариантам нормы — общеупотребительность.

2. Норма и языковая компетентность

Какие грамматические варианты можно считать нормативными? Каковы критерии оценки? Границей варьирования нормы должна быть языковая компетентность. Аналогичную точку зрения находим у У. Чейфа: «<...> у человека владение родным языком включает способность, что называется, оценивать грамматическую правильность» [Чейф 2008: 88]. Кроме того, правильность — необходимое условие развития речевой практики. Таким образом, существует амбивалентная связь: законы синтаксической нормы и формирования нормативных синтаксических вариантов во многом связаны со степенью развития всех сфер коммуникативного взаимодействия в обществе. Синтаксические правила организации речи составляют суть коммуникативной компетенции, которая формируется в постоянной речи и проявляется в умении говорящими выбрать ситуативно уместную форму выражения, которая представляет собой стилистически оправданный выбор одной формы из нескольких вариантов [Ожегов 1974].

Правоммерно ставить вопрос о законах использования языка в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в че-

ловеческой памяти, а также о способе описания языка в словарях и грамматиках как упорядоченной системы *потенциальных речевых образований*.

Развитие языковой системы происходит только тогда, когда каждый носитель языка свободно пользуется всеми богатствами родного языка, обладает большой базой языковых ресурсов. Навыки использования языковых средств должны формироваться и словарями, организованными в аспекте *активной грамматики*. В словарях должна быть целая сеть различных помет для использования средств в определенных коммуникативных сферах. В этом случае рекомендации словарей будут способствовать формированию языковой компетенции, обеспечивать мастерское владение разноуровневыми средствами для выражения тончайших нюансов мысли и чувства. Исследователи связывают знание норм литературного языка с таким феноменом, как социальный престиж [Иванов 2001].

Правильная речь, радующая собеседников точностью выражения смысловых оттенков и выразительностью, невозможна без знания литературного языка. Ср. высказывания А.А. Потебни: «Мысль, идущая по колею родного языка»; «Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка» [Потебня 1977: 113].

Исследования В.В. Виноградова показали, что тенденция распространения языковых норм есть свидетельство **развития национального языка**: «Общей чертой национальных языков является проникновение литературной нормы во все сферы и формы общения, речевой практики. Национальный литературный язык, все более вытесняя диалекты и ассимилируя их, постепенно приобретает общенародное значение и распространение» [Виноградов 1978: 297]. М.В. Панов также считает, что области применения литературного языка «постепенно расширяются». «Язык образованной части населения станет языком всего народа, потому что образованность станет всеобщей» [Панов 1972: 9–10].

В мировой лингвистической традиции принято считать, что «литературный язык репрезентирует нацию» [Гавранек 1967; Chloupek 1986; Данеш 1988: 292–293]. Ср. слова В.В. Виноградова: «...при всех отличиях в понимании этого явления литературный язык есть

не подлежащая никакому сомнению языковая реальность. Литературный язык является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа, орудием социальной борьбы, а также средством воспитания народных масс и приобщения их к достижениям национальной культуры, науки и техники. Литературный язык — всегда результат коллективной творческой деятельности» [Виноградов 1978: 288].

Все исследователи подчеркивают неразрывную связь литературного языка с культурой. Наиболее семантически емкое изречение, учитывающее различные смысловые нюансы и области применения термина «культура» — «Культура — это каноны в выборе альтернатив». Это определение значит, что существуют исторически сложившиеся в человеческом обществе, прошедшие через осмысление многих поколений понятия, предпочтения и принципы, которые формируют различные нормативные предписания. Для каждого нового поколения культура социума предстает как многогранная структура, облигаторно включающая такие области, как культурный язык народа, мир знаний, убеждения, системы ценностей общества и этические принципы. Феномен культуры речи естественным образом связан с понятием культуры человека вообще, общества — и конкретно — с культурой мировосприятия, мышления, речевого поведения. Индивидуальный культурный опыт человека позволяет говорить о нем как о личности, и прежде всего как о языковой личности [Караулов 1987].

Систему литературного языка классики отечественного языкознания, считали **сокровищницей знаний о мире** (выражение Бодуэна де Куртене — «язык — третье знание»). Несмотря на особенности индивидуального мировосприятия, в процессах познания существуют общие законы структуризации, концептуализации образов и чувственных представлений, которые закрепляются в коммуникативных образцах. Поэтому так важен методологический конструкт «диалог», который положен в основу современной концепции культуры речи, продолжающей традиции так называемого психологического направления в традиционном отечественном языкознании, философии, культурологии. Принципы этой теории содержались уже в учении И. Ф. Буслаева о существовании логики самого языка, в его идее «синтеза лингвистики с философией языка» [Буслаев 1881]. Ср. оценку И. Н. Кручининой: «Благодаря Буслаеву идея

о мыслительной способности самого языка обрела в нашем языкознании большую популярность» [Кручинина 1998: 8–9].

Язык, как подчеркивал Бодуэн де Куртене, сохраняется только благодаря практике использования нормированной речи: «Продолжение языковой традиции, а также возможность понимания предков и передачи их мыслей потомкам осуществляется только при помощи национального литературного языка, а поддержание сохранности и безупречности литературного языка требует, конечно, знания одной из важнейших частей языкознания, т. е. грамматики» [Бодуэн де Куртене 1963 — I: 220]. Литературный язык, — писал Л. В. Щерба, — «позволяет быть творцом выражения новой мысли, он позволяет дополнять и развивать себя. Таким образом, он является и нашим отцом и нашим детищем» [Щерба 1984: 192].

Вся жизнь и уровень культуры социума представлена в каждом употреблении языка. Узус всех носителей языка, которые с помощью языка решают свои жизненные задачи, — это и кузница новых языковых норм, условие развития языковой системы. Ср. слова Е. Н. Ширяева: «... чем более высока культура владения языком, тем совершеннее сам язык, и наоборот. Если богатства языка остаются невостребованными его носителями, если носители языка будут глухи к лучшим творениям на этом языке, то и богатства языка просто уйдут в небытие» [Ширяев 1996: 5]. Влияние ежедневной речевой практики на процессы формирования системы языка подчеркивает О. Б. Сиротинина. По мнению, О. Б. Сиротининой, в последние годы наметилась тенденция повышения культуры публичной речи [Сиротинина 2013: 79–80].

Естественное общение носителей языка может подвергаться опасности внедрения ненормированных образцов. В СМИ и в речи политиков часто имеет место намеренное снижение культурного уровня речевого общения. При этом создается модель потенциального адресата как человека с низкой культурой. Автор (говорящий) разрушает этические нормы: в мир потенциальных читателей или зрителей агрессивно внедряется «другой мир», чтобы он стал для них обычным. Происходит искусственное создание стилистически сниженных «вариантов» для общелитературных выражений путем включения в речевое сознание носителей литературного языка жаргонных оборотов, неграмотного просторечия, тюремной лек-

сики, образцов речи социальных низов, что, в целом, формирует, по выражению М.М. Бахтина, «снижающую» тенденцию в речи.

Многომиллионная аудитория СМИ, изо дня в день слыша чуждые русскому языку речевые клише, неправильные выражения, штампы речи чиновников, жаргон криминальной среды, может утратить языковое чутье и навыки речевой культуры [Катлинская 2001; Капелько 2011]. А.А. Потебня по этому поводу писал: «...никто не имеет права влагать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит» (Цит. по: [Кручинина 1998: 14]). Бодуэн де Куртене предостерегал от **«преступного вмешательства в естественное развитие языка»** (выделено мной — Е.Л.) [Бодуэн де Куртене 1963 — II: 140]. С.И. Ожегов также считал, что «забота (о правильности языка) означает борьбу с тем, что противоречит духу языка, т.е. закономерностям его развития» [Ожегов 2001: 431].

Итак, понятийное содержание термина «литературный язык» затрагивает широкий спектр гуманитарных проблем. О необходимости просветительской деятельности, о пропаганде языковых норм говорили все классики отечественного языкознания. Асоциальное речевое поведение, отрицание необходимости следования нормам речи уничтожает диалоговую основу языка, умаляет роль языка в обществе, увеличивает разрыв между носителями элитарной речевой культуры и малограмотными людьми, сужает коммуникативное пространство. В конечном итоге это ведет к разрушению структуры языка, поэтому специалистам надо заниматься просветительской работой и пропагандировать речевые нормы. В.Г. Костомаров считает, что намеренное изменение норм — вмешательство в естественную динамику языка, которое «создает разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры» [Костомаров 1994: 2].

Общественная значимость литературного языка имеет в своей основе национальную культуру и государственность. Ср.: «Владея языком как одной из своих неотъемлемых характеристик и своим движением стимулируя его движение, общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Поэтому одновременно с тем, что норма существует объективно, общество предписывает ее своим носителям как категорию обязательную» [Русская грамматика 1980: 10].

3. Общезыковая вариантная норма и норма функционального стиля

Норма употребления того или иного элемента системы может колебаться, могут возникать варианты нормы. В целом, в случае употребления выражения «вариантность норм», речь идет не об «относительном характере норм», а о многообразии средств выражения единого содержания (базового или частного концепта, лексической или грамматической категории), — о многообразии, которое является обязательным свойством любого естественного языка, или о стилистической дифференциации средств, имеющих общий содержательный компонент [Виноградов 1982; Граудина, Шварцкопф 1991; Истрина 1948; Костомаров 2011; Лазуткина 1974; Шварцкопф 2001; Ширяев 1998]. Вынесение вердикта о вариантности норм по отношению к языковому факту, по отношению к явлению того или иного уровня языка следует производить строго индивидуально.

Таким образом, мы различаем варианты общелитературного языка и варианты, предназначенные для разных функциональных разновидностей литературного языка, жанров речи и палитры средств изобразительной стилистики. Синтаксическая норма теснее связана с нормой того или иного функционального стиля, чем норма морфологическая: синтаксические образцы тесно связаны с замыслом говорящего, принадлежат ментальному миру. Языковой узус в большинстве лингвистических работ, как правило, благодаря наглядности, очевидной простоте, иллюстрируется единицами лексического уровня. Однако не следует забывать, что синтаксические конструкции, которые показывают реальную языковую практику людей, тоже имеют концептуальную значимость, демонстрируют национальную специфику осмысления реальности, обнаруживают социальные и культурологические предпочтения, особенности мира знаний социума и разных социальных групп людей в каждый момент существования языка.

4. Термин «колебание нормы» и «варианты нормы» литературного языка

Естественно, что процесс использования языка таит в себе опасность нарушения существующих норм. Как писал И. Ф. Бус-

лаев в XIX веке в «Исторической грамматике», «употребление действует на язык двояко: благотельно, по обычаю сохраняя в нем древнейшие формы, как следы действовавшего в нем закона», и «разрушительно, вытесняя прежние формы» [Буслаев 1881: 27]. Повторяющиеся ошибки говорят о колебании нормы, об активном процессе в данном фрагменте языковой системы, они показывают возможности изменения структурных закономерностей, подтверждают социальную обусловленность нормы. Признаваемый сегодня ошибочным, тот или иной вариант может стать нормативным завтра. Так, например, ударение в словах *фольга*, *кулинария*, *тефтели* еще в прошлом веке считалось неправильным.

Варианты употребления могут быть вызваны еще не описанными в лингвистических исследованиях структурными связями внутри языковой системы. Ср. такое явление в синтаксисе, как подравнивание по аналогии. Так, еще А. А. Потебня писал о таком явлении в речевом процессе, которое сейчас бы мы назвали парадигматической соотносительностью, корреляцией или значимостью морфологических форм: «Для понимания речи нужно присутствие в душе многочисленных отношений данных в этой речи явлений к другим, которые в самый момент речи остаются, как говорят, «за порогом сознания», не освещаясь полным его светом» < ... > «Нет формы, присутствие и функции коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи ее с другими словами и формами в речи и в языке». И. Н. Кручинина подчеркивает, что Потебня был одним из первых ученых, кто указал на глубокую взаимную обусловленность отдельных языковых явлений, сказал, что «мы умеем читать лишь самые грубые указания на родство явлений» (Цит. по: [Кручинина 2009: 13–14])

Метонимическое смешение категориальной семантики объектных распространителей и употребление глагола *одеть* (*платье*)* вместо глагола *надеть* (*платье*) привело к десемантизации префикса *на-*. В результате из-за высокой употребительности это выражение сейчас признается допустимым в нормированной речи и снабжается в словарях пометой *разг.* Форма родительного падежа *носок*, возникшая по аналогии с формой тематически близкого слова *чулок*, также из-за своей высокой частотности, становится нормативной.

В иных случаях варианты, допускаемые морфологической системой, могут считаться ненормативными, поскольку имеют просторечную окраску. Преградой для их распространения служит фактор социального престижа правильной речи. Так, говорящий выбирает следующие морфологические варианты: *машиут* *рукой*, а не **махают*, *хотим*, а не **хочем*, *жжет*, а не **жсет*, *залезает*, а не **залазит*.

Хорошее владение языком предполагает и знание словообразовательных норм. Ср. неправильное использование словообразовательных формантов иностранцем (персонажем из к/ф «Осенний марафон»): **трезвователь* вместо *вытрезвитель*; ср. также ненормативное, хотя и распространенное использование отвлеченного существительного *обоснованность* вместо словосочетания *обоснованное сомнение*: **Есть обоснованность, вернутся ли они в это здание*.

С другой стороны, некоторые бытующие выражения и окказионализмы авторов художественных произведений удачно «вписываются» в словообразовательную систему, но не кодифицированы как системные средства в грамматиках и словарях; например: *Лист запаутинился* (А. Леонов).

Термин «колебание нормы» обычно относят к случаям выбора носителями языка того или иного элемента системы литературного языка, которые представляют собой варианты нормы [Шварцкопф 2001].

5. Вариантность грамматической нормы как эволюция речевого образца

Языковая норма исторически изменчива; она должна описываться в каждый исторический период жизни социума. Особенно остро проблема культуры речи и сохранения литературных норм встает в эпоху социальных потрясений. Появление социальных групп, не знакомых с нормированной речью, использующих в своей жизни язык только на бытовом уровне, оторванных от дискурсов, в которых доминирует когнитивно-оценочная функция языка, сказывается на языковом чутье носителей языка, на чувстве стиля и на грамотности, а во всем социуме — на состоянии языковой системы. Л. В. Щерба в 1931 году по этому поводу сказал следующее:

«<...> историю языка можно в сущности представить как ряд катастроф, происходящих от столкновения социальных групп» [Щерба 1974: 30]. Ср. мнение М. Холквиста: «Нормативные представления, которые в определенное время и в определенном месте имеют видимость вневременных и универсальных, на самом деле определяются конкретным историческим периодом, обусловлены той или иной системой культурных ценностей» [Холквист 2002: 270]. Аналогичное мнение находим в: [Danes 1986].

Авторы книги «Грамматическая правильность русской речи (Словарь стилистических вариантов)» [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001] выделяют три типа эволюции морфологической нормы, нормы словоизменения: «... процесс эволюции грамматико-стилистической литературной нормы у разных типов грамматических вариантов протекает неодинаково. В одних случаях наблюдается низкодинамический тип эволюции, который характеризуется незначительным изменением состояния нормы, в наше время — состоянием, близком к стагнирующему. Так варианты форм инфинитива некоторых глаголов на *-нуть* (*достигнуть* — *достичь*, *застигнуть* — *застичь*, *настигнуть* — *настичь*, *постигнуть* — *постичь* и др.) на протяжении двух веков (XIX — XX), в литературном языке употребляются в двоякой форме, хотя замечено, что в устной речи в наши дни чаще предпочитается бессуффиксный вариант. Наиболее характерен для многих грамматических вариантов умеренно-динамический тип эволюции. В этих случаях наблюдаются в соотношении стилистических вариантов и нормы их употребления на протяжении 30–40 лет. Аналогичный хронологический «шаг» в смене нормы употребления за 30 лет установлен для вариантов формы родительного единственного у существительных мужского рода на твердый согласный (типа *снега* — *снегу*, *сахара* — *сахару*, *сыра* — *сыру* и т. д.). Пик смены нормы употребления у этого типа вариантов приходится на 30–50-е годы XX в.

Постепенность изменения грамматической нормы литературного языка, особенно в области ее кодификации, — самая отличительная и самая характерная ее черта. Однако был отмечен и высокодинамический тип эволюции нормы, который сопровождался сравнительно быстрыми сдвигами в функционировании конкурирующих единиц (в течение 10–20 лет) и высоким коэффициентом

роста, характеризующим темпы изменений. Так, коренные изменения в норме употребления технических единиц измерения в родительном падеже множественного (варианты типа *амперов* — *ампер*, *ваттов* — *ватт*, *вольтов* — *вольт*) произошли в 90-е годы XIX в. ...Такой тип эволюции наблюдается сравнительно редко. Следует заметить, что между тремя ярко выраженными типами эволюции нормы не существует абсолютных границ — имеются и переходные формы: например, может наблюдаться умеренный характер динамики, приближенный к ускоренному или, напротив, к замедленному типу». [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 4–7].

Следует признать, что замечание авторов относительно **темпов** появления вариантов в современной речи в области морфологических норм весьма существенно для грамматической нормы в целом. Ср.: «В наше время увеличилась вариативность языковых единиц на всех уровнях языка, и научный подход к нормативной оценке новых явлений стал особенно актуален» [Там же].

Авторы «Грамматической правильности русской речи» открывают новый аспект в изучении грамматической вариативности на пространстве «литературный язык»: динамическое развитие картины взаимодействия общелитературных вариантов и вариантов внутри отдельных функциональных разновидностей современного русского литературного языка, а также описание картины взаимодействия стилистических норм литературного языка и просторечия: «Границы употребления вариантов неустойчивы: часто стилистически ограниченные варианты становятся общеупотребительными или, наоборот, некогда распространенные варианты в современном употреблении ограничиваются узкими функциональными стилями речи. Подвижность и зыбкость стилистических границ обуславливают известную приблизительность, условность стилистических оценок» [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 14–15].

Следовательно, термин «эволюция нормы» можно употреблять только применительно к изменениям в общелитературной норме, а термин «шкала нормативности» можно отнести к сосуществованию в одном и том же историческом периоде стилистических вариантов.

На данном этапе исследования грамматической вариативности **система помет** представляет собой желательный и наглядный аргумент для объективного рассмотрения процесса формирования вари-

антов. Кроме того, система помет должна ориентировать читателей нормативных словарей, прежде всего, относительно **частотности того или иного варианта** в современном употреблении. Так, авторы «Грамматической правильности русской речи», учитывая опыт статистической обработки языковых фактов, основанной на применении формул высшей математики и моделей теории вероятности, предлагают следующие пометы «для сравнительных характеристик количественного употребления: *реже, чаще, редко, окказ.*» [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 16].

Тем не менее частотность варианта не служит основанием для присвоения тому или иному варианту статуса образцового элемента речи или единственно правильного. Преобладание в узусе того или иного элемента, той или иной грамматической конструкции может истолковываться и как «временный фактор»; ср. распространение просторечных, ненормативных выражений: *да ладно* (вместо *не может быть* или *неужели*); *по-любому* (следует: *в любом случае*), *походу* (следует: *похоже*) и т. д.

Анализ современных толковых словарей показывает, что некоторые употребительные слова знаменательных частей речи, а также составные предлоги и сложные союзы еще не стали объектом лексикографии, другие слова уже не употребляются в современном русском языке в тех значениях, которые зафиксированы в словарных статьях. Поэтому их описание в ортологическом аспекте должно строиться в соответствии с их синтаксическим поведением, лексико-грамматическим статусом и структурными связями.

У некоторых слов в существующих толковых словарях устаревшие синтаксические пометы, в современной речи они уже употребляются в ином окружении; например: *Допустить кого-н. куда-н./к кому-н.*: **Не допускай собаку в спальню*. Словарь русского языка в 4-х томах (МАС) рекомендует подобное распространение глагола как нормативное: *Допускать всех на наши участки* (Либединский). В этих выражениях глагол *Допустить / допускать* имеет модальное значение «Позволять, разрешать войти, прийти куда-л., к кому-л.». Эту рекомендацию повторяет Толковый словарь русского языка (М., 2007); однако в современный узус показывает, что в этом значении употребляется глагол *Пустить / пускать*; например: *Не пускай его сюда*.

II. Эпистемическая обусловленность синтаксических моделей

1. Семантика модели предложения и синтаксическая позиция как операторы нормы

Необходимый уровень исследования грамматических вариантов на уровне синтагматики — модель предложения и ее парадигматические связи. Словосочетание в отечественной литературе рассматривается как способ реализации лексического значения главенствующего слова (чаще — глагольного), т. е. как «расширенное наименование кусочка действительности», и как фрагмент предложения. И тот, и другой подход восходит к работам В. В. Виноградова середины прошлого века.

Традиционно в отечественном языкознании, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, проблема изучения значения слов разрабатывается в связи с анализом их синтаксического окружения: третья глава «О сочинении глаголов» посвящена анализу глагольных значений, а также значений глагольных словосочетаний и типов конструкций (действительной или страдательной). В XIX веке в синтаксисе А. Х. Востокова [Востоков 1859: 165] представлен и ономаσιологический подход — исследование способов выражения глагольными словосочетаниями положений предметов в действительности. Дальнейшее развитие семантических исследований связано с именем А. А. Потебни, который предложил синтаксически ориентированную общую теорию языка.

Уровень словосочетания как элементарного контекста словоупотребления достаточен только в том случае, если при решении вопросов сочетаемости слов априори делается допущение, что в гипотетической пропозитивной номинации субъектная позиция в предложении предназначена только для существительных со значением лица; например: *советоваться (с кем-н); совет (друга)*. Но в случае описания вариантов синтаксического распространения многозначных существительных и глаголов необходима вся семантико-синтаксическая структура предложения: уровень словосочетания оказывается недостаточным для дифференциации значений полисемантических слов.

Функции и значения лексем с очевидностью выявляются в более сложных конструкциях — на уровне предложения. Это коренится

в синтаксической природе процессов человеческой когниции: при «наивной» категоризации реальности то или иное явление, феномен природы наделяется свойствами, характеристиками неосознанно. Интерпретативная работа нашего сознания (когнитивная категоризация) осуществляется базами, часто неосознаваемыми, т.е. скрытыми концептами. Свойства базовых категорий проявляются в актах предикации — в моделях предложений, которые представляют собой сложные знаки отражения действительности. Априори в акте предикации приписывается признак из разряда таких признаков, который может быть присущ этой субстанции, является органичным для нее.

Таким образом, критерии нормативной оценки вариантов грамматической сочетаемости слов должны определяться на уровне анализа структуры предложения. Необходимые понятия, являющиеся инструментом анализа, — «модель предложения», «семантическая категория предложения», «грамматическая категория», «синтаксическая позиция» и «синтаксический ряд».

Мнение А. М. Пешковского, что мыслительные структуры диктуют типические способы своего выражения в речи, оказалось исходным тезисом в современных исследованиях по когнитивной лингвистике [Кибрик 2008; Кубрякова, Демьянков 2007]. А. Е. Кибрик рассматривает понятие нормы как эпистемическую организацию языка; он считает, что существует когнитивный оператор нормы / отклонения от нормы: немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей, маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей»; «когнитивный оператор нормы не является неким логическим абсолютом, отражающим природу вещей *per se*. Когнитивная норма принципиально антропоцентрична, она ориентирована на человека» [Кибрик 2008: 62–63].

Коммуникативные стереотипы — синтаксические речевые образцы — находят системное закрепление как модели предложений. В семантике моделей — в категориальной семантике словоформ в определенных синтаксических позициях и их грамматических характеристиках — фиксируется языковое осмысление реальности и мыслей о реальности, т.е. умозаключений о связях и отношениях. Вследствие этого, методологическая доминанта исследования

вариативности языковых норм в русле антропоцентрического языкознания — изучение системных связей и закономерностей взаимодействия категорий глагола-предиката и имени сквозь призму стереотипных речевых ситуаций, т.е. типов речевого взаимодействия в различных языковых сферах. В основе такого подхода — обращение к самой сущности языка — к языку как интерпретативной и коммуникативной системе.

Синтаксическая норма меняется не столь быстро, как норма лексическая, но процесс развития и обновления системы идет постоянно. «Развитие нормы можно представить таким образом: от реализованной, кодифицированной нормы — через употребление, норму реализуемую, к новым системным соотношениям» [Лазуткина: 1974]. Так, в историческом аспекте интересно сопоставление организации семантико-синтаксической структуры предложения в соответствии с построением мыслительных конструктов реальных или воображаемых событий; например, двусоставных конструкций *Мороз морозит, День светает* (XVIII — XIX в.) и безличных *Морозит; Светает* (XIX — XXI в.); формирование категории переходности / непереходности у глаголов; ср.: *мышление самого языка необходимо должна следить грамматика* [Аксаков 1875: 530]; *следить за осанкой, походкой; следить за перемещением противника*, но: *отслеживать перемещение противника* (XX — XXI в.). Выбор однокоренного глагола и замена косвенного объекта действия на прямой объект, который имеет более тесную связь с глаголом, свидетельствует о необходимости иметь в современной языковой системе такой коммуникативный образец, в котором делается смысловой акцент на значении предиката, а не объекта.

Нюансы когнитивных процессов и коммуникативных ситуаций, в том числе разные ракурсы, планы, аспекты, мыслительные конструкты реальных и воображаемых событий и отношений, экспрессивные и этические оценки при обозначении субъектом речи одного и того же фрагмента действительности формируют в языковой системе огромный репертуар разноуровневых средств. Грамматические варианты, имеющие близкое, но не тождественное значение, деривационно связаны, поскольку в их основе инвариантное семантическое ядро; они вкуче представляют собой *сеть способов репрезентации того или иного понятия, когнитивной категории или культурного концепта*. Вариантность порождает как следствие яв-

ление полисемии и синонимии (полной или неполной) — лексической и грамматической (в случае грамматической полисемии чаще принято употреблять термин «полифункциональность средства»).

Г. А. Волохина и З.Д. Попова предлагают следующее определение синтаксических вариантов: «Под синтаксическими вариантами мы понимаем структуры, которые выражают тождественное синтаксическое значение». Свое определение они иллюстрируют наличием или отсутствием соотносительного слова в главной части сложноподчиненного изъяснительного предложения [Волохина, Попова 1999: 138]. З.Д. Попова пришла к выводу, что синтаксическую систему языка организуют синтаксические концепты [Попова 2009: 139–145]. Свою теорию она подкрепляет анализом разных концептуальных полей и, в частности, анализом предложно-падежных именных словосочетаний, количество которых начиная с XVIII века неизменно растет, и их функции расширяются

Тема полевой организации грамматических категорий становится довольно популярной в конце XX и в начале XXI века (см. например: [Теория функциональной грамматики 1992; Всеволодова 2009]).

Словосочетания, осложняющие структуру простого предложения, «представляя собой свернутую схему простого предложения», являются вариантами репрезентации концептов, которые находят эксплицитное выражение в структуре сложного предложения с подчинительными союзами дифференцированного значения; например, вариативные способы в представлении концепта «целевые отношения»: *Графики составляются в целях проверки потребности в топливе* и *Графики составляются, чтобы проверить потребности в топливе* (об именных словосочетаниях см.: [Прияткина 1990: 113–116]).

Структура простого предложения является знаком сложной семиотической природы и, вне зависимости от ее осложнения именными группами или оборотами, способна быть способом репрезентации концептов при помощи таких средств, как морфологические формы знаменательных частей речи, их синтаксическая позиция в предложении. Цепь наших рассуждений такова. Предложение является когнитивным фреймом, т.е. онтологически обусловленным феноменом [Арутюнова 1976; Минский 1979: 7]. В нем, прежде всего, отражается типизированный в данном социуме способ отра-

жения той или иной реальной данности. Языковые содержательные разряды, которые выражают смысл предложения, — семантические категории предложения, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом: *субъект, предикат, объект, определение, обстоятельство*.

Кроме того, каждое предложение является только одним из вариантов мыслительного представления того или иного события (факта), т.е. каждое предложение своим сигнификативным значением показывает одну возможность представления реальности. Поэтому синтаксическую модель следует рассматривать как *способ* обозначения говорящими на данном языке ментального конструкта реальной ситуации, а не как «ярлык» самой реальной ситуации. Естественно, что слово в этом синтаксическом образце проходит опосредование своей денотативной отнесенности через свою структурную «значимость» в этом образце. Недаром А.А. Потебня считал место слова его внутренней формой: ее формируют не только языковые значения (категориальные и «свойственные ему одному»), но и «знание места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемой форм» [Потебня 1958: 66].

Эту мысль развил Т.П. Ломтев в своем учении о синтаксической позиции. Лингвистический термин *синтаксическая позиция* обозначает значимое положение определенной словоформы в модели предложения [Ломтев 1958: 42; Ломтев 1960: 15–28]. «В понятии позиции выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» [Ломтев 1976: 132].

Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой организации предложения, поскольку она делает очевидным сходство содержательных признаков слов (словоформ), имеющих не только разные лексические значения, но и входящих в разные семантические классы, но которым предопределена системой языка одна и та же функция. Синтаксическая позиция имеет более отвлеченные семантические характеристики, чем уже установленные разряды существительных: она может быть предназначена для имен разных категориальных разрядов *в разных формах*, а может — только для одного разряда и в одной форме, в зависимости от смысловых отношений в структуре предложения.

Понятие «синтаксическая позиция» показывает, что синтаксическая система, семантико-синтаксическая организация предложений связана с лексической системой через когнитивные структуры более высокой степени абстракции, нежели лексическое значение, — посредством отнесенности форм слов разных частей речи к определенной категории. Таким образом, каждая лексема может входить в разные разряды категориальной семантики, которые могут стать очевидными только при употреблении лексемы в определенной модели предложения.

Научное открытие Т.П. Ломтева способствовало дальнейшему изучению категорий имени и глагола и законов их взаимодействия в создании смысла предложения.

Таким образом, в предложении каждое слово выполняет определенную роль в организации смысла предложения. Эта роль, значимость слова предсказана его синтаксической позицией — появлением его в *определенной форме* и его структурными связями с остальными членами предложения. Форма слова, или словоформа, — слово изменяемой части речи в какой-либо форме или слово неизменяемой части речи в единственно возможной форме; напр.: *развиваясь, пропитанным, рисую, наудачу; большого, сыну*. В звуковую оболочку словоформы заключается ее лексическое и грамматическое значение, которые взаимообусловлены.

В процессе исторического развития языка одна и та же лексема может приобретать варианты своего оформления. Так, напр. словоформа в предложном падеже существительного *ход* может быть с окончанием *-е* или *-у*: *в ходе переговоров; вскочил на ходу; этот прием у них в ходу; о ходе часов*. Словоформа с окончанием *-у* имеет архаичную окраску и закреплена в устойчивых словосочетаниях. Если словоформы имеют одно и то же значение, но различаются своим окончанием, то они называются морфологическими вариантами; напр. *рвенье* и *рвение, чисть* и *чисти, дверями* и *дверьми, страной* и *страною*.

Судьба словоформы иногда складывается вне ее морфологической парадигмы, под влиянием контекста употребления. Именно синтаксические функции словоформ обуславливают переход слов из одной части речи в другую, поскольку в семантико-синтаксической организации предложения участвуют общие (категориальные) и частные содержательные компоненты слова; например, дееприча-

стие *благодаря* и предлог *благодаря*, наречие *внизу* и предлог *внизу (письма)*, глагол в личной форме *знаешь* и частица *знаешь*; ср.: *Зимы были знаешь какие!* Именно синтаксическая функция прилагательных типа *рад, должен, обязан, счастлив* сделала их несклоняемыми словами, сформировала их грамматическое значение (значение состояния) и определила особый категориальный статус краткого прилагательного. В.В. Виноградов назвал их «гибридным разрядом форм», А.А. Зализняк — «неатрибутивной формой прилагательного», В.А. Лекант — «предикативом».

2. Уровень модели предложения. Вариативность синтаксической связи как синонимия словоформ

Синтаксическая позиция и словоформа обуславливают друг друга; и это объясняет полисемию и омонимию именных словоформ, их роль в высказывании и переход слов из одной части речи в другую. В этом случае вариативность синтаксических связей связана с иерархией компонентов лексического значения главенствующих слов (и прежде всего, предикатных слов) и разной смысловой емкостью морфологической формы существительного в том или ином лексическом значении. Таким образом, специфика значения именной словоформы не может быть раскрыта без обращения к семантико-синтаксической организации высказывания и определения структурной роли этой словоформы.

Одна и та же падежная форма может соотноситься с различными уровнями семантико-синтаксической организации высказывания. Следует говорить о падеже как об исторически сложившемся семантическом комплексе, т.е. принять постулат о полисемии на уровне морфологии. Это понимание не противоречит формальному аспекту определения категории: грамматическая категория представлена рядами грамматических форм с однородными значениями.

И.Н. Кручинина пишет, что А.А. Потебня первый пришел к мысли о «дихотомии собственного и производного значения формы». Потебня открыл, что формы, образующие единый семантический комплекс, «построенные относительно значения на одной и той же мысли языка», не всегда равны по объему: значения одних могут быть шире и неопределеннее, других — уже, конкретнее, специаль-

нее» [Кручинина 2009: 15]. В связи с этим необходимо различать словоформы как элементы подчинительных связей слов в предложении, словоформы, связанные предикативными отношениями, и словоформы, связанные со всей грамматической основой предложения. Так, в следующих примерах омоформы *вечером* в функции обстоятельства по-разному соотносятся с грамматической основой: «*Вечером синим, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным*» (С. Есенин); *Я приду к тебе вечером*. В первом примере *вечером* является падежной формой имени существительного *вечер*; она относится ко всему составу предложения и может быть развернута в самостоятельную предикативную основу. Во втором примере словоформа *вечером* является наречием и примыкает к глаголу.

Отдельные словоформы с «застывшими» грамматическими показателями представляют собой устойчивые модели высказывания — фразеологизированные схемы предложения с определенной семантикой; например: *Народу!*; *Не до тебя*; *И не говори!*; *Гулять так гулять!*

Значение и синтаксис словоформ составляют предмет теории словоформ, которая развивалась в отечественном языкознании начиная с «Русской грамматики» А. Х. Востокова. Некоторые грамматисты, развивая взгляды Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, считают, что словоформа и синтаксическая позиция относятся друг к другу как форма и содержание, единица языка и ее функция [Кодохов 1975]. Более тесную связь синтаксической позиции и словоформы усматривают ученые, развивающие идеи А. А. Шахматова, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, Т. П. Ломтева. По их мнению, модель предложения своими синтаксическими позициями формирует общие семантические и грамматические свойства словоформы, предсказывает возможные синонимические замены (т. е. варианты выражения ее смысловой сущности, обусловленной ее синтаксической позицией).

Естественным развитием понятия «вариативность» в позиционном синтаксисе стало такое понятие, как «**синтаксический ряд**» — появление в одной и той же синтаксической позиции в определенной модели предложения разных словоформ, слов или придаточных предложений [Кручинина 1968]. Понятие синтаксического ряда объясняет синонимию линейных компонентов модели предложения как *вариативные способы представления одного и того же смыс-*

лового фрагмента предложения. Ср. синонимию падежных форм *о ком-чем-н.* и *за кого-что-н.* при развитии переносного значения у глагола *болеть* — «Сильно беспокоиться, постоянно тревожиться, остро переживая что-н.»: а) с отвлеченным существительным или конкретным существительным в значении отвлеченного в предложном падеже с предлогом «о» (*о ком-чем*): *Мы болеем о развитии нашего комплекса*; *Сын болеет о своей режиссерской работе*; б) с отвлеченным существительным в винительном падеже с предлогом «за» (*за кого-что*): *Врач болел за своевременную отправку раненых в тыл*; *Юниоры болели за успех своей команды*.

В языке существуют законы, ограничивающие вариативность синтаксического ряда. Таким образом, первая преграда — закон сочетаемости на уровне лексем и их категориальной семантики, который проявляется в выборе нужной словоформы или ряда словоформ, одобряемых с точки зрения языковой правильности. Так, например, язык подводит под одну мыслительную категорию и наделяет синонимичными свойствами **отвлеченное имя существительное** (или местоимение с пропозициональным значением *то*, *это*) и **неопределенную форму глагола**. Такая вариативность является когнитивным оператором грамматической нормы.

В отечественной лингвистической литературе много внимания уделяется вопросу чередования родительного и винительного падежа при отрицании; см., например: [Ицкович 1982]; указывается на слишком большое число факторов, которое следует учитывать при выборе той или иной формы [Лютикова, Тестелец 2013]. Следует подчеркнуть, что это чередование в большинстве случаев нельзя назвать свободным от семантических характеристик управляемого компонента, указывающих на основные архисемы в его значении, на вхождение этого компонента в тот или иной *категориальный ряд* (например, его принадлежность к определенному грамматическому роду), на его онтологические признаки (одушевленность / неодушевленность; абстрактность / конкретность), от семантических характеристик главенствующего слова словосочетания (предиката), а также от прагматических факторов речевой ситуации; например, от категоричности / некатегоричности отрицания.

Ср.: *Он не ругал сестру* и *Он не ругал пса* (ср. устаревшую конструкцию: **Прошу не оскорблять моей жены* — к/ф «Не может быть!»).

При глаголах восприятия с отрицанием зависимое одушевленное существительное должно быть в форме вин. пад., а неодушевленное существительное — как в форме вин. пад., так и в форме родит. пад. (категоричность отрицания подчеркивается употреблением формы родит. пад.): *Он не видел сестру и Он не видел вазу / Он не видел вазы; Он не видел различий в этих текстах. Он не слышал сводку погоды / Он не слышал сводки погоды.*

Мы считаем, что неправомерно ставить вопрос о синонимии подобных синтаксических конструкций; такого рода синтаксические чередования можно назвать только *неполными синонимами*, способными выполнять близкие функции только в ограниченном числе речевых ситуаций.

Скруплезное изучение и сопоставление смысловой структуры предложения и его морфосинтаксической организации согласуется с эмпирическим методом современной когнитивно-ориентированной лингвистики — «последовательно следовать за всеми нюансами языковой формы и искать их конечное объяснение в устройстве когнитивной структуры» [Кибрик 2008: 75].

3. Вариативность синтаксических конструкций и «языковой вкус» носителей языка

В ортологии важен такой фактор учета, как принадлежность той или иной формы к определенному историческому периоду в жизни социума. Оценка социумом грамматической правильности того или иного выражения свидетельствует об уровне его языковой компетентности.

Употребление различных падежных форм в функции объекта как средств синтаксической синонимии при одних и тех же предикатах может свидетельствовать о языковых предпочтениях носителей языка. Так, например, объект при глаголах речи может быть представлен целым рядом семантически соотносительных словоформ или придаточным предложением, занимающих одну и ту же синтаксическую позицию (т.е. синтаксическим рядом); например: *Говорили о возможностях системы / про возможности системы; Контроль расходования средств / за расходованием средств / над расходованием средств.*

Исторически сложившиеся в индоевропейских языках правила построения предложения отводят самой коммуникативно значимой

словоформе, которая является темой высказывания и субъектом обозначаемого действия (процесса, состояния) позицию в начале предложения. Морфологизированной формой выражения темы является подлежащее — имя существительное или местоимение в именительном падеже. Все другие именные словоформы в косвенных падежах в этой позиции имеют дополнительный компонент значения — оценку говорящим неактивной роли субъекта; напр.: *Ему весело; С нами все в порядке; Ногам холодно; Ее лихорадит.*

Это направление исследований продолжено современной когнитивной лингвистикой. Ср. близкое высказывание Дж. Лакоффа: «Я считаю, что формальные аспекты лингвистических исследований являются частью построения модели мышления» [Лакофф 1981: 365]. А.Е. Кибрик выражает аналогичную мысль: «... постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2008: 53].

О влиянии языка на склад мышления человека А.А. Потебня в 1895 году выразился следующим образом: «Мысль, идущая по колею родного языка» [Потебня 1913: 201–202]. В дальнейшем А.А. Потебня конкретизировал свою мысль: «Речь находится в зависимости от своих психологических условий. Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка. Задачи же грамматики найти психологические условия употребления формы, или проще: точно определить ее значение» [Потебня 1977: 113]. Подобный аспект рассмотрения связан с традицией отечественного языкознания так называемого психологического направления, в котором утверждалось, что своеобразие каждого естественного языка заключается в специфическом соотношении мыслительных и языковых структур.

В XX и XXI веке пристальное внимание языковедов было направлено не только на постижении устройства языковой системы, но и на изучении принципов функционирования этой системы. И проблема вариативности в грамматике стала тесно переплетаться с исследованиями языковой прагматики и с изучением жизни языка в обществе.

Начиная с первых работ М.М. Бахтина — «Марксизм и философия языка», «Речевые жанры» [Волошинов (Бахтин), 1993; Бах-

тин 1996], — использование в речи синтаксических образцов обозначалось особыми терминами: «речевой штамп», «клише», «норма словоупотребления» [Культура парламентской речи 1994], «цитирование» [Волошинов (Бахтин) 1993]. М.М. Бахтин ввел в языковедческий обиход также выражение «*память слова*». Память слова — это «суммарное» значение слова, которое заставляет носителя языка вспомнить все возможные контексты употребления этого слова и которое обуславливает и дальнейшую судьбу слова в языке.

Некоторые последователи М.М. Бахтина [Арутюнова 1992; Kristeva 1980; Барт 1989; Гаспаров 1996] называют речевую практику постоянным процессом цитирования: приведение ранее слышанных речевых отрезков в новых речевых условиях, включение их в уникальные, ранее не встречавшиеся конструкции, и, таким образом, создание новой базы цитирования. По выражению Г.П. Мельникова, речевое общение — это непрерывная формализация и интерпретация смыслов через значения и значений через смыслы [Мельников 1978: 317]. Это подтверждает важность дискурсного подхода в исследовании, при котором каждое высказывание представляет собой фрагмент смысловой канвы дискурса подобно элементу особой конфигурации в мозаичной картине. Дискурс (или речевой жанр), являясь целостным семиотическим образованием, диктует целый спектр языковых норм и выявляет коммуникативные характеристики языковых элементов. Именно в дискурсе происходит образование новых речевых форм, состоящих из форм.

Регулярная воспроизводимость речевых стереотипов говорит о существовании синтаксических моделей, о том, что это принятый социумом, удобный способ формирования и выражения мыслей. Узус выявляет стилистические тонкости того или иного варианта и показывает, что выразиться абсолютно одинаково, используя разные средства, просто невозможно. Частотность и высокая востребованность того или иного коммуникативного образца ведет к изменению его отношений с коммуникативными синонимами и вызывает структурные перемены в системе парадигматических связей.

Исследование системы языка на основе анализа дискурса, сквозь призму типичных речевых ситуаций, созвучно главной стратегии в тех направлениях современной лингвистики, с которыми связаны попытки построения общей теории языка [Chafe 1994; Givon 1979; Givon 1995; Tomlin 1994].

Ориентация на дискурс предполагает исследование *высказывания* — реальных синтаксических конструкций. Следовательно, лингвистический анализ нуждается в конкретизации исходных понятий: принимаем ли мы в качестве исходного понятие «модель предложения» или понятие «высказывание» [Кубрякова 2000: 14–15]. Однако когнитивно-прагматический аспект исследования проблем вариативности позволяет увидеть **процесс становления моделей** с учетом условий употребления высказываний.

4. Прагматические механизмы языковой системы как условия формирования вариативности

Создание смыслового континуума текста невозможно без выражения говорящим своего отношения, своей оценки. Оценка — облигаторный строевой компонент высказывания. Ср.: «Высказывание без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303–323]; т.е. отношение говорящего к предмету речи, к условиям речи, к адресату и к другим факторам обуславливает структуру предложения. Ср. также: «К человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению» [Мигунов 1986]. В то же время выбор средств, выражающих оценки, зависит от возможностей и «предпочтений» уже сложившейся системы языка, и «произвол» говорящего не безграничен. По выражению В.З. Демьянкова, «между языком и мыслью существует отношение “взаимоиспользования”» [Демьянков 2000: 104].

Несмотря на мгновенность процесса и simultанность, порождение речи осуществляется поэтапно. По нашему мнению, это происходит следующим образом: коммуникативный замысел формирует **стилистический модус**, который реализуется в интонационной конструкции и в узальных линейных блоках — в высказываниях, в структуре текста и в системных маркерах модальности. Стилистический модус принадлежит культуре в широком смысле слова, он связан с культурой эпохи, с культурой социума и отношений в социуме, с культурой личности. Ср.: «Человеческое существо порождает многослойность культуры, а культура демонстрирует различные аспекты “восприятия мира и человеческой жизни”» [Бахтин 1990:

96]. Стилистический модус участвует в репрезентации содержания высказывания, иначе говоря, он и есть главная часть содержания. Он руководит отбором синтаксических структур и лексического состава как когнитивных фреймов, сигнификативных комплексов. Морфосинтаксические характеристики лексем (в том числе показатели шифтерных категорий глагола) не произвольны, они предопределены распределением ролей в типичных речевых ситуациях — диалогах и полилогах, в способах существования в сознании говорящего «чужой речи».

Лингвистика XX века предложила свои термины для исследований особенностей «жизни языка». Ср.: «активная грамматика», «грамматика говорящего» (Л.В. Щерба), «антропоцентрическая лингвистика», «описание языка в модальности субъекта речи» (Ю.С. Степанов). Для нас также важно мнение Д.Н. Шмелева, высказанное в 1976 г., о том, что не существует 2-х уровней синтаксиса (конструктивного и коммуникативного), что коммуникативная направленность предложения не является чем-то внешним по отношению к его структуре, актуальное членение предложения не накладывается на некое статичное предложение, которое в зависимости от коммуникативной цели может видоизменяться, меняя свой смысл. Эта же мысль содержится в работах Т.М. Николаевой и И.И. Ковтуновой; аналогичная точка зрения лежит в основе референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина и У. Фоли: «... синтаксис в значительной степени является результатом совмещения семантики и прагматики» [Ван Валин, Фоли 1982].

Синтаксические образцы создаются, прежде всего, под влиянием семантических отношений в структуре предложения, которые, в свою очередь, обусловлены социальными причинами, ракурсом отражения внеязыковых явлений говорящим. Следовательно, главными факторами развития синтаксических образцов (моделей простого предложения) являются:

а) формирование предикатного ядра: необходимость в речи сделать смысловой акцент на определенном слове, что ведет к тематизации этой лексики, а также к оформлению предиктируемого компонента в качестве подлежащего;

б) иерархизация периферийных позиций: «заполнение» позиций, имеющих наиболее сильную синтаксическую связь с предиктирующим компонентом, например синтаксической позиции прямого

дополнения (объекта) определенными лексемами; например: *Cосед стал хлопотать пенсию* — вместо рекомендованного в словарях варианта: *Cосед стал хлопотать о пенсии*. Смысловая значимость лексики *пенсия* имеет своим следствием изменение ее синтаксической позиции.

Изменение структуры предложения в соответствии с изменением роли слов и их форм ставит вопрос о важности элементов в процессе порождения речи, об уровнях содержательной организации высказывания и о смысловой емкости синтаксических позиций. В связи с этим в начале 20-го века Е. Курилович поставил вопрос о взаимодействии языковых единиц, об истории развития системных связей, деривационных отношений, первичных и вторичных функций языковых элементов; ср.: «Грамматикализация падежной формы сообщает ей центральное положение среди определяющих глагола. Адвербиализация падежа, напротив, отбрасывает его на периферию глагольной группы» [Курилович, 1962: 188; 237–250].

Таким образом, модели предложений являются сложными семиотическими структурами, элементами языковой картины мира, которые передают информацию *непреднамеренно*. Исторически сложившиеся модели предложений предопределяют общие семантические (категориальные) и грамматические свойства словоформы, предсказывает возможные синонимические замены. Кроме того, следует иметь в виду, что формальные характеристики элементов (падеж, число) обусловлены не только их синтаксической ролью (которая, в свою очередь, предопределена смысловыми связями и прагматикой дискурса), но и закрепленными в системе значениями морфологических форм.

5. Влияние узуальных дейктических характеристик высказываний на формирование грамматических моделей

Среди прагматических («приспособительных») механизмов языковой системы своей обязательностью выделяется, по выражению Ю.С. Степанова, «аппарат локации» — дейктические координаты высказываний: координаты первичного («зрительного») дейксиса «я — ты — здесь — сейчас» или координаты мысленного дейксиса «он — там — тогда». В связи с этим не только формы слов несут печать своих обычных контекстов с определенными дейктическими ко-

ординатами, но и языковая система своими синтаксическими моделями «сигнализирует» особенности узуса: отсутствие одних форм или малоупотребительность других. Так, не всегда возможно построение высказываний с глагольным предикатом в форме 1-го лица единственного числа. Запрет на образование формы может иметь разное основание: неблагозвучие словоформы (напр. *очучусь**); лексическое значение глагольной лексемы, не позволяющее строить Я-предложения, поскольку действие не может быть отнесено к человеку, к говорящему (напр. *разливаюсь**, *ягнюсь**); наличие «прагматического запрета» — когда в глагольной лексеме есть компонент значения, который указывает на ситуацию употребления глагола в речи: несовпадение субъекта действия с субъектом речи (наблюдателем); нельзя сказать, например, *Я белеюсь на горизонте**.

Синтаксическое «поведение» словоформы, частотность и особые условия ее употребления — все эти факторы определяют место словоформы в грамматической системе и решают ее «судьбу». Это, например, может иллюстрироваться таким случаем, когда форма 1-го лица глагола практически никогда не употребляется, несмотря на отсутствие запрета системы, поскольку говорящий, как правило, избегает употреблять этот глагол, в значении которого содержится отрицательная характеристика субъекта действия; например: **Я бужу* (от глагола *бужить*); **Я тужу* (от глагола *тузить*).

Как правило, модели предложений с экзистенциальным компонентом в значении предиката существуют в языке в двух ипостасях: с препозицией обстоятельственной словоформы со значением места — при мысленном дейксисе — или без этой словоформы (с нулевым членом модели) — при первичном дейксисе. При этом модели предложения предписывается порядок слов, при котором сказуемое предшествует подлежащему; например: *В дом набежало народу / В дом набежал народ / Набежало народу; В избу набились ребятишки / Набились ребятишки; Под куртку напозли муравьи / Напозли муравьи.*

Шифтерные категории глагола тесно связаны со смыслом высказывания. Так, потеря морфологической гибкости глагольного слова, закрепление видовой или временной характеристики в результативных, стативных и релятивных конструкциях является сигналом особой интенции говорящего — интеллектуальной и/или образной оценки ситуации в момент речи; например: *Пустую вырубку окру-*

жали голенастые ели и сосны (Б. Пастернак) — глагольная словоформа обозначает локальные отношения; *Дети одеты* — результативная конструкция: обозначение положения дел к моменту речи; *Как он, она была одета Всегда по моде и к лицу* (Пушкин) — стативное, признаковое значение глагола, обозначение нединамичного признака.

6. Принцип коммуникативной важности и формирование новых синтаксических образцов

Чтобы понять законы семантико-синтаксической организации предложения, надо обратиться к анализу *акта предикации*. Модели в системе языка хранятся не как абстрактные схемы, готовые к произвольному заполнению лексическим материалом, а как тесно спаянные с лексемами семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции (предикации), т.е. выбирая стилистический ключ описания какой-либо темы, говорящий сталкивается с необходимостью использовать те или иные исторически сложившиеся грамматические структуры, поскольку синтаксические образцы являются когнитивными феноменами.

Реальные процессы, события представляют собой денотат предложения, и языковое осмысление этого денотата возможно разными конструктами — целым рядом сигнификативных структур; например: *Ночь; На юге ночь наступает внезапно; Улицы и дома накрыла ночь*. Кроме того, существует большое количество конструкций (например, сложные предложения логической обусловленности, фразеосхемы), у которых есть только сигнификативное значение. Понятие «сигнификат предложения» соотносится с понятием «категориальная ситуация» А.В. Бондарко [Бондарко 2008: 14–15], «сигнификативная ситуация» (семантическое соответствие денотативной ситуации) [Кубрякова 2004; Гак 1998]. Ср. понятие Ф. Кликса «внутренняя реальность»: «... зафиксированный в языке мир результатов мышления образует как итог познавательных процессов — внутреннюю реальность» [цит. по: Кубрякова 2004: 93]. Е.С. Кубрякова, анализируя данное понятие Ф. Кликса, считает, что существование языковых форм, передающих значения концептов, схем, образов, пропозиций внутренней реальности, — «доказатель-

ство того, что они, действительно, составляют части нашего сознания, притом коллективного».

Принцип коммуникативной важности определяет выбор *ракурса* и *плана* и, соответственно, конкретной *модели предложения* при обозначении какого-нибудь процесса, при интерпретации реальных событий субъектом речи. Естественно, что не все денотативные признаки реальной картины могут найти отражение в сигнификате одного предложения. В сигнификативных структурах глагольных предложений, соотносительных с данным событием, можно обнаружить константный минимум, который в них облигаторно представлен, это — **сигнификативное ядро** моделей предложений, вобравшее в себя определенные параметры денотативного пространства, несмотря на изменчивость отдельных сигнификативных характеристик обозначаемого, остается неизменным в разных моделях предложений. Это ядро можно назвать константным, или «якорным». Сигнификативное ядро — содержательный инвариант, который обуславливает существование в синтаксической системе вариантов репрезентации в языке мыслительных конструкторов реальных или воображаемых явлений, событий, отношений, поскольку остаются неизменными логические отношения параметров в структуре мыслительного представления — сигнификатах разных моделей предложений, которые вместе образуют парадигму диатез. Эти логические отношения отображаются всей структурой предложения (семантикой схемы), предикатом и его семантическими актантами, что заставляет нас считать разные модели предложения парадигматически связанными. Сигнификативное значение каждого конкретного предложения — конструируемая картина, собрание вычленимых при ее осмыслении элементов, параметров денотативного пространства, наделенных определенными свойствами и ролями в этом пространстве.

Таким образом, вариативное отражение реальности или вариативное представление о реальности в сознании говорящего (субъекта речи) уже задано мыслительными конструктами, содержащими указание на главные сигнификативные компоненты в структуре предложения или неизменные денотативные признаки обозначаемого, и логическими связями в этом мыслительном конструкте.

В естественном дискурсе при осмыслении реальной или воображаемой картины формируются как полные и детализированные

фреймы происходящего, так и неполное, частичное «видение», при этом происходит тематизация разных участников события или ситуации, показываются способы полного или частичного «обзора», усиление или редукция каких-либо показателей логических отношений. На существенную роль познающего субъекта в процессах интерпретации обратил внимание Р. И. Павилёнис [Павилёнис 1983: 16]. Эти модели осмысления могут носить универсальный характер для всех или многих языков, а могут принадлежать лишь некоторым языкам. Таким образом, большие фрагменты разговорной речи в диалогах и полилогах, а также тексты кодифицированного литературного языка различных функциональных разновидностей демонстрируют семантико-синтаксическую организацию исторически сложившихся моделей предложений как способов обозначения говорящим реальных процессов в разных ракурсах (с учетом его таланта интерпретации и его коммуникативных целей).

Для иллюстрации семиотической ценности морфологических характеристик слов в определенных синтаксических позициях богатным материалом являются семантически емкие конструкции — деривационно связанные полипредикативные модели предложений, организованных *событийными глаголами* локально направленного действия. Термин «событийные» мы употребляем потому, что эти глаголы обозначают переход агенса или пациенса из одного состояния в другое (безотносительно видовой корреляции), вследствие этого, структура значений событийных глаголов обязательно включает отрицательный компонент [Daneš 1971; Лазуткина 1980: 49–56].

III. Вариативное представление семантических категорий предложения

Семантические категории предложения (*субъект, предикат, объект*) — языковые содержательные разряды, которые выражают смысл предложения, находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Каждая модель предложения является только одним из вариантов мыслительного представления говорящим того или иного явления, ситуации, процесса, и все особенности этого представления показываются структурными связями элементов в модели предложения. Смысл предложения диктует определенные типы семантических категорий предложения и предсказывает формы их репре-

зентации. Взаимодействие категорий имени и глагола в создании семантических категорий предложения, позволяет сделать вывод о том, каким образом в диахронии складывались механизмы композиционной семантики предложения.

1. Варианты представления семантической категории предложения «объект»

Объект — категория семантической структуры предложения, тесно связанная по смыслу с предикатом: в ситуации, обозначенной в предложении, «участник», на которого направлено действие субъекта или с которым связано действие или остояние субъекта. В предложении обычно выражается именем существительным или местоимением в форме косвенного падежа, а также неопределенной формой глагола; напр.: *Студент пишет реферат; Летчик следит за приборами; Мы мечтали поехать в Крым.*

Падеж представляет собой исторически сложившийся семантический комплекс, закрепленный за определенной формой. Ср.: «Основными и самыми обобщенными падежными значениями, отвлекаемыми от функционирования падежей во всех их возможных позициях как при слове, так и в предложении, являются значения объектное, субъектное и определительное» [Краткая русская грамматика 2001: 180–181]. Морфологическая категория падежа тесно связана с другими категориями имени существительного, семантическими разрядами лексики. Так, по заключению А.М. Пешковского, «дательный падеж гораздо более целостен по своим значениям, чем все остальные. В сущности, он имеет только одно значение, именно то, которое принято называть значением дальнейшего объекта, или косвенного объекта (можно и «побочного» объекта)» [Пешковский 2001]. Аналогичное утверждение в Краткой русской грамматике: «Мы считаем, что центральное, доминантное, главное значение дательного падежа — обозначение отдаленного объекта (например, «он» в акте общения)» [Краткая русская грамматика 2001].

Нормально положение объекта после глагола-сказуемого, главенствующего слова глагольного или именного словосочетания; напр.: *Они радовались приезду гостя; Дискуссия о главном герое была в разгаре.* Детерминирующий объект относится ко всей пре-

дикативной основе и обычно располагается в начале предложения; напр.: *С друзьями легко быть откровенным; Насчет отъезда ничего определенного; По отношению к посетителю они поступили невежливо.*

В наиболее явном виде смысловые связи объекта проявляются в глагольных предложениях: глагол всегда ориентирован относительно значения субъектной и объектной словоформ. Семантическое качество объекта зависит от таких категориальных свойств глагола-сказуемого, как акциональность, каузативность: объект может обозначать данность его до действия, совершаемого субъектом (после некаузативных глаголов; напр., *Мы любовались закатом; Дети уважают отца; Поверь в мечту!*) или его возникновение в результате такого действия, появление в нем нового состояния (после каузативных глаголов; напр., *Мать сшила платье; Спортсмены добились победы*).

Синтаксическую позицию объекта — его структурную роль, обобщенное (категориальное) значение и морфологические характеристики — обуславливает семантико-синтаксическая организация предложения и, прежде всего, семантика предиката. Так, при обозначении действия, направленного на объект, обнаруживается константный минимум — предикат и объект. Денотативные признаки события — «действие» и «объект действия» — задаются вкупе, поэтому самая тесная связь — связь предиката с объектом. Объект обладает свойствами *ментальной синонимии*, соответствует похожим отношениям в реальности. Тесная смысловая связь между предикатом и объектом обусловлена процессом осмысления; объект представляет собой продолжение характеристики самого действия (процесса, явления, события). Ср.: «Именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение»; «... глагол без дополнения остается семантически незавершенным» [Арутюнова 1976: 125–127]. Тесная связь семантики глагола с объектом показана в ряде работ.

Выводом из тезиса о тесной логической связи между предикатом и объектом априори должно стать положение о прикрепленности вариативных синтаксических рядов к определенной лексической группе предикатов в каждый определенный исторический промежуток времени. А.Е. Кибрик подчеркивает наличие более сильной синтаксической связи между предикатом и названием предмета,

на который направлено действие, по сравнению с силой связи между предикатом и производителем действия [Кибрик 1992: 180].

Именно качество объектной позиции служит основанием для построения гипотетического сигнификативного ядра, объединяющего предикаты в один синтагматический класс [Лазуткина 1995].

«Созвучие» сказуемого и объекта показывается средствами лексической и грамматической семантики. Системное значение падежной формы и варьирование ее семантических функций обнаруживают тесную связь синтаксической позиции и категориального значения лексических единиц. Одна и та же падежная форма может иметь неодинаковую **смысловую ёмкость**, поскольку представляет разные уровни семантико-синтаксической организации высказывания. Таким образом, внешнее формальное сходство линейных компонентов, одинаковые морфологические характеристики слов могут скрывать их различную структурную значимость [Лазуткина 2012: 342–343]. Ср. объект в предложениях: *Дети рисовали **карандашами, красками и фломастерами*** и *Заполняли корзины **приготовленной едой, сыром, яблоками, грибами, пирогами***.

В первом предложении словоформа в творительном падеже имеет простое значение — орудийное (инструментальное); множественное число конкретного имени существительного здесь обозначает соединение отдельных предметов. Это самостоятельная семиотическая единица, параметры которой: «конкретное существительное в функции объекта», «творительный падеж», «множественное число». Во втором примере категориальное качество существительных в творительном падеже, обозначающих средство воздействия, специфично: это вещественные или отвлеченные существительные, а конкретные существительные во мн. ч. (реже в ед. ч.) обозначают нерасчлененное множество.

В оппозиции категории «единственное / множественное число» форма множественного числа является маркированной, наделенной особым значением [Пешковский 2001; Якобсон 1985: 211; Кручинина 2009: 15; Кибрик 2008: 62]. Вторая модель предложения скрывает две мыслительные структуры. Словоформы в творительном падеже называют *средство воздействия* в первой мыслительной структуре и называют *каузатора* итоговой смежности с объектом — во второй мыслительной структуре. Роль этой синтаксической позиции в предложении — средство компрессии пре-

дикатного ядра [Wierzbicka 1969: 74–77; Апресян 1974: 35; Сильницкий 1974: 12–14]. Следовательно, имена в твор. п. имеют про-позитивное значение. Г.Г. Сильницкий объясняет семантическую функцию этого актанта следующим образом: «...адъект является средством воздействия субъекта на объект. Процесс каузации состоит здесь в том, что адъект, первоначально находившейся в наличии у субъекта, применяется им к объекту, т. е. переключается, в результате воздействия, из сферы субъекта в сферу объекта, чем и определяется терминальное состояние последнего» [Сильницкий 1974: 12–14].

По законам композиционной семантики *возможно перераспределение смысловой нагрузки семантических категорий предложения между компонентами структуры высказывания*. Семантическое соответствие объекта и глагола-сказуемого обуславливает и варианты способы существования объекта в линейной организации предложения: в качестве словоформы, словосочетания, нулевого члена (подразумеваемого объекта) или инкорпорированного члена (названного глагольной лексемой).

Нулевая синтаксическая позиция модели предложения — это включение обобщенной семантики словоформы в тв. п. в глагольное значение (глагольная лексема содержит обобщенное значение всех возможных распространителей). Возможность «нулевой позиции» кроется в особенностях глагола как части речи: глагол всегда ориентирован относительно семантики субъектной и объектных словоформ. Именно это семиотическое качество соответствия компонентов значения имен и глагола, подмеченное еще Аристотелем, стимулировало разные аспекты исследования глагольного предложения.

О языковом нуле написано много работ в области морфологии, словообразовании, синтаксиса [Якобсон 1972: 211–212; Haas 1957: 33–53; Кручинина 1968: 26–27; Лопатин, Улуханов 1980: 130]. Принято считать нуль анафорическим элементом; ср. определение нуля Ю.К. Лекомцевым: «В лингвистике синтагматическим нулем называется значимое отсутствие звукового (графического) сегмента». Одну из функций синтагматического нуля Ю.К. Лекомцев считает функцией накопление (аккумуляции) семантических альтернантов в окружении, т. е. нулевая позиция — символ пропуска какого-то элемента [Лекомцев 1980: 158–160].

Естественно, важную роль в формировании нулевой позиции играет семантика прямого объекта, которая сужает круг возможных распространителей глагола в тв. п.

Нулевой объект — это указание в значении глагола

1) на семантику единственно возможного объекта; напр.: *В столовой она оклеила стены (обоями); Небо обволокло (тучами); Предстоит вязать камни* («скреплять цемент»); ср. также: *вязать камни, бревна; законопачивать стены, загружать печь, домну; заваливать печь; заваривать трубу; задраивать иллюминатор; запаривать ткань; лицевать здание; муравить, муровать, обмуровывать котел; окуривать поля; опрыскивать лес; сваривать рельсы;*

2) или на семантику нескольких возможных наименований объекта; напр.: *Пруд зарос (ряской, кувшинками, камышом); Около растений почву мульчировали (соломой, органическими удобрениями);* ср. также: *драпировать, камуфлировать.*

Закон «перераспределения содержания» обуславливает и образование предложений с **инкорпорированным компонентом модели**: значение средства воздействия может называться самой глагольной лексемой. Это отыменные глаголы, накладывающие своим словообразовательным значением лексический или лексико-семантический запрет на появление распространителя глагола в твор. п.; напр.: *Художник добивался того же самого освещения, какое было раньше, подиптиливая занавеску на окне* (Сергеев-Ценский).

Значение основы глаголов с включенным объектом поддерживается и дублируется следующими префиксами: *вы-, за-, из- (ис-), на-, о- (-об), по-, про-*. Значение каузации передается глагольными суффиксами *-и-, -ова- (-ева-), -изова-, -ирова-, -изирова-*. Синонимия некоторых префиксов способствует возникновению среди специальных, точных по значению глаголов, вариантов, например, *выбуть, забуть, набуть фундамент; загрентовать, нагрентовать холст.*

Инкорпорированный объект накладывает запрет на появление при глаголе однокоренного существительного в роли объекта; напр.: *Опять асфальтируют этот участок дороги; Хозяйство зарыбляет пруды*, но разрешает появление такого объекта с определением-прилагательным, несущим **новую** информацию; напр.: *Конверт, надушенный чужими духами; Бинтовали палец узким бинтом.* При этом глагол с включенным объектом сохраняет свои главные, до-

минантные компоненты значения, вследствие чего может употребляться с неоднокоренным объектом; напр.: *Фаршировали колбасу ливером; Нужно позолотить изделие медью или серебром.*

При отглагольных именах существительных, обозначающих действие, объект чаще всего выражается словоформой в род. п.; напр.: *Собрались покупать машину — Покупка машины откладывается.* Однако возможно сохранение формальных связей глагола; напр.: *Восхищаться картиной — восхищение картинной; Все относились к ней хорошо — Отношение к ней не изменилось.* Возможно также приобретение отглагольным существительным нового управления; напр.: *Завидовать чему-н. — Зависть к чему; Любить кого-н. — любовь к кому-н.*

В некоторых моделях предложений, при обычном, неэкспрессивном порядке слов, объект является темой высказывания и занимает синтаксическую позицию субъекта. При этом повышается ранг этого элемента: объект приобретает дополнительное значение субъекта состояния, качества, свойства, становится нерасчлененной (диффузной) категорией «объект действия / субъект состояния»; напр.: *Его осенила внезапная мысль; Крышу снесло ветром; Лицо заливала краска стыда; Восточную культуру отличает устойчивость традиций.*

2. Вариативное представление реального события. Диатеза

Системные синтаксические варианты формируются как устойчивые коммуникативные стереотипы, содержащие интеллектуальную и эмоциональную оценку говорящего — коллективного носителя языка. Доминанта стилистического модуса автора (говорящего) является исходным тезисом в наших рассуждениях: он участвует в структурировании содержательной и стилистической канвы высказывания, формирует интонацию и ритмику текста, реализуется в вербальной, линейной организации высказывания и текста, в системных маркерах модальности. Понятие «стилистический модус» близко понятиям «оценка» и «субъект» в современной лингвистике. Ср.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1993: 323]. Трактовка концепта «субъекта» в современной когнитологии восходит к философии Л. Витгенштейна, который трактовал «субъект как этиче-

скую установку, которая задает границу и структуру видения мира и действия в нем» [Галанина 2011: 138]. В то же время выбор языковых средств при построении высказываний зависит от возможностей и «предпочтений» сложившейся системы языка, и «произвол» автора не безграничен.

Чувственное восприятие жизненных ситуаций создает образную картину, которая человеком представляется как: 1) денотативное пространство с определенными параметрами; 2) процесс (событие, статичное положение дел); 3) сигнификативное пространство — ментальные конструкторы с возможными ролевыми отношениями (действие субъекта, признак, состояние, экзистенция и т. д.); 4) модель предложения с субъектно-предикатно-объектными отношениями; 5) семантико-синтаксическая организация высказывания.

При осмыслении реальной или воображаемой картины формируются различные фреймы происходящего. Это может быть объяснено ракурсами рассмотрения, способностями говорящего и его коммуникативными целями.

Соотношение представления реальной ситуации с ее отражением в структуре предложения строится на базе функционально-семантической категории предиката, которая называется **диатезой**. Диатеза обусловлена выбором говорящим темы высказывания, его точкой зрения. Разные модели предложений, показывающие разные ракурсы одного и того же действия-события, обнаруживают деривационную связанность, которая обеспечивается принадлежностью предиката к определенному **синтагматическому классу**, предопределяющему роли «участников» ситуации, а также лексической однородностью, кореферентностью именных распространителей предиката, занимающих значимые синтаксические позиции. Содержательный инвариант диатез — это сигнификативное ядро разных предложений, отображающих одни и те же логические отношения параметров реальных событий; например: *Вода заливала поля — Поля заливала вода — Поля заливались водой — Поля заливало водой — Поля заливало; Мороз покрывает лужи тонким ледком — Лужи начало покрывать тонким ледком — Тонкий ледок начал покрывать лужи — Лужи начали покрываться тонким ледком.*

Может ли считаться синтаксическим вариантом иная модель предложения, с иными структурными отношениями между компо-

нентами? Поскольку роли «участников» реального события указаны в исходной конструкции, они не могут быть изменены в производной диатезе, поэтому не является диатезой и синтаксическим вариантом конструкция, обозначающая иные роли «участников». Так, для исходной конструкции «Налить ведро водой» (действие с объектом — ведром, в глаголе компонент значения «полнота охвата объекта действием») не является производной диатезой конструкция «Налить воду в ведро» (глагол обозначает иное действие, объект — вода), а по отношению к исходному предложению «Намазать хлеб маслом» (с компонентом значения «полнота охвата объекта действием») — не является производной диатезой предложение «Намазать масло на хлеб». Эти конструкции организованы разными значениями глагола *налить* (т. е. лексико-семантическими вариантами).

В каждый исторический период в языке существуют схемы соответствий типов подлежащих и типов сказуемых, законы взаимодействия категорий имени и глагола. Словообразовательная система языка также накладывает свои ограничения на диатезы, на возможность корреляции глагола-предиката с однокоренными глаголами; ср. устаревшую диатезу: **Загорецкий заступил место Скалозуба* (А. С. Грибоедов). Ср. также: **Усы и борода обросли нижнюю часть лица Пьера* (Л. Н. Толстой). Семантика этой модели такова: «Неконтролируемое действие (движение) стихийного субъекта-каузатора, имеющее свои следствием итоговую пространственную смежность с объектом действия». Понижение синтаксического статуса субъекта влечет перевод имени из ядра на периферию, в позицию каузатора, в наименьшей степени зависимую от предиката. В современном русском языке в синонимичных выражениях, как правило, тематизируется субъект состояния; например: *Мужчина оброс; Пьер оброс усами и бородой*; вследствие чего лексемы *усы, борода*, как слабые каузаторы, в форме твор. п. со значением итоговой смежности, имеют более низкий синтаксический статус и становятся менее обязательными. Их значение аккумулировало глагольное слово, поэтому они могут отсутствовать: конструкция *Он оброс* содержит обобщенный каузативный элемент.

3. Варианты репрезентации семантической категории предложения «субъект»

Субъект — предикцируемый компонент предложения; в реальной ситуации, обозначенной в предложении, главный активный или неактивный «участник действия»; например: *Ласточки скрепляли ветки глиной; Ребёнок закапал скатерть; Мороз затянул лужицы тонким ледком; Дым заполнял комнату*; носитель признака или субъект состояния; напр.: *Хлеб заплеснел; Ему везёт*.

Обычна синтаксическая позиция субъекта в начале предложения. Как правило, имя в субъектной позиции является темой предложения. Исторически имена в позиции субъекта, способного к самостоятельному действию, оформились как подлежащее; например, *Художник пишет картину*.

1) Эта семантическая категория показывает большую палитру вариантов субъектных значений и способов их выражения. Тема «субъект» широко обсуждается в лингвистической литературе; см. работы Ю.С. Степанова, Н.Ю. Шведовой, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и др. Так, Н.Ю. Шведова считает, что «субъект — категория не собственно грамматическая, а синтаксико-семантическая. Он соответствует тому элементу информации, в котором заключено представление о деятеле либо носителе признака или состояния. Субъект может быть выражен и обязательным грамматическим формантом предложения (компонентом схемы), и распространителем предложения, вставной конструкцией, контекстом, может быть восстановлен из ситуации» [Шведова 1972: 217; Шведова 2005: 148]. Ф. Данеш (один из первых исследователей семантических категорий предложения) показал, что значение субъекта неразрывно связано со структурой значения глагола-предиката и смыслом предложения [Daněš 1971].

Смысл предложения зависит от таких свойств субъекта, как *активность / неактивность, способность / неспособность к преднамеренному действию*, и соответственно от таких свойств предиката, как *произвольность / произвольность действия, направленность / ненаправленность действия на изменение состояния объекта, спонтанность, внезапность, независимость от воли субъекта*. При формировании структуры предложения большую роль играют прагматические механизмы языка, оценка свойств субъекта автором

высказывания (коллективным «говорящим»). Вследствие этого, мы считаем, что в языке работает оператор «сила субъекта», который определяет границы синтаксического поля «активная конструкция».

Значение субъекта как категории структуры предложения, предсказано семантикой модели, обусловлено взаимным действием *значения формы слова, значения синтаксической позиции и лексического значения слова*.

2) В каждом акте предикации имени и глаголы показывают тесное взаимодействие общих, категориальных и индивидуальных значений. По выражению Ю.С. Степанова, «субъект и предикат подготовлены к встрече друг с другом».

В толковых словарях часто не указывается семантическое качество имени в субъектной позиции в глагольных предложениях или указывается приблизительно, в зависимости от наличия у лексикографа иллюстративного материала; например: *о запахе, о дыме, о волнах, о снеге* и т. п., поскольку категориальная семантика имени существительного в субъектной позиции предложения не всегда очевидна. Этот недостаток лексикографического описания обусловлен тем, что исчисление макросемантических разрядов имен в субъектной позиции возможно только при выявлении иерархии семантических компонентов лексического значения имени существительного и при определении наиболее общего, категориального значения, — той архисемы, которая обуславливает его синтаксическое поведение. Эта архисема и является его глубинной концептуальной сущностью, действие которой обнаруживается не на лексическом уровне, а на уровне сигнификата предложения и его парадигматических связей. Выявление базового концепта, которому соответствует субъект, его точная характеристика необходимы для лексикографии в аспекте активной грамматики — «грамматики говорящего».

В дискурсе, в процессе использования языковой системы выстраивается говорящим функциональная перспектива предложения (прежде всего, тематизация определенного «участника события»), выбор имени определенной категориальной семантики, выбор предиката.

Так называемый «сильный» субъект, имеющий значение лица, может сочетаться с предикатом, обозначающим целенаправленное действие; например: *Мы закрыли окно шторой; Отец закрывал грядки пленкой*. Это гармоничное согласование категориальных

признаков имени и глагола позволяет называть эту модель исходной в сети деривационно связанных моделей, поскольку она может служить перифразой при объяснении значения других моделей. Внутримодельную деривацию представляет предложение с ослабленным каузатором — субъектом-стихийной силой, с существительными пропозитивной семантики, отвлеченными существительными. Соответственно, в глаголе ослаблена сема преднамеренности действия; например, *Ветер закрывал солнце рваными облаками*.

В дискурсе вариативность синтаксических моделей, соотносительных по одному и тому же набору денотативных признаков, ограничена инвариантом — сигнификативным ядром.

Многообразие формальных средств представления смысла предложения свидетельствует о богатых возможностях языковой системы. Так, предложения с собственно возвратным глаголом имеют значение: «активное преднамеренное действие субъекта по изменению своего состояния». Позиция объекта и постфикс *-ся* — функционально тождественны; например: *Девушке страшно. Закрылась платочком* (А. Бунин); *Закрываясь от пыли рукой, Пилат двинулся дальше* (М. Булгаков).

Главный денотативный признак события — «локально направленное движение, имеющее своим следствием полноту охвата объекта» — обозначается и предложением с одновалентным глаголом и с субъектом, обозначающим стихийную силу (каузатором действия). Это существительные пропозитивной семантики — отвлеченные, вещественные существительные или конкретные неодушевленные существительные во мн.ч., называющие субстанцию, способную к самостоятельному перемещению (например, *вода, дым, тьма, тучи* и т.п.); например, *Вода закрыла рассаду; Тучи медленно закрывают солнце*. В глагольной лексеме, в соответствии с семантикой субъекта, редуцирована сема целенаправленности, преднамеренности действия-движения. Синтаксическая спецификация существительных в субъектной функции проявляется в актуальном членении предложений: субъектная словоформа выступает как рема, а остальной состав предложения как вторая рема. Это происходит потому, что в субъектной словоформе активизируется экзистенциальный компонент значения. Нормальна ее препозиция. Значение модели — «действие-движение стихийного каузатора, имеющее своим следствием покрытие, охват, пропитывание, запол-

нение и т.д. места, относительно которого происходит движение». В отличие от предложений предыдущей модели, в данных предложениях явно проступает прагматический план — план субъекта речи: процесс описывается как зрительно воспринимаемый.

Эта модель тоже может иметь внутримодельную модификацию — с субъектом, выраженным существительным с предметным значением — квазикаузатором; например, *Занавес медленно закрывал сцену* (занавес не может самостоятельно осуществлять это действие). Это исторически поздняя модель предложения в индоевропейских языках [Степанов 2011].

Внутримодельная деривация выводит эту модель предложения из вариативного синтаксического ряда, поскольку роль предиката играет неакциональный глагол. «Диагностика» этого положения дел проводится по линии соотношения категорий имени-субъекта и предиката: существительное предметной семантики не может быть каузатором; глагол потерял значение акциональности и каузативности, стал глаголом-релятором. Здесь предикативная основа в целом показывает трактовку говорящим-наблюдателем положения дел, представляет собой когнитивную метафору говорящего при обозначении локальных отношений; например: *Брюки не закрывают каблук*.

3) Неактивная роль субъекта, его произвольное действие, неконтролируемое состояние, свойство, постоянный или временный признак показываются значением словоформ в косвенных падежах, занимающих субъектную позицию; например: вин. п. — *Его коробит от пошлости*; род. п. — *У меня новая квартира*; дат. п. — *Ему нездоровилось*; *Рукам холодно*; твор. п. — *Работа выполнена группой специалистов*; *Лодку заливало водой*; *Со мной всё в порядке*; предл. п. — *В семье лад*; *На душе легко*. Так, в безличном предложении с глаголом *Недоставать* (сов. в. *Недостать*) в значении «отсутствовать, не иметься в нужном, необходимом количестве у кого-н.» субъект выражен словоформой в дательном падеже или в родительном с предлогом «у»: *Ребенку не хватает терпения заниматься два часа музыкой*; *Ему не доставало тысячи рублей*; *У кошки не достало сил перетаскать всех котят, и дети ей помогли*.

Тематизация определенной словоформы — это один из аспектов исследования семантики предложений, который лежит в русле изучения языковой прагматики, обнаруживающей позицию говорящего

(коллективного носителя языка) и выявляющей языковую картину мира социума.

Тематизация словоформы в косвенном падеже в предложении *Восточную культуру отличает устойчивость традиций* не позволяет назвать ее подлежащим двусоставного предложения, но узальность данного порядка слов при некоторых классах предикатов свидетельствует о том, что это неотъемлемое свойство *модели предложения*, а объектная словоформа в субъектной позиции имеет статус «субъект состояния».

4) Предложения, представленные только составом предиката, с нулевой позицией субъекта, обычно обозначают неконтролируемые процессы, состояние природы, погоды, атмосферные явления, действие стихийных сил, положение дел в окружающей действительности, состояния человека. Чаще это односоставные номинативные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения; например, *Светало; Штормит; Сквозняк; Нездоровится*. Субъект, носитель предикативного признака, здесь не выражен лексически, но семантика предиката ориентирована относительно семантики возможного субъекта. Он может быть лицом — субъектом речи (например, *Пришлось согласиться*), лицом — адресатом речи, субъектом действия в инфинитивных предложениях с модальностью долженствования (например, *Выполнить!*), носителем предикативного признака в окружающей среде (например, *Вечер; Морозит*).

Отсутствие в модели указания на конкретного субъекта действия говорит о модальном усложнении семантики глагола, об оценке говорящим ситуации как не завясящей от усилий субъекта действия, о предопределенности действия внешними обстоятельствами.

5) В дополнение к рассмотренным выше случаям формирования диффузной категории «объект действия / субъект состояния» обратимся к следующим активным конструкциям, не указывающим на реального производителя действия, — к двусоставным предложениям с возвратными глаголами. Собственно, активными конструкциями их делает языковая прагматика: коллективный носитель языка придает большую важность упоминанию субъекта и делает его темой, подлежащим.

Первый тип такой модели — предложения, в которых позицию подлежащего занимает словоформа, называющая неодушевленный

объект действия. Таким образом, формальная схема предложения находится в противоречии с ролевыми отношениями в сигнификате предложения. Эти предложения организуют возвратные глаголы действительного залога, содержащие компонент модальности долженствования, подчеркивающие обязательность осуществления действия по отношению к объекту, занимающему синтаксическую позицию подлежащего в активной конструкции. При этом в актах речи указание реального производителя действия нерелевантно; например: *Дверь в общежитие закрывается в 23 часа* («дверь будет обязательно закрыта, кем — неважно»); *Металлические детали сначала красятся суриком* («детали обязательно должны краситься суриком»).

Второй тип модели — предложения с возвратными глаголами, в которых позицию подлежащего занимают существительные со значением лица; например: *Сдав зачеты, студент допустится к экзаменационной сессии* («студента допустят»); *В этом сезоне спортсмен не отобрался на соревнования* («этот спортсмен не прошел квалификационный отбор»); *Больной прокапался и пошел на процедуры* («в больнице больному поставили капельницу»). Языковая прагматика такова: говорящий стремится сделать какое-либо лицо темой своего высказывания, поэтому имя этого лица занимает позицию подлежащего в глагольном предложении. Но лексическое значение глагола-предиката диссонирует со словообразовательной семантикой глагола: оно указывает на то, что подлежащее является объектом действия. Используя такую синтаксическую модель, говорящий делает смысловой акцент на невозможности лица каким-либо образом влиять на ситуацию: результат его действий или оценка успешности его усилий зависит от других людей. Мы считаем, что возникновение синтаксической модели с семантикой «формальной» активности субъекта и закрепление этой модели как системного средства свидетельствует о частотности коммуникативного намерения говорящих повысить статус темы, сделать тему субъектом. Ср.: «Наиболее употребительная конструкция будет признана наиболее естественной, нормальной» (что говорящие делают чаще, то система кодирует лучше) [Дюбуа и др. 1986: 123].

Такие предложения синонимичны односоставным предложениям и находятся на периферии поля активных конструкций, сближаясь по своему значению с пассивными конструкциями.

6. Конструкции с причастными оборотами — также способ репрезентации субъекта действия. Само существование в языковой системе причастных оборотов обусловлено стремлением говорящего избежать в речи «тематизации» субъекта или вообще не указать его. Так, некоторые глаголы употребляются преимущественно в форме страдательного причастия прош. вр., сигнализирующей о потере глаголом акционального значения, о подчеркивании говорящим статичного признака предмета. Ср., например высокую встречаемость у глаголов с обобщенным значением форм страдательного причастия; например: *наполненный, окруженный, пронизанный, пропитанный, тронутый* и др. Они используются при описании самых различных статичных картин; например: *Потому и дышит глубоко Нежностью пропитанное слово* (С. А. Есенин). *По утрам теперь трава была седая, тронутая инеем* (А. Н. Толстой). *Его [М. Пришвина] проза гораздо сильнее наполнена соком поэзии, чем многие стихи и поэмы* (К. Г. Паустовский); *Пропитанная солнцем березовая листва поражала взгляд прозрачностью* (В. Набоков); *И самое главное, все, казалось, разнородные части романа были пронизаны общей задачей через одного из самых значительных персонажей, через Воланда, выявить и утвердить нерасторжимость добра и зла, их вечную борьбу в душе человека* (П. Проскурин).

7) В языковой системе есть двусубъектные предложения, в которых, при многообразии отношений между субъектами, первый из них является темой сообщения и находится в субъектно-предикатных отношениях с остальным составом предложения; напр.: *Входящего охватывала сырость*; *Мне это иначе представлялось*; *У старика плохо с головой*; *Со мной это впервые*; *Ей всё легко даётся*. В этом случае словоформа в косвенном падеже имеет смешанное (диффузное) значение субъекта-носителя предикативного признака / объекта действия.

Таким образом, синтаксическая система русского языка имеет большой арсенал вариантных способов указания статуса предиктируемого компонента предложения, причем все способы выявляют модусные характеристики высказываний, свидетельствующие о предпочтениях в коллективном языковом сознании, о национальном менталитете.

В аспекте композиционной семантики предложения объект и субъект предстают как бинарная категория «субъект / объект»,

которая имеет шкальный характер и показывает шкалу признаков субъектности-объектности, способы образования диффузной категории «субъект-объект» и типы формирования предикатного ядра.

В соответствии со статусом субъекта, выстраивается цепочка деривационно связанных предложений, дающая основание для разграничения значений предиката.

4. Вариативность грамматических способов выражения определения

Определительные отношения возникают между словом с предметным значением и словом, обозначающим признак предмета. Исторически сложились следующие способы выражения определения в структуре простого предложения: прилагательным в положительной или сравнительной степени (напр., *Зеленый луг*; *Нужен кто-нибудь поопытнее*), причастием (напр., *Уснувший ребенок разметался по кровати*); притяжательным прилагательным или местоимением (напр., *Мамина брошка идет и мне*; *Их игрушки ребенку больше нравятся*), существительным в косвенном падеже, чаще в родительном падеже без предлога или с предлогом (напр., *На столике стояла шкатулка красного дерева*; *В сторожке грелись чаем из таежных трав*), неопределенной формой глагола (напр., *Желание помочь этим людям заставило его остаться на вторую смену*; *Опасение остаться без компаньона заставляло директора идти на уступки*); наречием (напр., *Украшение сбоку придавало шляпке комичный вид*). Определение-приложение (нераспространенное или распространенное) имеет ту же падежную характеристику, что и определяемое существительное; ср.: *Сосед-шофер знает расписание движения автобусов*.

Ср. способы выражения определения в предложении с существительным *доброжелательность*. В знач. «Желание добра другому, проявление участия, расположения; благожелательность» — с одушевл. существительным (субъектом; названием лица) в родительном падеже (или с притяжательным местоимением или прилагательным) и с одушевл. существительным в дательном падеже (объектом): а) (*кого / чья к кому*) с предлогом «к»: *Даже*

в строгости профессора чувствовалась **его** доброжелательность к студентам; б) (**кого / чья** по отношению к кому) с предлогом «по отношению к»: *Везде чувствовалась доброжелательность людей по отношению к погорельцам.* У словоформы в род. п. синкретичное значение: не чистое характеризующее значение, а субъектно-характеризующее.

Элементы, имеющие синкретичное значение, представленные наречиями, одиночными причастиями, причастными оборотами с добавочным обстоятельственным значением, предложно-именными сочетаниями и инфинитивом, как правило, служат средством компрессии предикатного ядра. Они выполняют функцию определения в случае семантического осложнения структуры простого предложения; ср.: *Даже вороны с их осторожностью* прилетают к нам на балкон. ИмPLICITное указание на предикацию: *Вороны осторожны.* Об этом свидетельствуют регулярные соответствия причастных оборотов и предложно-падежных форм с определительным значением: *Туфли, схваченные золотыми пряжками* и *Туфли с золотыми пряжками*; *Тапочки, подбитые войлоком* и *Тапочки на войлоке.*

Нередко у определительного словосочетания развивается добавочное значение обстоятельственное значение; ср. значение обстоятельства цели у определения, выраженного именной словоформой в винительном падеже с предлогами «на предмет», «на» при отвлеченном существительном *запрос*: *Запрос в СИЗО на предмет выдачи подозреваемого*; *Запрос будущих родителей в органы опеки на усыновление Петрова А.Е.*; значения обстоятельства причины у определительного словосочетания с предлогом «по поводу»: *Редакция послала запрос в Правительство Москвы по поводу новышения тарифов.*

Все перечисленные способы выражения определения имеют неодинаковые смысловые оттенки и, вследствие этого, не могут быть полными синонимами, вариантами синтаксической позиции одного и того же семантического качества.

Синтаксическая зависимость определительных придаточных предложений от семантики конкретного слова в главной части сложного предложения, тем не менее, не является залогом того, что их характеризующее значение не может быть осложнено добавочным значением. Ср. наличие добавочного целевого значения

в придаточном определительном: *Деньги, чтобы послать отцу, она зарабатывала все лето.* Ср. выражение определения эксплицитным способом — в сложном предложении с придаточным предложением определительным: *Деньги, которые она собиралась послать отцу, ей пришлось зарабатывать все лето.*

5. Вариативность способов выражения обстоятельства

Обстоятельственные отношения в структуре простого предложения возникают между главным словом, обозначающим действие, состояние или признак, и зависимым словом, определяющим это действие, состояние или признак. В качестве зависимого слова может выступать наречие: *Он умело обращался с ребенком*; неопределенная форма глагола: *Отряд выдвинулся наступать*; деепричастие: *Девушка стояла не шелохнувшись*; падежная форма имени существительного, местоимения: *Шли лесом.* Кроме того, обстоятельственные значения могут передаваться вместе с объектными и определительными значениями (см. выше).

В современном русском языке быстро пополняется класс производных предлогов — типизированных средств для присоединения смысловых блоков со скрытой предикацией, осложняющих структуру простого предложения. Эти предложно-падежные словосочетания показывают, что в данный исторический период активно развиваются такие функциональные стили литературного языка, как деловой и публицистический. В произведениях этих стилей требуются конструкции, которые отличаются линейной компактностью и семантической емкостью, поэтому вместо сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными, присоединяемыми союзами дифференцированных значений, там нередко используются синонимичные простые предложения. Ср. синтаксические варианты при представлении концептов «условные отношения»: *В случае отказа ручного управления работает автомат* и *Если откажет ручное управление, работает автомат*; «уступительные отношения»: *Договор будет подписан вне зависимости от заявления третьей стороны* и *Несмотря на заявление третьей стороны, договор будет подписан.*

6. Варианты структурных изменений в предложении как средство создания стилистической образности

В языке художественной литературы или в стилистически ярких фрагментах разговорной и публицистической речи наиболее полным образом выявляется базовая концептуальная значимость разных системных средств, выявляются даже скрытые, неочевидные смысловые компоненты лексических элементов и синтаксических конструкций

В образном отражении реальных процессов и явлений участвует структура всего предложения, и прежде всего семантика модели, смысловое соответствие имени и глагола, поэтому эффект образности возникает при восприятии содержания всего предложения или даже отрывка текста. Модель предложения является базовым каркасом, представляющим конгломерат содержательных связей, на котором строится новая смысловая сфера, показываются приемы изобразительной стилистики.

Распределение ролей среди компонентов модели, особенности их лексической или грамматической семантики по сравнению с системно заданным, стилистически нейтральным значением членов предложения, помогает найти главных «виновников» выразительности. Образность строится на изменении структуры содержательных компонентов имени существительного в той или иной синтаксической позиции: и на уровне лексических классов, и на уровне категориально-грамматических разрядов слов. Существуют закономерности (механизмы) образования тропов: определенные *типы несоответствия* категориальной принадлежности словоформы значению определенной синтаксической позиции, — значению, предписанному системой языка. Вследствие этого, изобразительные средства обладают познавательной ценностью.

Так, модели предложений, которые обозначают процессы в *пространстве*, могут служить основой метафорического представления или «коммуникативной заготовкой» для описания событий, процессов и фактов *во времени, в социальной, психологической, научной сферах*. Ср.: *А рассказывал Горький великолепно. Подлинный случай сейчас же обростал у него подробностями* (К. Паустовский); *Москву охватило увлечение символистами; Дождь перешел в ураган; «Стертые метафоры» широко употребляются в научной литературе:*

[Слова и словесные ряды] *таят в себе тенденции облаиваться только теми группами ассоциаций, которые скрыты в концепции данного литературного произведения* (В.В. Виноградов); *Лексика разной степени терминологичности все больше и больше насыщает словесную ткань произведений различных письменных жанров и стилей современного русского языка* (Т.С. Коготкова); *Любовь к родной природе пронизывает весь сборник стихотворений поэта* (П. Пустовойт).

В языке художественной литературы категориальная семантика именной словоформы используется как фон, на котором создается новый образ. Это обусловлено увеличением смысловой емкости линейной структуры, ее обогащением за счет ассоциативных смыслов других, подразумеваемых линейных последовательностей. Внешне это нарушение выглядит как осознанный выбор автора для создания стилистического эффекта: *Милый мой, эту радость простора не закроет дождливая сеть* (А. Парпара); *Белилами румянью бледность* (М. Цветаева). Синтаксическая позиция объекта при глаголах *закрывать, наполнить* предназначена для конкретного существительного, называющего место, в то время как существительные *радость, бледность* — отвлеченные.

Употребление лексемы более отвлеченной семантики, нежели то значение, которое предопределено синтаксической позицией, является распространенным приемом творческого развития семантики схемы предложения — как осмысление ситуации, процесса на более высоком уровне абстрактного мышления. Ср., например: вместо употребления вещественного или конкретного существительного автор подчеркивает «зону признака» и использует отвлеченное существительное: *Нужно было наполнить себя жизнью до самых краев* (К. Паустовский); *Зеленью глаз твоих мир застелен, Листья и травы смеются в них* (И. Снегова).

IV. Варианты репрезентации онтологических категорий

Обусловленность грамматических норм процессами когниции заставляет нас в ортологии обращаться к категориям, онтологически присущим естественному языку. Трудность их исследования состоит в том, что каждая мыслительная категория имеет много каналов своей репрезентации на разных уровнях языковой системы и про-

являет свои свойства не только в виде очевидных формальных признаков данной категории, но и в купе с формальными признаками других категорий. Это ономаσιологическое направление исследований важно для металингвистики — системного описания языковых категорий как полифункциональных семантических комплексов.

1. Способы выражения категории «отвлеченность / конкретность»

Конкретные имена существительные называют определенные предметы, явления и могут занимать позицию предиката в предложениях идентификации (указания); например: *Это чашка; Это море; Это рассвет.*

Когнитивная метка «отвлеченное существительное» свидетельствует о том, что их понятийное содержание соответствует иному уровню осмысления реальных явлений, процессов, связей, отношений, представляет выводное знание (умозаключение или цепь умозаключений). Отвлеченные имена существительные называют явления, события, качества, свойства, признаки предмета или лица; например, *стойкость, вера, красота, битва, спокойствие, высота, бездействие*. Имена существительные с такой семантикой встречаются в строго определенных синтаксических позициях некоторых моделей предложений; например: *Учение — свет*. Эти существительные образуют зону потенциальных предикативных признаков; например: *любовь, ненависть, доброта, вера*.

Кроме имен с названием признака, свойства и т.п., отвлеченное значения имеют имена существительные, которые обозначают какой-н. фрагмент реальной жизни — действие, событие, факт, который устанавливает наблюдатель; например: *Поэзия — езда в незнаемое* (В. Маяковский). Пропозитивное качество синтаксической позиции сообщается типом логических отношений, представленным в предложении. Н. Д. Арутюнова пишет, что это наблюдение содержит уже семасиологические исследования М. М. Покровского [Арутюнова 1976: 122–124]. Пропозитивное значение также становится очевидным при возможности подстановки в данную синтаксическую позицию местоимения *это* с событийным или фактическим значением. Прием субституции делает очевидным тот факт, что категориальная семантика имен в этой позиции предопределена.

Наши исследования показывают, что функцию отвлеченного имени существительного могут выполнять **конкретные имена существительные во мн. ч.** Сам факт употребления конкретного существительного во мн. ч. в синтаксической позиции, предназначенной для отвлеченных или вещественных существительных, говорит о том, что таким образом — при помощи категорий числа и падежа — в системе русского языка находит свое выражение когнитивная категория отвлеченности / конкретности»; например: *Заполняли корзины приготовленной едой, сыром (тряпьем; бельем; яблоками; грибами, пирогами; Тучи заволокли солнце.* [Лазуткина 1995].

Зависимые словоформы в разных падежах при предикатах речи-мысли также имеют статус отвлеченных имен. Ср. пропозитивное значение существительного в винительном падеже с предлогом «за» у глагола *благодарить* в значении «Испытывать и выражать чувство благодарности, признательности»: *Благодарю судьбу за встречу с тобой; На выпускном вечере дети благодарили школу за знания: Он поблагодарил соседку за пирожки (за то, что она угостила его пирожками); Благодарим врачей за их труд.*

Модальные компоненты в значении предиката, как правило, обусловливают появление синтаксического ряда зависимых компонентов с маркером «отвлеченность». Эта позиция предназначена для лексем со значением «событие», «процесс», «явление», «факт». Знаменательно то, что здесь обнаруживается одно и то же семиотическое качество у имени в косвенном падеже и у неопределенной формы глагола, поскольку априори у имени подразумевается доминирующим экзистенциальный компонент значения; ср.:

люблю (ненавижу) свитера и *люблю (ненавижу) носить свитера;*

торопился с отправкой товара и *торопился отправить товар;*
настраивался / настроился на поход в театр и *настраивался / настроился пойти в театр;*

все избегали его («сторониться кого-н., уклоняться от чего-н.»),
избегали встреч с мастером цеха и *избегали встречаться с мастером цеха, избегали обсуждать эту тему при ребенке.*

Категория отвлеченности / конкретности находит свое выражение также в оппозиции форм грамматической категории падежа. Маркером отвлеченного значения имени существительного стано-

вится форма родительного падежа при переходном глаголе — например, при глаголах с отрицанием или при глаголе *ждать* (например *Они ждали особого приглашения*), в то время как форма винительного падежа ед. ч. является маркером одушевленного конкретного существительного женского рода (например *Я жду бабушку*). Ср. устаревшее употребление этого существительного в род. п.: **Я жду бабушки*.

Ср. употребление конкретных имен существительных в родительном падеже при глаголе *ждать* (в знач. «быть в состоянии ожидания, рассчитывая на появление, прибытие кого-чего-н. или совершение чего-н.») в значении имен с пропозитивной семантикой; например: *Мы ждем письма из Москвы* («поступления письма»); *Собака ждала своего хозяина* («прихода хозяина»); *Я ждала трамвая*; *Мы ждали поезда целый час*. Пропозитивное осмысление транспортных средств имеет в русском языке свою традицию: употребление названия средства как указание на прибытие этого средства.

Варианты форм винительного и родительного падежа могут неодинаково оцениваться с точки зрения современного употребления; например: *жду трамвай / жду трамвая*. А. А. Зализняк называл форму родительного падежа при подобных глаголах *родительным ждательным* [Зализняк 1973].

Таким образом, категория отвлеченности / конкретности для своей репрезентации в русском языке использует языковые категории более низкой степени абстрактности — категории с очевидными формальными признаками: модель предложения, синтаксическую позицию в структуре предложения, категорию предиката, морфологические категории имени — формы числа, рода и падежа, неопределенную форму глагола. О связи этой категории с концептом «многожество» см. ниже.

2. Варианты репрезентации категории одушевленности / неодушевленности

Категорию одушевленности / неодушевленности мы рассматриваем, прежде всего, как когнитивную структуру, которая связана с присвоением именам определенных характеристик и предикативных признаков, а значит, связана с ролью этих имен в актах предик-

кации и с синтаксической позицией *субъекта* в предложении. Роли субъектов можно представить в виде шкал «выраженности» [Степанов 2011]. Наиболее очевидна роль одушевленного субъекта, лица, способного к преднамеренным действиям — роль каузатора. Эта роль выполняется субъектом при событийных переходных глаголах, обозначающих действие, направленное на объект и имеющее своим следствием его изменение; например: *Мы дружно освободили двор от снега*; *Тренер превратил новичка в умелого нападающего*; *Бабушка пропитывала торт кремом*.

Обозначение действия стихийных сил показывается появлением в позиции субъекта отвлеченного существительного, называющего силу, природное явление; такая замена согласуется с отсутствием в глаголе-предикате семы преднамеренности действия; например: *Весна освобождает двор от снега*; *Время превратило новичка в умелого нападающего*; *Тающий снег пропитывал поля влагой*. В ряде случаев замена одушевленного существительного в позиции субъекта неодушевленным — при полном сохранении структурных отношений в предложении — предполагает дополнительное пояснение, потому что в предложении обозначается только зрительно наблюдаемый процесс («суженная перспектива события»); например: *Дозатор на конвейере пропитывал торт кремом*. Такие предложения обычно называются предложениями с «суженной перспективой».

Категория одушевленности / неодушевленности находит свое выражение также в других формах категории падежа и числа. В семантическом комплексе «падеж» есть доминантное значение и спектр недоминантных значений, и значимость формы имени существительного из ряда закрепленных за данным падежом значений показывается только во взаимодействии с лексическим значением имени и его синтаксической позицией в модели предложения. «Диагностические» для категории одушевленности / неодушевленности падежные формы — это форма винительного пад. ед. ч. при переходных глаголах: для существительных мужского рода совпадающая с формой родительного падежа (например: *вижу друга, предпочитаю этого артиста*, но *вижу дом, предпочитаю хоккей*) и форма винительного пад. мн. ч. для существительных женского рода (например, *вижу маленьких девочек, предпочитаю блондинок*, но *вижу красивые картины, предпочитаю музыку*).

3. Вариативность способов выражения категории определенности / неопределенности

В русском языке бинарная онтологическая категория определенности / неопределенности находит свое выражение лексически — специальными словами (*именно, только, этот, тот* и т.д.) или синтаксически: маркер «определенность» для имени существительного создается семантико-синтаксической структурой предложения, значением синтаксической позиции, порядком слов, текстовой связью (указания именно данной реалии в предшествующем контексте, требования постановки указательных местоимений *этот, тот*, возможность замены имени на личное местоимение).

Вариативность способов репрезентации этой категории может быть иллюстрирована синтаксическими конструкциями разного уровня.

а) **На уровне словосочетания** (фрагмента предложения). Зависимые словоформы при отвлеченном существительном со знач. действия обычно имеют статус определенных. Например, *беседа, ссора Игоря с Валей*.

Существительное *банкротство* в знач. «Невозможность предпринимателя, предприятия, фирмы, компании осуществлять платежи по долговым обязательствам» употребляется с конкретным существительным в родительном падеже со знач. субъекта с маркером «определенность», например: *О банкротстве **фирмы** давно известно* (этой фирмы); *Банкротство **соседа** стало неожиданностью*. В другом знач. этого существительного — «Действие по каузативному глаголу *банкротить*: приведение предпринимателя, фирмы, компании к несостоятельности» зависимая словоформа в ед. ч. в родительном падеже со знач. объекта действия также имеет маркер «определенность»; например: *Фирма занималась банкротством **завода*** (этого завода).

б) **На уровне предложения**. Статус определенной имеют субъектные словоформы в именит. пад. в глагольных предложениях, которые представляют собой синтаксический дериват — перифразу по линии актантов — «декаузацию»: например, исходное предложение содержит двухвалентный глагол: *Окружили дом сиренью*, дериват содержит одновалентный переходный глагол: *Солдаты окружили дом*. При этой диатезе индикатором определенности имени

в субъектной позиции является такая функциональная черта, как особое значение побуждения при введении предикативов с модальностью долженствования; например: *Следует (необходимо, нужно) вашей группе **обступит** стол, **окружить** село* — предложение приобретает характер совета, приказание в адрес определенной группы лиц (эта синтаксическая позиция имеет также маркер «множественность»); то время как в исходном предложении — с двухвалентным каузативным глаголом — содержится абстрактная рекомендация безотносительно к конкретному лицу или лицам; например: *Нужно **окружить** дом сиренью*. Референциальный статус имени в субъектной позиции может проверяться подстановкой указательных или личных местоимений, а также проверкой на возможность / невозможность внутримодельной деривации — образования неопределенно-личных предложений.

в) **В предложениях с модальным глаголом**. Ср., например, переходный глагол речи *надоумить* с сильным модальным компонентом «заставить *объект* вознамериться, обрести решимость что-н. сделать». В глаголе есть компонент значения «речевое действие», которое используется как средство каузации поведения объекта — определенного лица: «Научить, указав выход их положения; дать совет сделать что-н.» Следовательно, в предложении с данным глаголом имена существительные в 2-х синтаксических позициях — субъекта и объекта имеют маркер «определенность». Вследствие этого, при координатах первичного дейксиса «я — ты — здесь — сейчас», очевидность определенного объекта воздействия приводит к необязательности его «присутствия» в линейной структуре: *Друзья **надоумили** заняться спортом*. В предложении *Спортсмен **справился** с поставленной задачей* характеристика «определенность» у слова *спортсмен*: являясь субъектом при предикате *справиться*, в котором есть модальный компонент значения «смочь», это слово приобретает статус определенного имени существительного.

V. Вариантные способы репрезентации базовых концептов

Базовые концепты представляют собой основы процессов отражения и осмысления реальности человеческим языковым сознанием. Они неразрывно связаны с языковой картиной мира социума и имеют разнообразные каналы своей репрезентации в языке. Та-

кого рода концепты Н.Д. Арутюнова называет термином «семантическая доминанта». Речевые образцы выявляют важную черту базовых концептов: появление их в купе с другими онтологическими категориями, а также их взаимодействие с другими базовыми концептами в структурной организации синтаксических стереотипов.

1. Репрезентация концепта «множество»

Мыслительная категория «множество», вследствие своего «присутствия» во многих структурах разного уровня языковой системы, не всегда отчетливо осознаваема носителями языка. Может быть, поэтому способы выражения этого базового концепта не были предметом специального исследования на всех уровнях языковой системы, а морфологическая категория числа имени существительного не стала объектом металингвистики. О подробном описании ее в семиологическом ключе см.: [Кручинина 2001].

Важным для нас представляется заключение А.А. Холодовича, которое ставит задачу металингвистического уровня — задачу анализа категории числа имени существительного: «Категория числа уже категории множества и единичности и является ее частным случаем» [Холодович 1979: 173]. По семантическим характеристикам формальных средств выражения концепта «множество» мы сможем сделать вывод о структуре концепта и сможем описать свойства морфологической категории числа имени существительного.

Наиболее известным считается определение множества немецким математиком Георгом Кантором (1870 г.): «Множество есть многое, мыслимое как единое». Множество имеет характерный признак «больше чем 1». Таким образом, исходным моментом в познавательном акте счета является понятие единичности и понятие единицы, которое исследователи связывают с восприятием физической выделенности и отдельности, а также с категорией **предметности**, которую характеризует дальнейшая неделимость. Категория «количество» подразумевает оппозицию единицы и не единицы — множества. По мнению Л.Д. Чесноковой, «единичность — это определенное количество. Множество же может быть определенным, неопределенным и приблизительным» [Чеснокова 1992: 9].

Именованию «число» предшествует такая мыслительная операция, как вычленение субъектом сознания предметов-явлений-

событий и первичная их категоризация в оппозиции «считаемые» / «несчитаемые» сущности. Знак «какое-либо число» относится к классу «считаемые сущности» и свидетельствует о применении мыслительной операции «квантификация». Изначально все мыслительные категории, связанные с квантификацией, были обусловлены разнонаправленными когнитивными процессами, приводившими к созданию не столько четких бинарных оппозиций, сколько семиотических комплексов шкальной природы.

Единичность — это отдельность, выделенность по какому-н. признаку и целостность, т.е. номинации *один* соответствуют два понятия — это не только «единица», но и «единство». Холистическая идея имени «один» обусловила целый спектр оттенков понятия «единство», сделала единичность средством осмысления самых разных проявлений реальности.

В математике различают счетные и несчетные, конечные и бесконечные множества. На основе теории множества сформировались теории меры и интеграла. Для языковеда представляет несомненный интерес математическая теория *множества-континуума*. Ее автор, Н.Н. Лузин, в начале прошлого века выдвинул континуум-гипотезу, которая вскоре стала аксиомой: *множество точек представляет некую единую реальность*. Таким образом, для мыслительной категории «множество» могут быть выделены два типа оппозиций: «счетное множество» / «несчетное множество» и «дискретное множество» / «недискретное множество» («множество-континуум»).

Наиболее очевидным способом концепт «множество» выражается на лексическом уровне — в лексической семантике существительных и количественно-именных словосочетаний. Особо выделяется лексико-грамматический разряд собирательных существительных: обозначая множество предметов или лиц, «собирательное имя предстает как название несчитаемой совокупности, в полном отвлечении от возможного пересчета этих предметов. Собирательные существительные имеют семантические характеристики «несчитаемость» и «дискретность», поскольку обозначают неопределенное количество элементов множества, состоящего из отдельных сущностей. Отсюда — исключительно тесная связь собирательности с грамматической формой единственного числа» [Лопатин 1994: 34–35]; например: *зверьё, духовенство, ивняк, родня, детвора, антиквариат, электорат*. Собирательные существительные, отно-

сящиеся к *pluralia tantum* (например *всходы*, *деньги*), редки. «Наиболее характерен для собирательных существительных женский род» [Лопатин 1994: 38]; например: *живность*, *ребеня*, *прислуга*, *голытьба*, *нечисть*, *профессура*. В просторечии также — в формах ед. ч. женского рода — представлены и заимствованные лексемы с обобщенно-собирательным значением; например: *консерва*, *фрукта*, *ника*, *трефа* [Журавлев 1984: 119].

Морфологическая категория числа тесно спаяна с общим частеречным значением существительного (значением предметности в широком смысле слова), лексическим значением, которое обусловлено вхождением слова в большие содержательные классы — в семантические разряды имен существительных. На морфологическом уровне семиотическим знаком считаемых и не считаемых сущностей являются формы грамматической категории числа имени существительного и формы категории числа глагола-предиката. «Категория числа имени существительных — словоизменительная морфологическая категория, обозначающая количество предметов, называемых существительным, и строящаяся как противопоставление двух рядов форм — ед. и мн. ч. В это противопоставление не входят существительные, называющие не считаемые предметы и имеющие формы только ед. ч. или только мн. ч.» [Кручинина 2001: 176].

Категория числа имен существительных представлена окончаниями склоняемых существительных — падежными формами единственного и множественного числа; например: *Говорили о собаках*; *Друг выбирает собаку*; *Сосед разбирается в породах собак*. Значение этой категории — выражение количественного противопоставления считаемых предметов. У несклоняемых существительных значение числа выявляет только синтаксическое окружение — формы глагола или определения-прилагательного; например: *К этому пальто идет яркое кашне*; *Комнату украшали канapé, стоявшие у стен*.

В оппозиции форм единственного и множественного числа существительного форма мн. ч. маркирована: даже вне зависимости от контекста она указывает на «не единичность» какого-нибудь лица, существа или предмета, т. е. формы мн. ч. наглядно представляют концепт «множество»; например, *собака* — *собаки* (большее количество, чем одна собака); *карандаш* — *карандаши* (большее количество, чем один карандаш); *яблоко* — *яблоки* (большее количе-

ство, чем одно яблоко). Форма ед. ч. является слабым членом оппозиции, но содержательно не пустым, эта форма многозначна: слово в ед. ч. связано с обозначением единичного предмета (любого предмета или конкретного единичного предмета) и класса однородных предметов, которое показывает употребление формы ед. ч. в несобственной функции. Такое употребление уже является результатом мыслительной операции генерализации, абстрагирования. Это значение формы ед. ч. называется обобщенно-собирательным [Краткая русская грамматика 2001].

Материал показывает, что категория числа не просто словоизменительная бинарная категория, а корреляция элементов с асимметричным отношением, своего рода *семиотический комплекс*. В этой категории иконичность (или изоморфизм) наблюдается только в некоторых случаях (при понимании иконичности по Ч.С. Пирсу и Т. Гивону как подобия означающего и означаемого [Givon 1985: 188; Сигал 2012: 18–30]).

Значения форм категории числа связаны с существующей в языковом сознании такой смысловой категорией как «определенность / неопределенность», причем форма ед. ч. существительного, называющего единичный предмет, может соответствовать как названию определенного предмета, так и неопределенного, например: *Собака спит на коврикe (наша, соседская, эта, та, которую я вижу)*; *Лосось оказался большим и Собака может спать на коврикe (любая, каждая)*; *Медведь ловит лосося*. Если существительное в ед. ч. обозначает класс предметов, то оно имеет признак «неопределенность»: *Собака — друг человека*; *В это время года лосось идет*.

В приведенных выше примерах существительные во мн. ч. соотносятся с мыслительной категорией «множество», обозначая множество единичных предметов, то есть — *расчлененное (дискретное) множество*. Такой же характер концепта «множество» выявляют существительные в ед. ч., называющие класс предметов: *Собака — друг человека*.

Множество как нерасчлененная масса каких-либо элементов, массив, континуум представляют существительные, называющие не считаемые предметы: отвлеченные, собирательные и вещественные существительные, значение которых уже является результатом проделанных человеческим сознанием мыслительных операций

обобщения. Некоторые из них могут иметь формы ед. и мн. ч., которые соответствуют одному и тому же значению — обозначению совокупности, массы, непрерывного временного или пространственного континуума, действия, события, имеющего начальную и заключительную фазы, то есть *нерасчлененного (недискретного) множества*. Они не связаны с противопоставлением предметов по количеству; например: *Поиск убежавшей белки не дал никаких результатов* и *Поиски убежавшей белки не дали никаких результатов*.

Большинство отвлеченных и вещественных существительных употребляются только в одной из форм категории числа; например: *сметана, сливки, мужество, проводы*.

Если какие-то лексемы, называющие несчитаемые предметы, употребляются и в ед. и во мн. ч., то это говорит о том, что эти формы категории числа соответствуют разным значениям слова. Ср.: «Частичное сходство двух означаемых может быть выражено частичным сходством означающих ...Метафора (или метонимия) состоит в приписывании некоторого означающего вторичному означаемому, ассоциируемому с первичным означаемым по сходству (или по смежности)» [Якобсон 1983: 113]. Так, например, слово *мех* во мн. ч. имеет значение «Одежда из меха, на меху, отделанная мехом»; ср.: *У нутрии густой мех* и *Женина в мехах*; слово *песок* во мн. ч. имеет значение «Пространства, покрытые рыхлой осадочной горной породой»; ср.: *Песок на пляже был еще теплый* и *Пески пустыни Сахары не страшны этим верблюдам*.

Возможность описания употребления форм ед. и мн. ч. на лексическом уровне, в отвлечении от их позиций в структуре предложения, представляет собой эксплицитный способ представления концепта «множества». Но особенностью мыслительной деятельности человека является «кодирование» знания о мире разными способами, в том числе и имплицитными — скрытыми в семантико-синтаксической организации высказываний. Для обнаружения скрытых когнитивных категорий (или концептов) необходимо обращаться к анализу предикативных отношений в предложениях-высказываниях, соответствующих дискурсивной норме языка. Задача — выявить материальные носители категории «множество». Е. С. Кубрякова пишет, что «концептуальный анализ завершает задачи описания семантики языковой формы на самых абстрактных уровнях ее бытия.

Он <... > важен прежде всего потому, что позволяет определить **сочетаемость** формы с другими формами языка, которые, чтобы отвечать требованиям **правильноформленности** в данном языке, должны отвечать нормам их согласования с концептуальной структурой единицы, вступающей с ней в тот или иной тип связи (т. е. нормам так называемой **композиционной семантики**) [Кубрякова 2012: 51–52].

Выбор уровня высказывания не случаен: понятие предиката и, соответственно, сказуемого, этимологически восходит к понятию «категория» в древнегреческом языке [Степанов 1981]. В основе метода поиска — понятия «модель предложения» и «синтаксическая позиция. Семантика моделей определяется коммуникативно-смысловым типом текста, стилистическим модусом, оценкой речи. Ср. строение моделей, обозначающих множество: *Народу!*; *Много цветов!*; *Наварено варенья!*; *Уйма времени!*; *Сколько попыток побить этот рекорд!*; *Во дворе несколько скамеек*.

Модели двусоставных предложений с количественно-именными словосочетаниями в позиции подлежащего, имеющими значение приблизительного количества, показывают, что множества предметов могут быть осмыслены говорящим как целостные совокупности (тогда предиктируемый компонент имеет значение недискретного множества) или как некоторое количество однородных предметов (тогда предиктируемый компонент обозначает дискретное множество), что определяет единственное или множественное число глагола-предиката. Ср.: *Большинство ученых придерживается мнения, что вряд ли когда-нибудь удастся создать единую общегосударственную эколого-геоморфологическую карту, так как соединить все сюжеты на единой комплексной карте не представляется возможным* (Геоинформатика, 2003); *Большинство государственных унитарных предприятий (ГУП) заявили о своем намерении передать в распоряжение Министерства имущественных отношений принадлежащие им пакеты акций коммерческих банков*.

Обозначение дискретного множества преобладает в текстах динамического описания и коммуникативно-смыслового типа речи «повествование» и обуславливает употребление формы множественного числа глагола. Одушевленное существительное в количественно-именной группе, а также акциональный предикат спо-

собствуют представлению о множестве как о дискретном. Значение недискретного множества свойственно предиктируемому компоненту, включающему в свой состав неодушевленное существительное. Это значение множества частотно в предложениях бытийной семантики, в пассивных конструкциях с результативным значением. *Сегодня в России **имеется** уже **три завода** по утилизации химического оружия* (АиФ, 20.05.2007).

Следующее направление поиска категории «множество» на синтаксическом уровне — анализ соотносительных позиций в сигнификатах предложений, поскольку языковые концепты могут быть существовать и в имплицитном виде, то есть являться скрытыми концептами. Действие скрытых концептов проявляется не на лексическом уровне, а на уровне синтаксических отношений. Для обнаружения таких концептов необходим анализ моделей предложений и их парадигматики [Лазуткина 2012: 334–346]. Смысловые характеристики синтаксических позиций в конкретных моделях предложений позволяют по-новому взглянуть на морфологическую категорию числа имени существительного: ее формы не показывают однозначного соответствия «единичность — ед. ч.» / «множественность — мн. ч.».

Вид множества — «наличие однородных единичных предметов в массе», т.е. недискретного множества — на лексическом уровне неочевиден, поскольку конкретные имена существительные в форме им. пад. мн. ч. могут быть *знаком* другого вида множества — дискретного множества, т.е. собрания единичных предметов или лиц (*карандаши, ученики*). Следовательно, знаком такого множества (способом его репрезентации) является *синтаксическая позиция со значением пропозиции* в определенных моделях предложений, которая обуславливает тесную связь форм ед. и мн. ч. с лексическим разрядом имени существительного в определенном падеже.

а) В предложениях с переходными глаголами локально направленного действия типа *Дети окружили учительницу; Батальон занял высоту* — синтаксическая позиция субъекта специфицирована, она имеет особые содержательные характеристики: «определенность», «множественность» [Лазуткина 1988]. В данной позиции все существительные в именительном падеже, в том числе конкретные существительные во мн. ч., обозначают нерасчлененное множество (континуум).

б) Концепт «множество-континуум» может быть представлен конкретными существительными в формах *косвенных падежей* мн. ч. в определенных моделях предложений. Ср., например, соответствие качества синтаксической позиции существительных с предлогом «от»: *Надо очистить двор **от снега** — Надо освободить стол **от книг***. В этом предложении обозначается сложное действие, ситуация «свернута», выражена имплицитно, следовательно, словоформа в родительном падеже имеет значение пропозиции, и все имена существительные (в том числе и конкретные существительные) также имеют отвлеченное значение, то есть представляют концепт «множество-континуум».

в) Качество синтаксической позиции в определенной модели предложения может являться индикатором глубинной содержательной сущности, маркером концепта: одна и та же падежная форма может иметь неодинаковую *смысловую емкость* в разных моделях, поскольку представляет разные уровни семантико-синтаксической организации высказывания. Ср. разные содержательные характеристики объекта в предложениях: (1) *В саду работали **лопатами, тяпками, граблями*** и (2) *Статуи раскрашивали **золотом, охрой, кобальтом**; Он окружил ее **заботой, вниманием**; Мы перекладывали **огурцы вишневыми и смородиновыми листьями***.

В первом предложении словоформа в творительном падеже имеет простое значение — орудийное (инструментальное); множественное число лексемы здесь сигнализирует соединение отдельных предметов, то есть концепт «множество» предстает здесь как дискретное множество. Во втором блоке примеров категориальное качество существительных в творительном падеже, обозначающих средство воздействия, специфично: это вещественные или отвлеченные существительные, а конкретные существительные во мн. ч. (реже в ед. ч.) передают идею о нерасчлененном множестве через пропозициональное значение синтаксической позиции каузатора — словоформы в твор. пад. Таким образом, в этой синтаксической позиции четыре варианта семантического качества словоформ в твор. пад. имеют одинаковую смысловую ценность.

Приведенные примеры показывают, что категория числа имени существительного представляет собой корреляцию форм ед. и мн. ч., имеющую разные схемы содержательных связей с семантическими разрядами лексики и синтаксическими структурами, выявляющими

роли падежных форм в моделях предложений. Лексические разряды и грамматические категории числа и падежа существительных выступают в высказываниях как ансамбли взаимодействия для представления концепта «множество».

Таким образом, концепт «множество» имеет один облигаторный когнитивный признак: **«неединичность»**. Но языковое сознание «приписывает» концепту «множество» *разные сущности*:

как собрание единичных предметов, лиц, представляющих собой считающиеся сущности, дискретное множество. Обозначается конкретными существительными в форме мн. ч.; например: *карандаши, девочки*;

как класс однородных предметов, представляющих собой считающиеся сущности, дискретное множество. Обозначается существительными с обобщенно-собирательным значением в форме ед. ч., употребление которой в несобственной функции уже является результатом мыслительной операции генерализации, абстрагирования; например: *Весной лосось идет*;

как повторение одного и того же действия-процесса, представляющее недискретное множество. Обозначается отвлеченными и вещественными существительными в форме ед. и мн. ч., что говорит о том, что форма числа существительного нерелевантна; например: *поиск — поиски*;

как свойство; материальная, вещественная сущность; процессы, состояния, представляющие несчитающиеся сущности, недискретное множество — континуум. Обозначается вещественными или конкретными существительными в форме ед. или мн. ч. — в соответствии с традицией употребления; например: *масло, сметана, сливки, плитка, пленка*;

как совокупность однородных предметов, лиц, процессов, видов и типов веществ, представляющую считающиеся сущности, дискретное множество формами мн. ч.; например: *масла, кремы, провода, волосы*;

как совокупность однородных предметов и лиц, представляющую несчитающиеся сущности, дискретное множество формами ед. ч. обобщенно-собирательных существительных (преимущественно женского рода); например: *родня, молодежь, профессура, малышня, безотцовщина, матросня, попса, пошлатина, серость*.

Таким образом, концепт «множество» имеет разные каналы ре-

презентации. Лексические, морфологические и синтаксические способы его выражения можно считать неполными синонимами.

2. Варианты репрезентации концепта «субстанция, способная к самостоятельному перемещению»

Известно, что роль субъекта в определенной модели предложения могут исполнять имена строго определенной семантики, вследствие этого значение субъекта является основанием для разграничения значений предиката, для исчисления лексических классов имен и глаголов-предикатов. Вследствие этого, естественным классом предикатов для выявления именных лексем с семантической доминантой «способность к движению» являются предикаты движения-перемещения. Кроме одушевленных имен существительных, в синтаксической позиции подлежащего в двусоставных предложениях могут быть названия средств передвижения, а также все имена пропозитивной семантики: все существительные, называющие факт, действие, процесс, событие, а также получившие пропозициональное осмысление в русском языковом сознании чувства, эмоции, стихийные явления природы, физиологические, ментальные и социальные процессы; например: *Выводы вытекают из результатов эксперимента*; Порядок слов в таких моделях обусловлен системной языковой прагматикой — присутствием субъекта оценки, или субъекта сенсорного восприятия: тематизируется название места (цели движения), затем следует глагол-предикат, в конце — формальное подлежащее — название движущегося предмета (предметов), субстанции; например: *В избу набежало народу (набежал народ)*; *В голову лезет чушь всякая*; *На глаза накатывается дрема*.

В моделях предложений с другими типами предикатов аналогичный порядок слов. Так, среди конструкций, организуемых предикатом со значением локально направленного действия, есть четыре типа предложений, указывающих на действие-перемещение стихийных сил. Это (1) модель со значением «изменение состояния субъекта (темы высказывания) под действием стихийного каузатора», в которой движущуюся субстанцию-каузатора называет словоформа в именит. пад.; например: *Город охватила стихия митингов*; (2) модель со значением «непроизвольное изменение объекта действия (места, субъекта состояния) под действием стихийного

каузатора», названного словоформой в твор. пад.; например: *Пруд зарос **ряской, осокой**; Велосипед покрылся **ржавчиной***; (3) безличное предложение, где действие-перемещение каузатора называется также словоформой в твор. пад.; например: *Дорогу замело **снегом***; и (4) модель со значением «локально направленное действие стихийного каузатора», в которой движущуюся субстанцию обозначает подлежащее, например: *Весь дом занял чудесный **аромат** дыни*.

Стилистически маркированным будет порядок слов с препозицией подлежащего; например: ***Сирень** в этом году окружила весь дом*. В этой модели могут встретиться также имена, которые называют субстанцию, лишь потенциально способную к движению; например: ***Семена** какой-то травы провинтили ткань насквозь*.

Интересен вопрос о вхождении собственно-возвратного глагола в один синтагматический класс с однокоренным невозвратным глаголом (пункт 2). Рассмотрим выражения *Борщок-то так весь жиром и взялся; Глаза взялись слезами*. Глагол *взяться* имеет значение «покрыться», причем в предложении обозначается итоговое, результативное состояние объекта, имеющее в данной синтаксической конструкции функцию *субъекта состояния*. Следовательно, семантика предложения — «результативное состояние субъекта, являющегося объектом действия стихийного каузатора», выраженного словоформой в твор. пад. (*жиром, слезами*). Что касается глагола *взять*, то он не имеет сем, ориентированных относительно данного события, не предполагает в роли субъекта сильного каузатора — лица, способного к преднамеренному действию. Возможность показа события во всех ракурсах, предлагаемая данным синтагматическим классом предикатов, осталась для глагола *Взять* невозвратной.

Конструкции с глаголами-предикатами, имеющими специфичное, более конкретное лексическое значение, как правило, представляют собой не полную парадигму диатез, а лишь отдельные участки этой деривационной сети; например: *Лужа взялась коркой льда* (при невозможности **Корка льда взяла лужу, *Лужу взяло коркой льда*); *Повар обдал кастрюлю кипятком* (при невозможности **Кипяток обдал кастрюлю, *Кастрюлю обдало кипятком, *Кастрюля обдалась кипятком*); *Тишину пронзил резкий звук*; менее частотный вариант: *Трубач пронзил тишину резким звуком* (при невозможности активной конструкции **Тишина пронзилась резким звуком*).

Таким образом, концепт «субстанция, способная к самостоятельному перемещению» может быть представлен в моделях предложений и их дериватах, организованных глаголами разных синтагматических классов.

3. Варианты репрезентации концепта «локально направленное действие, имеющее своим следствием полный охват предмета (места)»

Содержательная структура предикатов организована по иерархическому принципу, причем базовыми (инвариантными) семами предикатов различной семантики, оказываются те компоненты значения, которые предсказывают линейное развертывание предложений, соответствующее одним и тем же структурным отношениям элементов в мыслительной модели события; это их сигнификативное ядро. Это позволяет объединять глаголы разных лексико-семантических разрядов в один *синтагматический класс*, который может быть исчислен по описанию семантики моделей предложения с одним и тем же сигнификативным ядром.

Так, например, мы выделяем параметры мыслительного конструкта обозначаемого события «наступление облачности» и присваиваем им строго определенный статус (в иной терминологии, «роль участника события»), одно и то же распределение функций актантов. Константный минимум сигнификативных структур позволяет считать, что имеет место парадигматическая связанность предложений с разной семантико-синтаксической организацией.

1-й ракурс представления события: *Ветер постепенно закрывает солнце тучами*. Семантика модели: «Действие стихийного каузатора, воздействующего на «средство-каузатор», направленное движение которого на объект (место) имеет своим следствием изменение состояния объекта — итоговую пространственную смежность объекта и средства воздействия».

2-й ракурс: *Тучи постепенно закрывают солнце*. Семантика модели: «Действие (движение) стихийного каузатора (субъекта), направленное на объект, имеющее своим следствием итоговую пространственную смежность с объектом действия».

3-й ракурс: *Солнце постепенно закрывается тучами*. Семантика модели: «Изменение состояния субъекта под воздействием стихий-

но действующего каузатора, имеющее своим следствием пространственную смежность субъекта с каузатором».

4-й ракурс: *Солнце постепенно закрывает тучами*. Семантика безличного предложения: «Изменение состояния объекта неконтролируемого действия-события, имеющего своим следствием пространственную смежность объекта и стихийного каузатора».

Наибольшее количество диатез показывают событийные предикаты, имеющие более общий характер значения (например, глаголы *наполнить, закрыть, охватить, залить*): они обнаруживают способность варьировать способы представления события в различных по значению моделях активных конструкций.

Деривационная сеть предложений («перифразы по линии актантов») обнаруживает возможности синтаксической системы: здесь демонстрируется такой признак предложений, как связанность, обусловленная «типизированностью ситуаций» [Степанов 2011]. Ср. иную формулировку: «регулярные соответствия между семантическими компонентами в разных смысловых структурах» [Никитина 1979]. В данном случае не совсем корректно употреблять термин «коррелятивность», поскольку в синтаксических позициях встречаются лексемы с разным денотативным значением, но выполняющие одну и ту же роль в структуре предложения: в разных конструкциях выявляется смысловое качество, концептуальная сущность лексических элементов.

Концепт «локально направленное действие-событие, имеющее своим следствием полноту охвата объекта» обуславливает «фамильное сходство» конструкций, по терминологии Л. Витгенштейна, и формирует семиотическую структуру, имеющую признаки «расплывчатого (нечёткого) множества», по теории Заде и Лакоффа. Методологически вполне справедливо применение здесь и общего принципа подведения под категорию Л. Щербы: Ср. указание Л. Щербы «разыскивать», какая категория **навязывается** самой языковой системой: «Если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или иное слово под данную категорию» [Щербы 1974: 80]. Хотя у Щербы речь идет о частях речи, но это наблюдение актуально и для выделения любой когнитивной категории, или концепта.

В завершение рассмотрения темы грамматической вариантно-

сти (вариативности) в русле динамической модели языка, активной грамматики можно сделать следующий вывод. Вариантные формы разных уровней грамматической системы языка — это функциональные структуры, формы, состоящие из других форм, которые складываются в процессе человеческой когниции под влиянием различных онтологических категорий, концептов, законов языковой прагматики, узуальных дейктических координат речи и социально-исторических условий коммуникативной практики.

Литература

- Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. II. Ч. I. М., 1875.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 384–391.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). М., 1993.
- Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 6. М., 1996. С. 303–323.
- Бодуэн де Куртене И. А. О задачах языкознания // Бодуэн де Куртене И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 203–220.
- Бодуэн де Куртене И. А. К критике международных искусственных языков // Бодуэн де Куртене И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. II. М.: 1963. С. 40.
- Бондарко А. В. Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб, 2008. С. 11–49.
- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М., 2012.
- Будагов Р. А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. М., 1954, № 3.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Изд. 5-е. В 2-х частях. М., 1881.

Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI, М., 1982. С. 376–410.

Вережагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М.: МГУ, 1972.

Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 254–287.

Виноградов В.В. Литературный язык // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 288–297.

Виноградов В.В. Рост влияния научной и газетно-публицистической прозы. Борьба книжной и устно-народной стихий в составе русского литературного языка // Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX веков. М., 1982. С. 419–421.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999. 192 с.

Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.

Востоков А.Х. Русская грамматика. М., 1859.

Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. М., 2009, № 3.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Галанина К.Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. М., 2011, № 7. С. 138–147.

Гаспаров Б.М. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Головин Б.Н. Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи. 3-е изд., испр. М., 1988.

Горшков А.И. Вопрос о вариантности норм в связи с пониманием языка как системы систем // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 234–248.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

Граудина Л.К. Основные признаки культуры речи как языковедческой дисциплины // Культура русской речи. Учебник для вузов. М., 1998. С. 25–46.

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 3–16.

Граудина Л.К., Шварцкопф Б.С. Колебание нормы в современном литературном языке: реальность и прогнозы // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Часть I. М., 1991.

Данеш Ф. Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988.

Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс. Речь. Речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 26–136.

Демьянков В.З. О стратегиях нормирования русского языка // Лингводидактика. Социоллингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И.Ф. Протченко. М., 2008. С. 50–61.

Дрюба Дж. и др. Общая риторика. М., 1986.

Елизаренкова Т.Я. О факультативности и ее особенностях в древнеиндийском языке // Восточное языкознание: факультативность. М., 1982.

Журавлев А.Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие. Проблемы изучения. М.: «Наука», 1984. С. 102–124.

Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. Часть I // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Иванов Л.Ю. Воздействие информационных технологий на русский язык: системно-языковая и культурно-речевая проблематика // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 131–147.

Истрина И.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. — М.; Л., 1948.

Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

Капелько О. Н. Знания о прошлом в современной культуре (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. М., 2011, № 8. С. 42.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. Ч. 2. С. 85–93.

Катлинская Л. П. О тактических просчетах в языковой политике // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001. С. 195–203.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. 336 с.

Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. М., 2008, № 4. С. 51–77.

Кодухов В. И. Синтаксическая позиция и словоформа. // Русский язык. Сб. трудов. М., 1975.

Кожин А. Н. Литературный язык допушкинской России. М., 1989.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Костомаров В. Г. Нормы языка и нормы в языке (опыт интерпретации) // Русский язык за рубежом. М., 2011, № 4 (227). С. 55–59.

Краткая русская грамматика. М., 2001.

Кручинина И. Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). Канд. дисс. М., 1968.

Кручинина И. Н. Из истории преподавания русского языка. М., 1998.

Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 2009. 212 с.

Крысин Л. П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // ИАН СЛЯ. М., 2011. № 4. С. 3–9.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс. Речь. Речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 7–25.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. О ментальных репрезентациях // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. С. 13–28.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: «Знак», 2012. 203 с.

Культура парламентской речи. М., 1994. 362 с.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 175–203.

Лазуткина Е. М. О тройной норме в реализации глагольной связи. // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 187–195.

Лазуткина Е. М. Событийные глаголы в аспекте их синтаксических свойств // Филологические науки. М., 1980, № 4. С. 49–56.

Лазуткина Е. М. К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. М., 1988. С. 109–111.

Лазуткина Е. М. Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативный стереотип // Филологические науки. М., 1995, № 5–6. С. 65–78.

Лазуткина Е. М. Развитие критериев нормативности // Вопросы культуры речи. М., 2011. С. 16–26.

Лазуткина Е. М. Теоретические основы Словаря грамматической сочетаемости слов // Лазуткина Е. М. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка. М., 2012. С. 334–347.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 350–368.

Лекомцев Ю. К. Структура лингвистической гипотезы в аспекте формализации // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 152–163.

Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Ломоносов М. В. Наставление шестое. О сочинении частей слов // Ломоносов М. В. Российская грамматика. М., 1755 (Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 7. М.-СПб., 2011. С. 441–461).

Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. М., 1960. № 4. С. 15–28.

Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание: Избранные работы. М.: Наука, 1976. 382 с.

Лопатин В. В. Собираемость в русском языке. Фрагмент функциональной грамматики // Русистика сегодня. М., 1994, № 3. С. 34–49.

Лопатин В. В., Удуханов И. С. Основные понятия морфемики // Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 123–132.

Лютикова Е. А., Тестелец Я. Г. Родительный падеж при отрицании и «расщепленные» конструкции со значением количества в русском языке // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: «ЛИБРОКОМ», 2013.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.

Мизунов А. С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. М., 1986. № 7.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Михайловская Н. Г. Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 6–22.

Никитина С. Е. О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. М.: «Наука», 1979. С. 108–147.

Обнорский С. П. Культура русского языка // Основы культуры речи. Хрестоматия. Сост. Л. И. Скворцов. М., 1984. С. 173–190.

Ожегов С. И. Рассуждение о правильности языка (Черновые заметки) // Приложения. С. И. Ожегов: архивные материалы // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001. С. 431.

Ожегов С. И. О формах существования современного русского национального языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Панов М. В. О литературном языке // Русский язык в национальной школе, М., 1972, № 1. С. 9–19.

Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8 е. М., 2001.

Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009. 210 с.

Потебня А. А. Язык и народность. // Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II, М., 1958.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М., 1977.

Прибыткова Е. А. Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном призвании права // Вопросы философии. М., 2011. № 8. С. 98–110.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 176 с.

Русская грамматика. Т. I. — М., 1980.

Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. М., 2002. № 6. С. 12–26.

Сигал К. Я. Проблемы теории синтаксиса. М.: ИД «Ключ-С», 2012. 164 с.

Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Докт. дисс. Л., 1974.

Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.

Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. М., 1984, № 2.

Степанов В. Г. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М., 1998.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 2011.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.

Холквист М. Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra. Антология. Том II. СПб., 2002. С. 229–276.

Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Проблемы грамматической теории. Л.: «Наука», 1979.

Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. М., 2008, № 4. С. 78–88.

Чеснокова Л. Д. Категория количества в современном русском языке как система // Чеснокова Л. Д. Категория количества и спо-

собы ее выражения в современном русском языке. Таганрог, 1992. С. 7–19.

Шварцкопф Б. С. Типы соотношения вариантов и статистические исследования нормы // Языковая норма и статистика. М.: 1977.

Шварцкопф Б. С. Колебание нормы: его сущность и статус в культурно-речевом и теоретическом плане // Словарь и культура русской речи. М., 2001. С. 364–381.

Шведова Н. Ю. "Синтаксическое лицо" и его отношение к предикативности // Slavica slovak. Ročník 7. 1972, číslo 3. S. 215–220.

Шведова Н. Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий? // Н. Ю. Шведова. Русский язык. Избранные работы. М., 2005. С. 143–163.

Шведова Н. Ю. Объектная форма в субъектной позиции // Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: 2005. С. 264–270.

Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003.

Шендельс Е. И. Синтаксические варианты // Филологические науки. М., 1962, № 1.

Ширяев Е. Н. Предисловие: цели и задачи монографии // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 3–6.

Ширяев Е. Н. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи. Учебник для вузов. М., 1998. С. 12–25.

Ширяев Е. Н. Словарь и современная концепция культуры речи // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: 2003. С. 9–12.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Шмелев Д. Н. Литературный язык и язык художественной литературы // Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: 2002. С. 653–672.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Основы культуры речи. Хрестоматия. Сост. Л. И. Скворцов. М., 1984. С. 191–203.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: «Радуга», 1983. С. 102–117.

Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.

Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. М., 1983. № 5. С. 17–24.

Chafe W. Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago, 1994.

Chloupek J. Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. Univer. J. E. Purkině v Brně. 1986.

Daneš F. Pokus o strukturní význam českého slovesa // Slovo a slovesnost. Praha, 1971, № 3.

Daneš F. Values and Attitudes in Language Standardization // Reader in czech sociolinguistics. Praha, 1986, pp. 206–245.

Givón T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy // Syntax and semantics. N. Y., 1979.

Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax // Iconicity in syntax. Amsterdam — Philadelphia. 1985, pp. 187–219.

Givón T. Functionalism and Grammar. Amsterdam, 1995.

Haas W. Zero in linguistic description // Studies in linguistic analysis. Oxford, 1957. pp. 33–53.

Havraněk B. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.

Havranek B. Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // A Prague School Reader in Linguistics. Bloomington, 1964.

Hlavsová J. O protikladu spisovnosti a nespisovnosti v češtině // Slovo a slovesnost. Ročník XLIX. Praha, 1988, číslo 3. S. 220–226.

Jedlička A. Basic Types of Norm in Language Communication // Reader in czech sociolinguistics. Praha, 1986. P. 57–82.

Kristeva J. Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art. New York, 1980.

Tomlin R. Focal attention, voice, and word order: An experimental cross-linguistic study. — Word order in discourse. Amsterdam, 1994.

Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc.: Ossolineum. 1969.

E. M. Lazutkina
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
 (Russia, Moscow)
lazutkelen@yandex.ru

VARIANTNESS IN THE SYSTEM OF GRAMMAR NORMS IN MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

The article manifests that grammatical and stylistic variantness is the natural quality of human language. The literary language is the cultural space of communication in society and the way of existence of cognizance. The paper deals with canals of the representation of mental designs, concepts or cognitive categories in the semantic structure of sentences and with their dependence on various pragmatic factors.

Key words: Russian literary language, grammatical and stylistics variantness, semantic structure of the sentence, ontological categories, concepts, language pragmatics.

References

- Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works. Vol. II. P. I.]. Moscow, 1875.
- Apresian Iu. D. *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow, 1974.
- Arutiunova N. D. [Modality of Dialogue and Quotation]. *Chelovecheskii faktor v iazyke. Kommunikatsiia. Modal'nost'. Deiksis*. [Human factor in Language. Communication. Modality. Indication]. Moscow, 1992. (In Russ.).
- Arutiunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its sense]. Moscow, Nauka Publ., 1976.
- Bakhtin M. M. *Formal'nyi metod v literaturovedenii (Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuiu poetiku)* [Formal method on literary study (Critical introduction in sociological poetics)]. Moscow, 1993.
- Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, 1996, Vol. 5, pp. 303–323.

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [Creative works of Fransua Rable and folk culture in The Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1990.

Bart R. [Death of author]. *Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. [Bart R. Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989, pp. 384–391. (In Russ.).

Boduen de Kurtene I. A. [About problems of linguistics]. *Boduen de Kurtene I. A. Izbrannye raboty po obshchemu iazykoznaniiu* [Boduen de Kurtene I. A. Selected works upon General linguistics. V. I]. Moscow, 1963, pp. 203–220. (In Russ.).

Boduen de Kurtene I. A. [To criticism on international artificial languages]. *Boduen de Kurtene I. A. Izbrannye raboty po obshchemu iazykoznaniiu* [Boduen de Kurtene I. A. Selected works on General linguistics. V. II]. Moscow, 1963, p. 40. (In Russ.).

Bondarko A. V. [Categorization of semantics in system of grammar]. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorizatsiia semantiki* [Problems of functional grammar. Categorization of semantics]. SPb, 2008, pp. 11–49. (In Russ.).

Bondarko A. V. *Kategorizatsiia v sisteme grammatiki* [Categorization on system of grammar]. Moscow, 2012.

Budagov R. A. [To question about styles of language]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 1954, No. 3. (In Russ.).

Buslaev F. I. *Istoricheskaiia grammatika ruskogo iazyka* [Historical grammar on Russian language]. In 2 parts. Ed. 5-th. Moscow, 1881.

Chafe W. *Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago, 1994.

Chreif U. [Role of introspection, observation and experiment in understanding of mentality]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 2008, No. 4, pp. 78–88. (In Russ.).

Chesnokova L. D. [Category of number in contemporary Russian language as a system]. *Chesnokova L. D. Kategorii kolichestva i sposoby eio vyrazhenia v sovremennom russkom iazyke* [Category of number and its means of expression in contemporary Russian language]. Taganrog, 1992, pp. 7–19. (In Russ.).

Chloupek J. *Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti* [Dichotomy of literary language and spoken language]. Univer. J. E. Purkině v Brně. 1986.

Daneš F. [Experimental research of the structural meaning of the Czech verb]. *Slovo a slovesnost*, 1971, No. 3. (In Czech)

Danesh F. [Positions and criterions of values on codification]. *No-voe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriia literaturnogo iazyka v rabotakh uchenykh ChSSR* [News in foreign linguistics. Theory on literary language in works of scientist of ChSSR. Issue XX]. Moscow, 1988. (In Russ.)

Dem'iankov V.Z. [About strategy of setting norms on Russian language]. *Lingvodidaktika. Sotsiolingvistika. Iazyki mira. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia akademika I.F. Protchenko* [Linguadidactica. Sociolinguistics. Languages of world. To 90 years from birthday of academic I. F. Protchenko]. Moscow, 2008, pp. 50–61. (In Russ.)

Dem'iankov V.Z. [Cognition and understanding]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2005, No. 3, pp. 5–10. (In Russ.)

Dem'iankov V.Z. [Functionalism on foreing linguistics in XX century]. *Diskurs. Rech'. Rechevaia deiatel'nost'. Funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Speech. Speech activity. Functional and structural aspects]. Moscow, 2000, pp. 26–136. (In Russ.)

Diubua Dzh. i dr. *Obshchaia ritorika* [General rhetoric]. Moscow, 1986.

Elizarenkova T.Ia. [About facultative and its peculiarity in ancient Indian language]. *Vostochnoe iazykoznanie: fakul'tativnost'*. [Eastern linguistics: facultative]. Moscow, 1982. (In Russ.)

Gak V.G. *Linguistic transformations* [Iazykovye preobrazovaniia]. Moscow, 1998.

Galanina K.E. [Transformation of the concept of subject in philosophy of Ludwig Wittgenstein]. *Voprosy filosofii*, 2011, No. 7, pp. 138–147. (In Russ.)

Gasparov B.M. *Pamiat'. Obraz. Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia* [Memory. Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow, 1996.

Gavranek B. [Problems of literary language and its culture]. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [Linguistic circle in Prague]. Moscow, 1967. (In Russ.)

Golovin B.N. *Kak govorit' pravil'no: Zametki o kul'ture russkoi rechi* [How to speak correctly. Notes on culture of Russian speech.]. Moscow, 3-th ed., impr., 1988.

Gorshkov A.I. [Problem on variability of norms in connexion with

understanding language as system of systems]. *Literaturnaia norma i variantnost'* [Literary norm and variability]. Moscow, 1981, pp. 234–248. (In Russ.)

Graudina L.K. [The main sings of culture of speech as linguistic object]. *Kul'tura russkoi rechi. Uchebnik dlia vuzov* [Culture of Russian speech. Textbook for college]. Moscow, 1998, pp. 25–46. (In Russ.)

Graudina L.K. *Voprosy normalizatsii iazyka. Grammatika i varianty* [Problems on normalization of language. Grammar and variants]. Moscow, 1980.

Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaia L.P. *Grammaticheskaiia pravil'nost' russkoi rechi. Stilisticheskii slovar' variantov* [The grammar right of Russian speech. Stylistic dictionary of variants]. Moscow, 2001, pp. 3–16.

Graudina L.K., Shvartskopf B.S. [Fluctuation on norm in modern literary language: reality and prognosis Russkii iazyk i sovremennost']. *Problemy i perspektivy razvitiia rusistiki. Vsesoiuznaia nauchnaia konferentsiia. Doklady* [Russian language and the present. Problems and perspectives on development of science on Russian language. All-Union science conference. Papers. P. I]. Moscow, 1991. (In Russ.)

Haas W. Zero in linguistic description. *Studies in linguistic analysis*. Oxford, 1957. pp. 33–53.

Havranek B. [The problem of the norm in modern linguistics and speech culture]. *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington, 1964. (In German).

Havraněk B. *Studie o spisovném jazyce* [Assay on literary language]. Praha, 1963.

Hlavsová J. [About the contrast between the literary and literaturnoi language]. *Slovo a slovesnost*, Issue XLIX, 1988, No. 3, pp. 220–226. (In Czech).

Iakobson R.O. [In search of essence of language]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 102–117. (In Russ.)

Iakobson R.O. [Shifters, verbal categories and Russian verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia* [Principles on typological analysis of languages of different system]. Moscow, 1972, pp. 95–113. (In Russ.)

Iakobson R.O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1985.

Iartseva V.N. [The problems of variation and relationship of the lev-

els of grammar of language]. *Voprosy iazykoznanii*, 1983, No. 5, pp. 17–24. (In Russ.)

Istrina I.S. *Normy russkogo literaturnogo iazyka i kul'tura rechi* [Norms of Russian literary language and culture of Russian speech]. Moscow, Leningrad, 1948.

Itskovich V.A. [Norm and its codify]. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Actual problems on culture of speech]. Moscow, 1970. (In Russ.)

Itskovich V.A. *Ocherki sintaksicheskoi normy* [Assays of syntactic norm]. Moscow, 1982.

Ivanov L.Iu. [Influence of information technology over Russian language]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia S.I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. To 100 years from birthday of S.I. Ozhegov]. Moscow, 2001, pp. 131–147. (In Russ.)

Jedlička A. Basic Types of Norm in Language Communication. *Reader in czech sociolinguistics*. Praha, 1986, pp. 57–82.

Kapel'ko O.N. [Knowledge about the past in modern culture (materials of “The round table”).] *Voprosy filosofii*, 2011, No. 8, p. 42. (In Russ.)

Karaulov Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, 1987.

Kartsevskii S.O. [About asymmetric dualism of language sign]. *Zvegintsev V.A. Istoriia iazykoznanii XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh* [Zvegintsev V.A. History on linguistics of XIX and XX century]. Moscow, 1965. 3-th ed. Part. 2, pp. 85–93. (In Russ.)

Katlinskaia L.P. [About tactical miscalculations on language politics]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia S.I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. To 100 years from birthday of S.I. Ozhegov]. Moscow, 2001, pp. 195–203. (In Russ.)

Kholkvist M. [Dialogue of history and poetics]. *Mikhail Bakhtin. Pro et contra. Antologiya. Tom II* [Mikhail Bakhtin. Pro et contra. Anthology. Vol. II]. SPb., 2002, pp. 229–276. (In Russ.)

Kholodovich A.A. [The category sets in Japanese in the light of General theory of sets in language]. *Problemy grammaticheskoi teorii* [Problems of grammatical theory]. L., Nauka Publ., 1979. (In Russ.)

Kibrik A.E. [Linguistic reconstruction of cognitive structure]. *Voprosy iazykoznanii*, 2008, No. 4, pp. 51–77. (In Russ.)

Kibrik A.E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam iazykoznanii* [Assays on general problems on linguistics]. Moscow, MGU, 1992. 336 p.

Kodukhov V.I. [Syntactic position and word form]. *Russkii iazyk. Sb. trudov* [Russian language. Collected works]. Moscow, 1975. (In Russ.)

Kostomarov V.G. [Norms of language and norms in language (experience of interpretation)]. *Russkii iazyk za rubezhom*, 2011, No. 4 (227), pp. 55–59. (In Russ.)

Kostomarov V.G. *Iazykovoi vkus epokhi* [Language taste of age]. Moscow, 1994.

Kozhin A.N. *Literaturnyi iazyk dopushkinskoi Rossii* [Literary language in Russia before Pushkin]. Moscow, 1989.

Kratkaia russkaia grammatika [Short Russian grammar]. Moscow, 2001.

Kristeva J. *Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York, 1980.

Kruchinina I.N. *Iz istorii prepodavaniia russkogo iazyka* [From history on teaching of Russian language]. Moscow, 1998.

Kruchinina I.N. *Pozitsionnye ekvivalenty slova v sostave predlozheniia (k izucheniiu variativnykh sintaksicheskikh riadov)*. Diss. kand. filol. nauk [Positional equivalents of word in structure of sentence (to learning on variable syntactic lines). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1968.

Kruchinina I.N. *Struktura i funktsii sochinitel'noi sv'azi v russkom iazyke* [Structure and functions of copulative tie in Russian language]. Moscow, “Librocom” Publ., 2009. 212 p.

Krysin L.P. [Variation on norm as natural quality of literary language]. *Izvestiia akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 2011, No. 4, pp. 3–9. (In Russ.)

Kubriakova E.S. [About notions of discourse and discourse analysis in modern linguistics]. *Diskurs. Rech'. Rechevaia deiatel'nost'. Funktsional'nye i strukturnye aspekty*. [Discourse. Speech. Speech activity. Functional and structural aspects]. Moscow, 2000, pp. 7–25. (In Russ.)

Kubriakova E.S. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Kubriakova E.S. *V poiskakh sushchnosti iazyka: Kognitivnye issledovaniia* [In search of essence of language. Cognitive research]. Moscow, “Znak” Publ., 2012. 203 p.

Kubriakova E.S., Dem'iankov V.Z. [About mental representations]. *Problemy predstavleniia (representatsii) znaniia. Tipy i format znaniia* [Problems on representation (representation). Types and forms of knowledge]. Moscow, 2007, pp. 13–28. (In Russ.)

Kul'tura parlamentskoi rechi [Culture of parliamentary speech]. Moscow, 1994. 362 p.

Kurilovich E. [Problem on classification of cases]. *Kurilovich E. Ocherki po lingvistike*. [Kurilovich E. Assays on linguistics]. Moscow, 1962, pp. 175–203. (In Russ.)

Lakoff G. [Linguistic gestalts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvisticheskaya semantika* [News in Linguistics. Linguistic semantics. Issue X]. Moscow, 1981, pp. 350–368. (In Russ.)

Lazutkina E.M. [About triple the norm in the implementation of the verbal communication]. *Sintaksis i norma* [Syntax and Norm]. Moscow, 1974, pp. 187–195. (In Russ.)

Lazutkina E.M. [Development of criteria of normality]. *Voprosy kul'tury rechi* [Problems on culture of speech]. Moscow, 2011, pp. 16–26. (In Russ.)

Lazutkina E.M. [Event verbs in light of its syntactic specifications]. *Filologicheskie nauki*, 1980, No. 4, pp. 49–56. (In Russ.)

Lazutkina E.M. [Syntagmatic class of verbs: language entity, conceptual phenomenon, communication stereotype]. *Filologicheskie nauki*, 1995, No. 5–6, pp. 65–78. (In Russ.)

Lazutkina E.M. [Theoretical principles of Grammar combinatory dictionary of words]. *Lazutkina E.M. Slovar' grammaticheskoi sochetanosti slov russkogo iazyka* [Lazutkina E.M. Grammar combinatory dictionary of words of Russian language]. Moscow, 2012, pp. 334–347. (In Russ.)

Lazutkina E.M. [To problem on delimitation of initial and second verbal meaning]. *Slovarnye kategorii* [Dictionary categories]. Moscow, 1988, pp. 109–111. (In Russ.)

Lekomtsev Iu.K. [Structure of linguistic hypothesis]. *Gipoteza v sovremennoi lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow, 1980, pp. 152–163. (In Russ.)

Literaturnaya norma i variantnost' [Literary norm and variability]. Moscow, 1981. (In Russ.)

Liutikova E.A., Testelet's Ia.G. [Genitive case with negation and “split” constructions with idea of quantity in Russian language]. *Logicheskii analiz iazyka. Chislavoi kod v raznykh iazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of language. Numeral code in different languages and cultures]. Moscow, “LIBROKOM” Publ., 2013. (In Russ.)

Lomonosov M.V. [The sixth instruction. About combination of

parts of word]. *Lomonosov M.V. Rossiiskaia grammatika* [Lomonosov M.V. Russian grammar]. Moscow, 1755 In *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. V. 7. Moscow — SPb, Nauka Publ., 2011, pp. 441–461. (In Russ.)

Lomtev T.P. [About absolute and relative qualities of syntactic units (About idea of position in theory of syntax)]. *Filologicheskie nauki*, 1960, No. 4, pp. 15–28. (In Russ.)

Lomtev T.P. *Obshchee i russkoe iazykoznanie: Izbrannyye raboty* [General and Russian linguistics: Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976.

Lomtev T.P. *Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka* [Principles on syntax of modern Russian language]. Moscow, 1958.

Lopatin V.V. [The collectivity in Russian language. Fragment of functional grammar]. *Russistika segodn'a*, 1994. No. 3, pp. 34–49. (In Russ.)

Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. [Principal ideas of morphemics]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar. V. I]. Moscow, 1980, pp. 123–132. (In Russ.)

Mel'nikov G.P. *Sistemologiya i iazykovye aspekty kibernetiki* [Systematics and language aspects of cybernetics]. Moscow, 1978.

Migunov A.S. [Art and science: about some tendencies to rapprochement and interaction]. *Voprosy filosofii*, 1986, No. 7. (In Russ.)

Mikhailovskaya N.G. [Lexical variability in lists of ancient Russian monuments]. *Literaturnaya norma i variantnost'* [Literary norm and variability]. Moscow, 1981, pp. 6–22. (In Russ.)

Minskii M. *Freimye dlia predstavleniya znaniya* [Frames for representation of knowledge]. Moscow, 1979.

Nikitina S.E. [About semantic variability of Russian prepositions]. *Semanticheskoe i formal'noe var'irovanie* [Semantic and formal variability]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 108–147. (In Russ.)

Obnorskii S.P. [Culture of Russian language]. *Osnovy kul'tury rechi. Khrestomatiya. Sost. L.I. Skvortsov* [Principles on culture of speech. Reader. Comp. L.I. Skvortsov]. Moscow, 1984, pp. 173–190. (In Russ.)

Ozhegov S.I. [About forms of existence of modern Russian national language]. *Ozhegov S.I. Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Ozhegov S.I. Lexicology. Lexicography. Culture of speech]. Moscow, 1974. (In Russ.)

Ozhegov S.I. [Reasoning about the correctness of language (Rough notes)]. *Prilozheniya. S.I. Ozhegov: arkhivnye materialy. Slovar' i*

kul'tura russkoi rechi. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia S.I. Ozhegova. [Applications. S.I. Ozhegov: archival documents. Dictionary and culture of Russian speech. To 100 years from birthday of S.I. Ozhegov]. Moscow, 2001, p. 431. (In Russ.)

Panov M. V. [About literary language]. *Russkii iazyk v natsional'noi shkole*, 1972, No. 1, pp. 9–19. (In Russ.)

Pavil'onis R. I. *Problema smysla. Sovremennyi logiko-filosofskii analiz iazyka* [Problem on sense. Contemporary logical and philosophical analysis of language]. Moscow, 1983.

Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific lighting]. Ed. 8-th, Moscow, 2001.

Popova Z. D. *Sintaksicheskaja sistema russkogo iazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [Syntactic system of Russian language in the light of theory of syntactic concepts]. Voronezh, 2009. 210 p.

Potebnia A. A. [Language and nationality]. *Potebnia A. A. Mysl' i iazyk* [Potebnia A. A. Thought and Language]. Har'kov, 1913. (In Russ.)

Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Vol. IV, Moscow, 1977.

Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike*. [From the notes on Russian grammar]. Vol. I–II, Moscow, 1958.

Pribytkova E. A. [Vladimir Sergeevich Solov'ev about moral calling rights]. *Voprosy filosofii*, 2011. No. 8, pp. 98–110. (In Russ.)

Priiatkina A. F. *Russkii iazyk. Sintaksis oslozhnennogo predlozheniia* [Russian language. Syntax of complicated sentence]. Moscow, 1990. 176 p.

Russkaia grammatika. [Russian grammar]. Vol. I. Moscow, 1980.

Seliverstova O. N. [Cognitive semantics on the background of general development of linguistic science]. *Voprosy iazykoznaniia*, 2002, No. 6, pp. 12–26. (In Russ.)

Shcherba L. V. [About language system and about experiment on linguistics]. *Shcherba L. V. Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Shcherba L. V. Language system and speech]. L., 1974, pp. 24–39. (In Russ.)

Shcherba L. V. [Contemporary Russian literary language]. *Osnovy kul'tury rechi. Khrestomatiia* [Principles on culture of speech]. Reader. compil. — L. I. Skvortsov. Moscow, 1984, pp. 191–203. (In Russ.)

Shelov S. D. *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniia* [Term. Terminologies. Terminologic definitions]. SPb, Philol. faculty of SPbGU Publ., 2003.

Shendel's E. I. [Syntactical variants]. *Filologicheskie nauki*, 1962, No. 1. (In Russ.)

Shiriaev E. N. [Contemporary theoretical conception on culture of speech]. *Kul'tura russkoi rechi. Uchebnik dlia vuzov* [Culture of Russian speech. Textbook for college]. Moscow, 1998, pp. 12–25. (In Russ.)

Shiriaev E. N. [Dictionary and contemporary conception on culture of speech]. *Kul'tura russkoi rechi. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Encyclopaedic dictionary-reference book]. Moscow, 2003, pp. 9–12. (In Russ.)

Shiriaev E. N. [Preface: purposes and problems of the monograph]. *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniia* [Culture of Russian speech and effectiveness on intercourse]. Moscow, 1996, pp. 3–6. (In Russ.)

Shmelev D. N. [Literary language and language of fiction]. *Izbrannye trudy po russkomu iazyku* [Shmelev D. N. Selected works on Russian language]. Moscow, 2002, pp. 653–672. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 1973.

Shmelev D. N. *Russkii iazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostiakh (k postanovke problemy)* [Russian language in its functional varieties (to statement of a problem)]. Moscow, Nauka Publ., 1977.

Shvartskopf B. S. [Fluctuation of norm: its essence and status in aspect on culture of speech and in theoretical aspect]. *Slovar' i kul'tura russkoi rechi* [Dictionary and Russian speech culture]. Moscow, 2001, pp. 364–381. (In Russ.)

Shvartskopf B. S. [Types of correlation upon variants and statistic research on norm]. *Iazykovaia norma i statistika* [Language norm and statistics]. Moscow, 1977.

Shvedova N. Iu. [„Syntactical person“ and its relation to predicatively]. *Slavica slovak. Ročník 7*, 1972, No. 3, pp. 215–220. (In Russ.)

Shvedova N. Iu. [Does person come into sphere of syntactical categories?]. *N. Iu. Shvedova. Russkii iazyk. Izbrannye raboty* [N. Iu. Shvedova. Russian language. Selected works]. Moscow, 2005, pp. 143–163. (In Russ.)

Shvedova N. Iu. [Object form in subject position]. *Russkii iazyk. Izbrannye raboty* [Russian language. Selected works]. Moscow, 2005, pp. 264–270. (In Russ.)

Sigal K. Ia. *Problemy teorii sintaksisa* [Problems of the theory of syntax]. Moscow, ID “Kl'uch-S” Publ., 2012. 164 p.

Sil'nitskii G.G. *Semanticheskie i valentnostnye klassy angliiskikh kauzativnykh glagolov*. Diss. doct. philol. nauk [Semantic and valent-
 nosti classes of English verbs. Dr. philol. sci. diss.]. L., 1974.

Sirotinina O.B. *Russkii iazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language: system, usage and they create risks]. Saratov, 2013.

Skvortsov L.I. [Norm. Literary language. Culture of speech]. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Actual problems of culture of speech]. Moscow, 1970. (In Russ.)

Skvortsov L.I. *Teoreticheskie osnovy kul'tury rechi* [Theoretical bases of culture of speech]. Moscow, 1980.

Solntsev V.M. [Variability as general property of language system]. *Voprosy jazykoznaniia*, Moscow, 1984, No. 2. (In Russ.)

Solntsev V.M. *Iazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as systemic structural formation]. Moscow, 1971.

Stepanov Iu. S. *Iazyk i Metod. K sovremennoi filosofii iazyka* [Language and Method. To contemporary philosophy of language]. Moscow, 1998.

Stepanov Iu. S. *Imena. Predikaty. Predlozheniia* [Names. Predicates. Propositions]. Moscow, Nauka Publ., 1981.

Stepanov Iu. S. *Indoevropeiskoe predlozhenie* [Indo-European proposition]. Moscow, Nauka Publ., 2011.

Stepanov V.G. *K probleme iazykovogo var'irovaniia. Ispan-skii iazyk Ispanii i Ameriki* [To problem of language variation. Spanish language of Spain and America]. Moscow, 1979.

Teoriia funktsional'noi grammatiki. Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost'/neopredelennost' [Theory of functional grammar. Subjectness. Objectness. Communication perspective of sentence. Certainty/Uncertainty]. SPb., 1992.

Tomlin R. *Focal attention, voice, and word order: An experimental cross-linguistic study*. — *Word order in discourse*. Amsterdam, 1994.

Van Valin R., Foli U. [Role and Reference grammar]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. [News in foreign linguistics. Issue XI]. Moscow, 1982, pp. 376–410. (In Russ.)

Vereshchagin E.M. *Iz istorii vozniknoveniia pervogo literaturnogo iazyka slavian. Var'irovanie sredstv vyrazheniia v perevodcheskoi tekhnike Kirilla i Mefodiia*. [From history of rise of the first literary Slavonic language. Variation on means of expression in translational technique of Kirill and Mephodyi]. Moscow, MGU, 1972.

Vinogradov V.V. [Literary language]. *Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [Vinogradov V.V. Selected works. History of Russian literary language]. Moscow, 1978, pp. 288–297. (In Russ.)

Vinogradov V.V. [The growing influence of scientific and newspaper's journalistic prose. Struggle of bookish and oral-folk elemental force in Russian literary language]. *Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII — XIX vekov*. [Assays on history of Russian literary language XVII — XIX centuries]. Moscow, 1982, pp. 419–421. (In Russ.)

Vinogradov V.V. [The main questions and problems in learning on history of Russian language until XVIII c.]. *Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [Vinogradov V.V. Selected works. History of Russian literary language]. Moscow, 1978, pp. 254–287. (In Russ.)

Volohina G.A., Popova Z.D. *Sintaksicheskie kontsepty russkogo prostogo predlozhenia* [Syntactic concepts of Russian simple sentence]. Voronezh, 1999. 192 p.

Voloshinov V.N. (Bakhtin M.M.) *Marksizm i filosofiia iazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke* [Marxism and philosophy of language. The main problems of sociological method in science about language]. Moscow, 1993.

Vostokov A.Kh. *Russkaia grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1859.

Vsevolodova M.V. [Fields, categories and concepts in grammar]. *Voprosy iazykoznaniia*, 2009, No. 3. (In Russ.)

Wierzbicka A. *Dociekania semantyczne* [Semantic inquiry]. Wroclaw etc., Ossolineum. 1969.

Zalizniak A.A. [About understanding of term “case” in linguistic descriptions. P. I.]. *Problemy grammaticheskogo modelirovaniia* [Problems on grammar modelling]. Moscow, 1973. (In Russ.)

Zhuravl'ov A.F. [Foreign borrowings in Russian vernacular (phonetics, morphology, lexical semantics)]. *Gorodskoie prostorechie. Problemy izucheniia* [Urban vernacular. Problems of studying]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 102–124. (In Russ.)

**Проблемы лексикографии.
Problems of Lexicography**

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
evbeshenkova@gmail.ru, olliva95@yandex.ru

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ
СОЧЕТАНИЙ ЕДИНИЦ НА -О, -Е
С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ ИЛИ ЧАСТЬЮ
СЛОЖНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО***
*(активно действующее вещество
и сильнодействующее вещество)*

Статья посвящена комплексу проблем, связанных с функционированием в реальном письме и кодификацией в правилах и словарях сочетаний «отадъективная единица на -о, -е + прилагательное», в которых вторая часть совпадает по форме с свободно употребляемым прилагательным (относительным, качественным, отпричастным или отглагольным на -ный, -мый, -тый) и между частями определяется подчинительное отношение. В статье рассматривается история написания таких единиц в русском языке, анализируются различные приемы описания орфографии этих единиц в правилах, анализируется практика современного письма в сопоставлении с историческими написаниями, предлагается способ описания этих единиц в орфографическом словаре.

Ключевые слова: орфография, сложные прилагательные, сочетания наречий с прилагательными, критерии нормы.

* Работа написана при поддержке гранта «Информационно-поисковая система «Орфографический конкорданс» № 12-04-12046.

«Когда же образцы не давали ответа, или когда между ними замечалось разногласие, — придумывались правила чисто-условные».

Я. К. Грот

В современном русском письме есть некоторые области, в которых либо допускается двойная лингвистическая трактовка и, соответственно, возможно применение разных правил с разными рекомендациями, либо правила практически бездействуют, либо правила вовсе отсутствуют, а словарная кодификация при этом не покрывает весь материал и зачастую противоречива. В свое время Я. К. Грот — основоположник отечественного орфографического нормирования — стремился к созданию правил, лингвистически обоснованных и отражающих живое письмо, и критиковал Н. И. Греча за создание «чисто-условных» правил. Но и сейчас, спустя более чем полуторавековой период, среди правил русской орфографии существуют такие, которые можно назвать «чисто-условными», поскольку, несмотря на лингвистическую обоснованность, их применение на практике к описываемому материалу весьма затруднительно и они практически не работают. К числу подобных правил, использование которых в «автоматическом режиме» при письме невозможно, относятся рассматриваемые ниже.

Настоящая статья посвящена комплексу проблем, связанных с функционированием в реальном письме и кодификацией в правилах и словарях материала, подпадающего под действие, с одной стороны, известного правила о написании словосочетаний «наречие + прилагательное/причастие» (пишутся раздельно) и, с другой, целого ряда соотносительных правил о написании сложных прилагательных, первая часть которых материально совпадает с наречиями (пишутся слитно и через дефис). Не все случаи употребления этих единиц представляют интерес (и соответственно будут рассматриваться ниже), а только те сочетания «отадъективная единица на -о, -е + прилагательное», в которых вторая часть совпадает по форме с свободно употребляемым прилагательным (относительным, качественным, отпричастным или отглагольным на -ный, -мый, -тый) и между единицами определяется подчинительное отношение (напр.: *идейно-нравственный* — *идейно близкий*, *идейно выдержанный*; *индивидуально-авторский*, *индивидуально-ориентированный* — *индивидуально подобранный*; *эмоционально-оценочный*, *эмоционально-*

ценностный — эмоционально устойчивый, эмоционально богатый; *быстродействующий*, *быстрореализуемый* — *быстро бегущий*, *грубоизмельченный* — *грубо выраженный*; *близкородственный* — *близко расположенный*, *остроатакующий футбол* — *остро сказанное слово* и др.).* Таким образом, речь идет о различении случаев типа *активно действующее/сильно (?)действующее вещество*. Как же функционирует письмо в таких областях и как можно отразить реальную практику письма в правилах и словарях?

Кодификация в исследованиях и правилах

Вопрос о слитном или раздельном написании единиц на -о, -е, совпадающих с наречием, судя по материалам словаря Срезневского, появился уже при разделении слитно написанных текстов на слова. С XVIII века проблема осложнилась появлением и активным распространением дефиса как знака соединения двух слов в одно или, иначе, знаком выделения двух компонентов в одном слове**. Авто-

* Т.е. не рассматриваются следующие слова и словосочетания: 1) обозначающие оттенок качества (цвета, вкуса, формы и др.), напр.: *красно-зеленый*, *кисло-сладкий*, *тяжелозвонкий*, *лимонно-кислый (вкус)*, *болезненно-нервный*, *нервно-капризный*; 2) вторая часть которых самостоятельно не употребляется, напр.: *длинноногий*, *остроносый*, *короткошей*, или имеет в самостоятельном употреблении другое, не связанное с данным сложным словом значение, напр.: *лимоннокислый натрий*, *стреловидный*, *тюркоязычный*; 3) с сочинительным отношением основ, напр.: *весенне-летний сезон*, *визуально-оптический метод* (метод, использующий наблюдение глазом и прибором), *выпукло-вогнутый*, *кабельно-спутниковый*, *колюще-режущий*, *осенне-зимний*, *садово-парковый*; 4) с первой отсубстантивной частью, напр.: *йодосодержащий* и *йодсодержащий* (*йод* + *содержащий*), *колесотокарный*, *овощемоечный*, *рельсоукладочный*, *сталелитейный*; 5) со второй частью — причастием, напр.: *быстро действующий руками фокусник*; *внимательно наблюдаем за материалом*, *быстро растворяющийся в соляной кислоте*.

** Дефис графически совпал со знаком переноса, который уже существовал в русской графике. В грамматике Лаврентия Зизания (Вильна, 1596 г.) и в грамматике Мелетия Смотрицкого (Евю, 1619 г.) у черточки «единительного знака» отмечается только одна функция — функция переноса, что соответствовало практике письма (ср. *Грамматика доброглаголивого еллинословенского языка*). Новая функция знака «черточка» отмечена в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи» В. К. Тредиаковского (1748 г.), где он предлагает писать через дефис предлоги, перетягивающие на себя ударение «*нѣ-был*, *нѣ-избу*». Но это было только мнение Тредиаковского. В грамматике Федора Максимова (СПб., 1723 г.), в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755 г.) знаку черточка по-прежнему приписывается единственное значение — перенос слов.

ры грамматик и учебников по-разному подходили к этой проблеме. Н. Богородицкий предлагал писать слитно все слова с соединительными гласными, в том числе и прилагательные [Богородицкий 1868: 121]. Н. Греч писал: «Черточкой (-) соединяются два слова в одно: *звонко-приятная лира*» [Греч 1860: 103], при этом делал исключения для терминов, отмечая их склонность к слитному написанию, напр., *быстротекущий корабль* [Там же: 408]. Я.К. Грот среди ряда употреблений «черточки» выделял и такое: «Иногда наречие соединяется черточкою со следующим за ним прилагательным, напр.: *истинно-патриотический, западно-европейский, греко-латинский, древне-классический. Свод небес зелено-бледный*. (Пушк.)» [Грот 1895: 118], и рекомендовал в написании сложных речений следовать традиции: «<...> Определить такие случаи точными правилами невозможно. Главным тут руководителем должен служить установившийся обычай, и чем он давнее, тем более имеет право на то, чтобы с ним сообразовались» [Грот 1873: 128]. О том, насколько сложно следовать этому правилу на практике, свидетельствует письмо самого Я.К. Грота (вот только некоторые примеры написаний из прижизненно изданных текстов: *безусловно справедливый, благоприятный, глубоко обдуманый, действительно найденные тексты и действительно-находящиеся звуки, действительно существующий и действительно-существующий, довольно круглый и довольно-любопытный вывод, чисто азбучный порядок, чисто буквенные построения, чисто-внутренняя сторона, чисто-литературные замечания, чисто-немецкие речения, чисто-условное правило*).

Реформа начала XX века никак не затронула этот аспект письма. Справочники, отражая реальную неупорядоченность в письме, содержали противоречивые рекомендации (см. об этом [Обнорский 1934: 464–466]). А.А. Реформатский призывал к поиску тех лингвистических различий, которые определяют выбор того или иного написания: «Слитность и раздельность написания должна определяться, исходя из изучения лексико-грамматической стороны языка. Более чем где-нибудь в этом вопросе господствует неверное убеждение, что выбор того или иного способа написания есть чистая условность, так как и все письмо в целом есть только внешний “костюм” языка. Орфографические правила должны отражать языковые отношения и быть удобным и гибким выразительным сред-

ством наряду с другими языковыми приемами. <...> Орфография не произвольный “костюм” языка, а именно система норм письменной речи как особой формы языка» [Реформатский 1937: 77].

Лингвистическая мысль 40–60-х годов была нацелена на поиски этих признаков. Основным критерием оставался лексический: «Все написанное слитно должно демонстрировать лексическое единство» [Реформатский 1937: 77]. Как специфическая черта приаждективно-го наречия отмечается его позиционная прикреплённость: «В качестве форм, примыкающих к обычным склоняемым прилагательным или к наречиям, они почти сплошь лишились подвижности и образовали с ними более или менее цельное понятие» [Булаховский 1952: 308], однако это не помогает отделить его от первой части прилагательного. Суммируя накопившиеся замечания, А.Б. Шапиро так уточнял смысловую разницу между сочетанием прилагательного с наречием и сложным прилагательным: «§ 95. Здесь уместно остановиться на словосочетаниях, которые по чисто внешним основаниям нередко принимаются за сложные прилагательные. Основой значения таких словосочетаний является то, что стоящее перед прилагательным наречие обозначает признак того признака, который выражен прилагательным. При этом возможно несколько типов таких наречий, а именно: а) наречия, характеризующие степень признака, например: *строго логические* (выводы), *неизъяснимо сладкие* (звуки), *глубоко нежная* (улыбка), *невозмутимо спокойная* (вода), *неуловимо быстрые* (молнии); б) наречия на -ски, характеризующие признак путем уподобления, например: *детски маленькая* (головка), *ангельски красивый, приятельски фамильярный, дьявольски мудрый, чертовски зол, рабски пошлый, мещански скромный*; в) наречия, которые поясняют причастия, выступающие в роли прилагательных, например: *хаотически взволнованные* (чувства), *металлически звеневшие* (фразы), *могуче размахнувшееся* (море), *пошло блестящая* (монетка); г) наречия различных типов, обозначающие признак признака, выраженного прилагательным, например: *постоянно хмурая мина, разнообразно нелепый* (шум), *демонстративно развязный* (вид), *мертвенно тихая* (ночь), *важно задумчивые* (горы), *тошнотворно жёлтые* (стены), *обольстительно сладкий* (голос). <...>

Однако никакого приема, который бы упростил орфографическую сторону данного вопроса, рекомендовать нельзя, если не от-

казаться от того, чтобы при помощи различных способов написания передавать те значения и их оттенки, которые свойственны сложным прилагательным и близко к ним стоящим сочетаниям прилагательных с наречиями. Что касается пишущего, то он всегда знает (вернее — должен знать), какой смысл он вкладывает в те слова, которыми он характеризует предмет, и к какому словообразовательному типу эти слова принадлежат, если они являются сложными прилагательными» [Шапиро 1951: 132–133].

В ныне действующих «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. различению на письме данных единиц посвящено примечание к п. 2 § 80, следующее за примерами сложных прилагательных: «§ 80. Пишутся слитно... обозначающие единое понятие образования (в том числе и терминологические) из наречия и прилагательного (или причастия), например: *малоупотребительный, близлежащий, животрепещущий, глубокоуважаемый, свежееиспеченный, ясновидящий, сильнодействующий, дикорастущий, вечно-зеленый, гладкокрашеный*.

Примечание. Сложные прилагательные, в состав которых входят наречия, не следует смешивать со словосочетаниями, состоящими из наречия и прилагательного (или причастия) и пишущимися раздельно, например: *диаметрально противоположный, прямо противоположный, чисто русский, детски наивный, плохо скрываемый, отчетливо выраженный*» [Правила 1956].

Оставим без комментария терминологию правила («сложные прилагательные, в состав которых входят наречия»). Очевидно, что сформулированное таким образом правило не дает в руки пишущих никаких чётких формальных и/или семантических критериев различения сложного прилагательного и сочетания наречия с прилагательным/причастием — различения, являющегося по сути лингвистической основой данного правила, — и опирается на языковую интуицию носителей языка, от которых требуется увидеть различие между *прямоходящий человек* — *прямо противоположный интерес*, *быстротекущее время* — *быстро текущий поток*, *особорежимный объект* — *особо важный вопрос*. Положенный в основание правила критерий — «единое понятие» — очень трудно применим на практике. Пишущему самому приходится решать, выражается ли в словах *слабосоленый, слабокислый* единое понятие и могут ли противоположные

понятия *сильно соленый, сильно кислый* быть выражены также сложными прилагательными.

Еще в 1965 г. в «Обзоре предложений по усовершенствованию русской орфографии» (автор раздела В.Э. Сталтмане) отмечалось: «<...> вся сложность заключается именно в том, что нет никаких структурных признаков для разграничения сложного прилагательного с первым наречным элементом и словосочетания наречия с прилагательным; ср. *скоропортящиеся* (продукты), *высокообразованный, высоковитаминный, низкооплачиваемый, малопосещаемый, нормальнозамкнутый* и *свободно падающее* (тело), *непрерывно действующий* (аппарат), *взаимно выгодные* (условия), *умеренно теплый* (климат), *жизненно важное* (решение), *прямо пропорциональные* (величины) и т. п.

Трудно отличить также слитно пишущиеся сложные имена прилагательные с первым наречным элементом от полуслитно пишущихся прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком, например: *нормальнозамкнутый, свежескошенный*, но *грубо-провокационный, искусственно-напыщенная* (фраза)» [Обзор 1965: 331].

Академический справочник 2006 г. (т.е. 50 лет спустя после впервые сформулированных общеобязательных норм) в этой части практически повторяет Правила 1956 г.: в § 131 формулируется основное правило: «Пишутся раздельно словосочетания, состоящие из наречия и прилагательного или причастия», а в примечании к § 130 указывается на необходимость отличать прилагательные-сращения типа *быстрodeйствующий* от свободных сочетаний наречий с причастиями и прилагательными *быстро действующий в экстремальных ситуациях человек* [Правила 2006: 119–121]. Разъяснение того, в каких случаях единица на *-о, -е* является наречием, а в каких выступает как часть сложного слова, также не дается.

Данную проблему современные справочники по правописанию не замалчивают, хотя в решении ее помогают мало. Так, в справочниках Д.Э. Розенталя вводится два критерия: к наречию можно поставить вопрос (*морально устойчивый* — устойчивый в каком отношении?) и наречие может указывать на степень признака (*умеренно теплый* — теплый в какой степени?). Введение этих критериев дополняется списком наречий, которые «чаще всего» выступают как первый компонент словосочетания [Розенталь 1985: 46–47]. Однако

ясно, что эти критерии не работают, например, в следующих случаях: пишутся раздельно *близко сидящие глаза*, *глубоко посаженные глаза*, но слитно *глубокосидящие глаза*, в обоих случаях можно поставить вопрос «как?»; пишется раздельно *умеренно солёный*, но слитно *слабосолёный* — и в том и в другом случае единица на -о указывает на степень признака; пишутся как раздельно, так и через дефис единицы, в которых к первому компоненту можно поставить вопрос «в каком отношении?», ср.: *морально устойчивый*, *общественно опасный*, *обратно симметричный* — *индивидуально-ориентированный*, *научно-познавательный*, *национально-смешанный*, *общественно-передовой*, *промышленно-угленосный*. В качестве критерия предлагается также учитывать «изменение лексического значения: наречие из обстоятельства превращается в словообразовательную морфему, близкую к приставке (которая или совсем теряет ударение, или имеет слабоударяемый слог)» [Кайдалова, Калинина 1983: 97]. Смысловой фактор значим также и для отличия на письме дефисно пишущихся сложных прилагательных и словосочетаний с наречием типа *болезненно-тоскливый стон* — *болезненно тоскливый стон*: «Чем ближе по значению элементы сочетания, чем они синонимичнее, тем заметнее выражается в них признак с добавочным оттенком, что дает основание для дефисного написания», поэтому *искусственно-напыщенная поза* — искусственная и напыщенная, а *искусственно напыщенная поза* — искусственно созданная напыщенность [Розенталь 1985: 48].

В предисловии к справочнику Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой «Слитно или раздельно?» (3-е изд., испр. и доп., 1982 г.) отмечаются сочетаемостные особенности наречия и первой части сложного прилагательного (позволим себе пространную цитату): «<...> критерий разграничения наречия и ненаречия заключается именно в грамматической природе второй части: если вторая часть причастие, то с ней по преимуществу сочетается наречие; если вторая часть прилагательное, то с ней может сочетаться и наречие и ненаречие (прилагательное). Наречия в подавляющем большинстве случаев сочетаются с качественными прилагательными. Соответственно — относительные прилагательные имеют в первой части прилагательное, а не наречие. Грамматический критерий — качественность и относительность прилагательных — очень часто помогает объяснить сложившуюся орфографическую практику и во многих

случаях может служить руководством при написании сложных слов и сочетаний, вызывающих затруднения» [Букчина, Калакуцкая 1982: 5]. Эти сочетаемостные особенности не объясняются теоретически, но их выделение позволяет авторам сформулировать следующее правило: «Пишутся раздельно: словосочетания, состоящие из наречия и прилагательного (как правило, качественного) или причастия, например: *абсолютно необходимый*, *детски наивный*, *диаметрально противоположный*, *жизненно важный*, *сравнительно быстрый*, *функционально оправданный*. Но через дефис пишутся: а) *сравнительно-исторический*, *классово-идеологический*, *функционально-морфологический* и под., вторая часть которых выражена относительным прилагательным; б) *водонапорно-регулирующий*, *бахчево-стелющийся* <...>, *ремонтно-обслуживающий*, *аварийно-опасный* и под., первая часть которых не является наречием» [Букчина, Калакуцкая 1998: 13]. Авторы также допускают и «двойное написание (обычно в художественно-публицистических текстах) в зависимости от различного понимания сочетаний — как двух прилагательных или наречия и прилагательного, например: *болезненно-ревнивый* (человек) и *болезненно ревнивый*» [Там же: 13–14].

Проблема усложняется, как отмечал еще Н.И. Греч, добавлением функционально-стилистического критерия «термин — нетермин». Так, Б.З. Букчина и Л.П. Калакуцкая, ссылаясь на требования п. 3 § 80 Правил 1956, требующего разграничивать при выборе написания термины и нетермины, замечают: «<...> поскольку современный язык характеризуется двумя разнонаправленными процессами — использованием слов литературного языка в качестве терминов и включением научно-технических терминов в общелитературный язык, определить, что является термином, а что нетермином, и в зависимости от этого писать по рекомендации «Правил» слово слитно или как-либо иначе практически является трудной задачей» [Букчина, Калакуцкая 1974: 6–7]. С.Н. Борунова рекомендует дефисное написание терминов: «Для узкоспециальной терминологии предпочтительно дефисное написание и без анализа морфемной структуры лексемы, так как решить эти вопросы нелингвисту непросто» [Борунова 2009: 91]. Современная практика употребления показывает многочисленные случаи раздельного написания терминологических образований, напр.: *вертикально залегающий* (пласт), *вертикально направленный*, *вертикально ра-*

стущий, вертикально взлетающий, визуально эквивалентный, визуально воспринимаемый, горизонтально направленный (бурение), горизонтально оттопыренный (лист, щетинки), линейно поляризованный, обратно пропорциональный, обратно симметричный, обратно смещенный, особо охраняемый (природные территории), первично активный (транспорт — в биофизике), пространственно однородный, структурно нежесткий, умеренно континентальный, умеренно либеральный, условно годный и мн. др. Словарные источники и реальные тексты свидетельствуют, что слитно, полуслитно или раздельно могут писаться как термины, так и нетермины, хотя в словари термин попадает практически только в том случае, если он получает полуслитное или слитное оформление.

В научных работах последних десятилетий продолжались поиски различий в синтаксических и семантических свойствах наречий и первых частей прилагательных. К приводимым еще с XIX века критериям первой части: цельности понятия, неподвижной прикреплённости (*удобно и близко расположенный, слабосолёный — *солёный слабо*), — добавляются такие семантические особенности, как «обозначение второго признака предмета» (*задушевно-пустой разговор*), «признака с оттенком» (*пронизывающе-холодный, волнующе-трогательный*) (см. [Самарина 1970]), они противопоставляются способности наречия выражать «качественный признак другого качественного признака» (*внимательно ласковый взгляд*), признак, замыкающийся во втором признаке (*подозрительно белый снег*, т. е. подозрительна белизна, *празднично строгий*, т. е. строгий по-праздничному), которые были предложены еще в [Прокопович 1962]. М. В. Филипенко отметила сужение возможностей в структуре актуального членения [Филипенко 2003]. К признакам первых частей можно добавить потерю, иногда действительную заполненность, валентности у первой части (**близкорасположенный к морю*), сохранение валентности вело бы к нарушению проективности, предпочтение выражать степень прилагательным *самый*, а не наречием *очень* (*самый близкорасположенный — очень далеко расположенный*), если это не валентное наречие (*самый ресурсно обеспеченный район*).

Однако и сегодня, спустя более полувека после выявления данной орфографической проблемы и попытки ее кодификации ситуация в осмыслении данной области правописания и ее регламентации оста-

ется неизменной: «В русском языке сложные образования, состоящие из наречия (или прилагательного) в первом компоненте и причастия (прилагательного) во втором компоненте могут писаться слитно, через дефис или раздельно. Четко регламентировать эти сочетания пока что не представляется возможным» [Каунова 2010: 142].

Практика письма XX века и способы его лексикографического описания

В настоящее время орфографисты, неудовлетворенные неработающими правилами*, практически пошли по пути словарной фиксации: открытые перечни первых компонентов словосочетаний и первых частей сложных прилагательных вводятся в справочники по орфографии [Розенталь 1985: 47; Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: 49–50; Кайдалова, Калинина 1983: 97–104]. Всё больше таких сложных единиц включается в словари, в том числе и в академический. Однако в этом плане имеется два существенных негативных момента.

Во-первых, словари зачастую расходятся в своих рекомендациях, что хорошо видно из приводимой ниже таблицы на примере нескольких слов.

Сложное прилагательное или словосочетание	Слитно или раздельно? 1985	Русский орфографический словарь 2005	Новый орфографический словарь-справочник 2007	Большой орфографический словарь 2007
бессрочно() отпускной	бессрочноотпускной	бессрочноотпускной	бессрочноотпускной	бессрочноотпускной
диффузно() рассеянный	диффузно рассеянный	диффузно-рассеянный	диффузно рассеянный	диффузно рассеянный
непрерывно() действующий	непрерывнодействующий*	непрерывно действующий	непрерывно действующий и непрерывнодействующий	непрерывно действующий*
остро()пряный	остропряный	остро-пряный	остро-пряный	остропряный

* «По-видимому, вопрос о написании сложных прилагательных может быть решен в полной мере только в словарном порядке», — считает С.Н. Борунова [Борунова 2009: 91].

Сложное прилагательное или словосочетание	Слитно или раздельно? 1985	Русский орфографический словарь 2005	Новый орфографический словарь-справочник 2007	Большой орфографический словарь 2007
проблемно() ориентированный	проблемно-ориентированный	проблемно-ориентированный	проблемно-ориентированный	-----

Во-вторых, что более важно, в словари невозможно поместить все сложные прилагательные или сочетания наречий с прилагательными. Лишь частично спасает ситуацию введение в качестве словарных единиц первых частей сложных слов — при условии, что их написание с последующим компонентом единообразно. Таких единиц со слитным написанием в РОС (2012), например, всего шесть: *высоко, мало, много, ново, средне, тепло*.

Для выработки адекватного лексикографического описания был проанализирован материал, как он представлен в словарях и в поисковых системах, в спорных случаях частотность вариантов написания проверялась вручную. Анализ и словарных рекомендаций, и реального письма показал, что действительно скорее всего не существует общего правила, общего критерия, позволяющего охватить и раздельное, и дефисное, и слитное написание единиц на *-о*, *-е*, совпадающих по форме с наречиями, с последующим компонентом, совпадающим с самостоятельно употребляемым прилагательным, при выражении подчинительного отношения между частями целого. Однако в общем «хаосе» обнаруживается определенная самоорганизация отдельных единиц, суть которой можно описать следующим образом: для каждой первой части важны категориальные признаки второй части — относительное*, качественное или отричающее** это прилагательное, при этом каждая первая часть по-своему реша-

* Часто одно и то же прилагательное в одном значении может быть относительным (*культурная революция, содержательный блок*), в другом — качественным (*культурный человек, содержательный доклад*).

** Под отричаемыми прилагательными (или прилагательными-причастиями) мы понимаем как прилагательные, соотносимые с современными формами причастий (*стоящий, расположенный*), так и другие прилагательные, образованные от глаголов с суффиксами *ем, им, енн, нн, т* (*зависимый, ранимый, устранимый*). Признаками того, что данная единица является причастием, а не прилагательным, выступает наличие зависимых слов, указывающих на субъект и условия осуществления действия.

ет, как ей писаться с этими категориями. Чтобы проиллюстрировать данное положение, приведем таблицу, в которой первые части сгруппированы в соответствии с разными «наборами» способов написания со вторыми частями (искл. — исключение, т — термин).

Таблица. Способы написания первых частей сложных слов и словосочетаний со вторыми частями — самостоятельно употребляемыми прилагательными, при выражении подчинительных отношений основ, кроме оттенков качества.

вторые части			первые части
качеств.	относит.	отрич.	
дефис	разд.	разд.	<i>визуально, государственно, духовно, естественно (искл.), идейно, индивидуально (искл.-т), информационно (искл.), классово, морально, научно, обратно, общественно, организационно, первично, программно, промышленно, пространственно (искл.-т), профессионально, радиационно (искл.-т), реально, системно, социально, структурно, территориально, условно (искл.), финансово, формально, функционально, хозяйственно, художественно, экспериментально, эмоционально, эмпирически, ядерно (искл.-т)</i>
	нет прим.		<i>вертикально, встречно (искл.-т), горизонтально, легко, линейно, материально, машинно, музыкально, объёмно (искл.-т), поперечно (искл.-т), продольно (искл.-т), прогрессивно, радиально, радикально, раздельно (искл.-т), рационально, реакционно, рельефно, ресурсно, социально, товарно (искл.-т), уголовно, узואльно, универсально, экспортно, электронно (искл.-т)</i>
	нет прим.		<i>буржуазно, валютно, влажно</i>
слитно	разд.	разд.	<i>внешне, внутренне, особо, широко (искл.)</i>
слитно	слитно	разд.	<i>близко (искл., искл.-т), грубо (искл.), ложно, остро (искл.), сильно (искл.), узко (искл.)</i>
слитно	нет прим.	разд.	<i>высоко² пространство² (искл.), глубоко² пространство² (2 искл.), жёстко, косо (искл.), легко (искл.-мый), редко (искл.-т), часто</i>

только слитно	<i>быстро, высоко¹ 'степень', выше, гладко, густо, длинно, долго, жидко, коротко, кратко, крупно, круто, мало, мелко, много, низко¹ 'степень' низко² 'пространство', рано, свободно, скоро, слабо, тепло, толсто, тонко, трудно, тяжело, чисто¹</i>
только раздельно	<i>безусловно, бесконечно, благородно, болезненно, важно, вечно (искл.-т), вяло (искл.-т), глубоко² 'степень' (6 искл.), далеко (искл.), дурно (искл.), зеркально, исключительно, качественно, крепко, лично (2 искл.-т.), максимально, объективно, откровенно, персонально (1 искл.), подлинно, поздно (3 искл.-т.), плохо, правильно, резко (искл.-т.), собственно (искл.-т.), строго (искл.), тайно (1 искл.-т.), умеренно (1 искл.-т.), умственно, частично², чисто², явно (искл.)</i>
только дефис	<i>валентно</i>

В таблице материал представлен в статистически обработанном виде: если соотношение частоты встречаемости находится в пределах 75% — 25%, то в качестве рекомендуемого варианта выбирается узуально предпочитаемый, если в узусе встречается два равночастотных варианта, то в качестве рекомендуемого выбирается тот вариант, который соответствует тенденции, а второй вариант описывается как допустимый (помета искл.). Признавая возможность слитного написания таких слов и приписывая им признак «пишется слитно при намерении подчеркнуть цельность выражаемого признака» (*высоколетящий, высокорасположенный, легкоранимый, глубокоуважаемый, быстротекущее время, дурнопахнущий*), мы тем самым разрешаем вариативность, отличающуюся едва уловимым смысловым, когнитивным компонентом*.

В таблице отмечено и существование отдельных слов-исключений. В исключения попадают прежде всего термины (*вечнозеленый* (растения), *вечномерзлый* (грунт), *вечноснежный, вечноцветущий* (растения); *встречнорежущий инструмент, встречносмещенные струи при встречно выдвинутый, встречно расположенный, острозазубренная спирея при остро зазубренная пила, индивидуально-ориентированное обучение при индивидуаль-*

но подобранный и персонально ориентированный, кососмещенный перелом при косо смещенный вправо рисунок, обратнoзависимый, обратнорассеянный при обратнo смещенный). Термины имеют тенденцию обособляться от нетерминов и писаться слитно или полуслитно (речь идет именно о тенденции, см. выше замечание о раздельном написании терминов). Кроме того, встречаются и отдельные исключения, которые и к терминам отнести нельзя, напр.: *далекоидущие планы, крупномолотый перец* (хотя *крупно помолотый перец*), *глубокоуважаемый* (хотя *глубоко любимый*).

Таким образом, анализ реального письма позволяет предположить вероятностную закономерность написания, обусловленную частеречным характером второй части сложных образований: образования со второй частью — отпричастным прилагательным частотно пишутся раздельно, со второй частью — качественным прилагательным частотно пишутся раздельно и — реже — слитно, со второй частью — относительным прилагательным пишутся через дефис и слитно при преобладании написаний с дефисом. У обнаруженной закономерности есть некоторая предсказательная сила, эффективность которой можно показать на следующем примере. В словаре «Слитно или раздельно?» среди сочетаний с первой частью *декоративно* находим в дефисном написании слова *декоративно-насыщенный, декоративно-обобщенный* (стиль, пейзаж, язык, образ), хотя *декоративно оформленный, декоративно подчеркнутый* даются в раздельном написании. Зная тенденцию писать вторые «причастные» части раздельно, проверяем реальное узуальное написание этих слов. Оказывается, что у образования *декоративно(-)насыщенный* абсолютно преобладает вариант раздельного написания, однако единица *декоративно()обобщенный* чаще встречается в дефисном написании, хотя оба написания встречаются в энциклопедиях и словарях. Учитывая эту закономерность, мы предлагаем и соответствующую политику в кодификации этих единиц. Так, из узуальных вариантов: дефисного *декоративно-насыщенный* и раздельного *декоративно насыщенный* — в качестве рекомендуемого выбирается раздельный вариант, для *декоративно()обобщенный* в качестве рекомендуемого выбирается раздельный как соответствующий общей тенденции, но допускается и полуслитное написание «при намерении подчеркнуть цельность выражаемого признака».

* Если признать наличие такого компонента, то тогда подобные варианты нельзя считать орфографическими в строгом смысле слова, так как отдельному смыслу соответствует отдельная форма.

Тенденция эта активна и охватывает и только приходящие в язык единицы, и уже давно бытующие. Например, за годы нашего наблюдения за узусом интернета распространенные на рубеже веков написания *стабильно-тяжелый*, *стабильно-декоративный* сменились на практически безвариантные раздельные написания *стабильно тяжелый*, *стабильно декоративный*.

Тем не менее это только тенденция, а не жесткое правило, и каждая входящая единица в конкретный момент времени находится на своей стадии включения в эту тенденцию. Например: «единица наречного типа» *активно* по данным словарей и поисковых систем пишется через дефис как со вторыми частями — относительными прилагательными (*активно-творческий* характер восприятия, *активно-двигательный*, *активно-деятельностный*), так и с качественными прилагательными (*активно-подвижный* ребенок, *активно-адаптивный* круиз-контроль, *активно-адаптивный* потребитель, *активно-деятельный* подход), но пишется раздельно с прилагательными-причастиями (*активно действующий* компонент, ср. *сильнодействующий* компонент). Однако анализ текстов, в которых реально встречаются в дефисном оформлении сложные прилагательные со вторыми частями — качественными прилагательными, показывает либо терминологическое их употребление (*активно-подвижный грамотицательный микроорганизм*), либо в классификациях, все градации, выраженные сложными единицами, оформляются как единое понятие с помощью дефиса (*активно-подвижный*, *умеренно-подвижный*, *спокойно-медлительный*). Интернет дает возможность найти и не зафиксированные словарями другие сочетаемости с качественными прилагательными, которые стабильно пишутся раздельно, например, *активно недовольный*, *активно зеленый*. Это позволяет не выделять в исключение данную единицу, рекомендовать ее раздельное написание с качественными прилагательными — при условии, что это не термин и у пишущего нет намерения подчеркнуть «цельность выделяемого признака». Аналогичные рассуждения можно привести и по поводу таких первых частей, как *буржуазно*, *валентно* и др., которые приводятся в словарях в дефисном написании со второй частью — качественным прилагательным.

Проведенный нами анализ подтверждает справедливость наблюдения Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой, позволяет говорить

о формировании на протяжении по крайней мере полувека некоторой тенденции, но этот временной отрезок все-таки слишком мал, чтобы говорить об устойчивой тенденции, поэтому, строго говоря, выявлены лишь статистические предпочтения сегодняшнего узуса. Однако орфографический узус, узуальные предпочтения в эпоху активных социальных и языковых изменений явление неустойчивое. Чтобы это статистическое предпочтение классифицировать как системообразующую тенденцию, которую необходимо поддерживать и при кодификации новых слов, надо проанализировать ее становление в историческом плане.

Выделенная тенденция в историческом аспекте

Употребление наречий не только при глаголе, но и при прилагательном встречается уже в древнерусских текстах. Материалы словаря Срезневского, словаря XI–XVII вв. позволяют говорить о существовании разных способов письменного оформления графически совпадающих первых частей прилагательных или приадективных наречий (ср. *глубино премоудростный*, *глубокооустыный*; *ГД*, *веле великоє несмышление* — хотя *велемоудры*, *велеокы*, *велерѣчывы*, *зглоопытны* — хотя *згло страшны*). Так, в словарях приведено два десятка первых частей прилагательных, совпадающих по графической форме с прилагательными наречиями (*благо*, *велико*, *вкупѣ*, *высоко*, *выше*, *глубоко*, *добро*, *истинно*, *мало*, *мимо*, *много*, *ново*, *равно*, *скоро*, *славьно*, *сладко*), которые фиксируются словарями в составе сложных слов, напр.: *благобоязливый*, *благобѣдный*, *благовонный*, *благовѣрный*, *благодарный* «прочно вкорененный», *благодарный* «хорошо скругленный», *благонадежный* при наличии наречия *благо* «хорошо»; *великомощный*, *великовѣдательный*, *великоглазый*; *высоколетный* «высоколетающий, возвышенный», *высокоумный*... при наличии наречия *высоко*: *не мыслит высоко*; *выше-вещный*, *выше-вѣдательный* «сверхъестественный», *выше-меньный*, *выше-чашняный*... при наличии наречия *выше*; *глубокоустыный*, хотя *глубино премоудростный*; *добровонный* «благовонный», *добротекый*, *доброчестивый*, *доброчестный*... при наличии наречия *добро*: *добро глиняные съсуды чинити*; *доухондвижимый* при наличии наречия *доуховно*: *доуховно ликующе*;

зглоопытныи — хотя згло страшныи; истинноименитыи; мало-
годныи, малолѣпныи, малолѣтныи, маломожьныи, маломощныи,
малословесьныи; мимохожии «ходящий мимо»; **много**безбожь-
ныи, **много**божьствьныи, **много**болѣзньныи, **много**грѣшныи,
многознаменныи, **много**кружьныи, **много**листвьныи, **много**лоу-
кавыи, **много**любезныи, **много**милостивыи, **много**мясныи, **мно**-
гомятежныи, **много**свѣтлыи, **много**троудныи, **много**ценныи;
новокрещеныи, **ново**коупленыи, **ново**просвѣщенныи, **ново**рожденныи,
новосзданыи, **ново**сѣмѣшныи, **новоя**вленыи при наличии наречия
ново «недавно, по-новому»; **равно**видныи «равный по виду», **рав**-
ноестьствьныи «равный по естеству», **равно**радостно «с оди-
наковой радостью», **равно**сильныи «равный по силе», **равно**тѣч-
ныи «совершенно равный», **равно**оумьныи «равный разумом»;
скороврѣмьныи «скоропреходящий», **скоро**послушныи, **ско**-
ропошѣстныи «удобоподвижный», **скоро**врѣмьныи, **скоро**миныи,
скороврѣмьныи, **скоро**разоумьныи, **скоро**явительныи «очевид-
ный»; **слав**нодержавныи; **слад**ковьныи и нек. др.

В XVIII веке употребление наречий при прилагательном сильно
возрастает. В «Словаре русского языка XVIII века» примеров уже
не десятки, а сотни. Но самое важное, что в русской графической
системе появляется новый знак — дефис, используемый для гра-
фического оформления слова. Дефис не ограничивал свою сфе-
ру действия только заимствованными словами, он использовался
и в кальках (*низко-обронный* от *bas-relief*), и в новых русских сло-
вах (*плоско-вогнутый*, *плоско-округлый*), и во многих старых сло-
вах (*много-рыбный*, *остро-главый*, *плотно-запертый*). Таким обра-
зом, в русской системе графики появляется новая единица, активно
встраивающаяся в систему.

Вариативность написаний в XVIII веке настолько велика, что
представляла собой, говоря словами Г.О. Винокура об орфографии
Словаря Академии Российской, «целую гамму совершенно не мо-
тивированных написаний» [Винокур 1956: 173]. По замечанию
Г.О. Винокура: «Даже ученые учреждения того времени ... не имели
вовсе последовательной и устойчивой орфографической системы»
[Винокур 1941: 473]. Многие исследователи, анализировавшие на-
писание слов этого типа в текстах тех или иных авторов XIX века,
пришли к неутешительному выводу: никакой последовательности
в их орфографическом оформлении нет (ср. *вечно-юная супруга*,

*вечно юный певец, вечно-пылающий огонь, вечноживущие боги, веч-
ноцветущие поля*) [Сидорова 1996: 39–40]. Однако Р.И. Кочубей, рас-
смотрев практику письма XIX века на примере некоторых текстов
Анненкова, Белинского, Богородицкого, Востокова, Жуковского, Со-
болевского, Павского, Толстого (по изданиям 1930–50 гг.), Тургенева
(издание 1930 г.), Фортунатова, некоторых томов журналов «Совре-
менник», «Библиотека для чтения», «Москвитянин», некоторых то-
мов «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона,
пишет, что в XIX веке стремится к однотипному оформлению группа
слов со значением оттенка цвета, качества, дефис преобладает и при
выражении сочинительного или противопоставительного значения
слов (*греко-русский*). Исследуя написания первых наречных частей
с прилагательным, она приходит к следующему довольно однознач-
ному выводу: «...значительное влияние на орфографическую инту-
ицию пишущих оказывала грамматическая природа второй части
сложного прилагательного или словосочетания. При всей неупоря-
доченности написания СИП данной группы и их пестром орфогра-
фическом облике, следует, однако, заметить, что в исследуемых ма-
териалах прошлого столетия, как и в современной орфографической
практике, различаются в написании СИП с относительным прила-
гательным во втором компоненте и словосочетания, образованные
из наречия и прилагательного или причастия. Материалы наглядно
иллюстрируют, что преимущественно дефисным способом оформ-
лялись на письме СИП с относительным прилагательным во второй
части. В раздельном написании встречаются словосочетания, состо-
ящие из наречия и причастия или прилагательного (в основном каче-
ственного)» [Кочубей 2006: 60; подчеркнуто автором. — Е.Б., О.И.].

Хотя попытки провести сколь-нибудь полный анализ письмен-
ного узуса единиц данного типа в языке XIX века действительно
кажутся бессмысленными — слишком уж велика доля вариатив-
ности в реальном письме, — тем не менее небесмысленным ка-
жется сравнение текстов энциклопедий, в которых авторская воля
ограничивается и стилем издания и наличием единого «ока». Вы-
борка написания данных единиц в «Энциклопедическом словаре»
Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона (далее ЭСБРЕФ), в 1-м издании Боль-
шой советской энциклопедии 1926–1947 гг. (далее БСЭ), приведен-
ная в диссертации Кочубей, позволяет оценить те изменения, кото-
рые произошли в языке к середине XX в.

Насколько позволяют судить данные «Словаря русского языка XVIII века», энциклопедии Брокгауза, Эфрона, Большой советской энциклопедии 1926–1947 гг., на протяжении двух веков в этой области письма действовало сразу несколько тенденций: первая — сохранение традиционного написания, вторая — выравнивание написания слов по вторым частям (установление раздельного написания со второй частью прилагательным-причастием или качественным прилагательным и дефисного написания с относительными прилагательными), третья — выравнивание написаний по первым частям (так, многие первые части со значением степени стали писаться раздельно, синонимы и антонимы также поддерживали друг друга), четвертая — выделение на письме терминов.

Так, тенденция к сохранению традиционного написания победила в группе слов с устоявшимся слитным написанием — в словах с первыми частями *благо, велико, верно, вкупе, вольно, выше, добро, мало, много, скоро, сладко*, при этом некоторые первые части перестали употребляться как наречия, а многие сложные слова просто ушли из языка. Слова с первой частью *выше* вообще не замечены в колебаниях (напр.: *вышевоспамятенный, вышепредписанный, вышепредставленный, вышереченный, вышесказанный, вышеупоминаемый*), а вот слова с первой частью *много, мало* поколебались, но выстояли (**мало** Срезневский: *малогодьный, малолѣпный, малолѣпный, маломожьный, маломощный, малословесный*; **XVIII век**: *мало-братственный, мало(вероятный, маловкусный, маловыгодный, малодостаточный, малодоходный, малознающий, малонаселенный, малообитаемый, малоположенный (платеж), малоценный, мало убыточный (Радицев), малопошленный (Радицев), малосмыслящий, малостоющий, мало(ученый*; **ЭСБРЕФ**: *мало ветвящиеся стебли, мало-достоверные сообщения, малодоступный, малоизвестный и мало известный, мало интересный, мало (-)исследованный, мало-культурный, малолюдный, малообразованный, малоплодородный, малоподвижный, малопонятный, малопригодный, малопродуктивен, малоразвитый, мало симметричный вид, мало способный*; **БСЭ**: *малодействительные меры, малодостоверные сведения, малозаселенный, маломолочный скот, маломощные пласты, малопроходимый, мало удачный, мало транспортабельный, малотребователен, малоуглубленная долина, малоупотребительный*; **много** Срезневский: *много-безбожьный, многобожьствыный, многоболѣзньный, многогрѣшныи, многознаменныи, многокружьныи, многолиствыныи, многолоукавыи, многолюбзныи, многомилостивыи, многомясныи, многомятежныи, многосвѣтлыи, многотроудныи, многоценныи*; **XI–XVII век**: *многорыбный, многонеправдивый, многонеистовый...*; **XVIII век**: *много*

(также разд. и дефис), *многонаселенный, много-рыбный, многознающий, многопострадавший, многоспящий, много-гортанный (Бобр., Херсонид, един.), многозначущее слово и много значащая улыбка, многообъемлющий, многопьющий, многоращепленный венчик (Линней), многочастный, многочисленный, многоуверенный (един.); ЭСБРЕФ*: *многобрачные цветы, многокамерный, многократный, многолепестной, многолюдный, многообещавший ученый, многообещающие минуты, много обещающий юноша, многорыбный, многосернистый многословный, многосторонний, многоугольный, многофигурный, многочисленный, многощупальцевый*; **БСЭ**: *многоэшелонный*).

Другие слова претерпели на себе действия двух других тенденций и изменили к нашему времени свое написание. Так, слова с первой частью *высоко*, в языке XI–XVII вв. зафиксированные в слитном написании (напр.: *высоколетный «высоколетающий, возвышенный», высокооумный... (Срезневский), высокомудреный, высокопарящий орел, высокопестельчатый, высокорожденный, высокославный, высокохвальный, высокоумный (XI–XVII), — при наличии наречия высоко (не мыслити высоко) в словаре XVIII века отмечаются также в раздельном и дефисном написании: «высоко (также раздельно и дефис) высокобожеский, высокопокровительствуемый, высокоправительствующий, высоковзведенный, высокопоющий, высокобезчестный, высокодобродетельный, высокодостойный, высокопочитаемый, высокочтимый, высокопочтенный, высокоцѣнный, высокопросвѣщенный, высоко-вздорный, высокодоговаривающийся, высокоименитый; высоколетающий, высокопарящий, высокорастущий, высокосияющий»; в ЭСБРЕФ также встретились и дефисные и раздельные написания, напр.: *высокостеблевый, высокоствольный, высокорельефный, высоколежащий ледник; высокогуманный, высокодоходный, высококачественный, высокоталантливый и высоко-талантливый, высокоценный, высоко-слоистые облака; высоко-организованные формы и высоко организованные формы, высоко цивилизованная нация*. Отметим, что в дефисном написании зафиксированы слова, в которых *высоко* имеет значение степени, а большинство наречий со значением степени признака закрепились к настоящему времени в раздельном написании. То есть слова с первой частью *высоко* со значением степени сохранили свойственное им слитное написание со всеми типами вторых частей (напр.: *высокоактивный, высокоамперный, высоковитаминный, высокодоходный, высокоорганизованный*), хотя и прошли через колебания, которые можно объяснить действием тенденции к раздельному написанию всех наречий степени. Однако первая часть *высоко* с пространственным значением стала писаться раздельно с отпричастными прилагательными, на-*

рушив традицию (ср. *высокопарящий* (Срезневский) и *высоко живущий*, *высоко парящий* в современном языке).

Слова с первой частью *глубоко*, которые в языке XI–XVII вв. зафиксированы в слитном написании (напр.: *глубокооустынии*, *глубококольныи*, *глубокоумныи*), в XVIII веке в целом сохраняют слитное написание (напр.: *глубокомыслящий*, *глубокопроницающий*, *глубокопрорезывающий* (плуг), хотя *глубоко тронутые души*), а вот в XIX веке они стали колебаться в своем написании: *глубоко «степень признака» ЭСБРЕФ*: *глубоко-индивидуальное содержание*, *глубоко-религиозная натура*, *глубокоубежденный демократ*, *глубоко упавшее уважение*, *глубоко-христианское воспитание*, *глубоко верующий человек*, *глубоко обдуманый очерк*; *БСЭИ*: *глубоко-содержательное творчество*; *глубоко «пространство» ЭСБРЕФ*: *глубоководный*, *глубоко выемчатый*, *глубоко-двураздельный плодonoсец*, *глубокоосидающий* и *глубоко осидящие мозоли*, *глубоколежащие части* и *глубоко лежащие части*, *глубоко вдавшаяся бухта*. В современном языке наречие *глубоко* со значением степени стало писаться раздельно, как и большинство наречий степени, а вот *глубоко* с пространственным значением сохранило слитное написание со всеми типами вторых частей (напр.: *глубокобороздчатый*. *глубококозалегающий*, *глубокоосидающий*).

Сочетания наречий степени с прилагательным в современном языке пишутся раздельно (*безусловно*, *бесконечно*, *весьма*, *глубоко*, *исключительно*, *истинно*, *максимально*, *очень*, *слегка*, *совсем*, *совершенно*, *чрезвычайно* и др., кроме *высоко*, *низко*, *мало*, *много*), хотя еще в текстах ЭСБРЕФ замечено большое количество дефисных написаний (*безусловно-нужные* изменения, *безусловно-нравственный*, *безусловно справедливый*, *безусловно правдивый*; *бесконечно-далёкий*, *бесконечно-малый*, *бесконечно-удаленный*, *бесконечно-многообразный*, *бесконечно богатый*, *бесконечно малый*, *бесконечно разнообразный*; *глубоко верующий человек*, *глубоко-индивидуальное содержание*, *глубоко-религиозная натура*, *глубокоубежденный демократ*, *глубоко упавшее уважение*, *глубоко-христианское воспитание*, *глубоко обдуманый очерк*; *истинно-артистический*, *истинно-народный эпос*, *истинно-научный метод*, *истинно-национальный композитор*, *истинно(-)поэтический язык*, *истинно-художественный*; *чисто-безличная форма*, *чисто-белый*, *чисто-богословский*, *чисто бытовой*, *чисто-венгерский*, *чисто-внешний*, *чисто коммерческий*, *чисто-кочевой*, *чисто-крестьянский*, *чисто-лирический*, *чисто музыкальное ударение*, *чисто(-)национальный*, *чисто-практический*, *чисто-профессиональный*, *чисто рациональный*, *чисто-римские начала*, *чисто(-)субъективный*). В БСЭИ также встречаются написания

наречий степени через дефис или даже слитные: *совершенно-мудрые люди*, *исключительно-широкое развитие*, *исключительно-ночной образ жизни*, *максимально-возможный*, *подлинно-существенный принцип*, *умеренно-влажный климат*, *умеренно-консервативные органы*, *умеренно-либеральные*, *умеренно-покровительственный*, *умеренно-примирительный*, *умереннотвердое дерево*, *умеренно(-)теплый климат*; *строго-лютеранский*, *строго механические попытки*, *строго научные исследования*, *строго-определенная категория*, *строго-ортодоксальное учение*, *строго-официальное значение*, *строго очерченные рамки*, *строго-реальные исследования*, *строго-религиозное преподавание*, *строго реформатское учение*, *строго хронологический порядок*), а вот у наречия *чисто* в БСЭИ преобладают уже раздельные написания: *чисто идеологическое воздействие*, *чисто исследовательские задачи*, *чисто китайский*, *чисто-научные исследования*, *чисто морские дела*, *чисто практический*, *чисто театральный*, хотя *чисто-рабочая политика*.

Наречия времени в современном языке не столь последовательны в своем написании. Одни из них, выступая в качестве первой части сложных прилагательных, пишутся слитно, напр.: *долго...* (*долгоживущий*, *долгоиграющий*, *долголетний*, *долгосрочный*, *долготерпеливый*, *долгоцветущий*), *кратко...* (*кратковременный*, *краткоживущий биоробот*, *краткоживущий вирус*, *краткосрочный*), *коротко...* (*короткодействующий*, *короткоживущий*), другие пишутся только раздельно, иногда в нарушение традиции, как приведенное выше *вечно*, в ЭСБРЕФ отмечается в вариативном (слитном или раздельном) написании уже только термин *вечнозеленый*. Но обращает на себя внимание тот факт, что одинаково пишутся слова наиболее близкие по ассоциации, сопоставимые (*долго — коротко*, *кратко*), как и *крупно — мелко*, *долго — коротко*, *выше — ниже*.

Эти две отмеченные тенденции к выравниванию системы, конечно, в значительной мере уменьшили вариативность нашего письма, но действуют они неоднаправленно и не могут привести к появлению стабильной системы. Например, первая часть *сильно* со значением степени, которая в текстах ЭСБРЕФ встречается сплошь в раздельном написании, как и полагалось бы наречию этой лексической группы (напр.: *сильно ветвистая линия*, *сильно взрывчатое соединение*, *сильно волокнистый*, *сильно вырубленный*, *сильно головчатое*, *сильно действующее*, *сильно едкий*, *сильно занятый*, *сильно крылатый стебель*, *сильно пряный запах*, *сильно развитые конечности*, *сильно ядовитый*), в современных словарях дается в слитном написании со вторыми частями — относительными и качественными прилага-

тельными, раздельное написание сохранилось в сочетаниях со второй частью, выраженной прилагательным-причастием. Возможно, это изменение произошло под влиянием антонима *слабо*, который принадлежит к исключениям и пишется слитно.

Таким образом, проведенный анализ письма XVIII в., как оно представлено в вышедших томах «Словаря русского языка XVIII века», письма XIX в., как оно представлено в энциклопедии Брокгауза, Эфрона, и письма начала XX века, как оно представлено в Большой советской энциклопедии, позволяет определить те изменения, которые произошли в письме. Во-первых, на основании «островков устойчивости», существовавших с древнейших пор, произошло некоторое выравнивание написания слов по первым частям, можно сказать, что действовало две аналогии: «первая часть пишется со всеми вторыми частями одинаково» и «соотносительные по смыслу первые части пишутся одинаково». Во-вторых, по-видимому, с освоением слов перераспределялись способы письменного оформления: сокращалась область распространения дефиса в определенных областях, в сочетаниях со вторым компонентом — прилагательным-причастием или качественным прилагательным. В-третьих, на письме закреплялась выделенность терминосферы. Однако эти тенденции не создают устойчивой системы с нерушимыми границами, тем более что в ней заложена еще одна возможность, порождающая вариативное написание и действующая в ограниченном круге лексем — выражать с помощью слитного написания идею «единства признака».

Можно сказать, что на данном этапе система письма реализовала одну из своих потенций, но в ней остаются жить и другие заложенные возможности, которые активизируются в случае вмешательства в систему. Выделенные тенденции, действующие в процессе освоения слов, сталкиваются с наплывом слов-«новобранцев». Анализ нового материала последних лет показал, что в написании пришедших в узус и еще неадаптировавшихся слов вновь, как и в XVIII–XIX веках, избыток дефиса, то есть новые слова «выбиваются» из установившейся системы. И вот здесь выявляется практическая значимость проведенного исследования, которая может повлиять на политику орфографистов сегодня. Если мы хотим сохранить сформировавшуюся за прошедшие века систему, то словари не должны закреплять те узуальные предпочтения, которые ха-

рактеризуют точки бифуркации, ибо закрепление таких написаний расшатывает стихийно сложившуюся систему.

Литература

- Богородицкий Н.* Грамматика языка русского. 2-изд. М., 1868.
- Большой орфографический словарь: более 106 000 слов/Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М.: ОНИКС, 2007.
- Борунова С. Н.* О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 73–99.
- Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов // Нерешенные вопросы русского правописания. М.: Наука, 1974. С. 5–14.
- Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Слитно или раздельно? М.: Русский язык, 1998.
- Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1982.
- Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1952.
- Бурцева В. В.* Новый орфографический словарь-справочник русского языка. М.: Русский язык-Медиа, 2007.
- Винокур Г. О.* Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.-Л., 1941. С. 462–494.
- Винокур Г. О.* К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1789–1794) // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1956. С. 162–188.
- Греч Н. И.* Русская грамматика первого возраста. Ученическая. СПб., 1860.
- Грот Я. К.* Русское правописание. Руководство. Двенадцатое издание. СПб., 1895.
- Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологическое разыскание. СПб., 1873.
- Кайдалова А. И., Калинина И. К.* Современная русская орфография. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1983.

Каунова Е. В. Сложные имена прилагательные в современном русском литературном языке (орфографический и функционально-стилистический аспекты). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

Кочубей Р. Й. Сложные имена прилагательные в русском литературном языке XIX–XX вв. (словообразовательный и орфографический аспекты). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Новый орфографический словарь-справочник / Под ред. В. В. Бурцевой. М.: ИДДК, 2007.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.

Обнорский С. П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. 1934, № 6.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: ЭКСМО, 2006.

Прокопович Н. Н. Сочетания наречий с именами прилагательными в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1962.

Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // РЯШ 1937 № 1 с. 63–70.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 4-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1985.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Московская международная школа переводчиков, 1994.

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005; Изд. 4-е, испр. и доп. Около 200 000 слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

Самарина Г. Н. О лексико-грамматическом значении сложных прилагательных // Исследования по лексике и словообразованию. Красноярск, 1970.

Сидорова Е. Г. Правописание сложных прилагательных. Волгоград, 1996.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М.: Наука — Азбуковник, 1975–.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–18. Л.: Наука, 1984–.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3, СПб., 1893–1912.

Филипенко М. В. Семантика наречий и адverbиальных выражений. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2003.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1890–1907.

E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Science.*

(Russia, Moscow)

evbeshenkova@gmail.ru, olliva95@yandex.ru

ORTHOGRAPHY OF “ADVERB + ADJECTIVE” COMBINATIONS: REPRESENTATION IN DICTIONARY

The article is focused on the spelling of the combinations <-o, -e adverb + adjective>, i.e whether it should be solid or separate. A complex of problems associated with the functioning of these combinations in real writing and their standardization by rules and dictionaries is analyzed in historic and synchronic aspects. The data of the old Russian, of the XVIIIth c. are compared with modern writing. Some criteria to define the correct spelling (from historic and synchronic point of view) are suggested. Different ways of representing the combinations by rules and dictionaries were analyzed. The result of the research is a new type of spelling dictionary entries.

Key words: spelling, compound adjectives, adverbial combinations with adjectives, criteria standards.

References

Bogoroditskii N. *Grammatika iazyka russkogo. 2-izd.* [Grammar of the Russian language. Second edition]. Moscow, 1868.

Borunova S. N. [About spelling of Russian compound adjectives. History of codification]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriia i praktika* [Linguistic principles of codification: Theory and Practice]. М., 2009, pp. 73–99. (In Russ.);

Bukchina B. Z., Kalakuckaia L. P. *Slitno ili razdel'no?* [Solidly or separately]. Moscow: Russian language Publ., 1998.

Bukchina B. Z., Kalakuckaia L. P. *Slitno ili razdel'no? Opyt sllovaria-spravochnika. Izd. 3-e, ispr. i dop* [Solidly or separately. Experimental referential book]. Moscow: Russian language Publ., 1982.

Bukchina B. Z., Kalakutskaia L. P. [Linguistic foundations of compound words spelling]. *Nereshennye voprosy russkogo pravopisaniia* [Unsolved problems of Russian spelling]. Moscow, 1974, pp. 5–14 (In Russ.);

Bulakovskii L. A. *Kurs russkogo literaturnogo iazyka* [Course of Russian standard language v.1]. Kiev, T.1, 1952.

Burtseva V. V. *Novyi orfograficheskii slovar'-spravochnik russkogo iazyka* [New orthographic dictionary of the Russian language]. Moscow: Russian language-Media Publ., 2007.

Filipenko M. V. *Semantika narechii i adverbialnykh vyrazhenii* [Semantics of adverbs and adverbial phrases]. Moscow, 2003.

Grech N. I. *Russkaia grammatika pervogo vozrasta. Uchenicheskaja* [Russian grammar for beginners. For schoolchildren], Spb., 1860.

Grot Ja. K. *Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo. Dvenadtsatoe izdanie* [Russian spelling. A guide. 12 edition], SPb., 1895.

Grot Ja. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniia ot Petra Velikogo donyne. Filologicheskoe razyskanie*. [Debated questions of the Russian spelling from Peter the Great to our days] SPb., 1873.

Kaidalova A. I., Kalinina I. K. *Sovremennaja russkaia orfografiia* [Modern Russian spelling]. 4 edition, Moscow, 1983.

Kaunova E. V. *Slozhnye imena prilagatelnye v sovremennom russkom literaturnom iazyke (orfograficheskii i funkcionalno-stilisticheskii aspekty)* [Compound adjectives in modern Russian (orthographic and functional aspect)]. Dr. filol. sci. diss., Volgograd, 2010.

Kochubei R. Ĭ. *Slozhnye imena prilagatelnye v russkom literaturnom iazyke XIX–XX vv. (slovoobrazovatelnyi i orfograficheskii aspekty)* [Compound adjectives in the Russian language of the XIXth–XXth cc (orthographic and word forming aspect)]. Dr. Cand. filol. sci. diss., Moscow, 1991.

Lopatin V. V. (Ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation. Complete academic reference book]. Moscow, EKSMO Publ., 2006.

Lopatin V. V. (Ed.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian orthographic dictionary.]. Moscow, Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov, Russian academy of science, second edition, 2005; 4-th edition, Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2012.

Obnorskii S. P. [Russian spelling, how it is used in practice], *Izvestiia AN SSSR. VII seriia. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, 1934, No. 6. (In Russ.).

Obzor predlozhenii po usovershenstvovaniuu russkoi orfografii (XVIII — XX vv.) [Review of proposals towards Russian orthography optimization], Moscow, 1965.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian orthography and punctuation], Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956.

Prokopovich N. N. *Sochetaniia narechii s imenami prilagatelnykh v sovremennom russkom iazyke* [Combinations of adverbs and adjectives in modern Russian]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962.

Reformatskii A. A. [Standardizing Russian orthography]. *Russkii iasyk v shkole*, 1937, No. 1, pp. 63–70 (In Russ.).

Rozental D. E. *Spravochnik po pravopisaniuu i literaturnoi pravke* [Spelling and correction reference book]. 4 edition, Moscow, 1985.

Rozental D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniuu, proiznosheniiu, literaturnomu redaktirovaniuu* [Reference book on spelling, transcription and editing] M. 1994.

Samarina G. N. [On lexical and grammatical meanings of composed adjectives]. *Issledovaniia po leksike i slovoobrazovaniuu* [Research on vocabulary and word-formation]. Krasnoiarsk, 1970 (In Russ.);

Shapiro A. B. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Moscow, 1951.

Sidorova E. G. *Pravopisanie slozhnykh prilagatelnykh* [Orthography of compound adjectives], Volgograd, 1996.

Vinokur G. O. [Orthography of Pushkin's language in academic edition]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin. Bulletin of Pushkin's commission]. Moscow-Leningrad, 1941, pp. 462–494 (In Russ.);

Vinokur G. O. [To the history of Russian writing standardizing in the end of the XVIIIth c. (Dictionary of the Russian academy 1789–1794)]. *G. O. Vinokur. Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [G. O. Vinokur. Selected works on the Russian language] Moscow: Uchpedgiz Publ., 1956, pp. 162–188. (In Russ.).

Л. П. Крысин
 Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 (Россия, Москва)
 leonid.krysin@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ РЕЧЬ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ (лексикографический аспект)*

В статье идет речь о «Толковом словаре русской разговорной речи», который составляется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. После краткой характеристики лексического состава современной русской разговорной речи описываются принципы отбора словника для указанного словаря, структура словарной статьи и виды информации о слове, которые помещаются в десяти зонах типовой словарной статьи. В конце статьи даны образцы словарных статей.

Ключевые слова: русская разговорная речь, лексикография, словарь, словарная статья.

1. Предварительные замечания.

1.1. В последние десятилетия значительно возросла коммуникативная роль некодифицированных подсистем русского языка — разговорной речи (РР), просторечия, сленга, социальных и профессиональных жаргонов. Разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, — обычное явление не только во всех видах современного бытового общения, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации. Это движение “устности”, “разговорности” в указанные сферы началось, по-видимому, со времени, когда политики перестали говорить по бумажке, когда в электронных средствах массовой информации — на радио и телевидении — стали популярными разного рода

* Статья написана в рамках проекта «Лексикографическое представление современной русской разговорной речи» (грант № 14-04-00263) и проекта “Прагматические и лингвопрагматические константы неформального русского общения” (грант № 14-04-00398/14), поддержанных Российским гуманитарным научным фондом.

устные и при этом не подготовленные заранее интервью, ток-шоу и другие формы свободного общения. Лингвисты пишут о коллоквиализации и жаргонизации публичных сфер общения, невиданных прежде и не характерных для русского литературного языка недавнего прошлого, о насыщении разговорными, просторечными, жаргонными лексическими элементами не только устных и при этом неофициальных форм общения, но и таких коммуникативных сфер, которые традиционно считаются находящимися в зоне более или менее строгого социального контроля (ср., например, язык печатных и электронных средств массовой информации).

В связи с этими явлениями весьма актуальной становится изучение лексических ресурсов некодифицированных подсистем языка и, в частности (а может быть, и в первую очередь), словарное их описание. Надо подчеркнуть, что при достаточно большом числе исследований, посвященных русской разговорной речи (см. ниже), ее лексикографическое представление еще только начинается.*

1.2. Очевидно, что словари лексики, относящейся к некодифицированным языковым подсистемам, должны отличаться от нормативных словарей, описывающих лексику кодифицированного языка. Эти отличия касаются разных аспектов лексикографического представления, начиная со словника и кончая структурой словарной статьи и типов информации о слове.

В этой статье я хочу показать специфику подобных словарей на примере «Толкового словаря русской разговорной речи» (ТСРР), работа над которым ведется в Отделе современного русского языка

* Можно указать словари [Химик 2004] и [Курилова 2007]. Автор первого руководствовался очень широким представлением о том, что такое современная устно-разговорная речь: ставя задачу описать всё экспрессивное, чем характеризуется современный устный дискурс, он включил в словарь не только грубо-просторечную и жаргонную лексику, но и лексику обценную (см. достаточно аргументированную критику позиции В.В. Химика в рецензии [Шимчук 2006]). Такой подход к квалификации русской разговорной речи принципиально отличается от того, который обоснован в указанных выше работах Московской лингвистической школы и который “наследуется” и составителями ТСРР. Словарь [Курилова 2007], безусловно, представляет интерес, поскольку в нем впервые описываются слова разговорного русского языка — в том понимании этой языковой подсистемы, которое близко к концепции Московской социолингвистической школы, — однако он невелик по объему (3500 слов), и помещенные в нем слова описаны далеко не во всех своих “разговорных” значениях.

Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Исследование проблем лексикографического описания русской разговорной речи (РР) опирается на цикл работ, осуществленных в 70–80-е годы XX в. коллективом авторов по инициативе М.В. Панова и под руководством Е.А. Земской — см. [Земская 1968; РРР-1973; РРР-1978; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; РРР-1983], а также [Земская 1978, 2004; Разновидности 1988; Капанадзе 2005 (раздел «Проблемы изучения русской устной речи»); Китайгородская, Розанова 1999, 2005; Крысин 1988; Красильникова 1990] и нек. др.* И авторами этих работ, и составителями ТССР разговорная речь понимается как некодифицированная разновидность русского литературного языка, которая реализуется в условиях непринужденной, заранее не подготовленной устной коммуникации людей, не находящихся в официальных отношениях друг с другом. Типичные формы такой коммуникации — внутрисемейное и бытовое общение, «городские» коммуникативные ситуации — в магазине, на транспорте, на приеме у врача, в гостях у друзей и т.п. От других форм некодифицированной речи — территориальных диалектов, городского просторечия, жаргонов — РР отличается тем, что ею владеют носители литературного языка.

1.3. Исследователи уже отмечали, что РР в высшей степени (больше, чем язык в целом и, несомненно, больше, чем кодифицированный литературный язык) антропоцентрична: наибольшая специфичность РР и, в частности, ее лексики проявляется в обозначении жизни и деятельности человека — его ежедневного быта, его питания, здоровья, физического и психического состояния, его отношений с другими людьми, тех ситуаций, в которых он осуществляет свою повседневную деятельность. Наиболее развитые лексико-тематические группы РР: Семья; Работа; Еда и питье; Физические характеристики человека; Его душевное состояние; Речевая деятельность; Болезни и их лечение; Отношения между людьми (Сотрудничество, Конфликты, Любовь, Дружба...); Сферы обслуживания (Магазин, Коммунальные службы, Сбербанк...);

* Кроме «московских» работ по русской разговорной речи имеется большое число исследований, выполненных другими учеными; в них, как правило, представлено иное понимание самого термина «разговорная речь» (см.: например, работы О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и ее научной школы, Кв. Кожевниковой, О. Кафковой и др., — обзор различных точек зрения на природу и функциональный статус разговорной речи см. в [РРР-1973, гл. I]).

Транспорт; Техника (Компьютер, Автомобиль, Бытовая техника,...) и нек. др.*

1.4. Русская разговорная речь начала XXI века, по сравнению с периодом, представленным в указанных выше работах, претерпела некоторые изменения.

Они касаются состава словаря РР и соотношения различных стилистических ее слоев: появились новые номинации, слова, выражающие оценку человека и событий, некоторые слова ушли или уходят из активного употребления. Стилистические изменения вызваны массовым проникновением в РР элементов просторечия и жаргонов, смещением ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов, передвижением — в пределах РР — некоторых групп лексики из одних функционально-стилистических слоев в другие: например, слова и обороты, традиционно присущие внутrigрупповому или, во всяком случае, непубличному общению, имеющие в словарях пометы *прост.*, *жарг.*, *груб.*, *вульг.*, в современных условиях устной коммуникации могут использоваться не только в фамильярном общении хорошо знакомых друг с другом людей, но и, например, в публичной (но при этом также устной спонтанной) речи журналистов, политиков, представителей власти, депутатов Госдумы и других групп носителей литературного языка. Ср. слова, составляющие так называемый общий сленг, то есть слой лексики жаргонного происхождения, которая хорошо знакома и носителям литературного языка и используется ими в неофициальном общении (о понятии сленга см. [Розина 2005]): *беспредел*, *крутой* (парень), *кинуть* 'обманным путем выманить деньги', *наехать* 'напасть с угрозами, желая добиться чего-л.', *обложить* 'грубо обругать', *отморозок* 'человек, лишенный каких-л. моральных принципов', *отмывать* (деньги), *прокол* 'неудача, ошибка' и т.п.

2. Социальная и территориальная неоднородность разговорной лексики.

Можно говорить об определенной разноречности лексики, которая составляет словарь современной РР, — как в типах лексических значений и стилистической окраске слов, так и в со-

* Теме антропоцентричности лексики РР был посвящен мой доклад на 9-х Шмелевских чтениях — тезисы его см. в [Крысин 2010], а здесь я упоминаю это важное свойство разговорной лексики лишь в виде тезиса.

циальном и территориальном отношениях. Это, с одной стороны, вполне «интеллигентные» слова и обороты с давней «разговорной» традицией — типа: *авось, всыпать* ‘наказать’, *втереться* (в доверие), *докопаться* (до истины), *ерунда, завязтый, заядлый, зуботычина, изворачиваться, изовратиться, кланчить, кляузник, кухня* ‘закулисная сторона чего-л.’, *смешаться* ‘смутиться’, *сорвать* (заседание), *укатить* (за границу), *язвить* ‘отпускать колкие замечания в чей-л. адрес’ и под., а с другой, разнообразные по степени стилистической сниженности единицы типа *втихаря, залить шары, козёл* (как оскорбление — о мужчине), *откат, охренеть, пляться* (на кого-л.), *разборка, слинять* ‘незаметно уйти’, *собачиться, соскочить* (с иглы), *туфта, тягомотина, хайло, халява, чумовой, шакалить, штука* ‘тысяча рублей’ и под., имеющие нередко на себе «следы» определенной социальной среды, их породившей, но всё же весьма употребительные в современной повседневной русской речи.

Несомненны возрастные различия в использовании лексики, относимой к разговорной: та часть молодежи — например, студенты, школьники-старшеклассники, — которая является носителем литературного варианта русского языка, в непринужденных ситуациях обильно использует жаргонную лексику, к которой представители старшего поколения относятся весьма сдержанно и в собственной речи используют мало. С другой стороны, в речи старшего поколения всё еще достаточно активны слова и обороты, которые характерны скорее для разговорной речи недавнего прошлого, чем для современной устно-разговорной практики (напр., *блудливый, богатей, вертопрах, зевака, колготиться, объегорить, оглоушить, торкнуться, транжирить, трахнуть* ‘с силой ударить’ и др.).

Разговорная лексика — во всяком случае, некоторая ее часть — маркирована и в территориальном отношении. О различиях в бытовых номинациях, принятых у москвичей и у петербуржцев, писалось неоднократно (петербургские *вставочка* и *поребрик* сделались хрестоматийными примерами своеобразия бытовой речи жителей северной столицы). Схожие различия наблюдаются и в других городах и регионах России.*

ТСРР не претендует на отражение в нем всех и даже большинства

* Интересные факты регионального варьирования лексики приводятся в работах В.И. Беликова (см. его сайт «Городские диалекты» в Интернете).

особенностей разговорной речи России во всем ее территориальном многообразии. В нем найдет описание преимущественно разговорная лексика культурных центров России — Москвы и (в меньшей степени) Петербурга.

3. О принципах словарного описания современной разговорной лексики.

Разговорная речь имеет свои традиции и характерные черты, отличающие ее от языка книжно-письменного. Однако в ней нет тех целенаправленных нормативных установок, которыми характеризуется книжно-письменный язык. Если и можно говорить о нормах разговорной речи, то следует иметь в виду, что они «неписанные»: они — результат традиции и стихийного развития этой подсистемы литературного языка, а не результат сознательной кодификации (которая фиксируется в нормативных словарях и грамматиках). Поэтому наш словарь не является нормативным в привычном смысле этого термина, а отражает современный русский устно-бытовой узус.

Еще одна важная особенность словаря, о котором идет речь: он *дифференциальный*, то есть в нем помещены не любые слова русского языка, а только те, которые характерны для современной разговорной речи (в том числе и просторечные, жаргонные), или же такие стилистически нейтральные слова, на основе которых образованы фразеологизмы, имеющие разговорную, а также просторечную или жаргонную окраску.

Задача словаря — с возможной полнотой отразить в словарной форме семантические, грамматические, сочетаемостные, стилистические свойства разговорной лексики, а также особенности ее использования в разных ситуациях неформального, заранее не подготовленного спонтанного общения.

Приступая к формулированию принципов словарного описания русской разговорной лексики, необходимо в самом начале кратко ответить на следующие вопросы:

1) Что мы описываем? — Ответ: лексику, которая употребительна в коммуникативных условиях устной неподготовленной речи носителей русского литературного языка второй половины XX — начала XXI века.

2) Как описываем? — Ответ: в форме толкового словаря русской разговорной лексики, составление которого базируется на некоторых

принципах (см. ниже) и который должен содержать описание семантических, грамматических, сочетаемостных, стилистических, прагматических свойств единиц РР, а также — в необходимых случаях — энциклопедические сведения о называемой словом РР реалии.

3) Каков состав слов, описываемых в ТСРР, и, следовательно, каков словник планируемого словаря? — Ответ на этот вопрос требует формулирования критериев, которым должна удовлетворять лексическая или фразеологическая единица, включаемая в словник ТСРР. Основных критериев два: а) стилистическая окраска слова (фразеологизма); эта окраска фиксируется в толковых словарях в виде помет *разг.*, *прост.*, *сниж.*, *неодобр.*, *груб.*, *фам.* и нек. др.; помимо этого, важна и интроспекция составителей ТСРР — носителей русского литературного языка в обеих его разновидностях (кодифицированной и разговорной), их представление о тех или иных языковых единицах именно как о разговорных; б) сфера употребления: подавляющее большинство лексических и фразеологических средств, включаемых в ТСРР, относится к сферам быта и повседневной жизни, неформальных, дружеских отношений между людьми, к формам общения, исключающим какую-либо официальность.

Надо ли при этом учитывать фактор **а к т и в н о г о** употребления единицы, включаемой в словник, в современной РР? Надо, но с определенными оговорками. Естественно, что ядро словника должна составлять активная лексика и фразеология, употребительная в разных социальных слоях носителей литературного языка. Однако некоторые разряды лексики, которые могут быть включены в словник, употребительны не во всей совокупности носителей литературного языка, а в определенных возрастных и профессиональных группах. Такова, например, уходящая лексика и даже часть устаревшей, поскольку этот лексический слой всё еще активен в среде старшего поколения литературно говорящих людей (см. в связи с этим [Ермакова 2008]); ср. также жаргонную и сленговую лексику, которой активно пользуются бизнесмены, журналисты, «компьютерщики», музыканты, деятели кино и театра, студенты, школьники и др. Часть этой лексики, наиболее распространенная и употребительная, также входит в словник ТСРР.

4) Что представляет собой типовая словарная статья планируемого словаря? — Ответ: типовая словарная статья представляет собой совокупность расположенных в определенном порядке з о н,

каждая из которых содержит один вид лингвистической, коммуникативной, прагматической или энциклопедической информации о разговорном слове (см. ниже).

Постановка задачи словарного описания современной русской разговорной лексики основывается на определенных принципах, относящихся как к описываемому объекту, так и к характеру разрабатываемого толкового словаря. Один из них, который необходимо упомянуть, — принцип дифференциальности. Этот принцип реализуется (1) при составлении словника: в словник включаются лишь те слова, которые по каким-либо своим характеристикам свойственны повседневной разговорной речи, и (2) в характере словарной статьи: в ней описываются не все лингвистически существенные свойства слова, а только те, которые присущи ему как единице разговорной речи.

4. О словнике ТСРР.

Словник содержит свыше 12 тысяч слов, принадлежащих преимущественно разговорной разновидности современного русского литературного языка, а также городскому просторечию, сленгу, некоторым социальным и профессиональным жаргонам. Основанием для включения в словник разговорных, просторечных, сленговых и жаргонных слов послужили: а) наличие при слове или каком-либо из его значений словарной пометы «разг.», а также помет «прост.», «жарг.» и б) их достаточно широкая употребительность в устной речи носителей литературного языка и в языке средств массовой информации: ср., например, такие слова, как *беспредел*, *возникать* (~ протестовать, возмущаться), *выпендриваться*, *гомик*, *крутой* (*парень*), *левый* (*заработок*, *товар*), *откат*, *отстегнуть* (*полтыщи баксов*), *придурок*, *прослушка*, *пудрить* (*мозги*), *скачать* (*файл из Интернета*), *сливать* (*компромат*), *телега* (*накатать телегу в прокуратуру*), *ухайдакать*, *хапуга*, *химичить*, *шизик*, *илёпнуть* 'убить' и т. п.

После длительных дискуссий и колебаний составители словаря включили в словник также такие разговорные и просторечные слова, которые обычно игнорируются составителями нормативных словарей, но которые хорошо известны всем носителям русского языка. Это слова, обозначающие некоторые физиологические процессы (*какать*, *писать*, *описаться* — в детской речи и в речи

взрослых о ребенке), действия и состояния, связанные с отношениями полов (эвфемистические *трахать, трахаться; кончить* — об оргазме и нек. др.), и так называемые «слабообценные» слова (напр., *говно, говённый, жопа, засрать*), преимущественно в их переносных смыслах (напр., *говённая статья, всю комнату засрали* = замусорили, загадили). В своих словарных статьях эти слова будут иметь соответствующие ограничительные стилистические пометы: *сниж.*, *жарг.*, *груб.* и т.п. Основанием помещения такого рода слов в словник, а затем и в сам толковый словарь разговорной речи служит их несомненная употребительность в непринужденной устной речи носителей современного русского литературного языка (свидетельством чего являются, в частности, данные Национального корпуса русского языка).

5. О структуре словарной статьи ТСПР

Словарная статья ТСПР имеет вид последовательности зон, в каждой из которых содержится один вид информации о слове: о его семантике (толкование), морфологии, синтаксисе, стилистической характеристике, парадигматических связях, о прагматике. Зоны словарной статьи разделяются метками с двоеточием, указывающими на характер сведений, содержащихся в данной зоне:

DEF: толкование и иллюстративные примеры;

MORPH: морфологические сведения;

SYNT: сведения о синтаксических характеристиках слова;

STYL: стилистические пометы;

SYN: синонимы;

ANT: антонимы;

CONV: конверсивы;

ANALOG: аналоги;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом, включая его (их) толкование;

PRAGM: условия — контекстные, ситуативные, социальные и т.п. — употребления данной единицы в речи; в этой зоне возможны также сведения энциклопедического характера — об обозначаемой словом реалии.

Специфика разговорной лексической или фразеологической единицы по сравнению с единицами кодифицированных подсистем языка часто бывает связана с условиями устной коммуника-

ции, поэтому указание на такие условия является одним из важных компонентов лексикографической информации. Тем самым словарь, описывающий разговорную лексику, существенно отличается от толкового словаря литературной лексики: в «разговорном» словаре, с одной стороны, нет установки на кодифицированную норму (но стихийно сложившиеся нормы разговорной речи как некодифицированной сферы национального языка должны быть отражены в полной мере), а с другой, присутствует стремление зафиксировать все специфические свойства разговорного слова, включая коммуникативные условия его употребления в непринужденных ситуациях речевого общения*.

6. Образцы словарных статей ТСПР

В приведенных ниже словарных статьях «Толкового словаря русской разговорной речи» описание значения и употребления слов сопровождается иллюстративными примерами, взятыми из современной русской литературы, а также из устной городской речи и интернет-текстов (блоги, чаты, форумы и т.п.); одним из важных источников иллюстративного материала служит Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Цитаты из записей устной речи даются в нотации, принятой в работах по русской разговорной речи (см.: в частности [PPP-1978]).

АДВОКА́ТША.

DEF: женщина-адвокат. *У него сразу два адвоката/одна пожилой/а другая молодая такая адвокатиша/наверно неопытная еще//; Я с адвокатшей разговаривала/она говорит/полная безнадега/максимальный срок им светит//* (Записи устной речи, 2007, 2009).

MORPH: ж.; одуш.

STYL: сниж.

ANALOG: аптекарша, библиотекарьша, врачиха, губернаторша, докторша, инженерша, министерша (во 2 знач.), премьерша (во 2 знач.), профессорша (во 2 знач.), секретарша...

* Более подробно о «Толковом словаре русской разговорной речи» (принципах его составления, отборе лексики, методах описания различных свойств слова и т.п.) см. в Проспекте этого словаря [Проспект 2010].

БАРА́Н.

DEF: о глупом, плохо соображающем мужчине. *Что с этим бараном разговаривать?; Понадеялся на Витьку/а он/баран/ничего в технике не смыслит!; А что/на таких баранах свет что ли клином сошелся? Других работников найдем! (Записи устной речи, 2001–2006); Если вы такие бараны, если не сдали с первого раза, то нечего вообще за руль садиться! (Учимся водить//Форум, 2007–2008); В аул ходил! Баран. Ты ж всю ночь по минному полю гулял (К/ф «Блокпост», 1999); — Идиот! Баран! Скотина! — орал Боря с поразившей меня искренностью (А. Терехов. Каменный мост).*

MORPH: м.; одуш.

SYNT: употр. обычно в составе сказуемого или в роли бранного обращения; в повествовательном предложении не может быть употреблено в позиции подлежащего без определения; в составе восклицательных и вопросительных предложений часто в сочетании с усилительными определениями типа *настоящий, такой, этот*, с частицами *вот, ну и, ох и* и под.

STYL: бран., презр.

SYN: болван, дебил, дуб, дубина, идиот, кретин, осёл, тупица.

ANALOG: курица (во 2 знач.).

БЕЗНА́Л.

1. DEF: безналичный расчет. *По безналу и возиться не стоит — надо много времени тратить на банк, бухгалтерию, разъезды и т. д. (Реставрация книг. Переплетное дело//Форум, 2010); Может быть, какую-то часть неподъемного платежа компенсировать бюджетом. По безналу. Через банк (А. Лившиц. Спасти Петрова); Сейчас многие руководители районных администраций, колхозов, предприятий просят нас поскорее перевести их на «безнал» (Известия, 19.02.2002); — Более 50% быстро уйдет в безнал, — считает Дворкович (Комсомольская правда, 01.03.2011).*

MORPH: м.; мн. нет.

STYL: сленг.

SYN: безналичка (в 1 знач.).

2. DEF: безналичные деньги. *Не удовлетворяясь «зарплатой рабоче-го», функционеры партии, государства, народного хозяйства стали кооператорами, перегоняющими «безнал» в «черный нал» (Жизнь национальностей, 16.06.2004); С одной стороны, субсидия*

из лучших побуждений (а вдруг «живые» деньги безответственный получатель не за квартиру отдаст, а проест-прогуляет?) дается «безналом». С другой стороны, свои «живые» деньги я так просто не отдам, посопротивляюсь (Вечерняя Казань, 05.01.2003); Как рассказали знающие люди, Юлия Тимошенко лично вела переговоры с банкирами, чтобы те открыли кучу депозитных вкладов с целью связать инфляцию, перевести в безнал кучу бумаги из кошельков и кубышек (Комсомольская правда, 26.09.2008).

MORPH: м.; мн. нет.

STYL: сленг.

SYN: безналичка (во 2 знач.).

ANT: нал, наличка.

БЕСПРЕДЕ́Л.

DEF: не имеющее предела нарушение закона или каких-л. правил. *Молодые люди из города Кировский объясняли свои действия местью за творящийся в крае милицейский беспредел (Русский ре-портёр, № 3, 2011); Оказывается, со зданием этот владелец может сделать всё, что угодно... И вот это уже беспредел (Фрунзенский снесли заранее//Форум, 2007); В результате такого охотничьего беспредела к началу прошлого века популяция африканских антилоп гну сократилась до нескольких тысяч (Д. Бочарова. Дети дождя).*

MORPH: м.; мн. нет.

STYL: сленг, неодобр.

PRAGM: слово пришло в общее употребление из уголовного жаргона, где оно обозначает нарушение всех возможных воровских законов и чаще всего характеризует крайне жестокие и немотивиро-ванные преступления.

БОЛТОЛО́ГИЯ.

DEF: бессодержательные, пустые разговоры. *Словами надо по порядку говорить, с самого начала, я так не могу, болтология получается... (Ю. Герман. Дорогой мой человек); — Редкий случай, очень чистый и продуманный текст, — сказал он. — Оставили са-мое важное, болтологию выкинули (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); Когда ценят ораторов, это значит — ценят болтологию (В. Крупин. Как только, так сразу); Там не то чтобы неинте-ресно это... просто набор каких-то ненужных слов/фраз/инфор-*

мации нет/там безинформативная такая **болтология** сплошная (Беседа с социологом о переписи населения//Фонд «Общественное мнение», 2001); *Очень важно не заниматься болтологией, взвешивать свои слова и ни в коем случае не лгать* (Труд-7, 29.08.2006).

MORPH: ж.; мн. нет.

STYL: шутл., неодобр.

SYN: болтовня, трёп, трепотня.

БОМБІЛА.

DEF: водитель, занимающийся частным извозом. *Вокзал — это риск для бомбилы; вокзал — это мафия* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени); *Попробуйте объяснить рядовому московскому бомбиле, что вы автостопщик и не привыкли платить за проезд* (Столица, 29.09.1997); *Это больше всего и привлекало сметливого бомбилу* (А. Росляков. Муха с руками); *Кажется, всё уже известно о московских бомбилах, дающих таксомоторный уход москвичам и гостям столицы* (А. Васильев. Хроника шереметьевского бомбардировщика); *Скажите, насколько законно существование нелегальных таксистов, так называемых «бомбил»?* (Автопилот, 15.08.2002); *Я запретил бы бомбил на вокзалах и в аэропортах, вместо них запустил специальные автобусные маршруты и таксопарк, который бы обслуживал людей на этих точках* (Блоги, 2013); *Это раньше она была на заводе инженером/а сейчас стала обыкновенной бомбиллой* (Запись устной речи, 2009).

MORPH: м. и ж.; одуш.

STYL: сленг.

ANALOG: водила, таксёр.

БОМБІТЬ.

DEF: заниматься частным извозом. *После работы приходилось бомбить/зарплаты инженера никак не хватало//; Сейчас с нелегальными таксистами борьба/бомбят/у легальных работу отнимают//* (Записи устной речи, 2004, 2012).

MORPH: несов.; сов. нет.

SYNT: без доп.

STYL: сленг.

БОМЖ.

DEF: человек без постоянного места жительства и определённого занятия. *Оперативники столичного уголовного розыска отловили двух бомжеев* (Криминальная хроника, 08.07.2003); *Кристиан приехал, одетый как бомж, в бежевом свитере и потёртой джинсовой куртке* (С. Спивакова. Не всё); *Оперативники столичного уголовного розыска отловили двух бомжеев* (Криминальная хроника, 08.07.2003); *Но вот чем Москва переплюнула Питер, так это бомжами* (Столица, 13.05.1997).

MORPH: м.; одуш.

SYN: бич, бродяга, бродяжка.

PRAGM: слово представляет собой результат сокращения словосочетания *без определённого места жительства* и вошло в общее употребление из милицейских протоколов.

ВАЖНИЧАТЬ.

DEF: держать себя важно, высокомерно. *Все пускают друг другу пыль в глаза/важничают/надуваются!* (К/ф «Соломенная шляпка», 1975); *Если ей доверяли тайну, она не важничала: «Я никогда никому ничего не рассказываю», не уверяла многозначительно: «Я для вас все сделаю», когда требовалась пустяковая помощь* (О. Новикова. Женский роман); *Лео сначала важничал и скрытничал, а потом, наклюкавшись, кое-что выболтал о их здешней жизни* (В. Войнович. Москва 2042); *Летом Митька уходит с геологоразведочными партиями и ходит до холодов (почему-то он ужасно гордится и важничает: «Я — сезонник»)* (В. Шукшин. Митька Ермаков).

MORPH: несов.; сов. нет.

SYN: зазнаваться.

ANALOG: пыжиться, фордыбачить, форсить.

ВАЛАНДАТЬСЯ.

1. DEF: неоправданно долго, бестолково или с неохотой заниматься кем-чем-л. *Сантехник приходил/часа три валандался с краном/а ушел/он опять течёт/как тёк до этого//* (Запись устной речи, 2012); *Игорь тогда долго валандался с этим делом и в конце концов всё понял, нашел убийцу и выманил его* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости); — *Давай, Серега, ботинки с нее стащи, сколько с ней тут валандаться...* (А. Рыбин. Последняя игра); —

Тут свой отец от ребенка отказался, — подначивали ее подружки, — а ты хочешь, чтобы чужой с ним **валандаться** согласился (Труд-7, 23.07.2009);

MORPH: несов.; сов. нет.

SYNT: с кем-чем и без доп.

STYL: неодобр.

SYN: вожжаться, возиться, нянчиться, цацкаться.

2. DEF: ходить, слоняться праздну, без дела. С десятков неряшливых кармен **валандаются** перед входом в знаменитый кафедральный собор Севильи (Д. Рубина. Воскресная месса в Толедо); У подъезда стоял «крафик» с надписью «Телевидение», а на крыльце **валандались** фрейера из программы «Время» — явно по Танькину душу (В. Аксенов. Остров Крым); — А где он **валандается**, чего домой не идет? (Ф. Кнорре. Орехов).

MORPH: несов.; сов. нет.

SYNT: где и без доп.

SYN: болтаться (в 1 знач.), гонять (в 7 знач.), мотаться, слоняться, шататься, шляться.

ANALOG: прохладяться.

ВРАЧИХА.

DEF: женщина-врач. За роды мы отдали кучу денег, но, возможно, это спасло Ярославчику жизнь — в какой-то момент пришлось быстро реагировать на обстоятельства, и оплаченная опытейшая **врачиха** всё сделала правильно; В этом мероприятии участвовала участковая **врачиха**, к которой я пришёл с ОРЗ, чтобы получить справку и с ней не пойти на экзамен в университете; Вот чего стоят все Ваши учебники по детской андрологии — на башку их авторам надеть, а женицин-**врачих** посадить в тюрьму (Блоги, 2012).

MORPH: жс.; одуш.

STYL: сниж.

SYN: докторша.

ANALOG: адвокатша, аптекарша, библиотечарша, губернаторша, докторша, инженерша, министерша, премьерша, профессорша, секретарша...

ДА.

1. DEF: употребляется для подчёркивания сообщаемого. — А по-

чему у нас на кухне свет горит? — **Да** это я забыла выключить; — Вам как/с сахаром или без? — **Да** я уж давно всё без сахара пью//; Напомни ему/чтоб позвонил когда придет// — **Да** сто раз уж ему говорили/звони/мы ведь беспокоимся!; (Рассказывает о том, как покупал арбуз:) — Я его [продавца] спрашиваю//«Сколько с меня?» А он мне/«**да** нисколько/всего триста!» (Записи устной речи, 2011, 2012); — Какого рожна тебя туда занесло? — **Да** по молодости... (Совершенно секретно, 05.05.2003); **Да** мне он [галстук] не идёт, шею трёт и вообще не нравится (Е. Семёнова. Олигарх без галстука); Кто заглядывал в её [партии «Единая Россия»] программу? **Да** никто! Потому что это никого не интересовало (Еженедельный журнал, 08.04.2003); Что изменится после этого? **Да** ничего (Б. Немцов. Кремль и есть правительство).

MORPH: частица.

SYNT: употр. в ответной реплике диалога, в начале высказывания; всегда безударна.

2. DEF: выражает недоверие к словам говорящего, сомнение в них, возражение и т. п. Я тебе уже сто раз говорила/найду тебе этот диск/найду! — **Да/ты найдёшь/как же!**; — Слышал? Зарплату говорят бюджетникам с января прибавят// — **Да/жди/прибавят!** Ту что платят-то как бы не урезали!; (Разговор сотрудников на работе:) — Может нам премию дадут в конце года? — **Да-а/дадут/а** потом догонят/и ещё раз дадут// (Записи устной речи, 2001, 2012).

MORPH: частица.

SYN: ага, как же.

SYNT: употр. обычно в ответной реплике диалога, в начале высказывания, отделяется от последующего паузой.

PHRAS: **вот это да!** — выражает восхищение, восторг, удивление и т. п. Мама — язычница? **Вот это да!** Из книг он знал, что язычники поклоняются идолам (И. Грекова. Фазан); — **Вот это да**, — выдохнула Женька, глядя на невероятный вырез у нее на спине (А. Геласимов. Дом на Озерной);

да ну? — выражает удивление, сомнение, недоверие. — **Иванько отказался от своих притязаний.** — **Да ну?** — Абсолютно точно (В. Войнович. Иванькиада); — Я видела такой микроскоп в магазине случайных вещей — четыре с половиной тысячи! — **Да ну?** — Честное слово (Б. Кенжеев. Из Книги счастья);

да ну тебя <вас, ее, их и т. п.> — выражает отказ от чего-л., несо-

гласие с чем-л., осуждение и т.п. (может сопровождаться как бы отстраняющим жестом руки). — Расскажи про наёмников, дядька Аптахар! — **Да ну вас**, — отмахнулся однорукий калека. — Я уже и рассказывать-то не умею (М. Семёнова. Волкодав: Знамение пути); — Я их от школы освободила. **Да ну ее!** Пусть, пока погода, подышат воздухом (Г. Щербакова. Три любви Маши Передреевой); Татьяна на правах подруги оборвала: — **Да ну тебя** с твоим телевизором! Не обижайся, Лид, но ты зря его всё время смотришь! (А. Слаповский. Синдром Феникса);

ну да — выражает подтверждение сказанного, согласие со словами собеседника. — Вы там прописаны? — допрашивала Ирина. — **Ну да...** (В. Токарева. Своя правда); — Вы, значит, соревнуетесь? — **Ну да**. Кто кого, понимаешь? (В. Аксенов. Звездный билет); — Прямо сейчас? — **Ну да**, прямо сейчас (В. Голяховский. Русский доктор в Америке);

ну да? — то же, что да ну? — Говорят/он всё это в одиночку перетаскал! — **Ну да?** А наверх как затаскивал? Тяжесть-то вон какая! (Запись устной речи, 2004).

ДОЛБАНЫЙ.

DEF: крайне неприятный, вызывающий отвращение, досаду и т.п. Что за чушь? Вы все пэтузишники **долбанные**. Понапихали себе в башку каких-то грёбанных вымыслов (О. Гладов. Любовь стратегического назначения); Михалыч приказал тут же брать и Егора этого **долбаного**, и Грабко, как только они встретятся (А. Рыбин. Последняя игра); Мне так жаль вас всех, кто мучается в этой **долбаной** Москве с такими сумасшедшими ценами на квартиру (Женщина + мужчина: Брак//Форум, 2004); Я ему вчера позвонил — выяснить, как там дела с этими **долбаными** поставками... (А. Белозеров. Чайка).

MORPH: прил.; только полн. ф.

STYL: жарг.; неодобр., эвфем.

SYN: грёбанный, гробанутый.

ANALOG: говённый, дерьмовый, дрянной, паршивый, поганый.

ДОСКА.

DEF: женщина, девушка с плоской фигурой, не имеющей явно выраженных форм. — Не знаю/что ты в ней нашёл/пряма **доска**

такая/ни сисек ни задницы!/(Запись устной речи, 2008); Ты с **доскою** будешь спать со стиральной За машину за его персональную (А. Галич. Тонечка).

MORPH: ж.; одуш.

STYL: сниж.; презр.

SYN: вешалка, вобла, выдра, кожа да кости (см. *кожа*), худышка.

ANT: пышка, толстушка.

PRAGM: обычно употребляется применительно к женщине высокого или среднего роста.

ДОХОДЯГА.

DEF: обессиленный, истощенный человек. Я вам скажу, что сильный мужчина куда уж скорее доплывёт, чем какой-нибудь **доходяга**, скелет в бинтах (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); Его партнёром был измождённый фитиль, **доходяга** неопределённого возраста, только что выпущенный из местной тюрьмы (В. Шаламов. Колымские рассказы); Меня как-то, уже очень ослабевшего, уже вовсе **доходягу**, вели по обледеневшей тропинке в баню (О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца); Теперь они видели перед собой не семь, а тысячи три с чем-то **доходяг**, истощённых, обессиленных, грязных, отупевших, оборванных, обмороженных, искалеченных, едва передвигающихся по земле существ, которых никак не назовёшь людьми (А. Рыбаков. Тяжелый песок); Я с удивительной быстротой снова превратилась в **доходягу** (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); Она рассказывала/что в лагере быстро превратилась в такую **доходягу**/что ее и за женщину-то никто не считал!/(Запись устной речи, 1991).

MORPH: м. и ж.; одуш.

STYL: сниж., пренебр.

SYN: дистрофик, дохляк, дохлятина (во 2 знач.), задохлик, замухрышка, мозгляк, слабак, хляк, хлюпик.

PRAGM: слово пришло в общее употребление из лагерного жаргона во второй половине XX века.

ДРЫХНУТЬ.

DEF: спать (обычно о крепком или долгом сне). — Нализался, наверное, в аэропорту и **дрыхнет** там, — ворчал Эдуард (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); — Вот не **дрыхла** бы до десяти часов,

всё бы успела (И. Грекова. Летом в городе); — *Вставай, слышь. Хватит **дрыхнуть**-то, работать пора. Баба твоя тебя ждет, слышал, нет?* (Д. Быков. Орфография).

MORPH: несов.; сов. нет.

SYNT: без доп.

STYL: сниж., фам.

SYN: дрыхать, храпеть (во 2 знач.).

PHRAS: **дрыхнуть без задних ног** — спать очень крепко. *Мы после этого похода часов пятнадцать без задних ног дрыхли.*

ЁЛЕ.

1. DEF: с большим трудом. *Ёле* дошел до дома; *Я* посмотрел на часы — было двадцать минут четвёртого. *Ёле* глаза открыл (А. Геласимов. Нежный возраст); *Симферопольское шоссе было очень скользким, машины ёле ползли* (А. Колесников. Бублики Мондео); — *Во загинает!* — воскликнула продащица-блондинка. — *Сама от родителей ушла, ребёнка бросила, ёле* нашли... (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница); *Пряча глаза и ёле сдерживаясь от смеха, пару лаковых оркестрантских сапог быстренько прибрали к рукам* (О. Павлов. Карагандинские девятины).

MORPH: нареч.

SYNT: обычно в препозиции к знаменательному слову.

SYN: еле-еле (в 1 знач.), насили, чуть (в 1 знач.).

PRAGM: в устной речи слово не может находиться под фразовым ударением.

2. DEF: немного, едва. *Она ёле дышит; Дощечка катушки ёле заметно желтела метрах в пятидесяти от пристани* (Ф. Искандер. Мальчик-рыболов); *Звуки к нему ёле доносились, только по дрожанию пола под ногами понимал, что всё ещё едет* (Д. Гранин. Зубр); — *Голоса-то у нас похожи...* — *Не понимаю, — ёле слышно проговорила мать* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Семья — немалая, время — военное, голод. Отец из госпиталю вернулся ёле живой* (Б. Екимов. Пастушья звезда).

3. MORPH: нареч.

SYNT: обычно в препозиции к знаменательному слову.

SYN: еле-еле (во 2 знач.), чуть (во 2 знач.), чуть-чуть.

PRAGM: в устной речи слово не может находиться под фразовым ударением.

ЁЛЕ-ЁЛЕ.

1. DEF: то же, что еле (в 1 знач.). *Еле-еле* взобрались на гору; *И вот тут к нему подбежала Лина и сказала: «Ну, вот, еле-еле отбилась от своих»* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Трамвай тащился еле-еле, зато был почему-то совсем пустой* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Письмо от матушки я еле-еле смог прочитать — пакет так обработали хлорным раствором, что расплзлись все строки* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь); *Отец пять лет назад от рака желудка умер, так что мы сами еле-еле концы сводим* (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч); *Софья Николаевна еле-еле уговорила преподавателя не обращаться в милицию* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).

MORPH: нареч.

SYN: еле (в 1 знач.), насили, чуть (в 1 знач.).

PRAGM: в устной речи слово обычно находится под фразовым ударением

2. DEF: то же, что еле (во 2 знач.). *Музыка еле-еле слышно наигрывала вальс «На волнах Рейна»* (А. Н. Толстой. Черная пятница); *По верху трека медленно ехал велосипедист. Велосипед его еле-еле жужжал. Медленно-медленно поднимал велосипедист колени, медленно вращались спицы* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *На еле-еле заметную полосу чужой земли, отделяющей небо от воды, мы не обратили никакого внимания — и напрасно* (Н. Воронель. Без прикрас).

MORPH: нареч.

SYN: еле (во 2 знач.), чуть (во 2 знач.), чуть-чуть.

ЖЛОБ.

1. DEF: физически сильный, грубый, интеллектуально и эмоционально неразвитый мужчина. *Выходили из избы здоровенные жлобы, Порубили все дубы на гробы* (В. Высоцкий. Песни); — *Вы его никогда не видели? Некультурный жлоб, типично хуторской. Скорее я могу быть генералом де Голлем, чем он — секретарем райкома* (С. Липкин. Записки жильца); *Это — жлоб, злой и завистливый дурак, составляющий самую активную часть приверженцев некоторых наших политических партий и течений* (В. Якобсон. Терроризм, журналистика и читатели); *Он вскочил из-за барабанов, схватил упавшую литую металлическую стойку, размахнулся*

и стал бить **жлоба** прямо по голове (А. Козлов. Козел на саксе); Здоровенные **жлобы**, на которых пахать надо, занимаются пересчитыванием цифр, охраной ВИП-лиц и прочей непроизводительной деятельностью (Блоги, 2011).

MORPH: м.; одуш.

STYL: жарг., презр.

SYN: амбал, бугай, дубина (в 1 знач.), жеребец (в 1 знач.), оглобля.

2. DEF: скупой человек. Он тыкал пальцем в счет и называл цену замечательной рыбы за килограмм. «Вот **жлоб**, — негромко сказала Оксана. — Как будто свои платит» (Д. Каралис. Роман с героиней); — Да **жлоб** он со всей его щедростью, рассчитанной до копейки! (А. Кабаков. Последний герой); Первых двоих Катя решительно отвергла: юношу бледного со взором горящим (малец, сам еще на сигареты стреляет) и рыжего широколицего толстяка (**жлоб**, сразу видно, за копейку удавится) (А. Инин. Жрица любви); — **Жлоб**, скотина безрогая — у такого снега зимой не выразишь (В. Богомолов. Момент истины); Купи мне шубу, покажи, что ты не **жлоб** (Блоги, 2011).

MORPH: м.; одуш.

SYNT: употр. часто в функции сказуемого.

STYL: презр.

SYN: жаба (во 2 знач.), жадина, жадоба, жадюга, жид (во 2 знач.), жила, жмот, куркуль, сквалыга, скряга, скупердяй.

ANT: транжира.

ANALOG: кулак, кулачок.

ЗАВАЛИТЬСЯ.

1. DEF: лечь, улечься. Вчера он набрался на свадьбе так, что **завалился** на хозяйской кровати, а потом его еле дотащили до дома (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); Может быть, допить бутылку, **завалиться** на диван, и гори оно всё ясным пламенем (В. Быков. Бедные люди); Когда Таня вернулась домой, Тома уже **завалилась** спать, матери почему-то не было дома (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

MORPH: сов.; несов. заваливаться.

SYNT: без доп. или с инфин.

2. DEF: потерпеть неудачу (обычно на экзаменах, зачетах, курсах и т. п.). **Завалиться** на экзамене; Я на физике в прошлом году

завалился/пришлось осенью досдавать//; На этих тестах стоко народу **заваливается**!; **Завалились** мы с этим проектом/комиссия не приняла/(Записи устной речи, 2001, 2005).

MORPH: сов.; несов. заваливаться.

SYNT: на чём.

STYL: неодобр.

SYN: провалиться, срезаться.

3. DEF: иметь в избытке. В это лето такой урожай на яблоки! Мы ими прям **завалились**/девать некуда!; Да куда стоко? Мы же ими [цветами] просто **завалимся**! (Записи устной речи, 2012).

MORPH: сов.; несов. (заваливаться) малоупотр.; 1 л. ед. неупотр.

SYNT: чем.

PHRAS: (чего) **завались** — очень много. — У вас на первом этаже супермаркет, — напомнила я, — круглосуточный, там небось хлеба **завались** (Д. Донцова. Доллары царя Гороха); — В городе денег сейчас **завались**, — поддержал Гусева Мышкин (О. Дивов. Выбравка); — Успею еще, — заверил он. — Времени **завались** (А. Иванов. Географ глобус пропил).

4. DEF: прийти куда-л., к кому-л. (обычно неожиданно, без предупреждения). Постылые родственники, не позвонив, **завалились** в гости (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия); Ко мне она **завалилась** в шесть утра и твердо скомандовала: «Дай одеколон!» (А. Терехов. Коммуналка); — Слушай, может быть, **завалимся** сейчас в японский ресторан на радостях, а? (Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда»); После пропажи мотора Серега попытался **завалиться** к Вите в гости, но тот его выгнал — и из дому, и из своей жизни (М. Тарковский. Жизнь и книга); — Давай ради знакомства **завалимся** в общагу, тёлок снимем (А. Житков. Кафедра); Они землю копают или на траве валяются, а я к станинникам **заваливался** (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

MORPH: сов.; несов. заваливаться.

SYNT: куда, к кому.

SYN: ввалиться, впереться, забежать (в 1 знач.), завалить (в 8 знач.), заглянуть, запереться¹ (во 2 знач.), запороться (в 4 знач.), заскочить.

ЗАГРЕМЁТЬ.

1. DEF: упасть откуда-л. Я тут на днях оступись и чуть не за-

*гремел с лестницы; У вас тут спуск к реке такой крутой/того и гляди **загремишь!*** (Записи устной речи, 2002, 2009); Конечно, всегда оставалась опасность, ломая кости, **загредеть** вниз (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания); — *На крутом повороте, — он говорил, с наслаждением втягивая дымок, — грузовик врезался в автобус и оба они кувырком **загредели** с откоса* (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию); *Удар тока от заботливо выставленных Кузнецовой голых проводов был так силен, что под треск разряда Олег без чувств **загредел** с лестницы на земляной пол* (П. Акимов. Плата за страх); Можно ведь загредеть вниз произвольно: просто обломится одна скоба, другая — и каюк! (В. Громов. Компромат для олигарха).

MORPH: сов.; несов. нет.

SYNT: с чего, откуда, куда.

SYN: брякнуться, грохнуться, навернуться, сверзиться.

2. DEF: заговорить громким возбужденным голосом. — *Вы не смеете говорить мне этого! — **загредел** Чарнолуский. Все-таки и у его терпения был предел* (Д. Быков. Орфография); — *Тебе много что надо, — **загредел** Петр, — только ты, несчастный, этого не понимаешь...* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона); — *Не будем терять времени! — **загредел** голос. — Ведь не с простой же сводкой вы рвались сюда ко мне?* (С. Осипов. Страсти по Фоме).

MORPH: сов.; несов. греметь.

SYNT: без доп.

3. перен. DEF: против своей воли попасть куда-л. *Я грешным делом подумала/сопьются/подерутся/и в ментовку **загредят*** (Записи устной речи, 2006); — *Валерка только-только в армию **загредел**, а ты уже по курсантам скачешь* (А. Геласимов. Рахиль); — *Эх и **загредел** бы ты сейчас лет так на восемь в Колыму, где закон — тайга, а прокурор — медведь* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Доходили слухи, якобы Петр **загредел** на Колыму, якобы Андрей на него донес, а точно не знаю...* (А. Найман. Любовный интерес); — *Теперь, пока все не уляжется, нельзя высовываться, а то недолго снова **загредеть** на нары* (Л. Дворецкий. Шакалы); — *Я чуть не **загредел** по малолетству. Органы меня фактически спасли* (С. Довлатов. Заповедник); *Когда я поняла, что наши отношения покатились под откос, я как-то просто это почувствовала (внутри), я начала болеть и чахнуть на глазах, причем так, что*

загредела в больницу с диагнозом — сердечная недостаточность, и это в 24 года (Женщина + мужчина: Психология любви//Форум, 2004).

MORPH: сов.; несов. нет.

SYNT: во что, на что, куда; возможно без доп.

STYL: неодобр.

SYN: загудеть (во 2 знач.).

ЗАКУПІТЬСЯ.

DEF: накупив продуктов, товаров (обычно разных и в достаточно большом количестве), запастись ими. *Бывало, за день мы с ней и на Алайском **закупимся**, и к сеструхе в гости съездим* (мгновенно накрытый стол, и все как полагается — нарезанное сало, пирог с капустой, водочка (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Всё у нас конечно хорошо, но продуктами не грех и **закупиться*** (Финансовый кризис и как нас это коснется//Форум, 2008); *В багажник сложили четыре огромных пакета с продуктами — с вечера еще **закупились*** (З. Прилепин. Санька); *У нас пока еще коньяк есть, слава Богу! Я **закупился!*** (С. Осипов. Страсти по Фоме); *Поедите в кафе и **закупитесь** сувенирами, садитесь на 34-й или 51-й автобус — он довезет вас до Ахенских бань* (Труд-7, 10.03.2011); *На руку спекулянтам оказалась и паника, которая быстро возникла в народе: ведь если что-то дорожает, надо **закупиться** впрок* (Комсомольская правда, 26.01.2010); *Анка с Таней бегут **закупаться** чтивом в дорогу — ехать предстоит 36 часов* (Отчёт о велосипедном походе, 2001); ***Закупаюсь** обычно по вечерам, чтоб без пробок* (Ашан или МЕТРО//Форум, 2007); *Всё это я покупаю у своего парикмахера, он оптом где-то **закупается**, получается дешевле, чем в магазинах* (Уход за волосами//Форум, 2005).

MORPH: сов.; несов. закупаться.

SYNT: чем или без доп.

STYL: сленг.

SYN: затариться, накупить, скупить.

ЗАКУСОН.

DEF: закуска к спиртному. — *А чо, папаша, — дружески обращались они к деду, усаживаясь за столик у крыльца веранды, — давай, не жмись, подваливай сюда! **Закусон** тоже наш! Звенели стаканы*

(М. Палей. Поминование); *Мы допиваем ее [бутылку водки] из горла в подъезде без закусона* (В. Козлов. Гопники); *Публика устремлялась в два угла зала, в одном — выпивон, в другом — закусон; всё на халяву!* (В. Аксенов. Негатив положительного героя).

MORPH: м.; мн. нет.

STYL: сниж.

SYN: закусь.

ЗУБА́СТЫЙ.

1. DEF: с большими или с острыми зубами. *Зубастая акула; Зубастого Роналдо [футболиста] так и прозвали — Зубастик; Резной улыбающийся дракон ухмыльнулся ей в глаза, разинув зубастый рот* (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч); *И вот уже в лодке широко разевает зубастую пасть и раздувает жабры большая рыба с нежно-белым подборюшьем* (Б. Екимов. Рассказы).

MORPH: прил.

ANALOG: бровастый, глазастый (в 1 знач.), головастый (в 1 знач.), грудастый, губастый, жопастый, задастый, кадыкастый, лобастый, мордастый, мордатый, носастый, носатый, пузатый (в 1 знач.), рукастый (в 1 знач.), сисястый, ушастый, щекастый.

2. перен. DEF: острый и дерзкий на язык, язвительно-насмешливый. *Ох и зубастая у них невестка!*; *Молодые сейчас гораздо более «зубастые», они рано начинают, знают себе цену* (С. Спивакова. Не всё); *Зубастыми и инициативными были и другие молодые инженеры, многие из которых только что закончили институты* (К. Феокистов. Траектория жизни); *На том этапе далеко не все в нашей делегации поддерживали созидательное направление в переговорах, считали, что надо быть потверже, позубастее* (А. Яковлев. Омут памяти).

MORPH: прил.

SYN: языкастый, языкатый.

ANALOG: глазастый (во 2 знач.), головастый (во 2 знач.), горластый, рукастый (во 2 знач.).

НАКЛЮ́КАТЬСЯ.

DEF: напиться спиртного до состояния сильного опьянения. *Назад они шли пешком, чтобы проветриться — дядя Миша прилично наклюкался* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Спиртного*

было в избытке, и я, за отсутствием жены, не заметил, как наклюкался, хотя мне, матерому гипертонику, алкоголь — нож острый (С. Гандлевский. НРЗБ); *Некоторые уже достаточно наклюкались, другие обнимали своих «курочек», третьи занимались играми* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!); *Да ему всё равно/что свадьба/что похороны/лишь бы наклюкаться//А наклюкается/завалится спать где попало/(Запись устной речи, 1998); Те, кто налюкивался раз в неделю — с вечера пятницы до утра понедельника, искренне считали себя трезвенниками и с презрением относились к тем, кто «употреблял» каждый день, называя их «алкоголиками» и «бухальщиками»* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия).

MORPH: сов.; несов. налюкиваться.

SYNT: без доп.

STYL: сниж.

SYN: бухнѹть, вмазать (во 2 знач.), врезать (в 4 знач.), давануть (в 3 знач.), дербалызнуть (в 1 знач.), дѹрнуть (в 5 знач.), дерябнуть, жажнуть (в 3 знач.), клюкнуть, набраться, надраться, надрызгаться, нажраться (во 2 знач.), назюзиться, накатить², накваситься, накиряться, налакаться, нализаться (во 2 знач.), налимониться, налопаться (во 2 знач.), напиться, нарезать, нахлебаться, перебрать, поддать, раздавить, тяпнуть, ужраться, упиться, хряпнуть.

НАКРИЧА́ТЬ.

DEF: с криком отругать кого-л., сделать выговор в резкой форме. *Однажды она ни за что ни про что накричала на музыканта, с которым работала* (А. Крищенко. Императрица Клавдия); *На жену из-за какой-то ерунды накричал, потом неделю не разговаривали, Ангелину так отругал за что-то — она, бедная, разревелась* (А. Столяров. Наука расставаний); *Это была первая моя двойка, и я не знала, какой реакции ждать от мамы. Накричит? Заплачет?* (А. Кудряшова. Пока передумать еще не поздно...); *На почте, когда я пришла за апрельской пенсией, на меня накричали: «Ваша бумажка для нас не документ!»* (Известия, 13.05.2002); — *Я не из тех, кто прощает обиды: если на меня накричит начальник, я в тот же день обязательно накричу на жену!* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО).

MORPH: сов.; несов. кричать.

SYNT: на кого.

SYN: наорать.

ANALOG: наброситься (во 2 знач.), накинуться (во 2 знач.), налететь (во 2 знач.), напасть¹, напуститься, обрушиться.

PRAGM: глагол обычно описывает такие ситуации взаимодействия людей, когда возрастной, служебный, семейный и т. п. статус субъекта действия выше статуса адресата или равен ему.

Литература

Городское просторечие: проблемы изучения/отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984.

Ермакова О. П. Жизнь российского города в лексике 30-х — 40-х годов XX в. Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. Калуга, 2008.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. М.: Наука, 1968.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Высшая школа, 1978.

Земская Е. А. Язык как деятельность. Часть 2. Сферы языка. М., 2004.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М., 2005.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 1999; 2-е изд., 2005.

Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. М.: Наука, 1990.

Крысин Л. П. Антропоцентричность лексических значений в русской разговорной речи//Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов международной конференции. Девятые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2010 года). М., 2010. С. 83–85.

Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи//Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988. С. 95–111.

Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка. М.: Астрель, 2007.

Проспект 2010 — Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект. Коллектив авторов/отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2010.

Разновидности городской устной речи/отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1988.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол. М.: Издательский центр “Азбуковник”, 2005.

РРР-1973 — Русская разговорная речь/отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973.

РРР-1978 — Русская разговорная речь. Тексты/отв. ред. Е. А. Земская и Л. А. Капанадзе. М.: Наука, 1978.

РРР-1983 — Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест/отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983.

Русский язык 1993 — Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект/отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1993.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Шимчук Э. Г. Рец.: В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004 //Русский язык в научном освещении. 2006. № 12. С. 298–303.

L. P. Krysin

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
leonid.krysin@mail.ru*

RUSSIAN EVERYDAY SPEECH IN ITS RELATION TO STANDARD RUSSIAN

The paper is devoted to the “Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech”, which is compiled in Vinogradov’s Russian Language Institute of Russian Academy. A concise outline of the Modern Russian everyday vocabulary is followed by the explication of selection principles of lexical units to be included into the Dictionary, the structure

of the entry and types of information about a word distributed among 10 zones of a typical dictionary entry. In the end of the article examples of dictionary entries are given.

Key words: Russian everyday speech, lexicography, dictionary, dictionary entry.

References

Ermakova O.P. *Zhizn' rossiiskogo goroda v leksike 30-kh — 40-kh godov XX v. Kratkii tolkovyi slovar' ushedshikh i ukhodiaschikh slov i znachenii* [Russian city life in the lexicon of the 30-ies and 40-ies of XX century. Short dictionary of gone and outgoing words and meanings] Kaluga, 2008.

Kapanadze L.A. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Voices and Senses. Selected works on the Russian language]. Moscow, 2005.

Khimik V.V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [Big dictionary of Russian everyday expressive speech]. Saint Petersburg: Norint, 2004.

Kitaigorodskaia M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichei: Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [Moscovites' speech: Communicative and culturological aspect]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1999.

Krasil'nikova E. V. *Imia sushchestvitel'noe v russkoi razgovornoj rechi. Funktsional'nyi aspekt* [The noun in Russian everyday speech. The functional aspect]. Moscow: Nauka Publ., 1990.

Krysin L. P. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi. Prospekt* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech. Advance publication]. Moscow, 2010.

Krysin L. P. [A hyperbole in Russian everyday speech]. *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. 1984. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 95–111. (In Russ.)

Kurilova A. D. *Tolkovyi slovar' razgovornogo russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of Russian everyday language]. Moscow: Astrel' Publ., 2007.

Rozina R. I. *Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom iazyke i sovremennom slenge: Glagol* [Semantic extension

of words in Standard Russian and in slang: The verb]. Moscow: Jazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005.

Shimchuk E. G. *Rets.: V. V. Khimik. Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi*. Sankt-Peterburg: Norint, 2004 [Rev.: V. V. Himik. Big dictionary of Russian everyday expressive speech. Saint Petersburg: Norint, 2004]. *Russkii iazyk v nauchnom osveschenii*, 2006, No. 12, pp. 298–303. (In Russ.)

Zemskaja E. A. (Ed.). *Russkaia razgovornaia rech'* [Russian everyday speech]. Moscow: Nauka Publ., 1973.

Zemskaja E. A. (Ed.). *Russkaia razgovornaia rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian everyday speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1983.

Zemskaja E. A. *Jazyk kak deiatel'nost'. Chast' 2. Sfery iazyka* [Language as activity. Part 2. Spheres of language]. Moscow, 2004.

Zemskaja E. A., Kapanadze L. A. (Eds.). *Russkaia razgovornaia rech'. Teksty* [Russian everyday speech. Texts]. Moscow: Nauka Publ., 1978.

Zemskaja E. A. *Russkaia razgovornaia rech': Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniia* [Russian substandard speech: Linguistic analysis and problems of teaching]. Moscow: Vysshaia shkola Publ., 1978.

Zemskaja E. A., Kitaigorodskaia M. V., Shiriaev E. N. *Russkaia razgovornaia rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian everyday speech. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1981.

Zemskaja E. A., Shmelev D. N. (Eds.). *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniia* [Urban substandard speech]. Moscow: Nauka Publ., 1984.

Zemskaja E. A., Shmelev D. N. (Eds.). *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi* [Varieties of urban oral speech]. Moscow: Nauka Publ., 1988.

Zemskaja E. A., Shmelev D. N. (Eds.). *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [The Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka Publ., 1993.

А. Э. Цумарев
 Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 (Россия, Москва)
 zumarew@yandex.ru

**«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»
 ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. К. ГРОТА И ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ
 СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ**

В исследовании сопоставляются особенности описания единиц специальной лексики (терминов и профессионализмов) в «Словаре русского языка» (1891–1895) под ред. Я. К. Грота и в толковых словарях XX — начала XXI века. Рассматриваются недостаточно изученные или вовсе неизученные аспекты лексикографирования специальной лексики в «Словаре...» Я. К. Грота, показывается значение этого словарного труда для дальнейшей разработки принципов и способов представления специальной лексики в общих толковых словарях русского языка. Показывается, что специальная лексика, представленная словами различных частей речи, а также устойчивыми терминологическими словосочетаниями, получила в «Словаре...» Я. К. Грота разностороннюю характеристику. В «Словаре...» была предложена наиболее подробная в отечественной лексикографии система отраслевых помет, наряду с которыми использовались особые ремарки (вводы); были разработаны более совершенные, нежели в предшествующих словарях, толкования терминов; получили отражение вариантность, полисемия, омонимия, синонимия и антонимия в области специальной лексики; были зафиксированы процессы детерминологизации (а именно развитие у терминов переносных значений). Яркой особенностью «Словаря...» стало введение в словарные статьи, посвященные специальным словам, примечаний и уточнений лингвистического и энциклопедического характера.

Ключевые слова: русский язык, история лексикографии, толковые словари, специальная лексика, термины и профессионализмы, Я. К. Грот.

Отделение русского языка и словесности имело в виду дать словарь, который отвечал бы потребностям образованного класса людей вообще, но к которому мог бы прибегать с пользою и литератор, и ученый.

Из предисловия к «Словарю русского языка»
 под ред. Я. К. Грота (с. XII)

I. Введение

Специальная лексика терминологического и профессионального характера составляет «фактически самую крупную по объему часть лексического состава современных развитых национальных языков» [Шелов, Лейчик 2012: 3]. Те единицы специальной лексики, которые (вместе с актуальным специальным знанием) проникают в общий язык и усваиваются им, должны соответствующим образом фиксироваться лингвистическими толковыми словарями, адресованными наиболее широкому кругу читателей. Разностороннее описание единиц специальной лексики в современных толковых словарях русского языка — одна из важных и непростых задач, стоящих перед лексикографами XXI века: требуют уточнения критерии отбора специальных слов и устойчивых сочетаний в общий словарь, принципы и приемы их толкования и маркирования. Сквозь лексикографическую призму должны быть рассмотрены новые достижения в области классификации специальной лексики: подклассы специальной лексики должны получить дифференцированное словарное описание.

Современное лексикографическое представление специальной лексики (с его сильными и слабыми сторонами) восходит к словарному описанию этой лексики в академических толковых словарях XIX века, особое место среди которых принадлежит «Словарю русского языка» под редакцией Я. К. Грота — «выдающемуся явлению в истории русской лексикографии» (В. В. Виноградов). Обращение к «Словарю русского языка» Я. К. Грота (далее — Словарь Грота) дает нам более ясное понимание истоков и путей словарного описания русского языка в целом и его специальной лексики в частности, сравнение этого словаря со словарями предшествующими и последующими позволяет увидеть развитие толковой лексикографии как живой, устремленный в будущее (ко всё более совершен-

ному описанию языка) процесс. Внимательное изучение Словаря Грота помогает глубже осознать значительное влияние лексикографии XIX века на лексикографию века XX.

Акад. В.В. Виноградов в статье «Толковые словари русского языка» (1941) отмечал, что Гротом были «более детально обозначены профессионально-технические и научные особенности терминологии» [Виноградов 1977: 232]. Отдельные наблюдения о терминологической лексике, включенной в Словарь Грота, содержатся в диссертационном исследовании Г.П. Галавановой «Я.К. Грот как лексикограф», которая, давая в целом очень высокую оценку словарю, вместе с тем писала: «Менее всего единства наблюдается в объяснении научно-технической терминологии, особенно ботанической и зоологической, на что указывала критика» [Галаванова 1953: 20].

Несмотря на наличие упомянутых, а также некоторых других работ, затрагивающих вопросы описания специальной лексики в Словаре Грота, до последнего времени лексикографическое представление специальных слов и словосочетаний в рассматриваемом словаре, насколько нам известно, не составляло предмета самостоятельного анализа. Лишь в связи с 200-летием со дня рождения Я.К. Грота (1812–1893) были опубликованы тезисы [Цумарев 2012] и статья [Эзериня 2013], непосредственно относящиеся к теме настоящей работы. Основные положения статьи С.А. Эзерини, без учета которых невозможно дальнейшее развитие заявленной в заглавии настоящей работы темы, сводятся к следующему.

1. В Словаре Грота по сравнению с предыдущими толковыми словарями был значительно расширен пласт терминологической лексики. 2. В этом лексикографическом труде было реализовано характерное для лингвистики второй половины XIX века широкое понимание терминологии, в состав которой включались собственно термины, а также профессионализмы и профессиональные регионализмы. 3. Словник Словаря Грота основывался на словниках «Словаря церковно-славянского и русского языка» (1847) и «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863–66) В.И. Даля; в ходе работы составлялась картотека текстовых иллюстраций (впервые в русской лексикографии), проводились консультации со специалистами-учеными. 4. Я.К. Грот перенял далевский прием выборочного филолого-исторического комментирования лексических единиц, в том числе терминов. 5. Особое внимание Я.К. Грот

уделял уточнению этимологии заимствованных терминов. 6. В словаре был постулирован «приоритет филологического толкования специальной лексики перед энциклопедическим» [Эзериня 2013: 79], о чем Я.К. Грот прямо писал в работе «К сообщению будущих составителей русского словаря»: «...словарь, конечно, не обязан во всей подробности объяснять или описывать выражаемые им [техническим термином] предметы, что составляет дело науки» [Грот 1899: 173, примечание]. 7. В Словаре Грота уделялось внимание «унификации подачи однородного материала», «корректному представлению семантики многозначных терминов», толкованию специальных слов с помощью неспециальных синонимов (**Бадиджан** 1. Плод *Solanum melongena*, *Демьянка*). 8. Иллюстрирование единиц специальной лексики (так же как неспециальной) состояло в приведении речения или, по возможности, литературной цитаты. 9. В Словаре Грота была предложена уникальная в русской лексикографии специализация помет для терминологической лексики (по подсчетам С.А. Эзерини — 104 пометы), однако одновременно в нем наблюдается большое количество различных недочетов в употреблении некоторых помет (вариантность и дублетность помет, противоречивость дефиниций помет, «пересечение номенклатур», отсутствие пометы при специальном слове и т. д.), в связи с чем С.А. Эзериня предложила типологию лексикографических недочетов, связанных с использованием отраслевых помет и «характерных не только для “Словаря русского языка”, но и для толковой лексикографии в целом» [Эзериня 2013: 81]. 10. По наблюдению автора указанной статьи, «несмотря на многочисленные достижения в толковании специальной лексики, вероятно, из-за сжатых сроков издания, “Словарь русского языка” так и не смог до конца преодолеть несбалансированность в отношении объема и типа дефиниций терминов — от исчерпывающего энциклопедизма в описании одних терминологических групп, в первую очередь терминов филологии и гуманитарных дисциплин <...>, до минимализма, неточности, неясности в описании некоторых других терминов...» [Эзериня 2013: 79]. В ряде случаев у той или иной лексемы не было зафиксировано достаточно широко распространенное специальное значение (например, у слова *атом* отсутствовало ставшее актуальным во второй половине XIX века значение, относящееся к физике и химии).

Соглашаясь с приведенными выводами, а также с тем, что разрабатываемая тема «заслуживает отдельной монографии», в настоящей статье мы попытаемся дополнить высказанные в научной литературе положения, касающиеся принципов и приемов лексикографирования лексики терминологического и профессионального характера в Словаре Грота.

Предварительно, однако, необходимо сказать несколько слов о времени создания Словаря Грота. Как известно, подготовленные Я.К. Гротом выпуски словаря (А — Д) вышли в свет в 1891–1895 гг., таким образом, в них запечатлен русский язык второй половины XIX века. Характеризуя социально-исторические условия развития русского языка того времени и соответствующие особенности самого языка, Ю.С. Сорокин писал: «XIX в. был веком необычайно быстрого и плодотворного развития русской научной мысли. Особой интенсивности достигает это развитие к 60-м гг. в области точных наук и естествознания»; «Характерные обороты научного языка, научная терминология вышли далеко за пределы специального употребления и свободно переносились в язык публицистических и художественных произведений. ...В различных произведениях часто появляются яркие аналогии, образные сопоставления фактов общественной и духовной жизни с фактами и явлениями, открытыми наукой о природе. Примеры подобного рода можно встретить, особенно в произведениях 60-х гг., во множестве...» [Сорокин 1965: 352, 353].

Авторы академических толковых словарей XIX века хорошо сознавали многочисленность единиц специальной лексики, а также необходимость их выборочного включения в общий толковый словарь: в предисловии к академическому «Словарю церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (далее — Словарь 1847 г.) отмечалось, что «из слов, входящих в область какой-л. науки, искусства или художества» в словарь следовало отбирать «только более употребительные, потому что каждая из сих частей отдельно имеет свой собственный, более или менее обширный объем языка, достаточный к составлению особого Словаря именно такой-то науки, искусства или художества» [Словарь 1847: XII].

В предисловии к Словарю Грота сферы употребления включаемых в него специальных единиц были обозначены более точно: «Из научных и технических терминов в словарь включены такие

названия, которые могут встречаться как во вседневном быту, так и в не слишком специальных сочинениях...». Тот факт, что в Словаре Грота число помет, предназначенных для описания специальной (научной, производственной, ремесленной и т. д.) лексики, выросло по сравнению со Словарем 1847 г. более чем вдвое, — одно из свидетельств внимательного отношения Я.К. Грота к лексике терминологического и профессионального характера. Примечательно, что еще в 1873 г. Я.К. Грот опубликовал «Заметку о некоторых старинных технических терминах русского языка» [Грот 1873], в которой он, в частности, исследовал историю иноязычного слова *гравировать* (ср. употреблявшийся в XVII в. глагол *рёзать*), первоначально имевшего вариант *градиловать*. Впоследствии эта заметка послужила основой для исторического комментария, включенного в статью «Градировать» гротовского толкового словаря.

Далее мы рассмотрим недостаточно изученные или вовсе неизученные особенности описания единиц специальной лексики в Словаре Грота. В некоторых работах, посвященных Словарю Грота, содержатся ценные наблюдения общего характера, и в ряде случаев представляется полезным распространить эти наблюдения на материал специальной лексики. Для лучшего осмысления особенностей Словаря Грота в необходимых случаях данные гротовского словаря будут сопоставляться с данными предшествующего ему академического Словаря 1847 г. Для выяснения роли Словаря Грота в становлении правил и приемов дальнейшего лексикографического описания специальной лексики в нужных местах мы будем сравнивать Словарь Грота с некоторыми современными толковыми словарями.

II. Лексикографическое представление специальной лексики в Словаре Грота и в современных толковых словарях

1. Об основах описания специальной лексики. Лексикографическая разработка единиц специальной лексики в основном была выполнена в согласии с общими правилами описания лексического состава русского языка, принятыми в Словаре Грота и с известной долей полноты изложенными в предисловии (при этом данная лексика, хотя и не всегда, выделялась в массе неспециальной лексики с помощью необходимых отраслевых помет).

Отличительной чертой словарного представления части специальной лексики (прежде всего многих терминов биологии, медицины, минералогии, а также некоторых других отраслей знания) было использование латинских наименований — либо в самом толковании, в сочетании с родовым словом (см. *адмирал* 4, *бабочка* 1, *гады*), либо в качестве научного эквивалента, обычно следующего за более или менее развернутым толкованием (см. *бородавка* 2, *бугорок* 3, *водосвет*, *грибница*), например*:

Адмирал 4. Раковина *Conus admiralis*; **Бабочка** 1. Насекомое *Papilio*; **Бородавка** 2. *Бот.* Круглое возвышение на поверхности растений, *Verruca*; **Бугорок** 3. *Мед.* Мелкие нарывы в легких и других внутренностях, как следствие местных затвердений, зависящих от размножения туберкулезных бацилл. *Tubercula*; **Водосвет** *Мин.* Старинное название *гидрофана*, разновидности опала. *Oculus mundi*. *Око мира*; В статье «Гад»: **Гад** *Зоол.* Два класса позвоночных животных: 1) Чешуйчатые гад, *Reptilia*, напр. черепахи, крокодилы, ящерицы, змеи. 2) Голые гад, *Amphibia*, напр. лягушки, саламандры; **Грибница** 3. *Бот.* Подземная часть гриба, состоящая из тонких, как паутина, спутанных разветвленных нитей, производящих из себя надземные части гриба различного вида и устройства у разных грибов. *Мицелий* (лат. *Mycelium*).

Включаемая в лингвистические толковые словари XX века специальная (но не узкоспециальная) лексика, так же как это наметилось в Словаре Грота, в целом подчиняется общим правилам, общей схеме лексикографического описания слов, ведь существенно, что «термины, будучи по природе чаще всего словами “естественного” языка, испытывают на себе влияние всех тех лексико-семантических процессов, которым подвержена лексика общелитературного языка» [Даниленко 1977: 65]. «Как ни специфична научно-техническая терминология, она входит в общенациональную лексику русского языка и подчиняется ее законам» [Капанадзе 1968: 165].

Однако толковая лексикография XX века полностью отказалась от использования в толковании терминов латинских наиме-

нований как сугубо научных, узкоспециальных; вместо этого началась разработка более строгих лингвистических правил толкования терминов; см., например, систему правил для толкования терминов — названий растений и животных в пособии [Инструкция 1953: 53–57]. В этом же источнике ясно сформулировано основное, общее требование к толкованию терминологической лексики: толкование должно быть правильным с научной точки зрения и одновременно доступным по изложению. Как будет показано далее, многие образцы истолкования терминологической лексики, предложенные в Словаре Грота, полностью соответствовали указанному требованию.

2. Специальные слова — слова разных частей речи. «Какими частями речи может быть представлена терминология? Вопрос этот непростой и дискуссионный. Однозначный ответ на него — сознательный уход от очевидных трудностей» [Даниленко 1977: 38]. Однако понятно, что практическая необходимость фиксации русской лексики во всем ее многообразии требовала от составителей первых академических толковых словарей принятия рабочих решений (отчасти, по-видимому, интуитивных), связанных с теми вопросами, теоретически обоснованные ответы на которые будут предложены лишь в XX веке. В числе таких вопросов был и вопрос о частеречной принадлежности специальных слов.

В Словаре Грота получило развитие заложенное в Словаре 1847 г. представление о том, что к разряду специальных могут относиться слова различных частей речи (причем существенно, что эти слова являются входными). Среди слов, маркированных отраслевыми пометами, на страницах словаря мы найдем не только **имена существительные** (хотя они и преобладают): *анне́ксия* (*полит.*), *а́орта* (*анат.*), *асимпто́та* (*мат.*), *бекáр* (*муз.*), *вещно́сть* (*филос.*), *дозна́ние* 2 (*юрид.*) и мн. др., но также и **имена прилагательные**: *аморфный* (вариант: *аморфический*) (*мин.* и *хим.*), *антисепти́ческий* (*мед.*), *апостерио́рный* (*филос.*), *биквадра́тный* (*мат.*), *вока́льный* (*муз.*) и др., **глаголы**: *ба́нить* 2 (*воен.*), *верста́ть*² 2 (*тип.*), *возгоня́ть* (*хим.*), *вочелове́читься* (*церк.*), *дрейфова́ть* (вариант: *дрейфовать*) (*мор.*) и др., **наречия**: *анда́нте* 1 (*муз.*), *вполпра́ма* (*плотн.*), *вбро́зницу* (*торг.*; в гротовском написании — слитно), *генеро́зо* (*муз.*), *доме́ста* (*морск.*) и др. и даже **междометия**, напри-

* Здесь и далее словарные статьи приводятся, как правило, в сокращенном виде (так, в большинстве случаев опускаются грамматические и этимологические сведения) и в соответствии с современными правилами правописания. Остальные особенности оформления языкового материала воспроизводятся в точности (в том числе случаи непоследовательной подачи сходных явлений).

мер: *ату́* («междом., употребляемое охотниками; крик при травле зайца: *Ату его!* т. е. лови его»).

В современных толковых словарях как термины также маркируются слова различных частей речи; см., например, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее — Словарь Евгеньевой): **Клётка**² Биол. Простейшая единица строения живого организма, состоящая из протоплазмы, ядра и оболочки; **Мористый** Мор. Удаленный от берегов в сторону открытого моря. — [*Корабли*] пойдут мористой стороной прибрежных островов. Каверин, Два капитана; **Мористо** Мор. Нареч. к мористый. *Кораблик отходил все мористой, на водный плес, в открытое море.* Казакевич, Сердце друга; **Парафировать** Дипл. Предварительно подписать (подписывать) инициалами до официального подписания (международный договор, соглашение).

Кроме того, необходимо сказать, что в русской толковой лексикографии XIX века начинает складываться традиция, согласно которой, если, например, прилагательное имеет специальное несвязанное значение, этому прилагательному посвящается отдельная словарная статья (если значение связано, то, разумеется, в словаре описывается атрибутивное словосочетание целиком). Нетрудно заметить, что подобный подход отличает толковый лингвистический словарь от словаря отраслевого. Так, например, в то время как в толковом словаре, с его «словоцентричностью», в качестве входного, толкуемого слова выступает слово *абразивный* (с пометой *тех.*), в техническом словаре (см., например, [Новый политехнический словарь 2000: 7]) входными, толкуемыми единицами служат терминологические словосочетания *абразивная обработка, абразивные материалы, абразивный инструмент*, однако само по себе прилагательное *абразивный* не является единицей словника отраслевого словаря.

3. Специальная лексика различных отраслей знания представлена в толковых словарях в окружении общеупотребительных слов. Важнейшим средством выделения в тексте словаря слов терминологического и профессионального характера служат пометы, поэтому далее мы рассмотрим использование в Словаре Грота помет (п. 3.1) и их сочетаний (п. 3.2) для маркирования специальных слов.

3.1. Пометы при единицах специальной лексики. Словарь Грота известен наиболее богатой в русской лексикографии совокупностью словарных помет, предназначенных для лексики терминологического и профессионального характера. Пройдет полвека после выхода в свет Словаря Грота, и акад. В. В. Виноградов, разработавший систему помет для «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1941), напишет: «В стилистических пометах, определяющих круг употребления слова, словарь этот [ушаковский. — А. Ц.], в общем, следует гротовскому словарю» [Виноградов 1977: 237]. Таким образом, в аспекте маркирования специальной лексики Словарь Грота имел большое влияние на последующую лексикографию.

Уместно напомнить, что впервые в русской академической лексикографии и сразу в заметном количестве (числом более пятидесяти) отраслевые пометы были использованы в Словаре 1847 г. Все последующие академические словари, в которых применялась та или иная собственная подробная система отраслевых помет, унаследовали от Словаря 1847 г. такие важнейшие пометы, как, например, *анат.*, *бот.*, *воен.*, *геогр.*, *грамм.*, *зоол.*, *мат.*, *мед.*, *муз.*, *тех.*, *физ.*, *фил.*, *хим.*, *юр.* и др.

Я. К. Грот продолжил работу по детализации системы отраслевых помет — число отраслевых помет в Словаре Грота возросло вдвое и превысило 100 единиц. Такие введенные Гротом пометы, как, например, *антрополог.*, *биол.*, *лингв.*, *лит.*, *псих.*, *сель.-хоз.*, *физиол.*, *фотогр.*, *электротехн.*, стали в современных толковых словарях важной частью характеристики специальных слов по сфере их употребления*.

Я. К. Грот стремился к тому, чтобы новый словарь был «с веком наравне», поэтому в нем, в частности, были предусмотрены пометы для отраслей знания и деятельности, получивших активное развитие на протяжении XIX столетия: *воздухопл.* («речение, употребительное в сочинениях, посвященных воздухоплаванию»)** , *железн.-дор.* («...в железнодорожном деле употребительное»), *телегр.*

* Графический облик пометы мог измениться, например, вместо *антрополог.* стало использоваться *антроп.*, но главное, что соответствующая отрасль знания получила свой лексикографический маркер.

** Объяснение значения отраслевой пометы в списке сокращений обычно давалось по формулам «речение, употребительное в...», «речение математическое (математическое, церковное и т. п.)», поэтому далее в целях экономии места стандартное начало формулы нами опускается.

(«...в телеграфном деле»), *фотогр.* («...в сочинениях, относящихся до фотографического искусства»).

Не все из предложенных Я.К. Гротом помет, однако, были приняты лексикографической практикой XX в. Так, в дальнейшем лексикографы, стремясь к отражению в первую очередь лексики наиболее крупных отраслей знания и деятельности, отказались от помет *бумажн. фабр.* («...в тряпично-бумажном производстве»), *кожев.* («...в сочинениях по кожевенному производству»), *кон.-зав.* («...в сочинениях по коневодству»), *мельнич.* («...в мельничном, мукомольном деле»), *мыловар.* («...в мыловаренном производстве»), *огор.* («...в сочинениях по огородничеству»), *сахароварн.* («...в сахароварном производстве»), *сокольн.* («...употребительное среди соколиных охотников»), *стекл.* («...в стеклянном производстве»), *шорн.* («...в шорном ремесле») и нек. др.

Приведем примеры*, показывающие разнообразие использованных в Словаре Грота отраслевых помет:

анат. («...в сочинениях по анатомии») — *аорта* («большая артерия, главная и самая толстая боевая жила в теле, выходящая из левой половины сердца; начальственная артерия»), *арт.* («...в артиллерии») — *граната* («разрывной снаряд, полое ядро, начинаемое порохом, со вставленной в очко зажигательное трубкою; то же, что бомба, но меньшего размера»), *биол.* («...в сочинениях по биологии») — *атавизм* 1 («возвращение первоначального типа породы в дальнейших ее видоизменениях»), *воен.* («...в военном деле, в военных науках»; эта помета относится ко всем (1 и 2) значениям слова *атака*) и *такт.* («...в сочинениях по тактике»; помета относится к первому значению слова *атака*) — *атака* 1 («нападение войска или флота на неприятеля»), *воздухопл.* («...в сочинениях, посвященных воздухоплаванию») — *гайдроп* («длинный канат, посредством которого корзины воздушного шара спускаются на землю»), *геол.* («...в сочинениях по геологии») — *базальт* («вулканическая горная порода сложного состава, почти черного цвета, типичная разновидность которой кажется невооруженному глазу сплошной и однородной...»), *геом.* («...в сочинениях по геометрии») — *гипотенуза* («сторона прямоугольного треугольника, противолежащая прямому углу»), *грам.*

* Далее указывается помета, ее значение (согласно списку сокращений Словаря Грота), маркируемое входное слово (с номером значения в случае многозначности) и его толкование.

(«термин, употребляющийся в грамматике») — *аорист* («прошедшее совершенное время, повествовательное...»), *железн.-дор.* («...в железнодорожном деле употребительное») — *вокзал* 2 («путевой двор, дебаркадер, строение, где собираются пассажиры для отъезда»), *зоол.* («...в сочинениях по зоологии») — *двурукие* («высший отряд класса млекопитающих; единственный его представитель — человек, Вимана»), *кондит.* («...в кондитерском производстве») — *дражэ* («обсахаренные ягоды, миндаль и проч., а иногда особый сорт мелких конфет с ликером или сиропом внутри»), *мат.* («...математическое») — *десятичный* («делимый на десятки, считаемый десятками»), *мед.* («...медицинское») — *астма* («одышка, затрудненное дыхание; приступы удушья»), *мин.* («...в сочинениях по минералогии») — *асфальт* 1 («ископаемое горючее вещество, твердое и сухое; горная смола...»), *муз.* («...музыкальное») — *бекар* («знак отказа, уничтожающий действие предшествующего диеза или бемоля...»), *охотн.* («...относящееся до соколиной охоты») — *доезжачий* («ловчий, имеющий под своею командою других псарей; при нем во время охоты находятся собаки»), *палеонт.* («...в сочинениях по палеонтологии») — *гамит* («крючечник, ископаемая одночерепанная раковина»), *полит.* («...в политических кругах употребляющееся») — *аннексия* («присоединение (одной страны к другой)»), *почт.* («...в почтовых сношениях, на почте») — *адресат* 1 («лицо, к которому адресовано письмо или посылка»), *сапожн.* («...в сапожном мастерстве») — *дратва* («толстая смоленая нитка или же ссученная из нескольких ниток смоленая вервь, которою шьют обувь и прошивают кожаные изделия...»), *театр.* («...до театра относящееся») — *гримировать* («расписывать, разрисовывать особыми красками лицо так, чтобы придать ему физиономию, соответствующую исполняемой роли»), *физ.* («...в физике употребительное») — *волна*¹³ («аналогичное водяным волнам явление при распространении звука в телах и световых лучей в эфире»), *фонет.* («термин, употребляющийся в фонетике») — *артикуляция* («образование звуков языка и произношение их посредством известных движений устных органов»), *фотогр.* («...в сочинениях, относящихся до фотографического искусства») — *апланат* («объектив, в котором посредством присоединения лишнего стекла уничтожается aberrация»), *церк.* («...церковное») — *антиминс* («плат льняной, или, как ныне принято, шелковый, на котором изображено положение Господа во гроб»), *шахм.* («...относящееся

до шахматной игры») — *гамбйт* 1 («такое начало игры, когда один из игроков отдает противнику пешку или даже фигуру, чтобы скорее развить свою игру»), *юр.* («...в юридических науках употребительное») — *вердикт* («приговор»).

Наблюдения над Словарем Грота позволяют выявить случаи, когда слово, которое в конце XIX века воспринималось как специальное, впоследствии настолько широко вошло в общее употребление, что в современных словарях приводится без пометы. Так, из приведенного списка к подобным единицам, без сомнения, можно отнести слова *асфальт*, *атака*, *вокзал*, *граната*, *гримировать*, *драже*. Таким образом, Словарь Грота может служить одним из источников изучения процессов детерминологизации единиц специальной лексики русского языка.

3.2. Сочетания помет при единицах специальной лексики.

Помимо одиночных помет, в Словаре Грота использовались сочетания помет (чаще всего двух отраслевых (1), отраслевой пометы с пометой *стар.* — «старинное» (2) или *малоупотр.* — «малоупотребительное» (3)), позволявшие более точно охарактеризовать круг употребления слова, например:

(1) *мин.* и *хим.* («...в сочинениях по минералогии» и «...в сочинениях по химии») — *аморфный* (вариант: *аморфический*; «не имеющий кристаллического строения»), *лог.* и *ритор.* («логический термин» и «...в риторике») — *аргумент* («довод; причина или основание, приводимое в доказательство чего-л.»), *псих.* и *лог.* («...в сочинениях по психологии» и «логический термин») — *ассоциация* 3 («ассоциация идей, невольное возбуждение одного представления или одной мысли другими; сцепление, сопряжение идей»), *плотн.* и *стол.* («...в плотничьем ремесле» и «...в столярном ремесле») — *брóвка* 2 («кромка, отобранная выпуклым ободком, ребристую полоскою»), *фармак.* и *техн.* («...в фармакологии, у фармацевтов» и «...техническое, в технологии употребительное») — *вазели́н* («жироподобное вещество...»), *кузнеч.* и *плотн.* («...в кузнечном ремесле» и «...в плотничьем ремесле») — *вы́колотка* 4 («болт для выколачивания болтов и заклепок»), *кристаллогр. опт.* («...в сочинениях по кристаллографии», «...в сочинениях по оптике») — *двуо́сный* («имеющий две оптические оси»), *торг.* и *бухгалт.* («...торговое, в торговом деле употребительное» и «...в бухгалтер-

рии, в счетоводстве») — *де́бет* («приход, приходная (правая) страница купеческой книги...»), *мин.* и *геол.* («...в сочинениях по минералогии» и «...в сочинениях по геологии») — *доломи́т* («минерал, состоящий из двойной углекислой соли кальция и магния...»);

(2) *форт. стар.* («...в сочинениях по фортификации») — *а́бши́т* («оборонительная ограда...; ныне *ретраншемент*»), *мат. стар.* («...математическое») — *ана́литика* 1 («приложение алгебры к геометрии»), *филос. стар.* («...философское, в философском языке употребительное») — *а́том* («мельчайшая, неделимая частица материи»), *стар. архит.* («...в сочинениях по архитектуре») — *бо́чка* 4 («так называлась в деревянном зодчестве кровля, устроенная в виде положенной над зданием бочки»; это слово дано в разделе «Опечатки и поправки»), *воен. стар.* («...употребительное в военном деле, в военных науках») — *вагенме́йстер* («чин, наблюдавший за лошадьми, упряжью, исправностью казенного обоза и проч.; ныне, как и до Петра В., обозный»), *анат., стар.* («...употребительное в сочинениях по анатомии») — *вздо́х* 2 (в форме *мн. ч. вздохи*: «боковые части живота от ребер до тазовых костей...»), *мор. стар.* («...морское») — *гале́а́с* («большая венецианская галера, трехмачтовое гребное судно»), *бот. стар.* («...употребляемое ботаниками, в сочинениях по ботанике») — *двоеси́льный* («принадлежащий к классу, в котором из четырех тычинок цветки имеют две длиннее других»);

(3) *бот. малоупотр.* («...употребляемое ботаниками...») — *бодéц* 3 («у некоторых растений медовый сосудец позади венчика, протягивающийся наподобие конуса... Теперь употребительнее *шпо́рец*»), *малоупотр. мор.* («...морское») — *вель* 2 («пространство, огражденное в трюме корабля около грот-мачты...; ляло»), *горн. малоупотр.* («...употребительное в горном деле, в сочинениях по горному делу») — *дровени́к* 1 («то же, что дровосéк 1», где *дровосéк* 1 — «рубящий лес на дрова»).

В современных толковых словарях также используются разнообразные сочетания помет для характеристики специальных слов; см., например, в Словаре Евгеньевой: *Абсо́рбция* *Физ., хим.* Поглощение, всасывание; *Инфанте́рия* *Воен. устар.* Пехота; *Ма́сло* 2. ... || *Иск. разг.* О картине (картинах), написанной масляными красками.

4. Вслед за рассмотрением отраслевых помет целесообразно обсудить использование в Словаре Грота ремарок, или вводов (п. 4.1), а также вопрос о соотношении ремарок и помет (4.2).

4.1. Ремарки (вводы) при единицах специальной лексики. Пометы были в Словаре Грота основным, но не единственным средством маркирования специальной лексики. Следует напомнить, что для отражения специального характера языковой единицы первоначально в академической лексикографии использовались только те средства, которые в современных лингвистических работах получают наименование ремарок, вводов (называемых так по их препозиции к толкованию) или комментариев*. Ни в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг., ни в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» 1806–1822 гг. еще не было какой-либо совокупности стилистических помет-сокращений, указывающих на специальную сферу применения слова или словосочетания. В то же время в первом из названных словарей встречаем ремарки «Речение химич.», «В торговле...», «В карточной игре значит: ...», «В плотничной работе: ...», «У кузнецов...» и др.; во втором находим ремарки «В стихотворстве: ...», «В логике: ...», «Так называются в землеописании...» и др. Начиная со Словаря 1847 г. в каждом академическом толковом словаре применяются (в различном соотношении) и пометы, и ремарки. В Словаре Грота подобные ремарки, хотя и не упомянутые в предисловии, многочисленны и разнообразны; они могли использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с пометой. Ремарки обычно отделялись от собственно толкования двоеточием. Обобщенно можно выделить несколько основных структурных разновидностей ремарок (различных по частоте использования)**.

* В частности, лексикографический термин *ремарка* используется в работах О.Н. Емельяновой; см., например, [Емельянова 2004].

** Приводимые далее разновидности названы основными, поскольку в Словаре Грота встречаются и другие виды ремарок, например [Подчеркивания наши. – А.Ц.]: **Глаголь** 5. Глаголи, лей, *мн. Горн. На языке рабочих*: всякие брусья в виде буквы Г; **Двучлѣнный** Имеющий два члена. *Двучленное количество. Двучленный период. Грамм. По терминологии Павского*: прилаг. полной формы, напр. *добрый* в противоположность одночленному, под которым он разумеет прил. краткой формы, как напр. *добр*; **Десятижѣнство** *Бот. Стар. В системе Линнея*: растения, имеющие десять пестиков.

(1) **У + род. пад., только мн. ч.** (название лиц по профессии, роду занятий), например:

Вѣко 3. У мелочных торгашей: отлогий ящик, в котором носят на продажу разные мелочи. *Гребеночное веко*; **Весѡк** 2. У соловаров: ареометр, показывающий густоту или крепость рассола; **Водовѣк** 3. У плотников: водяной уровень, ватерпас; **Вуаль** 2. У фотографов: изъяз на негативе (при проявлении), когда отпечатываемые с него изображения кажутся как бы подернутыми туманом; **Выбира́ть** 7. У плотников; **Вѣколотка** 2. У сапожников; **Глазирова́ть** 2. У кондитеров: обливать прозрачным слоем (пленкой) сахарного раствора фрукты, пироги и т.п.; **Грѣвенка** 3. У портных: часть платья на плече между рукавом и воротом; **Грудни́к** У мясников: деревянная распорка, на которой вешают грудину или тушу; **Грунтова́ть; загрунтова́ть, нагрунтова́ть** У живописцев и маляров: наводить или класть грунт, делать подмалевку или подмазку. *Загрунтовать крышу. Нагрунтовать холст для картины*; **Долѣчное** У иконописцев: одежда на иконе; **Духовѡй** 3. У псовых охотников: имеющий острое чутье. *Духовая собака*.

(2) **У + род. пад.** (название машин, инструментов, технических деталей и т.п.), например:

Ба́бка 8. У плотин один из брусьев с пазами, по которым поднимаются и опускаются творила и вешняки; **Ба́бка** 11. У токарных станков каждая из двух стоек, между которыми укрепляется обрабатываемая вещь; **Взвод** 3. У ружейного замка: внутреннее колесо с зазубринами. *Поднять курок на первый взвод*, т.е. лишь настолько, что не может быть нечаянного выстрела; **Гряди́ль** У плуга: брус, к которому прикреплены другие части; дрога, укрепляемая в коле рукоятей и связываемая с полозом или подошвой стояком; **Гу́зка** 5. У типографских литер: тот конец, на котором находится буква; **Ду́шка** 5. У солдатского штыка: колено перпендикулярное к стволу и соединяющее лезвие с трубкою, надеваемого на ствол.

(3) **В (на) + предл. пад.** (специальная сфера, особое место или процесс, в котором используется описываемый предмет, наблюдается некоторое явление и т.п.), например:

Атрибу́т. 3. *Грамм.* В синтаксисе: определительное слово; у французов: сказуемое; **Ба́ра́н** 10. В москворецком судостроении: петля, узел, заворот. Отсюда происходит выражение: *Эх, бечеву-то избаранило*, т.е. свернуло во множество петель и узлов; **Бе́гун** 5. На мельницах: жернов, вращающийся в вертикальной плоско-

сти. 6. На пороховых мельницах: металлический цилиндр, которым растирается пороховой состав. 7. В фейерверочном искусстве: фарсовое колесо, вертящееся по горизонтальному кругу около неподвижного центра. 8. В строительном искусстве: русло, пространство между двумя рядами шпунтовых свай или досок, для протока воды под ковши мельничных колес; **Винтра́нец**... *Мор.* В кораблестроении: горизонтальный брус, служащий основанием кормовой части, на котором утверждены нижние концы контр-тимберсов. Сравни. **тра́нец**; **Вы́стилка** 3. В карточной игре: все карты одной масти; **Глуха́рь** 2. На железных заводах: рабочий, которого сажают в котел для отбивания молотом болта, вбиваемого с наружной стороны: при выходе оттуда он несколько времени ничего не слышит; **Го́лти́на** 1. *Горн.* На уральских железных заводах: цельные древесные стволы, употребляемые на топливо при пожог руд; **Грязь** 2. На медеплавильных заводах: нечистота, всплывающая на поверхность расплавленной меди в очистительном горне, после того как промешают медь сырым деревянным шестом, или так называемую дразнилку; гаркрец. || На свеклосахарных заводах: выварки, осадок и всплыв при очистке сахару. || В углежжении: смесь угольной земли с обыкновенною для покрытия угольного костра; **Дневáльный** В войсках: рядовой, наряжаемый в помощь дежурному по роте, эскадрону или батарее; **Дре́вность** 3. В геологии: относительное старшинство по времени существования и образования. *Древность гранита весьма различна*; **Дубле́т** 3. В бильярдной игре: такой удар, когда играющий ударяет шар противника своим шаром, заставляя сей последний прежде удариться о борт бильярда.

При внимательном изучении словарных выборок обращают на себя внимание несколько особенностей использования ремарок.

1. Специальные значения, относящиеся к различным областям знания и деятельности, получили описание в рамках одной словарной статьи, т. е. как значения (или оттенки значения) многозначного слова, а не как омонимы — представители «межнаучной терминологической омонимии» (А. А. Реформатский); см. выше слова *бегу́н* и *грязь*. Подобный подход к описанию специальной лексики типичен для современных толковых словарей; см., например, в Словаре Евгеньевой: **Сегме́нт** 1. Часть круга, ограниченная дугой и ее хордой, а также часть шара, отделенная секущей плоскостью (*мат.*). || Фигура или предмет такой формы. || *Тех.* Название некоторых

деталей такой формы. 2. *Зоол.* Один из продольно расположенных члеников тела, из которых состоит организм некоторых животных. 3. *Анат.* Один из нескольких однородных участков, из которых состоят некоторые органы, части тела и т. п.*

2. Ремарка могла а) указывать на область, для которой в словаре не было предусмотрено отдельной пометы (например, *бегу́н* 7 — «В фейерверочном искусстве: ...»), б) выполнять роль конкретизатора при помете (например, *атрибу́т* 3 — «*Грам.* В синтаксисе: ...», *винтра́нец* — «*Мор.* В кораблестроении: ...»), в) использоваться вместо имеющейся пометы (например, *дневáльный* — «В войсках: ...», ср. с пометой *воен.*, *дре́вность* 3 — «В геологии: ...», ср. с пометой *геол.*);

3. Ремарками могли снабжаться а) термины, связанные с какой-либо профессиональной деятельностью (например, *атрибу́т* в речи лингвистов, *грунтова́ть* в речи художников), б) термины, не связанные с какой-либо профессиональной деятельностью (например, *вы́стилка* в карточной игре, *дубле́т* в бильярдной игре), в) очень часто — профессионализмы или профессиональные жаргонизмы (ср., например, *весо́к* 2 и синонимичный термин *арео́метр*, *водово́йк* 3 и *ватерпа́с*), г) профессионализмы регионального характера (например, *барáн* 10, *го́лти́на* 1)**.

В ряде случаев специальные единицы, как отмечали исследователи Словаря Грота, не получили необходимой маркировки. Действительно, не имеют при себе ни пометы, ни ремарки, например, термин *дифра́кция* 'уклонение светового луча от прямолинейного направления у краев непрозрачного тела' и профессиональный регионализм *весновáть* 2 'промышлять в весеннее время ловом морского зверя и трески в Северном океане и на Белом море'. Иногда в самом толковании содержалось слово *термин*, указывающее на терминологичность лексикографируемой единицы, например: **Во́льт** 1. Кавалерийский термин в манежной езде: круг, по которому ездят в манеже верхом.

Современные академические толковые словари (как одно-, так и многотомные) в отношении способов маркирования единиц специальной лексики можно разделить на: 1) словари с детально разработанной си-

* Об описании в Словаре Грота терминов, имевших различное происхождение, см. ниже п. 5.

** Ср. также иное оформление сходных регионализмов, например: **Вча́ливать** *Мор.* На Волге и Каме: привязывать якорь к канату (шейме).

стемой отраслевых помет, в дополнение к которой в некоторых случаях используются ремарки (подробнее см.: [Цумарев 2012]), и 2) словари с универсальной пометой *спец.*, в которых широко используются ремарки, в известном смысле компенсирующие отсутствие детализированной системы помет. Примером словаря первого типа может служить Словарь Евгеньевой, примером словаря второго типа — «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (далее — Словарь Шведовой). Словарь Грота — предшественник и яркий образец словарей первого типа.

4.2. Вопрос о распределении помет и ремарок. Если в толковом словаре в качестве средств маркирования специальной лексики используются и пометы, и ремарки, закономерен вопрос: каково соотношение и распределение этих средств? Анализ Словаря Грота позволяет обнаружить непоследовательность в использовании помет и ремарок, наглядным примером чего является следующий фрагмент, в котором однокоренные, семантически соотносительные термины описываются при помощи различных средств — ремарки «В арифметике: ...», а также помет *мат.* и *арифм.*:

Делѣние 2. В арифметике: действие, посредством которого определяется, сколько раз одно число содержится в другом. *Деление дробей. Он дошел до деления. Деление нацело и с остатком.* || (*Мат.*). *Последовательное деление; Делѣмость 2. Мат.* Свойство числа делиться без остатка на другие числа. *Делѣмость числа; Делѣтель 2. Арифм.* Число, на которое делится другое заданное число. *Общий наибольший делитель. Первоначальные или простые делители; Делѣть 2.* В арифметике: узнавать посредством деления, сколько раз данное число содержится в другом.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что и в современных авторитетных толковых словарях мы, к сожалению, не находим явно выраженных в предисловии и последовательно реализованных в словаре правил использования помет и ремарок; см., например, в Словаре Шведовой: **Одночлѣн** Алгебраическое выражение, являющееся числом или произведением числа и букв; **Двучлѣн** (спец.). Алгебраическое выражение — многочлен, состоящий из двух одночленов; **Бинѳм** В математике: двучлен.

Следует признать, что этому аспекту описания специальной лексики до сих пор не было уделено должного внимания. Таким об-

разом, актуальной лексикографической задачей остается выработка правил взаимодействия и распределения отраслевых помет и ремарок в общем толковом словаре.

5. Специальные слова, квалифицируемые как омонимы.

По наблюдению Л.Л. Кутиной, Я.К. Гротом впервые в академической лексикографической практике была сформулирована «позиция по отношению к словам-омонимам. Омонимами в Словаре Я.К. Грота считаются одинаково звучащие слова разного происхождения» [Кутина 1957: 62]. Перед каждым омонимом, представленном в отдельной словарной статье, ставился соответствующий номер, например: **1. Бѣйка** (от *гл.* бѣять). Сказка, присказка; колыбельная песенка, припев для усыпления ребенка. **2. Бѣйка** (нем. *Boi*). Шерстяная материя, грубее фланели и тоньше фриза.

Выделение омонимов, связанное с уточнением этимологии лексикографируемых слов, коснулось и сферы специальной лексики. Омонимы могли принадлежать как к одной сфере употребления (см. *бѣнка*² и *бѣнка*³), так и к различным сферам (см. *бѣнзель*¹ и *бѣнзель*²). Сравнение одноименных словарных статей из Словаря 1847 г. и Словаря Грота свидетельствует о большой словарной работе, проделанной Я.К. Гротом с опорой на предшествующий лексикографический источник:

Словарь 1847 г.	Словарь Грота
Бѣнка , и, с. ж. 1) Сосуд с широким горлом. <i>Банка табаку.</i> 2) Стекланный шарообразный сосуд, употребляемый для метания подкожной крови. 3) <i>Мор.</i> Всякое значительное возвышение морского дна, препятствующее плаванью корабля. <i>Судно встало на подводную банку.</i> 4) Доска, расположенная поперек гребного судна и соединяющая бока. 5) Пространство между каждыми двумя орудиями в том деке корабля, который отводится для жилья матросов.	1. Бѣнка , и, ж. (польск. <i>banka</i> , уменьш. от <i>bania</i> горшок) 1. Сосуд с широким горлом. <i>Банка табаку.</i> 2. Стекланный шарообразный сосуд, прикладываемый к коже над больным местом, в который, при разряжении воздуха, всасывается кожа, а с нею и кровь, отходя таким образом от лежащего глубже органа в насадки, сделанные на коже. <i>Ставить банки.</i> 2. Бѣнка... (нем. <i>Bank</i> мель) 1. <i>Мор.</i> Всякое значительное возвышение морского дна, могущее затруднять плавание корабля. <i>Судно встало на подводную банку.</i> 3. Бѣнка... (нем. <i>Bank</i> скамья). 1. <i>Мор.</i> Всякая поперечная скамья на гребном судне для сидения. 2. Пространство между каждыми двумя орудиями в том деке корабля, который отводится для жилья матросов.

Бё́нзель , я, с.м. <i>Мор.</i> Связывание двух веревок третьейю короткою тонкою веревочкою.	1. Бё́нзель , я, м. (гол. bindzel). <i>Мор.</i> Перевязка двух тросов тонкой веревкой и связка концов одной и той же веревки. 2. Бё́нзель , я, м. (нем. Pinsel). У маляров мелкая кисть.
Гик , а, с.м. 1) <i>Мор.</i> Жидкая смола, смешанная с густою. <i>Гиком</i> смолят суда. 2) <i>Мор.</i> Горизонтальное дерево, идущее от бизань-мачты к корме судна. 3) Крик в легкой коннице, при стремительном нападении.	1. Гик , а, м. Крик в легкой коннице при стремительном нападении. ...И вот из леса, из опушки Вдруг с гиком кинулись на пушки. Лерм. Валер. 2. Гик , а, м. (гол. gijk) <i>Мор.</i> Горизонтальное рангоутное бревно, идущее от бизань-мачты к корме судна. <i>И. Т., облокотясь на гик, смотрел в даль.</i> Фрег. Палл. 3. Гик , а, м. (фр. gui) <i>Мор.</i> Жидкая смола, смешанная с густою. <i>Гиком</i> смолят суда.

В академических толковых словарях XX века, безусловно, также нашла отражение терминологическая омонимия. В [Инструкция 1953] вопросам описания омонимов (включая омонимы-термины) была посвящена отдельная глава, в которой говорилось: «Принцип выделения омонимов в Словаре — структурно-семантический» [Там же: 23], и, помимо омонимов — слов разного происхождения, были выделены «слова общего происхождения, у которых разрыв семантических связей сочетается с установлением структурных особенностей» (среди последних важнейшая роль признавалась за словопроизводственными отношениями). Ср. примеры: 1) **Гипёрбола**¹ В поэтике: слово или выражение, заключающее в себе преувеличение для создания художественного образа; **Гипёрбола**² В математике: состоящая из двух ветвей незамкнутая кривая, образующаяся при пересечении конической поверхности плоскостью (Словарь Шведовой); 2) **Тра́верс**¹ 1. ...*Воен.* Поперечное прикрытие (насыпь), защищающее от огня с флангов или с тыла; **Тра́верс**² *Спорт.* Переход альпинистов по маршруту, проходящему по гребню горного хребта и соединяющему несколько вершин (Словарь Евгеньевой).

В Словаре Грота мы наблюдаем постепенное формирование того подхода к представлению терминов-омонимов, которым общая толковая лексикография отличается от терминоведения. С позиции терминоведа, «...омонимия по отношению к терминологии может быть охарактеризована только как межсистемное явление: либо это термины разных терминосистем (тип: *деривация* в лингвистике, во-

енном деле и др.), либо это термины лексико-семантического способа образования, ставшие омонимами по отношению к породившим их словам (тип: *гусеница, нос, голова*) общелитературного языка» [Даниленко 1977: 72]. Таким образом, при указанном подходе *деривация* в лингвистике, *деривация* в военном деле, *деривация* в гидротехнике — омонимы, каждый из которых описывается в соответствующем отраслевом словаре. Однако в общем толковом словаре, термины различных наук сводятся в один словник, и совпадающие по форме термины, имеющие известную семантическую общность, описываются в одной словарной статье (статье многозначного слова): **Деривация** (спец.). **1.** Боковое отклонение снарядов и пуль при полете. **2.** Отвод воды от русла реки по каналу. **3.** То же, что словопроизводство (Словарь Шведовой). Что касается примеров типа *гусеница*, то полезно привести следующее характерное высказывание: «Обособление значения слова в силу специализации его, превращения в термин далеко не всегда являются основанием для того, чтобы рассматривать специальные значения как отдельные слова. Отдельным словом терминологическое значение можно считать лишь при наличии полного семантического отрыва его от прочих значений данного слова и при установлении особенных структурных отношений его в системе современного языка» [Инструкция 1953: 28].

6. Перейдем к рассмотрению вопросов описания семантики специальных слов в Словаре Грота. Среди этих вопросов — выделение специальных значений и толкование терминологической и профессиональной лексики (п. 6.1), использование приема группирования специальных значений (п. 6.2), лексикографическое отражение дестерминологизации специальной лексики (п. 6.3).

6.1. Разработка семантического описания специального слова (выделение значений и толкования). В целом более точное словарное отражение семантической структуры слова — известное достоинство Словаря Грота*. В частности, исследователь творче-

* Некоторые термины приводятся в Словаре без необходимого толкования, как если бы это были речения, сопровождающие уже имеющееся толкование. Так, например, без толкования приводится лингвистический термин *дополнение* или составной архитектурный термин *дорический орден*: **Дополнение** 2. То, что дополняет или служит прибавлением; прибавка, добавка. *Дополнение к книге.* || *Грамм. Дополнение прямое и косвенное; Дорический Дорический орден* (в *Архит.*). Подобные недостатки не отменяют, однако, того факта, что в целом в Словаре Грота сделан заметный шаг вперед в семантическом описании лексики, включая лексику специальную.

ства Я.К. Грота Г.П. Галаванова пишет: «В Словаре устанавливается более тесная и последовательная связь значений слова, прослеживается “историческое развитие значений слова”, где это более или менее очевидно; на первом месте ставятся прямые значения, а затем переносные» [Галаванова 1953: 17]; «...словарь русского языка под ред. Я.К. Грота сделал новый шаг по пути дальнейшего улучшения и усовершенствования смыслового анализа и характеристики слова» [Галаванова 1998: 234].

Нередко слова со специальными значениями, уже описанные в предшествующих словарях, отличаются более точной лексикографической характеристикой (представлением их семантической структуры и толкованием), кроме того, детальное описание получают слова, впервые включенные в состав общего толкового словаря русского языка.

Во многих других случаях достоинства толкования, приводимого в Словаре Грота, очевидны. В частности, астрономический термин *аберрация* в Словаре 1847 г. неудачно толкуется как ‘видимое уклонение светил, происходящее от того, что скорость света не бесконечно велика’; в Словаре Грота толкование приобретает вид: ‘различие между видимым и действительным положением звезды, происходящее от времени, потребного на движение света’. Термин-словосочетание *нóтная áзбука* в Словаре 1847 г. определяется как ‘степени музыкальных звуков и человеческого голоса, изображенные принятыми знаками или нотами’; в Словаре Грота *нóтная áзбука* — это ‘собрание знаков для изображения звуков музыкальных или человеческого голоса’.

Одним из примеров более точного и осмысленного, по сравнению со Словарем 1847 г., описания специальных значений (оттенков) в семантической структуре слова может служить фрагмент статьи «Голова». При одинаковом количестве выделенных у этого слова значений (семь в каждом словаре) существенно различается та часть словарной статьи, которая посвящена описанию слова *голова* в его специальных употреблениях. В Словаре 1847 г. в седьмом значении слова *голова* ряд специальных выражений (*голова колонны*, *голова кометы* и т.д.) приводился без ясного указания на то общее, что имеется у этих выражений, и попеременно с выражениями неспециальными (*голова стрелецкий*, *глупая голова* и т.п.). В Словаре Грота те же самые специальные выражения

компактно сгруппированы в составе особо выделенного четвертого значения. Толкование четвертого значения (ср. с толкованием прямого, первого значения «верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая в себе мозг») включает в себе то общее, что автору словаря удалось выявить в содержании всех следующих затем специальных оттенков* или устойчивых словосочетаний — «верхняя, передняя часть»; иные употребления, не относящиеся к специальным сферам применения слова *голова*, уже не смешивались со специальными.

Словарь 1847 г.	Словарь Грота
7. В горном деле: верхняя часть горного и земляного буров промывального верстака, угольной кучи, рудной жилы; сторона чугунной крицы, обращенная к меховому соплу, при прокатке этой крицы в горну. — <i>Голова стрелецкий</i> . Стар. Начальник стрельцов. — <...> <i>Голова колонны</i> . Воен. Первые ряды колонны. — <i>Голова руля</i> . Мор. Верхняя часть руля. — <i>Голова кометы</i> . Астр. Главная часть кометы, имеющая вид закругленный со стороны солнца и заключающая в себе ядро, из которого выходит хвост кометы, обращаемый всегда в противоположную от солнца сторону. — <i>Глупая, тупая, пустая голова</i> . Человек, ограниченный в умственных способностях; дурак. — <...>.	4. Верх, передняя часть, начало чего-нибудь. <i>В самой голове... ключей или родников живет форель</i> . С. Акс. Зап. об уж. р. <i>Воен. Голова колонны</i> , первые ряды колонны. <i>Горн</i> . Верхняя часть горного или земляного буров, угольной кучи, рудной жилы и т.п. <i>Мор. Голова руля</i> , верхняя часть руля. <i>Астр. Голова кометы</i> , главная часть, заключающая в себе ядро, из которого выходит ее хвост. <i>Форт</i> . Голова сапы, минной галереи.

В Словаре Грота были отмечены случаи развития у зафиксированных в предшествующих словарях слов новых, специальных значений (оттенков значений). Так, если в Словаре 1847 г. слово *вложение* описывается только как «действие вложившего», то в Словаре Грота словарная статья этого слова обогащается

* В Словаре Грота использовался знак || — «знак отделения, особенно оттенка значений одного и того же слова, или для отделения одного примера от другого» [Словарь Грота 1895: VIII].

за счет включения в нее особого, терминологического значения: **Вложéние** 1. Действие, от *гл. вложѣть*. 2. *Почт.* Вложенный предмет, напр. деньги или ценности в отправляемых по почте пакетах. Сходным образом слово *внушение*, истолкованное в Словаре Грота приобретает специальный оттенок: **Внушéние** 1. Действие, от *гл. внушѣть* и *внушáть*. || *Мед.* Гипноз. *Лечить внушениями*.

Примером термина, отсутствовавшего в Словаре 1847 г. и детально описанного Гротом, может служить морской термин *бáкштаг*, у которого выделено три значения: **Бáкштаг** (гол. *bak* передняя часть корабля и *stag* канат). *Морск.* 1. Цепной, проволочный или пеньковый трос, служащий для укрепления с боков мачты, трубы, боканцев и проч. 2. Попутный косой ветер, между полным и полуветром. 3. Самое плавание при этом ветре. *Корабль шел в бакштаг*.

В некоторых случаях дифференциация значений была, как представляется, избыточной. Так, например, у термина *абулія* в качестве первого значения искусственно было выделено немаркированное пометой значение «безволие, отсутствие воли»: **Абулія** 1. Безволие, отсутствие воли. 2. *Психиатр.* Потеря воли, способности хотения.

6.2. Группы специальных значений. При анализе Словаря Грота в аспекте смысловой характеристики специальных слов особое внимание хотелось бы обратить на то, что одним из способов лексикографической интерпретации и структурирования языкового материала было разбиение номерного значения на подзначения при помощи букв а, б, в и т. д. В качестве примера возьмем словарную статью «Гармония», как она представлена в Словаре 1847 г. и в Словаре Грота:

Словарь 1847 г.	Словарь Грота
Гармонія, и, с. жс. 1) Соразмерное отношение частей целого в расположении и размещении их. 2) <i>Муз.</i> Согласие, соотношение различных частей музыкальной пиесы между собою и к целому. 3) <i>Муз.</i> Правильное отношение между собою нескольких тонов, используемых одновременно. 4) <i>Муз.</i> Современное совокупление созвучных тонов; аккорд. 5) <i>Муз.</i> Движение, последовательность основного баса в музыкальной пиесе. 6) Наука о созвучиях.	Гармонія, и, жс. (гр. <i>ἀρμονία</i> от <i>ἀρμόζειν</i> прилагать). 1. <i>Муз.</i> а) Согласие, соотношение различных частей музыкальной пиесы между собою и с целым; вообще: благозвучие, сладкозвучие, приятность звуков. Когда бы все так чувствовали силу Гармонии! Моц. и Саль. Как тихая твоя [ручья] *гармония приятна! Жук. б) Правильное отношение между собою нескольких тонов, исполняемых одновременно. в) Одновременное сочетание нескольких тонов; аккорд. г) Движение, последовательность основного баса в музыкальной пиесе. д) Наука о созвучиях. 2. Благозвучие. [Язык наш] <i>богаче гармониею нежели французский</i>. Карамз. О любви к отеч. 3. Вообще: согласие, соответствие в произведениях природы и искусства. <i>Гармония красок, форм. Гармония чувств и мыслей</i>. Все в ней гармония, все диво. Пушкин. Н. Н. Гонч. Порой опять гармонией упьюсь. Пушкин. «Безумн. лет»... * Душевное согласие между людьми, между родственниками, супругами и проч. <i>Между ними установилась полная гармония</i>¹.

¹ Знак * означает «в переносном значении».

Преимущества семантического описания слова *гармония* у Грота (с добавлением этимологических сведений, а также речений и иллюстраций) очевидны: 1) менее архаичным стал язык толкований, 2) сделана попытка представить четкую градацию значений — от терминологических ко все более расширительным и переносным, 3) терминологические значения слова представлены в виде единого блока и при этом не смешиваются.

Группировка значений, относящихся к одной специальной сфере, с использованием литер а, б и т. д. представлена также в словар-

ных статьях слов *акт* 4 (филос.), *бассейн* 2 (геол.), *башима́к* 5 (мор.), *вилка* 2 (горн.), *вы́пуск* 6 (горн.), *держáва* 7 (горн.), *дефе́кт* 2 (типогр.) и др.*

Как показывает история русской лексикографии, идея группирования значений слов, в том числе значений специальных, оказалась очень продуктивной. В лексикографии XX века была продолжена разработка средств и способов наиболее точного представления семантической структуры слова. Так, в [Инструкция 1958: 28], помимо арабских цифр, отделяющих значения многозначного слова, для слов со сложной семантической структурой была предусмотрена возможность использования дополнительных обозначений в целях «лучшей обозримости материала» (римские цифры и заглавные буквы А, Б, В и т. д.) и «указания на более частные деления словарной статьи» (строчные буквы а, б, в и т. д.); в лексикографических работах конца XX — начала XXI века было предложено систематически использовать «блоки лексем (значений)», т. е. «группы таких лексем, которые семантически ближе друг ко другу, чем к другим лексемам данного слова» [Апресян 2009: 438], а также выдвинут «принцип семантического гнездования», заключающийся в том, что «одноплановые в понятийном отношении значения (или употребления) концентрируются под общим для них признаковым значением или значением с широкой семантикой, а при его отсутствии — под обозначенной в скобках “идеей”», при этом «каждый блок получает свою дополнительную (римскую или буквенную) нумерацию» [Корованенко 1995: 66].

Одним из примеров использования литер для семантического структурирования специальных значений в толковой лексикографии XX века может быть следующий: **Класс** 11. В научных и других классификациях: а) *Лог.* Совокупность однородных предметов, обладающих каким-л. определенным качеством, свойством, отношением, б) *Биол.* Одно из крупных подразделений в систематике растений и животных. *Класс млекопитающих. Класс земноводных. Класс двудольных растений,* в) *Мат.* Подразделение чисел — со-

* Ср. вместе с тем иное характерное для Словаря Грота употребление букв а, б и т. д. — при толковании омонимичных терминологических словосочетаний, принадлежащих к разным специальным сферам: **1. Дóнный...** 2. *Донная доска:* а) *Артил.* Нижняя доска, на которой утверждены станины единорожного станка. б) *Горн.* Чугунная доска, образующая дно кричного горна.

вокупность цифр трех соседних разрядов чисел. *Первый класс составляет единицы, десятки и сотни* (Словарь Евгеньевой).

6.3. Детерминологизация терминов: развитие переносных значений.

Более тонкая семантизация слов в Словаре Грота выражалась, в частности, в стремлении к отражению переносных и расширительных значений; ср.: **Анти́христ...** *Церк.* 1. В собственном смысле: противник Христу, имеющий явиться пред кончиною мира для противодействия христианству. 2. В общем смысле: всякий противник Христа, противодействующий успехам Евангелия или отвергающий его догматы (1 Иоан. 2, 18; 2, 22). Употребл. и в бранном смысле.

В Словаре 1847 г. слово *антихрист* толковалось лишь как «противник Христу» (основное и расширительное значения не были дифференцированы).

В Словаре Грота нашли отражение процессы освоения терминологии широким кругом носителей русского языка XIX века, ее детерминологизации*. «Образные сопоставления фактов общественной и духовной жизни с фактами и явлениями, открытыми наукой о природе», о которых писал Ю. С. Сорокин, приводили к появлению у терминов переносных употреблений и значений (ряд примеров рассмотрен в книге [Сорокин 1965]). Безусловно, метафоризацию претерпевали не только научные, в частности, естественно-научные, термины, но также и термины искусств (театральные, музыкальные и т. д.). Обычно (но не всегда, см., например, *декорация* 2) переносные значения отмечались знаком * и (или) вводились при помощи семантической пометы «Вообще: ...», например:

Амальга́ма *Хим.* 1. Сплав металла со ртутью; сортучка. 2. *Вообще: смесь; **Антра́кт...** *Театр.* 1. Междудействие, промежуток между актами драматического представления или между двумя играемыми на театре пьесами. 2. *Муз.* Музыкальные пьесы, специально сочиненные для исполнения между актами драматического произведения и служащие вступлением ко второму и последующим его актам. 3. Вообще: перерыв, остановка. *За этим последовал антракт;* **Апоге́й...** *Астрон.* 1 ... 2. * Высшая степень какого-нибудь

* «Детерминологизация — это заимствование слова из терминологической системы и полное освоение его литературным языком» [Капанадзе 1968: 182].

состояния, вершина; **Артерия** ... *Анат.* 1. Боевая, бьющаяся жила... 2. * Обширный или ветвистый путь сообщения, важный для торговли или промышленности. *Волгу называют артерией России*; **Атмосфера** 1. Газообразная оболочка земли, а также других небесных тел. *Атмосфера планеты Марса*... 2. * Умственная среда, в которой кто-л. обращается... *Атмосфера двора и столицы*; **Вариация** 3. Муз. Изменение темы введением новых, чуждых ей нотных фигур или преобразованием гармонии, такта, ритма. *Тема с вариациями*. || Отсюда вообще: **Вариации, ций, мн.*, видоизменения, напр. в рассказе или слухе; то же что варианты. || *Вариации на ту же тему*; **Гипотеза** 1. Лог. В науке: предположение с целью объяснить посредством его ряд явлений, без него не объяснимых. 2. Вообще: предположение, догадка, домысел; **Дебют** 1. *Театр*. Выход в первый раз на сцену; вообще: первое появление перед публикою; первая публичная проба своих сил; **Декорация** 1. *Театр*. Вид или изображение на сцене места, где происходит драматическое действие. 2. Внешность, за которою ничего не скрывается.

Фиксация переносных значений у терминов является важной частью их современного лексикографирования: «...обычные толковые словари фиксируют не только собственно терминологическое значение того или иного слова, но и его переносные смыслы, а также коннотации» [Крысин 2013: 98]; ср., например: **Алгоритм** 1. В математике, кибернетике: последовательность правил, действий для решения данной задачи. ...3. *перен.* Система действий, операций, правил, приводящих к получению строгого результата (книжн.); **Медитация** 1. Состояние глубокой умственной сосредоточенности на чем-н. одном, отрешенность от всего остального; действие, приводящее в такое состояние (спец.). 2. Вообще глубокие размышления, сосредоточенность на чем-н. (книжн.) (Словарь Шведовой).

Появление у термина переносного значения — явное свидетельство освоения его общим языком и веский аргумент в пользу включения данного термина в словник общелингвистического толкового словаря.

7. Специальные слова и их варианты. Теория терминологической вариантности получила развитие в XX веке (см. обзор терминоведческих работ в статье [Шелов, Цумарев 2013]). Многие вопросы, касающиеся вариантности терминов (в частности, вопрос

о соотношении вариантности и синонимии), не получили общепринятого решения. Между тем реально наблюдаемая в речи вариантность терминологических номинаций (естественная и неизбежная особенно на этапе закрепления термина в языке, и часто — термина заимствованного) отражалась уже первыми академическими словарями (наряду с вариантами общеупотребительных слов). Знакомясь со Словарем Грота, мы обнаруживаем целый ряд случаев фиксации терминологических и профессиональных вариантов*:

1) акцентных, например: **Диспепсия Диспепсия** } *Мед.* Трудное пищеварение;

2) фонематических, например: **Бинómия**, и, *ж.* **Бинóm** } *Мат.* Выражение, состоящее из двух членов; двучлен, двучленное количество. *Бином Ньютона*; **Дрель Дриль** } У часовщиков и слесарей: сверло, приводимое в движение струною или бечевою, натянутою на лучок, или же с винтовой нарезкою гайкою,двигающеюся по винтообразной нарезке стержня;

3) словообразовательных, например: **Вáбить Вáбление** } *Охотн.* Действие, от *гл.* вáбить**;

4) синтаксических (слово — словосочетание), например: **Галой́дное вещество Галóйд** } *Хим.* Одно из простых веществ (элементов), имеющих способность заступать в солях место кислотных радикалов.

Для указания на варианты также использовались отсылки (сокращения «См.»), например:

(1) **Ба́кан**... *Морск.* См. бакен. **Ба́кен**... *Мор.* Большой плавающий буй, бросаемый на якорь в воду для обозначения мели;

(2) **Бахтарма́.** См. **Бухтарма́.** **Бухтарма́** 1. *Кожев.* Мясистые волокна, шершавая клетчатка на внутренней стороне кожи животных; исподняя сторона кожи;

(3) **Галтэ́ль.** См. **Голтэ́ль** и **Голькэ́ль.** **Го́лтэ́ль** *Архит.* См. **Го́лькэ́ль.** **Го́лькэ́ль** 1. *Архит.* Полужелобок, выемка. 2. Столярный инструмент, рубанок, у которого железко выдолблено.

* Варианты входных слов-терминов в Словаре Грота обычно приводились один под другим и объединялись сбоку (справа) с помощью фигурной скобки. Мы приводим упрощенную (в одну строку) запись словарных входов.

** **Вáбить** 2. *Охотн.* Приманивать к себе вабилом птиц, в том числе и ловчих...; также: подзывать волков; **Вáби́ло** *Охотн.* «Пара птичьих, обыкновенно гусиных крыльев, которыми машут, присвистывая, для призыва выношенной ловчей птицы».

В современных толковых словарях также отмечаются разнообразные случаи терминологической вариантности; см., например, в Словаре Евгеньевой: **Диоптрия** и **Диоптрия** *Опт.* Единица измерения преломляющей силы линзы или сферического зеркала; **Пилястр** и **Пилястра** *Архит.* Четырехгранная полуколонна с капителью, одной гранью вделанная в стену; **Прямой** 7. в знач. *суц. прямая*. *Мат.* То же, что прямая линия.

Словарь Грота может служить одним из источников исторического изучения вариантности и нормы в области специальной лексики. В качестве примера возьмем употребляемое в церковном обиходе слово *аналой*, которым обозначается «высокий четырехгранный столик с наклонным верхом, на который во время богослужения полагаются Евангелие, крест и иконы» [Молотков 2008: 12]. В Словаре 1847 г. было зафиксировано слово *аналогий*, с комментарием «в просторечии: налой». Через четыре десятилетия в Словаре Грота, кроме того, фиксируется слово *аналой*, с отсылкой к основному варианту («то же, что аналогий») и «оправдательным примером» *Аналой, стоявший в притворе церкви* (сокращение фразы из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого). Спустя еще сорок лет в Словаре Ушакова остается лишь слово *аналой*, совместившее фонетические черты двух предшествующих вариантов; терминологический вариант *аналогий*, очевидно, более точный этимологически (ср. греч. *ᾠαλοῦγιον*), но явно устарелый, с тех пор оказывается за пределами общих толковых словарей.

8. Специальные слова и их синонимы. Помимо вариантности в Словаре Грота богато представлены синонимические отношения, которые могут устанавливаться как между специальными словами (см., например, далее *бином* и *двучлен*), так и между словами специальными и неспециальными (см., например, далее термин *ферзь* и его разговорный синоним *дама*). Синонимические отношения показаны в этом словаре различными способами. Интересный для наблюдений материал дает нам словарная статья «Дама», поскольку в описании каждого из значений реализуется свой способ указания синонимов:

Да́ма 3. В карточной игре: одна из фигур; краля. || *Дама сам-друг*, дама и при ней другая карта одной с нею масти. 4. (чаще: да́мка). В шашечной игре: шашка, доведенная до первого ряда кле-

ток со стороны противника. Сравн. до́ведь. 5. В шахматной игре: то же, что короле́ва или ферзь, важнейшая после короля фигура*.

На примере данной статьи мы видим, что синоним к соответствующему значению специального слова мог приводиться: а) после развернутого толкования (обычно через точку с запятой) (*краля*), б) в особом примечании (*дамка*), в) с помощью сокращения «Сравн.» (*доведь*), г) с помощью формулы «То же, что...» (*королева, ферзь*). Статья, включающая в себя, помимо более или менее развернутых толкований, синонимы, оказывается очень информативной, хотя словарное представление парадигматических связей значений входного слова, к сожалению, не подчиняется в этой статье единому правилу.

Приведем несколько дополнительных примеров отражения синонимии терминов в Словаре Грота:

(1) **Даль** 3. *Худож.* Перспектива; **Держальцы** *Тип.* Штемпель; **Дефиниция** *Лог.* Определение;

(2) **Бензól** *Техн.* То же, что бензи́н; **Двудéчный** *Мор.* О военных кораблях: то же, что двупáлубный; **Двучлén** *Алгебр.* То же, что бино́м, двучленное количество;

(3) **Вытяжнóй** 2. *Хим.* Получаемый вытяжкой, экстрактивный. *Вытяжные вещества*; **Дур** *Муз.* Свойство твердых ладов и аккордов; мажор; **Дéйствие** 4. *Театр.* Одна из главных частей, на которые разделяется драматическое сочинение; акт.

На синоним могло указывать также сокращение «См.» или помета «иначе»: (1) **Выслúшивать** 2. *Мед.* См. Аускультировать, Аускультация; **Дифтóнг**. См. Двугласный;

(2) **Дигéсты** *Юрид.* Собрание решений римских законоведов, составленное по повелению императора Юстиниана, давшего им силу закона. Иначе: *пандéкты*; (3) **Двуглáсный** 1. *Фонет.* Соединение двух рядом находящихся гласных звуков, из которых один (в русском яз. й) произносится так кратко, что образует с другим один слог (иначе: *дифтонг*), напр. *ай, ой* или *йа* (пишется *я*), *йу* (пиш. *ю*).

Следует отметить, что в Словаре Грота зафиксированы синонимы, впоследствии ушедшие из научной речи, например, слово *винословный* (синоним слова *причинный*): **Винослóвный** *Логика*

* Последнее значение в Словаре 1847 г. отсутствовало (хотя в нем были карточное значение с синонимом *краля* и шашечное значение с синонимом *доведь*) и введено Я. К. Гротом.

и *Грамм.* Содержащий в себе причину; причинный. *Винословное доказательство. Винословный период.* || *Винословный союз*, полагаемый между двумя предложениями или периодами, из которых один объясняет причину другого: *ибо, потому что* и проч.

В современных толковых словарях также фиксируются синонимические связи терминов; см., например, в Словаре Евгеньевой: **В́ыпот Мед.** Жидкость, просачивающаяся при воспалительном процессе сквозь стенки мелких кровеносных сосудов и скапливающаяся в тканях или какой-л. внутренней полости тела; экссудат; **Катарáкт 2. Тех.** Устройство для гашения колебаний и ослабления ударов в машинах, железнодорожных вагонах, автомобилях и т. п.; демпфер; **Кра́тность Мат.** Свойство по прил. кратный (в 1 знач.); делимость.

Кажется примечательным также тот факт, что в Словаре Грота, в словарных статьях, посвященных специальным словам, мы можем найти некоторое количество примеров с указаниями на лексические единицы, не синонимичные, однако семантически соотносительные с описываемым словом, например: **Бо́ргес Тип.** Шрифт, немного мельче корпуса, но крупнее петита, употребляемого в этом словаре. Вот образчики всех трех шрифтов: корпус, боргес, петит. **Де́ло 7. Воен.** Особый вид тактического действия или боя между частями двух противных армий; значительнее *стычки* и *сишибки*, но менее важно, чем *сражение* или *битва*.

В ряде современных толковых словарей последовательно выделяется зона так называемых аналогов (термин Ю.Д. Апресяна), связанных с описываемым словом обычно гипонимическими отношениями. Вышеприведенные примеры из Словаря Грота, как представляется, демонстрируют попытки (хотя и спорадические в масштабах всего словаря) указания на место входного слова в ряду его аналогов.

Несмотря на то что в общие толковые словари, как известно, попадают лишь отдельные элементы, фрагменты разветвленных отраслевых терминосистем, для включенных в общий словарь терминов представляется полезным фиксировать сохраняющиеся между ними в общелитературном языке (т.е. ставшие фактом последнего) соответствующие семантические отношения в специально отведенной для этого зоне словарной статьи каждого из аналогов. Так, например, в словарной статье «Аллего́рия» предпочтительно дать указание на термины *метафора* и *символ*, в сло-

варной статье «Ана́мнез» — указание на термин *эпикриз*, в статье «Дори́ческий» — указание на специальные прилагательные *ионический, коринфский, тосканский (ордер)*.

9. Термины-антонимы. «Лексике языка науки антонимия свойственна не менее, а скорее более, чем общелитературной», — отмечала В. П. Даниленко [Даниленко 1977: 79]. В Словаре Грота более или менее последовательно фиксировались не только синонимические, но и антонимические связи терминов. Антонимы помещались после толкования и вводились с помощью семантической пометы *противоп.* («речение противоположное»), например:

Акти́в Торг. Показываемая в балансе промышленного предприятия совокупность движимых и недвижимых, наличных и долговых имуществ, находящихся в действии и в оборотах предприятия и принадлежащих его владельцу. *Противоп.* пассив; **Ана́лиз 2. Лог.** Метод мышления, по которому от действия или последствий восходят к причинам, от сложного к простому и от частного к содержащемуся в нем общему. *Противоп.* синтез; **Де́бет Торг. и бухгалт.** Приход, приходная (правая) страница купеческой книги, на которой отмечены кредиторы и т. п. ...*Противоп.* кре́дит, расходная (левая) страница бухгалтерского счета или книги.

Отношения антонимии отмечены, кроме того, в парах *акциде́нция* (филос.) и *су́щность* (а также *акциде́нция* и *субста́нция*), *вока́льный* (муз.) и *инструме́нтальный*, *восходя́щая черта́* (или *ли́ния*) (генеал. и юрид.; см. в статье «Восходить») и *нисходя́щая черта́*; *вулка́низм* (геол.) и *нептуни́зм*; *дезинтегра́ция* (филос.) и *интегра́ция*, *декреше́ндо* (муз.) и *креше́ндо* и др.

Подобная (после толкования, с пометой *противоп.*) подача антонимов впоследствии нашла применение в лексикографии XX века: «В тех случаях, когда слово имеет четкий антоним, он приводится с пометой *противоп.* в качестве дополнительной характеристики значения толкуемого слова» (Словарь Евгеньевой, с. 8).

10. Термины-словосочетания. В Словаре Грота содержатся не только однословные, но также и неоднословные термины*. Од-

* Некоторые наблюдения над подачей в Словаре Грота неспециальных устойчивых сочетаний (фразеологизмов) содержатся в статье [Хуснутдинов 2010].

нако следует сказать, что в словаре не было необходимого единообразия в подаче устойчивых терминологических словосочетаний. Такое сочетание могло быть дано:

(1) как самостоятельная входная единица (отдельной словарной статьей):

Дательный паде́ж *Грам.* В склонении: падеж, отвечающий на вопрос: кому или чему?;

(2) после толкования входного слова, с выделением терминологического сочетания пометой и курсивом (без выделения знаком ||):

Возвратный 2. *Астрон.* Движущийся обратно. *Геом. Возвратная точка, точка возврата.* Когда кривая линия, дойдя до некоторой точки, возвращается назад, то точка этого перехода называется возвратною;

(3) после толкования входного слова и отделяющего знака ||:

Встречный 2. Находящийся насупротив. ... || *Юрид. Встречный иск*, предъявленный первоначальным ответчиком против первоначального истца в течение производства по первоначальному иску и в том же самом суде, для одновременного или совокупного рассмотрения и решения;

(4) как самостоятельное, номерное значение:

Вилка 3. *Сель.-хоз. Вилка мерная*, снаряд для измерения диаметра деревьев при оценке лесов;

(5) в составе основной статьи, с абзаца, вразрядку:

Бараба́нный... от с. барабан. *Барабанный бой*...

Бараба́нная перепóнка, (*Анат.*) — закрывающая слуховой барабан со стороны уха. *Membrana tympani*.

Таким образом, в Словаре Грота перед нами предстают разнообразные попытки выделения (с помощью тех или иных средств) устойчивых терминологических сочетаний в тексте словарной статьи. В современной толковой лексикографии принято единообразное оформление устойчивых терминологических словосочетаний в тексте одного словаря; ср., например, правило: «...устойчивые сочетания помещаются после объяснения всех значений слова, с абзаца, за знаком ◇ и представляют собой самостоятельный раздел словарной статьи» (Словарь Евгеньевой, с. 8).

11. Примечания и уточнения при специальных словах. Одной из примечательных черт Словаря Грота является то, что в нем

«при некоторых словах даются особые, печатаемые мелким шрифтом примечания, в которых разъясняются вопросы формы, правописания, произношения слов, их употребления и т. п.» [Галаванова 1953: 8]. Данные примечания стали предметом рассмотрения в статье [Виноградов 2013], мы рассмотрим их в связи с вопросами словарного описания специальных слов.

Упомянутые примечания иногда дополняли словарную статью термина. Так, например, в словарной статье «Аммониа́к», помимо этимологической пометы «гр.» («греческое»), после толкования дается развернутая историко-энциклопедическая справка:

Аммониа́к, а, м. (гр.). *Хим.* Соединение азота и водорода, так называемое потому, что оно некогда приготавливалось в Ливии близ храма Юпитера Амона.

Около храма Юпитера Амона (см. Аммоні́т) добывалась поваренная соль, которая поэтому и называлась *sal ammoniacum*. Соединение аммония с соляной кислотой (нашатырь) впервые описывается у арабских писателей. Латинские переводчики называли это соединение также *sal ammoniacum*. Начиная с XII стол. европейские писатели употребляют это название только для поваренной соли.

Вместе с тем, говоря о специальной лексике в Словаре Грота, следует обратить внимание на наличие в Словаре Грота не только тех примечаний (исторических, грамматических, стилистических, нормативных и т. д.), которые приводились с абзаца и мелким шрифтом, но также и на своеобразные лингвистические уточнения, касающиеся, в частности, степени употребительности («употребительнее», «чаще», «употребляемое иногда» и др.)* и нормативности («правильнее», «точнее», «лучше» и др.) терминов-синонимов и оформленные основным шрифтом, без абзацного отступа, например:

(1) **Влом** 2. *Горн.* Углубление, произведенное в рудах или горных породах для успешной их добычи; употребительнее *вруб*; **Вы́катный** Служащий к выкатке. *Горн. Выкатная штольня*, по которой производится откатка руд и пустой породы; чаще: *откаточная*; **Ди́ак** *Геол.* Часто употребляющееся название Пермской системы, основанное на двойственном подразделении ее в некоторых странах Зап. Европы;

(2) **Восто́чен** *Церк.* ...Стихиры, поемые на всенощном бдении (на вечерне и на утрени), правильнее называемые анатоліевыми

*Ср. с пометой *малоупотр.*, о которой говорилось в п. 3.2.

по имени их автора, Анатолия, патриарха Константинопольского (449–458); **Глухóй** 4. Неясный, темный; о звуке: неясственный, негромкий, незвонкий. <...> *Грам. Глухими звуками* многие называют: 1) полугласные *ъ* и *ь* по значению их в старосл. яз. 2) согласные, произносимые без помощи голоса, напр. *ф, п, т*, в противоположность *звонким в, б, д*. Точнее называть первые *безголосными*, вторые — *голосовыми*; **Достигáтельный**, ая, ое. *Достигательное наклонение (Грам.)* или лучше *достигательная форма* неопределенного на -т (иногда на -ть), по употреблению сходная с латин. *supinum* на -tum и литовским на -tū и встречающаяся в русских памятниках до XIV века включительно.

Функционально-стилистический характер имела в Словаре Грота помета *предпочтит.*; см., например, второе (профессиональное) значение слова *бедро*: **Бедрó**, á, *ср. Мн.* Бёдра, бёдр и бёдер. 2. У мясников: сорт мяса соответственно этой части туши (предпочтит.: бедра́).

Кроме того, уточнения могли содержать грамматическую («сохраняется... форма на о»), семантическую («в более тесном смысле») или хронологическую («вошла в употребление в начале восьмидесятых годов») информацию, например: **Владýка** *Цсл.*2.* Название, придаваемое священнику при богослужении. В этом и в след. знач. сохраняется в зват. п. *цсл.* форма на *о*: *Благослови, владыко!*; **Гинеколóгия** *Мед.* Учение о женщине как в здоровом, так и в болезненном состоянии; в более тесном смысле: учение о женских болезнях; **Глáсис** 2. *Мор.* Невысокая защита из броневых плит, установленных наклонно на броневой палубе вокруг машинных и других люков, дымовых труб, вентиляторов и проч.; вошла в употребление в начале восьмидесятых годов.

В следующих словарных статьях уточнения направлены на раскрытие внутренней формы слова в его специальном значении: **Гусáк** 2. У каменщиков: кирпич, вытесанный излучисто. 3. У мясников: внутренности животного, состоящие из дыхательного горла, легкого, сердца и печенки (по сходству формы этих потрохов с фигурой летящего гуся); ливер. *Телячий гусак*; **Драёк** *Мор.* Цилиндрический

* Помета *Цсл.* означала «церковно-славянское» (ср. с пометой Церк. «речение церковное»), вместе с тем наименование *владыко*, по-видимому, можно рассматривать как специальное слово (наряду со словами *высокопреосвященство*, *святейшее*, *высокопреподобие* и т.д.).

с заостренными концами деревянный прибор, служащий для таковых и парусных работ; с помощью драйка, как рычага, можно *драить*, т.е. тянуть, как на брашпиле, все то, что не поддается другому способу механической тяги.

Бесспорно, подобные примечания и уточнения повышали информативность Словаря Грота. В современной лексикографии разработаны различные способы подробной лингвистической характеристики языковых единиц, в частности, применяются пометы *редк.*, *устар.*, *не рек.* и др.

Что касается целесообразности включения в толковый словарь энциклопедической информации, ее роли и места в словаре, то современный опыт создания толковых словарей свидетельствует о «полезности, а в ряде случаев о необходимости энциклопедической информации в лингвистическом по своему характеру словаре» [Крысин 2008: 119]. При этом «в большинстве случаев энциклопедическая информация выносится в отдельную зону...» [Там же: 117]. Таким образом, вводя в некоторые словарные статьи примечания и уточнения лингвистического и энциклопедического характера, Я.К. Грот, как и во многих других случаях, в известной степени предвосхитил достижения современной лексикографии.

III. Заключение

Специальная лексика в Словаре Грота получила разностороннее лингвистическое описание. Не было такой зоны словарной статьи, в которой Я.К. Грот не произвел бы какого-либо усовершенствования. Многие намеченные Я.К. Гротом в конце XIX века лексикографические решения оказались перспективными и выдержали проверку временем. В соответствии с современным состоянием русского языка и новым уровнем развития лингвистики перед авторами каждого нового толкового словаря XXI века стоит сформулированная Я.К. Гротом задача дать в руки широкому читателю «словарь, который отвечал бы потребностям образованного класса людей вообще, но к которому мог бы прибегать с пользою и литератор, и ученый». Такой общепользовательный нормативный словарь немыслим без тщательно описанных, актуальных для большинства носителей русского языка терминов различных отраслей расширяющегося и углубляющегося знания.

Литература

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 206–242.

Виноградов Д.В. Гротовские примечания в «Словаре русского языка» 1891–1895 гг. // От буквы к словарю: сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я.К. Грота/отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2013. С. 126–130.

Галаванова Г.П. «Словарь русского языка» под редакцией Я.К. Грота, т. 1 (А–Д), 1891–1895 гг. // История русской лексикографии/отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998. С. 207–239

Галаванова Г.П. Я.К. Грот как лексикограф: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Л., 1953.

Грот Я.К. Заметка о некоторых старинных технических терминах русского языка. Академика Я.К. Грота // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 10. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1873. С. LXII–LXV.

Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. Т. 2: Филологические разыскания (1852–1892)/под ред. К.Я. Грота. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1899. 943 с./URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/grot_trudy_t2_filologicheskie-razyskaniya_1899

Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.

Емельянова О.Н. О ремарках в толковых словарях//Русская речь. М., 2004. № 4. С. 74–75.

Инструкция 1953 — Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах). М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 94 с.

Инструкция 1958 — Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 88 с.

Капанадзе Л.А. Развитие разных способов наименования в области научно-технической терминологии. Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века//Рус-

ский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. С. 151–185.

Корованенко Т.А. Проблемы семантики в «Новом академическом словаре» // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 58–89.

Крысин Л.П. Место энциклопедической информации в лингвистических словарях // Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. С. 113–119.

Крысин Л.П. Термин как объект лексикографии (тезисы доклада) // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, ИРЯ РАН, 8–10 июня 2012 г.)/отв. ред. Е. Цисун, С.Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2013. С. 96–99.

Кутина Л.Л. Омонимы в толковых словарях русского языка (академическая лексикография дореволюционной поры) // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. С. 54–65.

Молотков С.Е. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. СПб.: Сатис держава, 2008. 330 с.

Новый политехнический словарь/гл. ред. А.Ю. Ишлинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 671 с.

Словарь 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1847.

Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794.

Словарь Грота — Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук/гл. ред. Я.К. Грот. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. Т. 1 (А–Д).

Словарь Евгеньевой — Словарь русского языка: в 4 т./под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Словарь Шведовой — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX века. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т./ под ред. Д.Н. Ушако-

ва. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Хуснутдинов А. А. Описание устойчивых выражений в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота (Том I, А–Д, 1895) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Иваново, 2010. Вып. 1. С. 44–54.

Цумарев А. Э. Пометы и комментарии при единицах специальной лексики в толковых словарях современного русского языка (история и современность) // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2013. С. 123–126.

Цумарев А. Э. Специальная лексика в «Словаре русского языка» под редакцией академика Я. К. Грота // Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я. К. Грота. Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи». М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 211–215.

Шелов С. Д., Лейчик В. М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 3–16.

Шелов С. Д., Цумарев А. Э. О парадигматических отношениях в терминологии: вариативность и синонимия // Язык. Культура. Речевое общение. М.: Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2013. N 2. С. 42–59.

Эзериня С. А. Терминология в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота // От буквы к словарю: сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота/отв. ред. О. А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2013. С. 75–84.

A. E. Tsumarev

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
zumarew@yandex.ru*

**“DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”
EDITED BY ACADEMICIAN YA. GROT AND
PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF
SPECIAL VOCABULARY IN EXPLANATORY DICTIONARIES**

The article compares “Dictionary of the Russian language” (1891–1895) edited by academician Ya. Grot and contemporary explanatory dictionaries of the Russian language with respect to lexicographic presentation of special vocabulary (terms and professionalisms). Many-fold description of special vocabulary in “Dictionary of the Russian language” (with a number of examples from it) is demonstrated. The article emphasizes great importance of this dictionary for Russian lexicography.

Key words: The Russian language, history of lexicography, explanatory dictionaries, special vocabulary, terminology, professionalisms, Ya. K. Grot.

References

Apresjan Ju. D. *Issledovaniia po semantike i leksikografii. T. 1. Paradigmatika* [Studies in Semantics and Lexicography. Vol. 1. Paradigmatiks]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2009. 568 p.

Danilenko V. P. *Russkaia terminologiiia. Opyt lingvisticheskogo opisaniia*. [Russian terminology. An experiment in linguistic description]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 246 p.

Emel'janova O. N. [About remarks in explanatory dictionaries]. *Russkaia rech'*, 2004, No. 4, pp. 74–75. (In Russ.).

Evgenjeva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. 4-e izd., ster.* [“A Dictionary of the Russian language” in 4 vol.; 4 edition, ster.]. Moscow: Russkii iazyk; Poligrafresursy Publ., 1999.

Ezerinia S. A. [Terminology in “Dictionary of the Russian language”

edited by academician Ya. Grot]. *Ot bukvy k slovariu: sbornik nauchnykh statei k 200-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Ya. K. Grota* [From letter to dictionary: collected articles on the occasion of the bicentennial of academician Ya. K. Grot's birth]. O. A. Starovoitova (Ed.). Saint Petersburg: Nauka Publ., 2013, pp. 75–84. (In Russ.)

Galavanova G. P. ["Dictionary of the Russian language" edited by academician Ya. Grot, vol. 1 (A–D), 1891–1895]. *Istoriia russkoi leksikografii* [A history of Russian lexicography]. F. P. Sorokoletov (Ed.). Saint Petersburg: Nauka Publ., 1998, pp. 207–239. (In Russ.)

Galavanova G. P. *Ya. K. Grot kak leksikograf*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Ya. K. Grot as a lexicographer: an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1953.

Grot Ya. K. (Ed.). *Slovar' russkogo iazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk* ["Dictionary of the Russian language", compiled by the Second Department of Imperial Academy of Sciences; edited by Ya. Grot]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1895. Vol. 1 (A–D).

Grot Ya. K. [A short article about some old technical terms of Russian]. *Sbornik otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti imperatorskoi Akademii nauk* [Collected articles of Russian language and literature Department of Imperial Academy of Sciences]. Vol. 10. Saint Petersburg: of Imperial Academy of Sciences Publ., 1873, pp. LXII–LXV. (In Russ.)

Grot Ya. K. *Trudy Ya. K. Grota. T. 2: Filologicheskie razyskaniia (1852–1892)* [Works of Ya. K. Grot. Vol. 2: Philological Studies (1852–1892)] K. Ya. Grot (Ed.). Saint Petersburg, 1899. Available at: http://elib.gnpbu.ru/text/grot_trudy_t2_filologicheskie-razyskaniya_1899

Instruktsiia dlia sostavleniia «Slovaria sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka» (v 3 tomakh) [Directions for compiling "Dictionary of contemporary Russian literary language" (in three volumes)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953. 94 p.

Instruktsiia dlia sostavleniia «Slovaria sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka» (v 15 tomakh) [Directions for compiling "Dictionary of contemporary Russian literary language" (in three volumes)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 88 p.

Ishlinsky A. Ju. (Ed.). *Novyi politekhnicheskii slovar'* [New polytechnical dictionary]. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2000. 671 p.

Kapanadze L. A. [Development of various ways of nomination in the

field of scientific and technical terminology. The functioning of scientific and technical terms in the standard language of the 20th century]. *Russkii iazyk i sovetskoe obshchestvo. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [The Russian language and the Soviet society. Vocabulary of the modern Russian standard language]. Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 151–185. (In Russ.)

Khusnutdinov A. A. [Description of idioms in «Dictionary of Russian language, edited by Ya. K. Grot (vol. I, A–D, 1895)». *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii "Gumanitarnye nauki"*, 2010, 1st issue, pp. 44–54. (In Russ.)

Korovanenko T. A. [Problems of Semantics in "New academy dictionary"]. *Ocherednye zadachi russkoi akademicheskoi leksikografii* [Immediate tasks of Russian academic lexicography]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of RAS Publ., 1995, pp. 58–89. (In Russ.)

Krysin L. P. [A term as a subject of lexicography (abstract)]. *Terminologiya i znanie. Materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva, IRIa RAN, 8–10 iyunia 2012 g.)* [Terminology and knowledge. Proceedings of the IIIrd International symposium (Moscow, RLI of RAS, June 8–10, 2012 y.). E Tsisun, S. D. Shelov (Eds.). Moscow: Vest-Konsalting Publ., 2013, pp. 96–99. (In Russ.)

Krysin L. P. [The importance of encyclopaedic knowledge in linguistic dictionaries]. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovariakh. Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [A word in present-day texts and contemporary dictionaries. Sketches on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow: Znak Publ., 2008, pp. 113–119. (In Russ.)

Kutina L. L. [Homonyms in explanatory dictionaries of the Russian language (pre-revolutionary academic lexicography)]. *Leksikograficheskii sbornik*. Vyp. 2 [Collected articles on lexicography. 2nd issue]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1957, pp. 54–65. (In Russ.)

Molotkov S. E. *Prakticheskaya entsiklopediia pravoslavnogo khristianina. Osnovy tserkovnoi zhizni* [The practical encyclopedia of the Orthodox Christian. The basics of church life]. Saint Petersburg: Satis Publ., 2008. 330 p.

Shelov S. D., Leichik V. M. [On classification of professional vocabulary]. *Izvestiia RAN. Serii literatury i iazyka*, 2012, Vol. 71, No. 2, pp. 3–16. (In Russ.)

Shelov S. D., Tsumarev A. E. [On paradigmatic relations in ter-

minology: variability and synonymy]. *Jazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie* [Language. Culture. Verbal communication]. Moscow: Moskow E. R. Dashkova Humanitarian Institut Publ., 2013, No. 2, pp. 42–59. (In Russ.)

Shvedova N. Ju. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [The explanatory dictionary of the Russian language with etymological information]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik» Publ., 2007. 1175 p.

Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 ch. [Russian Academy of Sciences Dictionary: in 6 vol.]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1789–1794.

Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazyka: v 4 t. [“A Dictionary of the Church Slavonic and the Russian language”: in 4 vol.]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1847.

Sorokin Ju. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo iazyka v 30–90 gg. XIX veka* [The development of the Russian standard vocabulary in the 30-ies–90's of the XIX century]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1965. 565 p.

Tsumarev A. E. [Special vocabulary in “Dictionary of the Russian language” edited by academician Ya. Grot]. *Russkii iazyk v kul'turno-istoricheskom izmerenii. Posviashchaetsia 200-letiiu Ya. K. Grota. Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi konferentsii «Kul'tura russkoi rechi»* [The Russian language in cultural-historical perspective. To the bicentennial of Ya. K. Grot. Proceedings of the IIIrd International conference “Linguistic Standards of the Russian language” (Moscow, RLI of RAS, November 23–25, 2012 y.)]. Moscow: Russian language Institute of RAS Publ., 2012, pp. 211–215. (In Russ.)

Tsumarev A. E. [Usage labels and comments for special vocabulary in explanatory dictionaries of contemporary Russian (history and the present)]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium. Sb. nauch. tr.* [Word and dictionary. Collected articles]. Grodno: Grodno St. Univ. Publ., 2013, pp. 123–126. (In Russ.)

Ushakova D. N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [The Russian language explanatory dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1935–1940.

Vinogradov D. V. [Grot's notes in “Dictionary of the Russian language” 1891–1895 y.]. *Ot bukvy k slovariui: sbornik nauchnykh statei*

k 200-letiju so dnia rozhdenija akademika Ya. K. Grota [From letter to dictionary: collected articles on the occasion of the bicentennial of academician Ya. K. Grot's birth]. O. A. Starovojtova (Ed.). Saint Petersburg: Nauka Publ., 2013, pp. 126–130. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [Explanatory dictionaries of the Russian language]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 206–242. (In Russ.)

С.Д. Шелов
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
 (Россия, Москва)
 volehs@mail.ru

ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ (ИЗ ИСТОРИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ)*

Описание специальной лексики научного и профессионального характера в общих филологических словарях представляет очень большие трудности, главная из которых — ее толкование. Вопросы толкования специальных слов (или отдельных специальных значений общих слов) в филологическом словаре русского языка имеют обширную библиографию. В настоящей работе мы обратимся к традиции разграничения общего (обиходного) значения слова и возникшего на его основе значения специально-терминологического, к практике отражения этих двух, вообще говоря, различных значений в общефилологических толковых словарях.

Ключевые слова: термины, профессиональная лексика, толковые словари, толкование терминов и профессиональных слов.

Слова терминологического или профессионального характера из сферы науки, техники, производства, искусства, спорта и т.д., получившие достаточное распространение в общем языке, традиционно включаются в общие толковые словари русского языка с дисциплинарно-тематическими пометами типа «лингв.», «биол.», «филос.», «спорт.» и т.п. или с обобщающей их пометой «спец.». В советское время включению и описанию лексики этого типа в филологических словарях придавалось огромное значение. Об этом, в частности, ярко свидетельствует статья члена-корреспондента АН СССР В.И. Чернышева, который, говоря о подготовительной работе к будущему изданию «Словаря современного русского литературно-

го языка в 17 томах», писал в конце тридцатых годов XX столетия: «Научная терминология, обработанная специалистами, является важным и ценным отличием нашего Словаря от всех доселе выходивших Академических словарей русского языка»; он же особо отмечал участие в этой работе академиков, членов-корреспондентов, профессоров, включая академиков В.Л. Комарова, С.И. Вавилова, В.И. Вернадского, В.Р. Вильямса, Б.Д. Грекова, И.М. Губкина, И.И. Мещанинова, А.Е. Ферсмана и др. [Чернышев 1939: 54].

В то же время известно, что описание специальной лексики научного и профессионального характера в общих филологических словарях представляет очень большие трудности, главная из которых — ее толкование, ср. точку зрения А.С. Герда «Проблема термина всегда была и остается одной из самых сложных» [Герд 2010: 39]. Вопросы толкования специальных слов (или отдельных специальных значений общих слов) в филологическом словаре русского языка имеют обширную библиографию, см., например, работы [Барсукова 2004; Войцева 1989; Гречко 1976; Комарова 1991; Крысин 2010; Кудашев 2007: 225–257; Малина 1999; Макарова 2007; Соболева 2000; Сороколетов 1957; Сороколетов 1962; Четырина 2008 и др.].

В настоящей работе мы обратимся к научной традиции разграничения общего (обиходного) значения слова и возникшего на его основе значения специально-терминологического — традиции, имеющей глубокие корни, — и представим по необходимости краткий обзор, как представляется, наиболее актуальных существующих здесь вопросов.

1. Так, еще в 1873 г., по всей вероятности, именно эту тему развивал А.А. Потебня [Потебня 1958: 19], выдвинувший противопоставление «ближайшего» и «дальнейшего значения слова». Однако высказывания А.А. Потебни были сделаны в общелингвистическом контексте, в контексте рассмотрения соотношения представления и значения и не касались каких-либо лексикографических задач. Более того, весь контекст высказываний выдающегося лингвиста не содержит ни слова «термин», ни каких-либо производных от него. Поэтому для того, чтобы верно оценить мысль выдающегося слависта, приведем достаточно пространную цитату из его работы: «Что такое “значение слова”? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (проект 11-24-01001/Bel).

до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Напр., говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова. **Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова** [Потебня 1958: 19, выделено нами. — С. III.]. И далее он же пишет: «Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга» [Потебня 1958: 19–20]. Упоминание «известного предела значения», до которого языкознание рассматривает значение слова, ссылка на ботанику как на науку, в сфере интересов которой находится формирование знаний о деревьях, — все это, полагаем, позволяет отнести ученого к числу исследователей, различавших собственно значение слова и иные ментальные конструкции (включая научное понятие), связанные со словом.

1.1. Но в качестве пионера-исследователя, который проводил важнейшее различие между языковым значением и научным понятием, стоящим за одним и тем же словом общего языка, чаще всего называют академика Л.В. Щербу. Для лексикографии считается важнейшей опубликованная впервые в 1940 г. его статья «Опыт общей теории лексикографии» [Щерба 1974: 280–281], в которой в качестве примера анализируются, с одной стороны, общезыковое, с другой стороны, научное значение слов *золотник*, *прямая*, *Иван-да-Марья*, причем именно общезыковое значение этих единиц, по мысли Л.В. Щербы, и подлежит отражению в филологических словарях. Вот что он пишет по этому поводу: «Слово *золотник* (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это *золотник*, а это нет? Поэтому в общем словаре приходится так определять слово *золотник*: ‘одна из частей паровой машины’... Я не говорю уже о тех

случаях, когда про тот или иной предмет приходится говорить, что это ‘род кустарника’ или что это ‘один из видов небольших лесных птиц’ и т. п.». И далее, вслед за этой фразой следует принципиальное общее положение: **«Во всяком случае нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами речевого общения»** [Щерба 1974: 280–281, выделено нами. — С. III.].

1.2. Следует также упомянуть важные для лексикографии ясные высказывания на эту тему С.И. Ожегова, который в начале 50-х гг. XX века писал: «В действительности не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только могут иметь место в общих словарях языка... Так, для химии одинаково важна вся терминология периодической системы элементов. Однако, с точки зрения лексического обихода общенародного языка, не следует включать даже в большой словарь такие названия элементов, как *актиний*, *радон*, *ксенон*, *гафний*, *индий* и т. п.» [Ожегов 1952: 100].

1.3. Специальные работы посвятил вопросам подачи слов терминологического и профессионального характера в общефилологическом словаре Ф.П. Сороколетов, отмечавший, что «вопрос о месте специальной терминологической лексики в общих словарях языка относится к числу сложнейших вопросов лексического состава словарей» [Сороколетов 1957: 123]. Для наших целей особенно важна статья [Сороколетов 1962], в которой автор останавливается на полноте представления значения такого слова в словаре и его адекватности задачам филологического словаря и делает обзор отечественных академических словарей, которые брали на себя решение этой задачи, — обзор, в котором автор показывает, насколько по-разному, иногда почти противоположным образом, решалась эта задача в различных филологических словарях, — начиная со словаря Академии Российской 1783–1794 гг. и кончая Толковым словарем русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (тт. 1–4, 1935–1940) и семнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка» (тт. 1–17, 1948–1965, так называемого «Большого академического словаря русского языка», далее БАС)*.

* Аналогичный обзор на более частном материале имеется в работе [Биржакова 1957].

1.3.1. Ф.П. Сороколетов согласен с принципиальными идеями Л.В. Щербы по этой проблеме, в связи с чем он пишет: «Л.В. Щерба совершенно справедливо замечает, что очень часто термины будут иметь разные значения в “общелитературном и специальных языках”, понимания под значением именно объем понятия»; согласен он и с положением Л.В. Щербы о том, что объем понятия в этом случае будет зависеть не от произвола составителя словаря, а от того, насколько общество владеет тем или иным понятием, в конечном счете — от уровня знаний общества [Сороколетов 1962: 125]. Однако автор возражает против принципиальной допустимости толкований типа «Золотник. Одна из частей паровой машины» или «род кустарников» или «один из видов небольших лесных птиц» (скажем, для слов *жимолист* или *зяблик* соответственно), которые, как отмечалось выше, допускал Л.В. Щерба. Возражения Ф.П. Сороколетова сводятся к тому, что «отличительные признаки должны наличествовать в толковании каждого специального термина. Иначе толкование теряет всякий смысл, его можно было бы с успехом заменить такой отсылкой, как: «в металлургии», «в зоологии», «в горном деле» и т.д. Очевидно, что по такому пути ни один толковый словарь общелитературного языка пойти не может. Специальные, научные, производственные и т.п. термины должны получать сжатое, но научно правильное определение... Однако, наряду с этим, надо отметить, что определения, толкования специальных значений не должны перегружаться таким подробностями, которые не входят в непосредственное значение слова, они должны включать лишь те элементы, которые указывают на основные признаки называемых словом понятий, предметов или явлений действительности» [Сороколетов 1962: 126].

1.3.2. В этой дискуссии, как представляется, схвачена самая суть проблемы толкования лексики терминологического и профессионального характера. С одной стороны, если речь идет об общеязыковом, неспециальном понятии, — понятии, существующем в общем языке, то почему бы не допустить, что в общем языке существуют понятия ‘деталь паровой машины’, ‘род кустарника’, ‘один из видов небольших лесных птиц’, которые закреплены соответствующими толкованиями за именами нарицательными *золотник*, *жимо-*

лист и *зяблик* соответственно*? С другой стороны, действительно, отсутствие видовых признаков подобных понятий не позволяет дифференцировать, разграничить данные названия от иных названий совсем **других деталей паровой машины, других родов кустарника и других видов небольших лесных птиц.** Но последнее как будто бы является очевидным недостатком толкований, в связи с чем Ф.П. Сороколетов, по всей вероятности, и полагает, что «нельзя, однако, полностью согласиться с утверждением академика Л.В. Щербы, что ... в общем словаре литературного языка можно давать определения типа: «род кустарника» (для какого-либо растения кустарника), «деталь машины» и т.п., т.е. определения, в основу которых не кладутся признаки, дающие возможность отличать одно растение от другого, одну деталь машины от другой и т.д.».

Но в том-то и состоит вся сложность антиномии общего и специального, что такую дифференциацию и разграничение делает только научное мышление, неизбежно привлекая специальные и существенные знания, которых в самом языке и, соответственно, в общем значении слова нет. С другой стороны, в общем языке значения, различные объекты (различные сущности) могут либо не разграничиваться вовсе, либо разграничиваться с помощью достаточно случайных или, по крайней мере, не самых важных и самых существенных, с точки зрения научного и профессионального знания, признаков.

Так, обращаясь к примерам толкования названий трех представителей семейства псовых в четырехтомном «Словаре русского языка» (тт. 1–4, под редакцией А.П. Евгеньевой, 4-е изд. М., 1981–1984, так называемого «Малого академического словаря русского языка», далее МАС), читаем:

ВОЛК... Хищное животное сем. псовых, обычно серой окраски, родственное собаке;

КОЙОТ ... Хищное млекопитающее сем. псовых, распространенное с западной части Северной Америки от Канады до Мексики;

ШАКАЛ... Хищное животное сем. псовых, питающееся преимущественно падалью.

* Аргумент Ф.П. Сороколетова, состоящий в том, что подобные толкования можно было бы с успехом заменить отсылками типа «в металлургии», «в зоологии», «в горном деле», нам представляется непонятным и неубедительным.

Нетрудно заметить несистемность толкований этой тематической микрогруппы лексики, когда для волка различительными признаками оказываются цвет шкуры и генетическое родство вида, для койота — регион распространения, а для шакала — характер пищи и питания*. Но можно ли утверждать, что эта явная несистемность свидетельствует о недостатках подобных толкований, если допустить, что в обыденном сознании различительные признаки этих животных связываются именно с данными признаками?

1.3.3. Чрезвычайно важными нам представляются два следующих положения автора статьи.

1.3.3.1. Существует принципиальное качественное различие между филологическими и энциклопедическими словарями и, соответственно, филологическими толкованиями и энциклопедическими определениями. Объяснения и тех, и других словарей кладут в основу определения функцию (назначение) соответствующей реалии. Но если словари первого типа останавливаются на этом, то словари второго типа, кроме того, указывают и на другие сопутствующие признаки. Применительно к названиям машин, механизмов или технических устройств к таковым относятся принцип действия, особенности устройства, тип машины, механизма или устройства, характеристики протекания рабочего процесса, что в работе Ф.П. Сороколетова иллюстрируется объяснением значения слов *золотник*, *каупер*, *кессон* в словарях различного типа, а «указания на особенности устройства какой-либо реалии зачастую ведут к явно ошибочным толкованиям термина в толковом словаре» [Сороколетов 1962: 126–130]**. В этом смысле автор допускает некоторую генерализацию значения для толкования слова терминологического или профессионального характера в филологическом словаре, ср. его высказывание: «...для неспециалиста достаточно

* Заметим, что ссылка на то, что койот относится к классу млекопитающих при наличии указания на его включенность в семейство псовых, во всех случаях излишня, поскольку всё семейство псовых относится к классу млекопитающих, ср. также в МАСе толкование:

Псовые... *Зоол.* Название семейства млекопитающих, к которому относятся собака, волк, песец, лисица и др. С этой точки зрения, толкование:

Койот ... Хищное животное сем. псовых, распространенное с западной части Северной Америки от Канады до Мексики

— явно предпочтительнее.

** В этом пункте мысли автора во многом перекликаются с точкой зрения Е.Н. Толикиной [Толикина 1976].

того, чтобы в основу определения термина *кессон* (в одном из значений) было положено назначение устройства для производства подводных работ. Это «родовое» назначение вполне достаточно для толкового словаря литературного языка. Для специальных словарей необходимо выбирать видовые признаки. Это связано также и с тем, что специалист владеет как родовыми, так и видовыми понятиями, и в энциклопедических словарях важно подчеркнуть именно новизны реалии, ибо они связаны с различиями в их устройстве, с особенностями использования и т.п.» [Сороколетов 1962: 129]. По-видимому, позиция автора заключается в том, что обобщение значения при толковании специальных слов в филологическом словаре возможно, но не в такой степени, чтобы допускать неразличение по смыслу слов общего языка. Иными словами, толкование:

Кессон 1. Непроницаемая для воды камера для подводных работ

— является и допустимым, и правильным, ибо оно не ведет к неразличению различных камер, названия которых вошли в русский язык*, а толкования, которые, по всей вероятности, допускал Л.В. Щерба:

Золотник. Одна из частей паровой машины,

Жимолость. Род кустарников,

Зяблик. Один из видов небольших лесных птиц

— являются и недопустимыми и неправильными, ибо ведут к неразличению поименованных реалий и других реалий, названия которых успешно функционируют в русском языке (ср. *глициния*, *жасмин*, *крыжовник* и т.п. и *овсянка*, *дятел* и т.п. соответственно).

1.3.3.2. В некоторых случаях различие филологического и энциклопедического толкования заключается в том, что филологический словарь идет по пути обобщений ряда значений термина в одном. Такое обобщение означает, согласно Ф.П. Сороколетову, что два или более значений термина, которые различно определяются в терминологическом или в энциклопедическом словаре, в филологиче-

* Заметим, однако, что автор не указывает случаи, когда именно таким приемом следует пользоваться и как именно лексикограф должен находить формулировку соответствующего толкования.

ском словаре сводятся в одно и толкуются как одно значение. Так, два различных технических значения слова *кессон*, которые в специальных словарях определяются как:

Кессон 1. Конструкция для возведения подводного фундамента, обеспечивающая с помощью сжатого воздуха выемку грунта насухо,

Кессон 2. Приспособление в виде открытого сверху и сбоку ящика для ремонта или осмотра подводной части судна

— в БАСе объединяются в одно и толкуются следующим образом:

КЕССОН 1. Непроницаемая для воды камера, опускаемая для производства подводных работ*.

Именно такое толкование Ф. П. Сороколетов считает адекватным задачам филологического словаря.

1.4. Рассматривая историю вопроса о толковании общей и специальной лексики в филологических словарях, необходимо упомянуть публикацию материалов совещания, проведенного Словарной комиссией Отделения литературы и языка АН СССР совместно с Институтом языка и литературы АН Латвийской ССР в Риге в октябре — ноябре 1961 г. [Проблема толкования слов 1963]. Начиная с этой работы в лексикографической литературе, разрабатывающей вопросы толкования (определения) значений общеязыковых лексических единиц, постоянно присутствуют три тесно связанных друг с другом темы: а) противопоставление энциклопедичности — филологичности толкований, б) виды и типы лексических толкований и в) толкование слов терминологического и профессионального характера. В сборнике, представляющем доклады участников этого совещания, чрезвычайно важна и показательна в этом отношении статья А. П. Евгеньевой, которую автор начинает словами: «Самое важное в составлении толковых словарей — истолкование значений слов. Собственно ради этого и составляются почти все словари» [Евгеньева 1963: 7], а далее замечает: «Проблема истолкования значения включает в себя ряд частных проблем, например, проблему

*В МАСе слово *кессон* трактуется так:

Кессон. Непроницаемая для воды большая камера, опускаемая на дно моря или реки при подводных работах.

толкования в словарях специальных слов, терминов» [Евгеньева 1963: 8]. Представляя обзор толкования слов в различных словарях с точки зрения соотношения энциклопедичности — филологичности толкований, автор останавливается также на вопросах выделения типов толкований в различных лексикографических работах. В частности, она рассматривает типологию толкований Х. Касареса [Евгеньева 1963: 18], согласно которому, среди прочих, выделяется генетический, телеологический и иные типы толкований; генетический тип толкования иллюстрируется следующими примерами:

След. Знак, оставляемый ногой на земле...

Коническая поверхность. Поверхность, образуемая движением прямой линии, одна точка которой остается неподвижной, а другая описывает окружность...*

Впрочем, сама А. П. Евгеньева в результате обзора точек зрения на типы словарных толкований предлагает весьма сжатую и неразветвленную классификацию словарных толкований, которая включает в себя **описательный тип определения**, «который применяется для предлогов, союзов, частиц, междометий и значительной части местоимений. Характерным признаком его является указание на функцию толкуемого слова, наличие в определении слов: “служит для...”, “употребляется...”, “выражает...” и т. д.», а также два типа толкований «для слов с номинативной функцией: а) толкование значения, раскрывающее соотношение между словом и предметом, явлением (и т. д.) реальной действительности или между словом и понятием; б) определение на основе производственных связей, представляющее собой грамматическую характеристику данного слова с отсылкой к слову того же корня (или той же основы), уже получившему определение в словаре» [Евгеньева 1963: 18–20].

Описательный тип толкования, по А. П. Евгеньевой, применяется для неноминативных слов типа *бах*, *а* и др. Особо отметим здесь крайне неудачное терминологическое положение, при котором, согласно «Инструкции для составления “Словаря современного русского литературного языка” (в пятнадцати томах)» [Инструкция, 1958] (следует обратить внимание на дату публикации — 1958 г.),

* Как нам представляется, эти типы вполне укладываются в рамки традиционных родовидовых определений.

термин **описательные толкования** подразумевают **толкования полнозначных слов**, а в рассматриваемой статье А.П. Евгеньевой 1963 г. тот же самый термин подразумевает как раз **толкования неполнозначных слов** («предлогов, союзов, частиц, междометий и значительной части местоимений»), для семантической характеристики которых используются номинации типа «служит для...», «употребляется...», «выражает...» и т. д.

Другие два типа толкования относятся к полнозначным номинациям слов. Первый из этих типов ранее, в «Инструкции для составления “Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)” [Инструкция 1953], по-видимому, получает название **краткой характеристики**, а в Инструкции 1958 г., как отмечалось, также терминологически крайне неудачно называется **описательным толкованием** (впрочем, с нашей точки зрения, обычно они иллюстрируются традиционными родовидовыми определениями [Шелов 2003: 88–151; Шелов 2008]). Касаясь именно этих толкований, А.П. Евгеньева подчеркивает: «Самым трудным и наиболее ответственным в работе лексикографа над толкованием значений продолжает оставаться толкование, раскрывающее соотношение между словом и предметом, явлением и т.д. реальной действительности или между словом и представлением, потому что толкования этого типа осложняются внутриязыковыми связями (синонимическими, антонимическими, стилистическими), которые необходимо принимать во внимание и отражать в толковании» [Евгеньева 1963: 20].

Второй тип определений, согласно А.П. Евгеньевой, «на основе производственных связей» ранее в Инструкции 1958 г. получает название соотносительных, отсылочных толкований; здесь же тот же автор пишет: «По традиции, начало которой следует отнести еще к XVIII веку, во всех наших словарях особенно тщательно разработаны различные виды определений на основе словопроизводных отношений» [Евгеньева 1963: 20].

1.5. Вопросами толкования специальной лексики в их прикладном, лексикографическом аспекте занималась также Е.Н. Толикина, положения которой перекликаются с точкой зрения Ф.П. Сороколетова. Так, в работе [Толикина 1977: 54] она спрашивает: «Можно ли считать, что в словах общего языка (*железо, медь, золото* и др.), которые одновременно являются и терминами, все привнесенные из разных специальных областей признаки в комплексе с содержи-

ем, давно известным общему языку, составляют одно обозначаемое и, следовательно, могут толковаться как единое значение?». И далее автор повторяет тот же вопрос применительно к другому лексическому материалу: «Аналогичного подхода требуют и определения словообозначений растений и животных. ...Ботаническая классификация (*сложноцветные, звездчатые*) не предполагает оценки растений как сорных или культурных. Она исходит из биологических свойств и отражает объективную точку зрения природы. Культура земледелия вносит поправки. А какую позицию должен занять словарь?» [Толикина 1977: 54]. Интересно, что, хотя в работе Е.Н. Толикиной ответа на поставленный ею же вопрос нет, на самом деле этот ответ, как мы видим, уже был дан. С теоретической точки зрения необходимость описания и представления в филологическом словаре именно «наивного», а не специального научного понятия, стоящего за словом-термином, обосновывается, в частности, в упомянутых работах А.А. Потебни, Л.В. Щербы, С.И. Ожегова, Ф.П. Сороколетова, позднее — в монографии [Апресян 1974: 56–60].

1.6. С практической, лексикографической точки зрения она получает обоснование в уже вышедших к тому времени томах БАСа, в упомянутых выше инструкциях по составлению БАСа и МАСа, в статьях, опубликованных по иронии судьбы в том же сборнике, что и статья Е.Н. Толикиной [Гречко 1977; Паламарчук 1977]. Так, В.А. Гречко в статье, содержащейся в том же сборнике, подчеркивает: «...наблюдения показывают, что **закрепление термина в общем языке обуславливается общенародной практикой, интересами народа, его нуждами и т.п., а не важностью термина в определенной терминосистеме, его положением в логической иерархии**» [Гречко 1977: 94, выделено нами. — *С.Ш.*]. В дальнейшем эта точка зрения получает все большее признание, ср. исследования [Правдин 1983; Войцева 1989; Герд 1995: 26–27; Малина 1999; Соболева 2000], ср. также работы более позднего времени [Шелов 2003: 5–29; Барсукова 2004; Макарова 2007; Кудашев 2007: 225–257; Четырина 2008; Крысин 2010]*.

* В терминоведении иногда разграничение, близкое к дихотомии бытовых и научных понятий, проводится между понятиями и представлениями, и тогда понятия **определяются**, а представления поясняются **другими приемами** — сравнением, описанием, характеристикой и т.п. [Самбукова 2000]; мы, однако, не будем здесь на этом специально останавливаться.

2. Подведем теперь некоторые итоги рассмотрения вопроса о толковании специальной лексики терминологического и профессионального характера в филологических словарях русского языка.

2.1. Преобладает мнение о том, что толкование специальных слов должно раскрывать не научное узкопрофессиональное понятие (что характеризует терминологические словари и энциклопедии), но понятие, характеризующее компетенцию среднего носителя русского языка.

2.2. Часть терминологии и профессиональной лексики, которая стала достоянием общего употребления в русском литературном языке, представлена отдельными словами и словосочетаниями и требует от филологического словаря выявления и передачи только того ее (детерминологизированного) содержания, которое стало общенародным достоянием. Эта специальная лексика требует, чтобы ее понимание (вообще говоря, не совпадающее со строго научным и профессиональным ее пониманием) было выражено словами и конструкциями общего языка и не содержало сведений вне языковых знаний среднего по образовательному уровню носителя языка и, с этой точки зрения, лишних. Часть понятийного содержания термина, которая находится в компетенции специалистов и только специалистов, в соответствии с современными представлениями, в филологическом словаре не должна быть представлена.

Насколько позволяет судить рассмотренный материал имеющихся филологических словарей русского языка, а также теория вопроса в научных публикациях, толкование специальной лексики не предполагает каких-то особых, характерных только для нее разновидностей, и единственной ее особенностью является согласование ее толкования с толкованием специального научного понятия в авторитетных терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях, хотя процедура такого согласования в настоящее время не вполне ясна.

2.3. Приемы перехода от терминологического определения сугубо научного или профессионального понятия к толкованию общего понятия, — понятия, который средний носитель связывает с тем же по форме словом или словосочетанием, в известных нам инструктивных материалах по созданию филологических словарей не приводятся и не упоминаются.

2.4. В научной литературе приемы подобного перехода обсуждаются и к ним относятся: обобщение (генерализация) специально-го (т. е. возможность упоминания только ближайшего — или даже неближайшего — родового понятия без упоминания видовых признаков этого понятия) и обобщения (генерализации) полисемии (т. е. сведение двух и более специальных значений в одно и выработка для него одного толкования). Однако эти приемы построения толкований специальной лексики не стали общепринятыми приемами, используемыми в толковании специальной лексики, включаемой в словарь и, насколько нам известно, не были реализованы в экспериментальном порядке в каком-либо филологическом словаре.

2.5. В целом, насколько позволяет судить исследованный материал, в настоящее время отсутствует сколько-нибудь убедительная концепция и вытекающие из нее принципы толкования терминологической и профессиональной лексики в общефилологическом словаре. Отсутствие убедительного решения вопросов толкований специальной лексики, отсутствие процедуры согласования авторитетных толкований терминологической и профессиональной лексики в терминологических словарях и толкований той же по форме лексики в филологических словарях отрицательно сказывается на практике создания филологических словарей, вызывая непоследовательность словника, несистемность словаря, наличие сомнительных или неверных толкований и т. п.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

Барсукова Е. А. Научный термин в общем и терминологическом толковых словарях русского и английского языков (на материале медицинской и компьютерной терминологий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2004. 24 с.

Биржакова Е. Э. Об определении в толковом словаре слов, обозначающих животных // Лексикографический сборник. Вып. I. М., 1957. С. 74–80.

Войцева Е. А. Процессы детерминологизации в русском языке: семантико-стилистическая характеристика существительных сфе-

ры искусства, военной и конфессиональной областей (на материале письменности XVIII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989. 16 с.

Герд А. С. Большой академический словарь русского языка: на половине пути // Проблемы лексической семантики: Тез. докл. на межд. конф. «Девятые Шмелевские чтения». М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2010. С. 38–39.

Герд А. С. К концепции нового академического словаря. Отбор слов в словарь // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 24–30.

Гречко В. А. Терминологическая лексика в академических словарях // Современная русская лексикография. 1976. Л.: Наука, 1977. С. 91–100.

Евгеньева А. П. Определения в толковых словарях // Проблема толкования слов с филологических словарях. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963. С. 7–21.

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)» /общ. ред. С. Г. Бархударова и А. П. Евгеньевой. М.: Институт языкознания, 1953. 94 с.

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 86 с.

Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.

Крысин Л. П. Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях // Терминология и знание. Мат-лы II Международного симпозиума/отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. С. 54–62.

Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Univ. of Helsinki, Dep. of transl. studies, 2007. 443 с.

Макарова А. А. Детерминализация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 24 с.

Малина З. М. Терминологические фразеологизмы и их презентация в словарях русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 17 с.

Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.

Паламарчук Е. А. Терминологическая лексика в общезыковом (филологическом) словаре // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 250–257.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: В 2-х тт. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

Правдин М. Н. Словарное толкование, наглядность и здравый смысл // Лингвистическая семантика и логика: Сб. науч. трудов. М.: Ун-т дружбы народов, 1983. С. 28–48.

Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963. 156 с.

Самбунова Г. Г. Круг идей проблемы определений понятий как теоретических аспектов научной терминологии // Научно-техническая терминология. 2000. Вып. 2. С. 104–114.

Соболева В. Ю. Функционально маркированная специальная лексика в словаре и тексте: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000. 22 с.

Сороколетов Ф. П. О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка // Лексикографический сборник. Вып. I. М., 1957. С. 121–134.

Сороколетов Ф. П. Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексикографический сборник. Вып. V. М., 1962. С. 125–131.

Толикина Е. Н. Термин в толковом словаре (к проблеме определения) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 45–57.

Чернышев В. И. Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. № 2. С. 50–55.

Четырина А. М. Лексикографическое представление фрагмента языковой картины мира: религиозная лексика в «Словаре церковнославянского и русского языка»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 20 с.

Шелов С. Д. К методике родовидового анализа терминологических определений // Актуальные проблемы современной лингвистики: Межвуз. сб. ст. по материалам конференции. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. С. 278–282.

Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 280 с.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1971. С. 265–304.

S. D. Shelov

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
voleh@mail.ru*

TERMINOLOGICAL AND PROFESSIONAL WORDS IN AN EXPLANATORY DICTIONARY: PROBLEMS OF INTER- PRETATION AND DEFINITION

Describing special terminological and professional words in explanatory dictionaries seems a rather profoundly researched topic in lexicography. Still some questions on the subject are very far from being consistently solved. Defining and explaining professional and terminological words is one of the most arduous tasks while compiling a general dictionary of any highly developed language. This contribution is an attempt to formulate and to discuss the most vivid questions of interpretation and definition of terminological and professional words in a general dictionary.

Key words: terms, professional words, explanatory dictionaries, defining and explaining terms and professional words.

References

Apresian Ju.D. *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka*. [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 367 p.

Barsukova E.A. *Nauchnyj termin v obshchem i terminologicheskome tolkovykh slovariakh russkogo i anglijskogo iazykov (na materiale med-*

itsinskoj i komp'iuternoj terminologii): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The scientific term in general and terminological dictionary of the Russian and English language: The evidence of medical and computer terminology: an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 24 p.

Birzhakova E. E. [On defining words denoting animals in an explanatory dictionary]. *Leksikograficheskii sbornik. Vyp. I*. [Lexicography miscellany. Issue 1]. 1957, No. 1, pp. 74–80. (In Russ.)

Chernyshev V.I. [Principles of constructing an academic dictionary of the Russian modern standard language]. *Russkij jazyk v shkole*, 1939, No. 2, pp. 50–55. (In Russ.)

Chetyrina A. M. *Leksikograficheskoe predstavlenie fragmenta iazykovoj kartiny mira: religioznaia leksika v "slovarie tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka"*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Lexicographic implementation of a fragment of the language picture of the world: religious vocabulary in the "Dictionary of the Church Slavonic and of the Russian language": an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2008. 20 p.

Evgenieva A. P. [Definitions in explanatory dictionaries]. *Problema tolkovaniia slov v filologicheskikh slovariakh* [The problem of defining words in philological dictionaries]. Riga, 1963, pp. 7–21. (In Russ.)

Gerd A. S. [Complete Academic dictionary of the Russian language: On half the way]. *Problemy leksicheskoi semantiki. Tez. dokl. na mezhd. konf. "Deviatye shmelevskie chteniia"* [Problems of lexical semantics: Abstracts of reports at the Int. conf. "The Ninth Shmelevski reading"]. Moscow, 2010, pp. 39–39. (In Russ.)

Gerd A. S. [Towards the concept of a new academic vocabulary. Selecting words to be described in the dictionary]. *Ocherednye zadachi russkoj akademicheskoi leksikografii* [Ongoing tasks of the Russian academic lexicography]. Saint Petersburg, 1995, pp. 24–30. (In Russ.)

Grechko V.A. [Terminological lexicon in the academic dictionaries]. *Sovremennaiia russkaia leksikografiia* [Modern Russian lexicography. 1976]. Leningrad, 1977, pp. 91–100. (In Russ.)

Instruktsiia dlia sostavleniia "Slovaria sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka (v trekh tomakh)" [Instructions for compiling "Dictionary of the modern Russian literary language (in three volumes)"]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953. 94 p.

Instruktsiia dlia sostavleniia "Slovaria sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka (v piatnadsati tomakh)" [Instructions for compiling

“Dictionary of the modern Russian standard language” (in fifteen volumes)]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 86 p.

Komarova Z.I. *Semanticheskaja struktura spetsialnogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie* [Semantic structure of a special word and its lexicographic description]. Sverdlovsk: Urals. University Press, 1991. 156 p.

Krysin L.P. [Terminological lexicon in modern language dictionaries]. *Terminologija i znanie. Materialy II mezhdunarodnogo simpoziuma* [Terminology and knowledge: Papers of the IInd International Symposium] S.D. Shelov (Ed.). Moscow, 2010, pp. 54–62 (In Russ)

Kudashev I.S. *Proektirovanie perevodcheskich slovaroj specialnoj leksiki* [Designing specialized translation dictionaries]. Helsinki: Univ. of Helsinki Publ., 2007. 443 p.

Makarova A.A. *Determinologizatsija edinitz iazyka ekonomiki i biznesa v sovremennom russkom iazyke*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Determinologization of language units in the modern Russian language of economy and business: an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 24 p.

Malina Z.M. *Terminologicheskie frazeologizmy i ikh prezentatsija v slovariakh russkogo iazyka*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Terminological idiomatic collocations and their description in Russian language dictionaries: an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 17 p.

Ozhegov S.I. [On three types of Russian language explanatory dictionaries]. *Voprosy jazykoznanija*, 1952, No. 2, pp. 85–103 (In Russ.)

Palamarchuk E.A. [Terminological lexicon in a general (philological) dictionary]. *Problematika opredelenij terminov v slovariakh raznykh tipov* [Problems of term definitions in dictionaries of different types]. Leningrad, 1976, pp. 250–257. (In Russ)

Potebnia A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the notes on Russian grammar]. In 2 vol. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 536 p.

Pravdin M.N. [Verbal explanation, obviousness and common sense]. *Lingvisticheskaja semantika i logika. Sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic semantics and logic. Collection of scientific papers]. Moscow, 1983, pp. 28–48. (In Russ.)

Problema tolkovaniia slov v filologicheskikh slovariakh [The problem of defining words in philological dictionaries]. Riga: Academy of Sciences of the Latvian SSR Publ., 1963. 156 p.

Samburova G.G. [The range of ideas concerning the problem of notion definition as a theoretical aspect of scientific terminology]. *Nauchno-tehnicheskaja terminologija*, 2000, No. 2, pp. 104–114. (In Russ.)

Scherba L.V. [An attempt at a general theory of lexicography]. Scherba L.V. *Jazykovaia sistema i rechevaia deiatelnost* [Language system and speech activities]. Leningrad, 1971, pp. 265–304. (In Russ.)

Shelov S.D. [Towards a method of analyzing generic term definitions]. *Aktualnye problemy sovremennoj lingvistiki. Mezhevuzovskij sbornik statej* [Urgent problems of modern linguistics: Interuniversity collection of papers]. Perm, 2008, pp. 278–282. (In Russ.)

Shelov S.D. *Termin. Terminologichnost. Terminologicheskie opredelenija* [Term. ‘Termness’. Term definitions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg St. Univ. Publ., 2003. 280 p.

Soboleva V.Ju. *Funktsionalno markirovannaja spetsialnaja leksika v slovare i tekste*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Functionally marked special lexicon in the dictionary and in the text: an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2000. 22 p.

Sorokoletov F.P. [On the position of the production terminology in the explanatory dictionary of the Russian language]. *Leksikograficheskij sbornik. Vyp. 1* [Lexicography miscellany]. No. 1. 1957, pp. 121–134. (In Russ.)

Sorokoletov F.P. [Semantic description of terms in dictionaries]. *Leksikograficheskij sbornik*. [Lexicography miscellany]. Iss. 5, 1962, pp. 125–131. (In Russ.)

Tolikina E.N. [The term in an explanatory dictionary (Towards the problem of term definition)]. *Problematika opredelenii terminov v slovariakh raznykh tipov* [Problems of term definitions in different dictionaries]. Leningrad, 1976, pp. 45–57. (In Russ.)

Vojtseva E.A. *Protsessy determinologizatsii v russkom iazyke: semantiko-stilisticheskaja kharakteristika sushestvitelnykh sfery iskusstva, voennoj i konfessionalnoj oblastej (na materiale pismennosti XVI–XX vv.)*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Determinologization processes in the Russian language: semantic and stylistic description of nouns in the sphere of art and in the military and religious areas (with respect to the written sources of the XVIIIth — XXth centuries): an abstract of cand. philol. sci. diss.]. Odessa, 1989. 16 p.

Для заметок

Для заметок

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА**

Выпуск 1

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка — *Марина Кива*
Дизайн обложки — *Дарья Павлова*

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Подписано в печать 26.06.2014 г.
Формат 60X84/16. Гарнитура Times
Бумага офсетная
Тираж 250 экземпляров

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73